

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ESLI

5' 2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI.

ЛЕОНИД КАГАНОВ МАЙОР БОГДАМИР СПАСАЕТ ДЕНЬГИ

ПОЛ МЕЛКОУ
ДЖОН КЕССЕЛ
КЕЙДЖ БЕЙКЕР
ТОМ ПАРДОМ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН:
КУВЫРОК
СОЗНАНИЯ

Дорогие читатели!

Мы предлагаем Вам

самый выгодный

вариант подписки –

издательский

Стоимость одного номера
с доставкой

всего **50** рублей

полугодовая
подписка

всего **300** рублей

Не надо бегать
в поисках журнала по лоткам и киоскам.
Вы получите журнал по специальной цене
и без всяких хлопот

Более подробно о подписке и подписных квитанциях
смотрите на двух последних страницах журнала

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ЩЕКOTOVA.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэрь».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечатать», ДМ Пресс.
Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail:marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

35 Пол МЕЛКОУ
ДЕТИ СИНГУЛЯРНОСТИ

«Единица — вздор, единица — ноль...» Голос агитатора, горлана сквозь годы услышан за океаном, правда, осмыслена эта идея совершенно иначе.

215 Леонид КАГАНОВ
МАЙОР БОГДАМИР
СПАСАЕТ ДЕНЬГИ

Всего два месяца прошло с того дня, когда Хома Брут спас Солнце. Но в фантастической вселенной время движется иначе, и курсант за это время успел стать майором.

3 Кейдж БЕЙКЕР
ЛОВУШКА

...расставлена секретными службами для беглого агента со сверхвозможностями. Однако ловцы не учли одного обстоятельства.

109 Роберт Дж. ХАУ
ПОДРУГА ЭНТРОПИИ

Герой на своем веку перебил столько посуды и других ценных вещей, что вполне заслужил звание кузнеца собственного несчастья.

143 Джон КЕССЕЛ
ЭТО ВСЁ ПРАВДА

Да не оскудеет земля талантами... Если, конечно, по мере необходимости нырять за ними в прошлое.

179 Том ПАРДОМ
БАНКИР В БЕГАХ

«Чего не сделаешь ради денег!» — говорил дядюшка Скрудж, готовясь к очередному подвигу.

165 **Марина и Сергей ДЯЧЕНКО**
**«МЫ ПРИДУМЫВАЛИ
САРАКШАНСКИЙ ЯЗЫК...»**

Загадка: кто взрывает башни и дома, но не террорист? Правильно — Каммерер.

170 **Дмитрий КАРАВАЕВ**
**«ГОСПОДА, ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ
ИНСЦЕНИРОВКА!»**

Мистификации свойственны любому виду искусства. Но в кинематографе они здорово бьют по нервам. И хуже того — имеют особое название, которое и не выговорить.

168 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Такого в современном российском кино еще не снимали...

269 **Евгений ЛУКИН**
КРИЗИС НОМЕР ДВА

Революционная ситуация — это когда авторы по-старому не могут, а читатели не хотят.

283 **Андрей СИНИЦЫН**
ПОХОЖЕ, НАЙДЕТСЯ ЗДЕСЬ ДЕСЯТЬ

Ровно 30 лет назад вышел роман «Сторож брату моему», положивший начало самому знаменитому сериалу отечественной НФ. Критик настоятельно рекомендует прочесть новую книгу из цикла.

276 **РЕЦЕНЗИИ**

У читателя выбор есть всегда — в отличие от рецензентов.

296 **КУРСОР**

Московские конвенты объединяются и бьют рекорды.

285 **Вл. ГАКОВ**
ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЧНОСТИ

Представьте себе: автор известен всего одной книгой, однако тем и идей в этом небольшом томике другим хватило на десятилетия.

293 **ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ**

На этот раз итоги нашего ежегодного опроса поклонников жанра мы подводим на месяц раньше. Однако на «расстановке сил» в фантастическом цехе это не сказалось.

300 **ПЕРСОНАЛИИ**

Новичок сегодня только один: остальные гости — номинанты и лауреаты самых престижных премий.

К Е Й Д Ж Б Е Й К Е Р

ЛОВУШКА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Э тот амбар стоит на холме в пустынной местности самого захолустного сельскохозяйственного штата, неясно мерцая в раскаленном от летней жары воздухе. Старый амбар, пустующий долгое время, сколоченный из широких досок, покрашенных серебристой краской, которая давно уже поблекла. Вокруг него нет ничего примечательного, одни лишь желтые холмы да обломки красных скал.

Давным-давно кто-то украсил амбар живописной фреской. И на широкой тусклой стене еще хорошо видны красочные оазисы, то с фрагментами трибун, забитых ликующими болельщиками, то с кусками изумрудно-зеленого бейсбольного поля и спортсменов. Но центральная фигура принимающего игрока, исполненная в примитивно-героическом стиле, сохранилась целиком: он взлетает к небу в стремительном прыжке с высоко воздетой рукой в кожаной перчатке. Нарисованные глаза героя широко распахнуты, они лучатся восторженным счастьем, а летящий мяч, исторгая для наглядности жирные черные линии силы, устремляется в его победоносную перчатку по изумительно целенаправленной траектории.

Над головой героического игрока написано очень крупными буквами: **БОЖЕ, КАКОЙ ЗАХВАТ!**

А пониже и помельче разъясняется: 1951 — Золотой год!

Старое, петляющее змеей шоссе проходит непосредственно под амбаром, и когда-то бейсбольная фреска наставительно просвещала бесконечные кавалькады «де-сото», «паккардов» и «олдсмобилей». Но теперь эта дорога заброшена, она бела, как невинность, она опустела, сквозь ее трещины дружно рвутся к солнцу побегии чертополоха. Новая бетонная автострада разрезает лежащую внизу равнину напрямик.

По бетонке то и дело мчатся восемнадцатиколесные трейлеры с оборудованием для буровых. Грохочут, как локомотивы, режут моторами, и только эти звуки нарушают огромную безразмерную тишину. Одинокий ястреб кружит над равниной совершенно бесшумно. Тополь местной разновидности, растущие по берегам пересохшего до осенних дождей ручья, тоже молчаливы, не услышишь ни шелеста, ни скрипа. Хрупкие деревца, но они все же отбрасывают легкую сероватую тень. И мужчины, терпеливо томящиеся от жары в духоте престарелого «жука-фольксвагена», от всей души им за это благодарны.

Более всего эти двое похожи на копов в штатском, ведущих наблюдение под прикрытием. Однако это не так. Не вполне.

— И какого черта мы тут сидим? — нарушает тишину молодой брюнет, разворачивая очередной шоколадный батончик. — Ты мне

расскажешь в конце концов или как?.. — лениво интересуется он и откусывает сразу половину батончика.

Имя этого молодого красавца — Клит, а того, что выглядит постарше, зовут Порфирио.

Старший неторопливо меняет позу и бросает на младшего косой неодобрительный взгляд. Ему ужасно не нравится, когда напарник злоупотребляет стимулянтom во время задания. Тем не менее он просто пожимает плечами, заново проверяет свое оружие и еще раз пробует устроиться поудобней на продавленном сиденьи тесного «фольксвагена».

— Видишь вон там, наверху? — говорит наконец Порфирио, указывая сквозь пыльное ветровое стекло на амбар и заброшенную дорогу. — 30 июня 1958 года на том месте случилась катастрофа с семейством из пяти человек. «Плимут-купе» 1946 года выпуска, водитель потерял управление, машина вылетела за край дороги. Прокувыркалась по склону холма семьдесят метров и врезалась вон в те каменные бугры... Бензобак взорвался. Сразу.

Пятеро погибших, — повторяет Порфирио после секундной паузы. — Мистер и миссис Вильям Росс из Визалии, Калифорния. Были опознаны по их зубным карточкам. Трое малолетних детей. У детишек зубных карточек не оказалось. И никаких близких родственников или знакомых, которые смогли бы опознать останки...

Информация о катастрофе появилась в прессе, — продолжает он. — Несколько заметок в разделах происшествий. И две статьи, в местной газете и одной из крупных калифорнийских. Похоронили их в общей могиле под одним надгробным камнем на кладбище в Визалии... И это все, если не считать тех закопченных красных камней. Единственное материальное свидетельство, которое до сих пор сохранилось.

— Что ж, понятно, — кивает его напарник с задумчивым видом. — И ни одного очевидца поблизости, я угадал?

— Ты прав.

— Значит, что у нас получается? — вслух размышляет Клит. — Несчастный случай на пустой дороге, совсем без свидетелей, и когда дорожный патруль или кто-нибудь еще натолкнулся на место катастрофы... Все было уже кончено, так?

— Именно так.

— И тела обгорели настолько, что все семейство уместилось в одной стандартной могиле? — Клит ухмыляется, чрезвычайно довольный собой. — Ну что же, учитывая печальное состояние судебной медицины в 1958-м... А что если в машине сгорели не пять человек, а

четыре? Может, кто-то из ребятишек вывалился, пока они падали с холма? И если мы предположим, что некто в Будущем Времени станет специально изучать исторические записи в поисках таких инцидентов, когда дети пропадают без следа... Ведь этот случай тоже *может* привлечь его внимание, верно?

— Так могло случиться, — соглашается Порфирио.

— И тогда Компания решает послать в это место и нужное время оперативников, чтобы выяснить, не выжил ли какой-нибудь ребенок... и в случае удачи изъять свой трофей, — заключает Клит. — О'кей, это наша стандартная процедура! Итак, Компания забрала одного из ребятишек живым, и он стал оперативником? Отлично. Замечательно. Так какого же черта мы тут сидим?!

Порфирио глубоко вздыхает, созерцая амбар на холме.

— Видишь ли, — сообщает он Клите, — этот мальчик не стал оперативником. Он стал проблемой. Большой занозой в заднице Компании.

1958-й. Бобби Росс — типичный американский мальчик десяти лет от роду, он обожает бейсбол, и кино про ковбоев, и гонять на своем велике до упаду. Все типичные американские мальчишки страшно скучают во время долгих нудных поездок, и Бобби тоже было невероятно скучно. Он уже долго томился на заднем сиденьи «плимута», высунув голову из окна, когда ему внезапно прыгнула прямо в глаза аляповато-яркая бейсбольная фреска на широкой стене посеребренного амбара.

— Ух ты! — завопил Бобби Росс дурным от восторга голосом и молниеносно высунулся по пояс, чтобы получше ее разглядеть, и старые теннисные тапочки Бобби внезапно заскользили.

— Господи Иисусе! — дурным от ужаса голосом вскричала его мать, бросаясь всем телом через спинку своего переднего кресла назад, чтобы поймать за штаны ускользающего сына. Но при этом она сильно толкнула под руку отца Бобби, который громко выкрикнул очень дурное слово, и машина резко вильнула.

Бобби на секундочку ощутил, что его ухватили за штанину, но материнская рука сразу же соскользнула и вцепилась в его теннисную тапочку, а эта тапочка с необыкновенной легкостью сама соскочила с его ноги. И Бобби вылетел из «плимута-купе» как раз в тот самый момент, когда машина перескочила через ограждение дороги и начала стремительное семидесятиметровое кувыркание по склону желтого холма.

После этого момента мысли Бобби пришли в беспорядок и смешались. Но он помнил, что очень долго стоял на краю шоссе, поддер-

живая переломанную руку второй, и глазел на яркий, веселый костер, поlyingающий у подножья холма. Было очень душно и жарко, он хорошо помнил это, и асфальт под его босой ногой без тапочки был горяч как огонь, а Бобби все равно никак не мог сдвинуться с места.

Разум его заиклился, навязчивые мысли побежали по кругу.

«Я поранился, мне очень плохо, — думал он, — поэтому мне надо срочно бежать домой, к папе и маме, и пусть они первым делом накричат на меня, но потом отвезут к доктору Верту, где сперва придется поскучать в прохладной зеленоватой приемной, пахнувшей спиртовыми примочками, и там всегда лежат скучные комиксы для малышей, — думал он, — но потом доктор Верт позовет меня к себе и вылечит!..»

Да, но я не смогу попасть к доктору Верту, поскольку...

Да, но мне плохо, надо срочно бежать к папе и маме...

Да, но ведь я не могу это сделать, потому что...

Да, но я сильно поранился, и поэтому...»

И так все крутилось и крутилось в бедной голове Бобби Росса до тех пор, пока за ним не явились инопланетяне.

Они были в красивых серебряных комбинезонах, все время улыбались ему и сказали: «Привет тебе, о земной мальчик! Мы пришли, чтобы спасти тебя и забрать с собою на Марс!».

Но выглядели они точь-в-точь как самые обычные люди, и у Бобби сложилось странное впечатление, что инопланетяне чем-то смущены и чувствуют себя не в своей тарелке.

Впрочем, космический корабль оказался все-таки настоящим — что правда, то правда. Они внесли туда Бобби на носилках, и космический доктор хорошенько поработал над его сломанной рукой, а потом они дали ему попить очень вкусной космической содовой.

И Бобби даже не заметил, когда корабль оторвался от холма, ровно за минуту до того, как из-за поворота шоссе появился разъезд конной полиции. Позже, когда он решил поглазеть в иллюминатор, то увидел под собой закругляющийся край Земли.

Вот так Бобби Росс был навеки изъят из земной истории. С прецизионной точностью, как тот бейсбольный мяч, стремящийся прямиком в перчатку принимающего игрока на фреске.

Правда, инопланетяне не сдержали главного своего обещания. Точнее сказать, не вполне. Они не доставили Бобби на Марс, это оказалось какое-то пустынное место в Австралии. Впрочем, по сути это ничего не меняло, поскольку...

Поскольку вместо того чтобы осенью отправиться в пятый класс, а потом перейти в среднюю школу, и заглядываться на девочек, и вы-

играть бейсбольную студенческую стипендию в одном из престижных университетов, и получить воинскую повестку, и оказаться разорванным на куски во Вьетнаме... Вместо всего этого и многого другого Бобби Росс просто стал бессмертным.

— Ну и что? — строптиво усмехается Клит. — То же самое произошло с каждым из нас. Или так, или эдак, какая разница? Разве что прежде я никогда не слышал, чтобы Компания забирала десятилеток.

— Правильно, не слышал, — говорит Порфирио, не отрывая глаз от амбара. Не глядя, он протягивает руку к пластиковому ящику на заднем сиденье «жука», шарит в полурастаявшей ледяной каше и извлекает на Божий свет бутылку содовой. — Так какой же ты можешь сделать из этого вывод... партнер?

Клит обдумывает поставленный перед ним вопрос.

— Ну что ж, — говорит он в конце концов. — Все мы знаем, что десятилетний ребенок не годится на роль бессмертного. Он уже слишком стар в смысле ДНК, чтобы процесс иммортализации сработал нормально. Ходят слухи... ты ведь и сам слышал?.. что когда Компания только-только начала с этим самым делом, первые эксперименты без серьезных проблем не...

Внезапно Клит замирает, а затем резко поворачивается к Порфирию, который открыто встречает его испытующий взгляд. Но молчит, аккуратно свинчивая крышечку с бутылки содовой.

— Этот парень... Черт меня забери! — прорывает Клита. — Как раз из первых экспериментов, так, я угадал? Это верно? Тогда еще не вполне разобрались в процессе и... ЧТО?! Что произошло? Они сделали *очень серьезную* ошибку?..

В случае Бобби Росса Компания совершила несколько очень серьезных ошибок. И первая из них, основополагающая, состояла в том, что Бобби действительно был слишком стар для бессмертия.

Если бы его двухлетняя сестренка Пэтти и даже пятилетний братик Джимми смогли выжить во время кувыркания с холма вплоть до красных камней, Компания сумела бы забрать их перед самым взрывом бензобака. И процесс иммортализации, даже в таком еще грубом и несовершенном виде, прошел бы у этих малышей, скорее всего, без сучка и задоринки. Однако все они ехали в «плимуте» 1946 года выпуска, а в 1946-м ремней безопасности пока еще не изобрели, так что Компания смогла получить только десятилетнего Бобби.

Вторая и очень грубая ошибка Компании заключалась в том, что за Бобби Россом послали оперативников под видом настоящих инопланетян.

А между тем этот мальчик совсем не любил фантастику. И если к летающим тарелкам Бобби был просто равнодушен, то жукоглазые монстры вызывали у него активное отвращение. А любил он от всей души только лишь ковбоев и бейсбол. Если бы оперативники прискакали к нему на мустангах и сказали Бобби, ухмыляясь и подмигивая: «Привет, парень!», мальчик наверняка был бы очарован прямо на месте катастрофы, как это заранее, собственно, и предполагалось.

Однако все произошло совсем не так. И когда Бобби Росса доставили в секретную лабораторию посреди каменисто-красного и слишком жаркого псевдомарсианского пейзажа, он успел не только почти оправиться от шока, но и разозлиться не на шутку. И его закипающий гнев вполне закономерно распространился с фальшивых инопланетян на поддельный Марс и дурацкие медицинские опыты.

Третьей, очень серьезной ошибкой оказался выбор наставника для Бобби Росса. Правда, Компания лишь совсем недавно занялась им-мортализацией (насколько это было известно ее акционерам), так что множество очень важных вещей, имеющих непосредственное отношение к очень юным бессмертным, ей еще только предстояло узнать.

Например, что ни один смертный не способен правильно воспитать бессмертное дитя. Только другой бессмертный, притом с изрядным жизненным опытом, может корректно преподать такому ребенку идею вечной жизни. Не говоря уж о строжайшей дисциплине и абсолютно необходимой психотехнике.

К сожалению, когда из Бобби решили сделать бессмертного, никаких других бессмертных в природе еще не существовало (то есть удавшихся экземпляров). Поэтому не стоит чересчур винить Компанию — по крайней мере за эту ошибку. И если профессор Билл Ривердейл в итоге оказался самым неудачным выбором из всех ее сотрудников, которым можно было бы доверить Бобби Росса... ну что ж, гораздо худшие ошибки совершаются буквально каждый Божий день, когда дело касается несовершеннолетних. И в особенности официальными лицами, которые отвечают за их благополучие.

В конце концов, профессор Ривердейл был хороший, добрый человек. Это правда, что он был романтически очарован идиллией типично американского веснушчатого детства почти до патологии, но сам профессор, разумеется, так совсем не думал. И уж конечно, даже не помышлял о чем-то неподобающем, о нет.

Все, чего он хотел, усаживаясь на край больничной койки Бобби,

это помочь бедному ребенку поскорее пережить трагедию. Так что профессор начал с легкой увлекательной беседы. Он рассказал Бобби о замечательных ученых из Далекого Будущего, которые уже раскрыли секрет Путешествий По Всем Временам, и как теперь они работают над тем, чтобы подарить всем людям Настоящее Бессмертие...

И Бобби — о счастливый, счастливый мальчик! — был избран, чтобы помочь этим замечательным ученым, и теперь он никогда не отправится в сиротский приют, а будет трансформирован... он станет... почти что Супергероем!!! А ведь это заветная мечта каждого американского мальчика, разве не так?! И у него будет Суперсила, и будет Суперинтеллект, а поскольку Бобби теперь будет жить вечно, то со временем непременно побывает на самом настоящем Марсе!

(...Если эксперимент сработает. Но профессор Ривердейл — или профессор Билл, как он просил его называть, — не сказал этого Бобби Россу. На сей раз профессор был твердо уверен в грядущем успехе благодаря массе новой существенной информации, полученной во время предыдущей попытки.)

И далее профессор Билл с колоссальным энтузиазмом стал рассказывать, как прекрасно Светлое Будущее и как счастлив будет Бобби, когда туда попадет. Просто замечательное место — так он слышал! Люди живут на Луне, и на Марсе тоже, и проблемы с бедностью и болезнями уже почти разрешены, и... Да-да, очень трудно поверить, но все-таки... **ТАМ СОВСЕМ НЕТ КОММУНИСТОВ!!!** Ну а мальчики все как один катаются на красивых велосипедах по тенистым улицам, и спускаются по рекам на самодельных плотках, и отправляются в скаутские лесные походы, и мечтают о полетах к далеким-далеким звездам...

Но Бобби продолжал неподвижно лежать пластом, молчаливый и безучастный, и профессор Билл, наконец заметив это, поспешил закруглить свою вдохновенную рапсодию. Вздохнув, он пришел к очевидному выводу, что мальчик остро нуждается в психотерапии, дабы преодолеть вполне понятное чувство вины, связанное с тем прискорбным фактом, что по глупой шалости Бобби погубил своих любящих родителей, а также брата и сестру.

И это еще одна, глубочайшая ошибка! Потому что Бобби Росс, будучи абсолютно нормальным американским десятилетним мальчиком, имел ничуть не большее представление об угрызениях совести, чем Пиноккио до встречи с говорящим Сверчком. Ему и в голову не пришло, что именно он послужил причиной трагической катастрофы. Но когда профессор Билл мягко и деликатно указал своему подопечному на данный факт, Бобби внезапно разразился неистовыми слезами.

Словом, бедному, уже немолодому профессору Биллу пришлось

изрядно потрудиться, помогая несчастному ребенку так или иначе укрощать свою боль. Как душевную, так и телесную, сопряженную с процессом трансформации Бобби в бессмертного. Этой телесной боли оказалось намного, а точнее сказать, во много раз больше, чем кто-либо из ученых медиков сумел заранее предположить. Невзирая на новую и крайне полезную информацию, извлеченную в процессе предыдущей попытки.

Профессор Билл досконально изучил каждую фразу в досье Бобби Росса, обращая пристальное внимание даже на пустячные детали. Он старательно просмотрел метр за метром абсолютно все видеоматериалы, отснятые оперативниками, которые изъяли Бобби из истории. И уж конечно, он никак не мог не обратить внимания на амбар с примитивной бейсбольной фреской.

Слезы навернулись на глаза сентиментального профессора, когда он вдруг сообразил, что эта аляповатая фреска с фигурой героического игрока — последнее впечатление Бобби перед самой катастрофой...

Финальное счастливое воспоминание.

Последний золотой момент его невинности.

— И что же сделал профессор Билл? — интересуется Клит, в свою очередь, запуская руку в ледяную жижу. — Нет, постой! Не говори, не надо, я уже догадался. Он использовал изображение амбара как терапевтический объект для мальчика, верно? Объект, на котором ты должен сфокусироваться, когда боль становится нестерпимой. И тогда ты легко убежишь от боли в счастливое место, хотя только в своей голове. Что-то вроде аварийного клапана, так?

— Ты прав. Именно так он и поступил.

— Тут осталась только мускатная шипучка. Хочешь?

— Нет, спасибо.

— Значит, ты считаешь, — начинает рассуждать Клит, — что идея насчет амбара и этой фрески была неудачной? Но почему? Я и сам, как помню, часто делал ментальные упражнения вроде этого, когда учился в школе на Базе.

— Это была очень плохая идея, — говорит Порфирио, упорно разглядывая амбар. — Потому что этот чертов профессор никакого понятия не имел, что он делает на самом деле.

Амбар на холме неясно колыхается в раскаленном воздухе, но Порфирио не отводит от него глаз.

Другие врачи, которые имели дело с Бобби Россом, тоже ни черта не понимали, что они делают. Правда, они догадались, как усилить

ординарный интеллект до блестящего, и уже знали из прошлого опыта, как обеспечить для тела Бобби несокрушимый костяк. И конечно, они проделали огромную работу, терпеливо убеждая его тело, что оно никогда-никогда не умрет, а еще они обучили иммунную систему Бобби отражать любые атаки вирусов и бактерий.

Однако самое главное Компании все еще было неизвестно: что ДНК здорового десятилетнего человечка уже необратимо портится и слишком сильно подвержена ошибкам при копировании, чтобы процесс иммортализации мог увенчаться полным успехом. А Бобби Росс был как раз типичный здоровый американский мальчик, который заполучил свои веснушки, бегая полуголым под жестким летним ультрафиолетом, он галлонами поглощал приторную шипучку с химическими красителями, вдыхал табачный дым от отцовских «Лаки Страйк» и регулярно охотился за головастиками в ручье, мирно протекающем мимо бумажной фабрики.

И вот наконец настал тот кульминационный момент, когда медики Компании ввели в организм Бобби Росса миллионы юрких наноботов. Этим наноботам вменялось постоянно поддерживать опекаемый организм в идеальном состоянии, такова была их работа. К сожалению, ученые тогда еще не знали, что наноботам следует программно задать образец для копирования. Так что те сразу прицепились к первой попавшейся спирали ДНК и присвоили ей статус образца всего, чем организму Бобби необходимо стать. К несчастью, первая попавшаяся спираль ДНК оказалась дефектной, но наноботы, вполне понятно, этого не знали.

Бобби Росс вырос в секретной лаборатории. И пока он рос и мучал, абсолютно всем окружающим стало до боли очевидно, что текущая версия процесса иммортализации неприемлема и отчаянно нуждается в усовершенствовании и доработке. А пока бурно возникали то прыщи, то свищи, или быстротечный рак кожи, или костные деформации и тому подобное, не говоря уже о шишковидной железе, выдававшей свою продукцию исключительно спорадически.

Но все же иногда, после долгих месяцев мучений, химический баланс организма Бобби чудесным образом приближался к норме самостоятельно. Боли в суставах внезапно улетучивались, кожа очищалась и разглаживалась, все железы внутренней секреции принимались работать как электронные часы...

Или же нет.

Профессор был ужасно, ужасно огорчен, поскольку он обожал Бобби. Проводя часы у его больничного одра в периоды самых болезненных обострений, профессор, не жалея сил, старался вовлечь обо-

жаемого воспитанника в приятные и терапевтически утешительные беседы о золотом времечке в приснопамятном 1951 году.

Тем более что теперь 1951-й и впрямь казался подлинным Золотым Годом. Земная история дотащила до 1964-го, милый мальчик Бобби стал угрюмым подростком Робертом, и весь мир, оправдывая давнишние опасения профессора Билла, совершенно обезумел и неуклонно катился под откос. Профессор и сам был непрочь сбежать назад в 1951-й, только не мог, зато он частенько отправлял туда Роберта Росса.

Он всегда посылал Роберта в тот же самый, прекраснейший из всех, летний день. В тот солнечный полдень, когда Хэнк Бауэр вдруг невероятно высоко вознесся над изумрудным полем — и мяч со звонким поцелуем страстно шлепнулся в объятия его кожаной перчатки — и все забитые болельщиками трибуны в буквальном смысле сошли с ума!!! Но все это происходило, вполне понятно, не в Прошлом Времени, а только у Роберта в голове, при помощи гипноза.

Никто из топ-менеджеров Компании никогда формально не заявил, что Роберту Россу так и не удалось завершить процесс иммортализации. Он на самом деле стал бессмертным, в том не было никаких сомнений. Но столь же очевиден был и тот ужасно прискорбный факт, что бессмертный Роберт никогда не станет безупречным супер-агентом, вопреки надеждам Компании. Так что на его содержание в секретной лаборатории с каждым годом отпускалось все меньше и меньше средств.

Как поступает Компания с неудавшимися экспериментальными особями? Вопрос сугубо риторический. Кто знает, что могло бы случиться с Робертом, если бы прекраснодушный профессор Билл не взял его под свое попечительное крыло?

Профессор забрал Роберта к себе, в свою личную квартиру на Базе, и сам фундаментально продолжил его образование. И это доказывает, что профессор Билл действительно был очень хороший человек и не имел никакого побочного интереса любого сорта к своему юному воспитаннику.

Потому что Бобби — стройный, светловолосый, с персиковым загаром и солнечными конопушками на носу — ушел навсегда, а вместо него постепенно сформировался Роберт. И в результате получилось морщинистое, сутулое, кривобокое, все испещренное рубцами и шрамами существо, и пучки слишком жестких и темных волос норовили пробиться в самых неподходящих местах его тощего тела.

Профессор Билл постарался возместить внешние недостатки Роберта, подарив ему богатую внутреннюю жизнь. Он пустился с ним в

увлекательное плавание по могучей абстрактной реке чисел и символов, освещаемой холодными блистающими звездами теорий. И вскоре профессор уже швырял своему способному ученику одну за другой разнообразные физические проблемы (все компактные, но увесистые, словно бейсбольные мячи) и обмирал от гордости и восторга, когда Роберт мастерски отбивал каждый его бросок за пределы поля разума смертных ученых.

Профессор Билл еще никогда не был так счастлив, он снова ощущал себя молодым.

Словом, он вложил в бессмертного подростка абсолютно все, что сам знал и умел. И когда профессор вполне удостоверился, что Роберт заблестал в темных небесах темпоральной физики с ошеломительной яркостью суперновой, которую никто не смог бы предсказать, он поведал эту феноменальную новость своему непосредственному начальству. И топ-менеджеры Компании чрезвычайно порадовались такому известию, когда оно до них дошло. Теперь можно было заставить Роберта отработать все истраченные на него деньги, огромную сумму, на что давно уже не рассчитывал ее Совет директоров. Так Роберт Росс стал наемным работником, и ему даже выплачивали скромную стипендию за удовольствие разбираться с темпоральными уравнениями во славу Компании во веки веков.

— Значит, единственная проблема заключалась в том, что он был психопатом? — пытается угадать Клит. — И он внезапно впал в берсеркизм, прикончил бедного доброго старика Ривердейла и смылся в голубую даль без следа?

— Он был эмоционально нестабилен, — признает Порфирио. — Вовсе не удивительно, если учесть все, что он вытерпел. Но профессора он и пальцем не тронул, хотя и сбежал. То есть ушел, если уж говорить точно. Прошел насквозь через солидную стену на глазах у самого профессора Ривердейла и еще пятнадцати свидетелей. Это произошло в аудитории, где он читал свою факультативную лекцию по расширенной теории темпоральных парадоксов. И он как раз дошел до парадоксов нетривиального вида, когда внезапно замолчал, улыбнулся и аккуратно положил на место мелок. А затем преспокойно прошел прямо через доску с уравнениями. И его, конечно, не оказалось с обратной стороны стены, когда очевидцы ворвались в соседнюю комнату.

— Черт возьми, — завистливо говорит глубоко впечатленный Клит. — А вот мы с тобой так не умеем.

— Никто из нас не умеет, — уточняет Порфирио, пристально гля-

дываясь в амбар. Внезапно он весь подбирается, заметив промелькнувшую на стене амбара тень... но это всего лишь тень ястреба, упорно кружащего над равниной, и Порфирио мигом расслабляется.

Клит тарасит на напарника круглые глаза, и вид у него довольно озабоченный.

— Ты только что бросил мне гранату! — произносит он с удивленным упреком.

(Это рабочий слэнг агентов Службы безопасности Компании. «Поймать гранату» означает против собственной воли вляпаться в секреты такого сорта, что теперь твоя собственная безопасность под большим вопросом.)

— Ты хотел знать, — отвечает Порфирио. И равнодушно пожимает плечами.

Поиски Роберта Росса продолжались годами, по всей сложно связанной системе различных времен, где Компания регулярно занималась своей таинственной деятельностью.

Операция-1964 была организована смертными сотрудниками, как принято говорить, по горячим следам, и закончилась вполне предсказуемым отсутствием любых полезных результатов. Когда возмущения от бурной каузальной волны наконец поутихли и рябь времен разгладилась, смертные хозяева Компании во главе с доктором Зевсом распорядились (из штаб-квартиры в XXIV столетии) передать проблему Росса в руки бессмертных агентов.

То есть, конкретно говоря, Службе безопасности. Что до всех прочих бессмертных, от старших хранителей до младших фацилитаторов... Им Компания не могла позволить иметь даже легкое подозрение, что она способна совершить такую ошибку, как Роберт Росс. Разумеется, это изрядно затруднило его поиски, но секретность всегда имеет цену, которую необходимо заплатить.

Все старшее руководство сошлось на том, что Роберт Росс, будучи гением в темпоральной физике, каким-то образом ухитрился скрыться во Времени. И пускай Время по определению безгранично, но беглеца все-таки можно отыскать. Оперативники, допущенные к обсуждению проблемы, убежденно высказались в том смысле, что иголка, брошенная в стог сена, рано или поздно прилипнет к одному из упрянтанных в нем магнитов. Если таковые, конечно, в этом стогу имеются. Но существуют ли вообще магниты, которые могли бы притянуть к себе Роберта Росса? Вот в чем вопрос.

— Бейсбол! — хрипло каркнул профессор Ривердейл, когда Тваштар, шеф Службы безопасности, самолично пришел в приют для пре-

старелых переговорить с ним. — Бобби просто обожал бейсбол! Да что там, он прямо сейчас, в этот самый момент, сидит на каком-нибудь бейсбольном матче, я уверен! А если у мальчика сейчас ремиссия, то наверняка и сам играет. В любительской команде из какого-то маленького городка. Вы еще вспомните мои слова...

И профессор дрожащими руками торопливо извлек из кармана халата бейсбольный мяч и торжественно продемонстрировал его Тваштару на воздетых хрупких ладонях, сложенных лодочкой. Словно это хрустальный шар, магический кристалл, безошибочно прорицающий будущее.

— Бобби и я, мы часто играли этим мячом, молодой человек. И я хочу сказать вам... Взгляните на это *лицо*, из него вышли все наши американские мечты и надежды! Милый Бобби... он был летний мальчик... и отдал бы все на свете, чтобы хоть раз сыграть в настоящий профессиональный бейсбол... Потому что это символ, молодой человек! Символ всего доброго, и прекрасного, и всего американского! Символ самой Америки!

Тваштар вежливо кивнул, удивляясь, почему все смертные в этом XX столетии просто априори убеждены в том, что Компанией управляют американцы. И почему они принимают за аксиому, что в несложной спортивной игре с палками и мячом кроется глубокое мистическое значение? В конце концов Тваштар поблагодарил профессора Ривердейла за ценную информацию и с облегчением покинул 1970-й.

А затем продумал и организовал невероятно скрупулезное прочесывание Времени, ориентированное на бейсбол и все прочее, связанное с этой игрой.

— И без всякой пользы, — мудро заключает Клит. — Это очевидно.

— Толку действительно не было, — соглашается Порфирио. — А ведь это самая крупномасштабная поисковая операция, которую когда-либо предпринимала Компания! По сегодняшний день... Ты хотя бы примерно представляешь, сколько работы нам пришлось тогда проделать?

Да, воистину дьявольскую прорву работы... Оперативникам предстояло проверить каждого малоизвестного (и потому подозрительно) игрока младшей лиги, когда и где тот бы ни жил, а еще в их программе значились толпы никому не известных мальчуганов на побегушках, подносивших игрокам биты и мячи, а также все постоянные

и временные уборщики всех бейсбольных стадионов Америки и весь прочий их персонал, не говоря уж о легионах бездомных бродяг, лишенных даже собственного имени, которые дрыхли под трибунами с 1845 по 1965 год.

Но и это было еще далеко не все! Разве кто-нибудь на самом деле мог с уверенностью поручиться, что Роберт Росс не покинул территорию Соединенных Штатов? Ведь существуют и другие бейсбольные лиги — мексиканская, кубинская и японская, которые также следовало хорошенько прочесать. Порфирио в ту пору сидел резидентом в Калифорнии и принял личное участие в прочесывании времен Великой Депрессии, начиная от Стоктона и вплоть до Сан-Диего. Однако ни разу, пусть даже на миг и самым краешком глаза, не заметил Роберта Росса, как и все остальные оперативники.

Наконец старшее руководство вынуждено было признать, что профессор Ривердейл в действительности не имел ни малейшего понятия, что на самом деле творилось в мозгах его подопечного. А поскольку с того самого дня, когда юный увечный гений смылся через доску с темпоральными уравнениями, его более никогда, нигде и никто ни разу не видел, Компания решила потихоньку свернуть расследование и закрыть дело.

Словом, Роберт Росс с таким же успехом мог бы вообще не существовать. Или погибнуть в автокатастрофе вместе со своим смертным семейством. О мальчишке Бобби напоминали кардинально усовершенствованный процесс иммортализации и новые правила вербовки детшек в оперативники, но больше ничего.

Компания никогда не подтверждала то и дело возникающие слухи о том, что из ее биологических лабораторий вышел по крайней мере один дефективный бессмертный.

— Значит, так? Вот так просто? Спокойненько списали дело в архив... и все?! — упорно домогается Клит. — И этот парень продолжает гулять себе по всем временам, где захочется, без всякой помощи трансцендентной камеры? Ты это точно знаешь? Ты уверен?

— А ты сам как думаешь? — невозмутимо говорит Порфирио.

Клит бормочет себе под нос непристойное словцо. Затем сует руку в бумажный пакет с продуктами, извлекает жестянку с картофельными чипсами, ловко вскрывает, в изумительном темпе пожирает несколько горстей и залпом запивает чипсы мускатной шипучкой. А уж потом отвечает на вопрос:

— Ну, по всей очевидности... Они все-таки не закрыли это дело, иначе мы тут сейчас не сидели бы. Логично? А может, они снова на-

чали расследование, если случилось что-нибудь эдакое... Нет, не говори! Я догадался. Новый след, ниточка, наводка?

Порфирио утвердительно кивает.

1951-й. В тот период Порфирио был резидентом Компании с постоянным местожительством в Лос-Анджелесе.

Субботнее утро в спокойном уютном пригороде, небольшие аккуратные дома рядами вдоль тенистых улиц, перед каждым из них ухоженная лужайка. Почти в каждом доме на большом ковре в гостиной расположилась ребягня, кто-то читал комиксы, кто-то слушал детскую радиопередачу с Дядюшкой Биллом. Идиллические картинки, освещенные длинными низкими утренними лучами сквозь легкие застекленные двери.

Однако в одном или двух домах пригорода дети сидели в гостиной с задернутыми занавесками, уставившись на деревянный шкафчик. Этот шкафчик показывал им маленькие и не очень четкие изображения на круглом экранчике стеклянной трубки. Поскольку Будущее (частично, по крайней мере) уже добралось до 1951-го.

Порфирио расположился в комнате для завтраков с чашкой черного кофе и спортивными страницами из «Таймс», «Геральд Экспресс», «Экземинар» и «Ситизен Ньюс». Он сканировал эти страницы, имея в уме некий определенный профиль, специфическую конфигурацию отличительных признаков. В основном Порфирио делал это чисто по привычке, так как дело было давно закрыто. Но будучи бессмертным, он имел в распоряжении прорву времени на собственные прихоти. Сверх того, он в полной мере обладал инстинктами хошего, добросовестного копа и полицейской ищейки в придачу.

Но помимо охотничьего у Порфирио были и другие природные инстинкты, гораздо глубже укоренные, так что он моментально насторожился при подозрительном переполохе в гостиной, хотя и совсем негромком. Нахмурившись, он оторвался от газеты, и тут же в комнату влетела заплаканная трехлетняя Изабель в ночной рубашечке.

— Что случилось, mi hija?..

— Мария плохая! — прорыдало дитя, тыча пальчиком в сторону гостиной. — Там... страшный урод в тививизоре!

Порфирио призывно распахнул объятия, и малышка поспешила прильнуть к его груди.

— Мария! — воззвал он, повысив голос. — Ты зачем пугаешь сестренку?

— Она просто дурочка, — с нетерпеливой досадой откликнулся детский голосок.

Порфирио вздохнул, взял Изабель на руки и вошел с ней в гостиную. Малышка взвизгнула и уткнулась ему в плечо, не желая даже взглянуть на телевизор. Однако шестилетняя Мария глазела на экранчик, будто загипнотизированная. Она сидела на кушетке, перед ней на кофейном столике стояли две нетронутые мисочки с овсяными хлопьями, которые быстро размокали в теплом молоке.

Насупив брови, Порфирио поглядел сверху вниз на свою пра-пра-пра- и еще несколько раз правнучатую племянницу.

— Никогда не называй дурочкой свою младшую сестру, тебе понятно, детка?.. И вообще, что здесь происходит? Я прекрасно слышал какую-то крысиную возню.

— Ненормальная она, боится гнома Она! — отрапортовала Мария. — Она хотела, чтобы я выключила передачу! А этот гном совсем не страшный, и я хочу посмотреть на него!

— По-моему, вам полагалось смотреть мультики про цирк? — заметил Порфирио, бросив беглый взгляд на экран.

— У-гу, но только мистер Шпрех... Шпрех-штал-мей-стер... Он совсем не такой интересный, — горячо возразила Мария. — Эта передача лучше, ты только посмотри!

Порфирио взглянул еще раз.

И поспешно уселся на кушетку рядом с Марией, пристально впеврившись в экран. Изабель принялась энергично брыкаться в руках Порфирио, издавая тихие, постукивающие звуки, пока он машинально не выудил из кармана рубашки палочку жевательной резинки и тем уболаготворил малышку.

— Кто это? — наконец спросил Порфирио у Марии.

— Это удивительный гном Он, — с важностью объяснила она. — Разве не забавный?

— Конечно, — рассеянно пробормотал Порфирио, продолжая наблюдать. — Кушай свою кашку, дорогая...

И так они сидели рядышком, вдвоем таращась в телевизор. Мария ела кашку не глядя и густо закапала молоком всю свою пижамку, а задом и кушетку, но не обратила на это ни малейшего внимания. Как и Порфирио, впрочем, который ничего вокруг себя не замечал, поскольку оторвать глаза от экрана оказалось решительно невозможно.

Маленький сморщенный человечек слонялся туда-сюда перед камерой, громко распевая какую-то ерунду сверхъестественно высоким фальцетом. То и дело человечек вдруг спохватывался с притворным испугом и застывал в карикатурной позе, чтобы лихорадочно обшарить свой неопишимо нелепый мешковатый наряд. И наконец извлекал из внутреннего кармана что-то совершенно непредсказуемое —

связку сосисок, например. Или гроздь бананов. Полугаллонную бутылку молока. Концертную виолончель в комплекте со смычком. Воздушный змей, криво склеенный из шепочек и бумаги, с мочальным хвостом и мотком тонкой бечевки.

Каждое свое открытие человек приветствовал пантомимой глубочайшего изумления и оглушительным воплем: «Вааааа-ууу!». Он притворялся, что скармливает сосиски невидимой собаке... и они исчезали из его рук, будто и вправду съеденные. Он неумело хватал смычок... и внезапно исполнял на виолончели несколько виртуозных тактов. Воздушный змей он непринужденно подвесил в воздухе и начал неуклюже танцевать... а змей вальсировал вместе с ним совсем как живой. Бесконечные ругады человека никак не желали складываться в мелодию, а его дурацкие «ям-пам-пам» и «тру-ля-ля» никогда не переходили в осмысленные слова — только в очередное «вааааа-ууу», когда он опять притворялся, что вдруг совершил непредвиденное открытие.

Все больше и больше случайных предметов являлось на Божий свет из загадочных глубин широченного пальто, присоединяясь к растущей на полу куче. Шестнадцатая гроздь бананов, женский портняжный манекен, живая овца на собачьем поводке, старый граммофон с огромным рупором, чучело пингвина, свежий букет цветов, полный комплект блистающих рыцарских доспехов...

И наконец эта куча выросла выше самого человека! И тогда он обернулся, посмотрел прямо в камеру с кривоватой улыбкой и весело подмигнул своим зрителям.

В тот же миг красный свет вспыхнул на дне глазных яблочек Порфирио, и в его зрительном поле мгновенно появились очень подробные цифровые характеристики изображения, в том числе статистические проценты совпадений при сравнении с заданным эталоном. Эти цифры почти сразу погасли, но Порфирио уже и так знал истину.

Человек тем временем вернулся к огромной куче, покачал головой и принялся деловито разбирать ее. Вещь за вещь, он запихивал их обратно в свое пальто, одну за другой, одну за другой.

— Дядя Фрио?.. — неуверенным голоском произнесла Мария. — Ты видишь это? Куда он их деваает?! Эти вещи не могут там у него поместиться... Никак!

— Детка, это всего-навсего цирковые фокусы, — мягко сказал Порфирио, бросая внимательный взгляд на девочку (глаза расширены, кулачки сжались так, что побелели костяшки). — Из-за фокусов волноваться совсем не стоит. Но может, это клоун пугает тебя, mi hija? Давай его выключим, хорошо?

— Я не боюсь его! Он просто... просто очень *странный*.

— Ты молодец, Мария, но твоя младшая сестренка боится, — сказал Порфирио, вставая и переключая программу. И тут из супружеской спальни наконец появился Гектор в пижаме, шурясь и моргая на яркий свет, будто филин.

— Папочка! — немедленно пожаловалась Мария. — Дядя Фрио не позволяет мне смотреть гнома Она!

— Что-что? Ах, этот ужасный клоун... — Гектор сморщил нос и картинно закатил глаза. — Детка, ты и сама знаешь, что после него тебе снятся кошмары. Ведь правда?

— Мне надо немного прогуляться, — сказал Порфирио, вручая Изабель ее отцу.

— Как, ты жил вместе со смертными? — изумляется Клит. — И что это были за люди?

— До того, как я стал бессмертным, у меня был брат, — нехотя говорит Порфирио. — И я присматриваю за его потомками, время от времени навещаю. Все это никак не связано с нашим делом, тебе понятно?.. Просто я жил у них, когда по случайности вычислил Роберта Росса. Так уж вышло. Мы долго искали его в среде игроков и любителей бейсбола, а он, как оказалось, работал клоуном... Под псевдонимом Удивительный Гномон.

— Я знаю, что такое гномон. Такой специальный шпенек на солнечном циферблате, который показывает время, отбрасывая тень, — сообщает Клит со значением в голосе. И ухмыляется, весьма довольный собой. — Гномон, циферблат, время... Что дальше? Темпоральная физика! Этот парень не смог устоять против искушения подбросить нам ключик, верно?

Порфирио неопределенно пожимает плечами и молчит. Клит доедает свои картофельные чипсы, а потом, перевернув жестянку, вытряхивает раскрошенные остатки на ладонь.

— Я думаю, — начинает рассуждать он, покончив с чипсами, — когда его программировали на «счастливое место», то фиксация произошла вовсе не на бейсболе. И я думаю, что это был год, исторический год, правильно? Золотой 1951-й! И может быть, он просто вынужден был постоянно возвращаться туда, как маньяк?

Порфирио никак не реагирует на эти слова.

— Ну и чем же все это закончилось? — интересуется Клит с ноткой жадного предвкушения в голосе.

Но ничего еще не закончилось, во всяком случае, не тогда. Порфирио первым делом запросил у Компании подкрепление, ибо посту-

пить иначе было бы фатальным кретинизмом. Словом, к тому моменту, когда он показал на проходной телестудии полицейский жетон Лос-Анджелеса, Удивительный Гномон уже давно закончил свою часть программы и ушел.

Менеджер канала мало что сумел рассказать Порфирио про странного фокусника. Ему платят чеками, которые отсылают на адрес арендованного почтового ящика. У него нет и прежде не было агента. Никто понятия не имеет, где он живет. Он просто появляется на студии каждую третью субботу и пробивает свою табельную карточку вовремя, как часы. И он всегда работает только в закрытом павильоне, но это довольно обычное дело для сценических магов и фокусников.

— И кроме того, — добавил после паузы смертный, слегка содрогнувшись. — Этот Гномон никогда не стирает свой проклятый сценический костюм! Просто надевает и идет под софиты, и тут же начинает *вонять*... Уж поверь мне, приятель, все мы каждый раз просто ждем не дождемся, когда он закончит со своими фокусами! Оператор, который постоянно работает с этим парнем, вынужден забивать в ноздри тампоны, чтобы вытерпеть его вблизи... Каково это, по-твоему? Но зато — талант! Какой артист, какое шоу!

След по запаху крайне воодушевил Порфирио, хотя довел его в итоге лишь до ячейки в камере хранения автобусной станции. Из ячейки был извлечен пресловутый сценический костюм: старое, изрядно вытертое пальто балахонистого покроя, клетчатые штаны мешком и клоунские башмаки — все невыносимо грязное и вонючее. Никаких потайных карманов или двойной подкладки, где можно было бы что-нибудь спрятать. И никакого намека на то, где обретается владелец этих вещей...

Но к этому часу Компания уже успела мобилизовать всех оказавшихся под рукой безопасников и перебросила их в 1951-й на Западное побережье Штатов. Словом, не прошло слишком много времени до того, как эта сборная команда успешно выследила Роберта Росса.

И теперь осталось только сообразить, а что же, дьявол его заберет, делать дальше.

У Клита снова озабоченное выражение на лице.

— О черт, а я никогда не задумывался об этом... В самом деле, как арестовать *одного из нас*?

Порфирио испускает низкое горловое рычание. Однако гнев его направлен не на Клита, а на некое высокопоставленное лицо, которое придумало усадить Клита ему на шею.

— Значит, ты готов поймать вторую гранату, малыш? — с ехидной усмешкой спрашивает он.

И мгновенно, не дожидаясь ответа, выбрасывает вперед — ладонью вверх — напряженную правую руку (откидываясь при этом назад, чтобы не задеть ветровое стекло «фольксвагена»), делает неуловимое движение кистью (как Человек-паук, выбрасывающий липкую нить), и Клит успевает ухватить взглядом блестящее острие, молнией вылетающее из рукава Порфирио, и — хоп! — укол в стекло (укус королевской кобры?), и...

И все, Порфирио спокойно сидит в расслабленной позе.

На ветровом стекле бледно-розовая капелюшка.

— Будь я проклят! — с невольным восхищением восклицает глубоко впечатленный Клит, одновременно испытывая весьма неудобное чувство, поскольку у него-то нет такого оружия. Он прикидывает, нервно прочищая горло, как бы лучше спросить про розовую жидкость, не показавшись перепуганным молокососом. В школе на Базе их всех постоянно заверяли, что оперативники иммунны к любому яду.

— Это не яд, — говорит Порфирио, без труда читая мысли напарника, — а дериват теобромин*. И если я сейчас кольну тебя, к примеру, в ногу... Ты просто уснешь и будешь дрыхнуть без задних ног двенадцать часов, вот и все.

— О! Нормально, — поспешно откликается Клит. Хотя чего уж может быть нормального в том, что центральная часть фундамента привычного для тебя мира только что рухнула и рассыпается в прах.

— Ты можешь добавить капелюшку этой жидкости в напиток другого оперативника, — терпеливо объясняет Порфирио. — Или сделать инъекцию с помощью вживленного устройства, как я показал. Но уколоть его издали, как дикого зверя, ты никак не можешь, вот в чем проблема. Каждый из нас шутя поймает дротик в воздухе на лету... И получается, что ты должен быть рядом с ним. Только так! Лицом к лицу, рука об руку, понятно? Слушай внимательно, малыш: тебе придется придумать для него западню. Заманить в ловушку.

Роберт Росс сидел в западне. И похоже, что он сам ее для себя выбрал.

Как выяснилось, он поселился в Голливуде, в старом жилом доме

* Теобромин — алкалоид, присутствующий в бобах какао и, соответственно, в шоколаде. Близок к кодеину, который, в свою очередь, является производным морфина, а морфин извлекают из опионого мака. (Прим. перев.)

гостиничного типа поблизости от Франклин-авеню. Здание было сложено из массивных каменных блоков и торчало на холме, как древний мегалит. Роберт снимал комнатку в подвальном этаже с одним крошечным окошком, которое выходило наружу ниже уровня уличного тротуара. Возможно, из этого окошка и можно было в течение часа или двух видеть солнечный свет в летний период, но для этого желающему пришлось бы залезать на стул. А заодно и хорошенько вымыть стекла.

Первый заместитель начальника штаба Операции-1951 изучил информацию, поступившую к нему от разведчиков, и в изумлении покачал головой. Если оперативнику, действующему в крупном городе, требуется безопасное место, он обыкновенно выбирает непрочную каркасную постройку, и притом густо заселенную мертвыми, что чрезвычайно полезно. В Лос-Анджелесе на текущий момент существовало никак не менее сотни дешевых мебелишечек, которые могли послужить вполне надежным укрытием для Роберта Росса, так как идеально соответствовали этим двум существенным критериям.

Самое последнее, что пришло бы в голову любому разумному бессмертному, так это устроить себе тайное лежбище в подсобной камерке нежилого подвального этажа цельнокаменного здания с заглубленным в гранитный массив фундаментом. Крошечное оконце, из которого не выбраться? Хлипкая дверь, которая не остановит других бессмертных? Стены полуметровой толщины из каменных блоков, которые вручную ничем не прошибешь?!

Обдумав все эти факты, которые совершенно не лезли ни в какие ворота, первый заместитель решил, что Роберт Росс на самом деле *хочет*, чтобы его поймали. Это предположение, по крайней мере, объясняло, почему он живет в таком неподходящем месте и так безрассудно афиширует себя по телевизору. Роберт, скорее всего, в глубине души ожидает добросердечного ментора, который в конце концов отыщет его и скажет, что пора вернуться домой! С другой стороны, он наверняка опасается, что может очутиться в руках тех, кто успешно избавляет Компанию от проблем... Но в любом случае Роберт Росс сейчас играет с ними неполной колодой.

Так что первый заместитель принял решение послать к нему психолога, специалиста по стрессам. Смертного специалиста, а не полевого агента безопасности с опытом захвата бессмертных беглецов. Хотя несколько таких агентов находились в оцеплении здания, и один из них — Порфирио, кстати — занял пост у того зарешеченного сверху окопчика, где скрывалось оконце камерки Роберта Росса.

Лениво прислонившись к стене, Порфирио привычно изображал заядлого курильщика, который от нечего делать таращится на дорож-

ное движение. Он хорошо слышал, как дышит Роберт Росс в комнате внизу, как бьется его сердце. Потом он услышал, как дважды стукнули в дверь, очень вежливо, и кто-то вздохнул, а затем мягкий голос вкрадчиво произнес:

— Бобби, я могу войти?

— Не заперто, — откликнулся другой голос, и Порфирио не мог не вздрогнуть. Это был голос десятилетнего мальчика.

Заскрипела дверь, открываясь и закрываясь, и теперь уже в каморке стучали два разных сердца, а потом психолог сказал:

— Мы потратили немало времени, чтобы найти тебя, Бобби. Могу я присесть?

— Разумеется, — сказал детский голосок.

— Спасибо, Бобби, — откликнулся другой, и Порфирио услышал легкий скрип стула. — Господи, что с тобой случилось?.. У тебя на повязке свежая кровь!

— Это ничего, я в порядке. Просто мне только что удалили опухоль... Хотя она все равно вырастет. Но я давно привык к лазерной хирургии XXI века, знаете, есть такие маленькие уютные клиники в неприметных местах? И я регулярно посещаю эти места, а вот вы никогда меня не замечали!

— Ты очень искусно скрывался от нас, Бобби, — с мягким сожалением произнес второй голос. — И мы никогда не нашли бы тебя, я должен признать, не появившись ты сам на телевидении. А до этого мы вели поиски много лет, год за годом.

— С помощью ваших космических кораблей? — осведомился детский голосок с сарказмом взрослого человека.

— При помощи наших машин времени, — терпеливо сказал психолог. — Профессор Ривердейл был уверен, что ты убежал от нас, чтобы стать бейсболистом.

— Я никогда не смогу играть в бейсбол. — Голос Роберта Росса холоднее льда. — Я не способен быстро бегать, одна моя нога длиннее, чем другая. Но профессор Билл не замечал подобных пустяков, не правда ли?

— Мне очень жаль, Бобби.

— Но ведь это все равно наш старый добрый профессор Билл, а?.. Я попробовал стать ковбоем, и солдатом, и пожарником, и черт его знает кем еще, а теперь я клоун. Но бейсболистом не буду никогда... Никаких пробежек по полю для Бобби!

Краешком глаза Порфирио вдруг заметил, что кто-то начал взбираться на холм со стороны Хайленд-авеню. Слегка повернув голову, он увидел копа.

Профессионально терпеливый голос сказал:

— Бобби, в Будущем множество интересных занятий, которые ты сможешь попробовать.

— Я ненавижу Будущее.

Так-так, теперь психолог заколебался, отметил Порфирио, наблюдая за продвижением копа. Наконец взрослый голос задал вопрос:

— Тебе нравится быть клоуном, Бобби?

— Кажется, да, — сказал Роберт Росс. — Теперь, по крайней мере, люди *видят* меня, а не просто так смотрят. Этот человек за окном, он тоже *видел* меня.

Последовала длительная пауза. Коп, взбирающийся на холм, весь раскраснелся от жары и чрезмерных усилий, но ухмылялся, глядя на Порфирио.

— Бобби, — сказал психолог. — Этот человек — один из наших охранников, он здесь для того, чтобы надежно обеспечить твою безопасность.

— Я прекрасно знаю, для чего он здесь, — сказал детский голос. — Меня это не волнует. Но я хочу, чтобы он в точности запомнил все, что я должен сказать, а потом передал профессору Биллу и всем прочим.

— И что же ты хочешь сказать нам, Бобби? — вкрадчивый голос психолога предательски дрогнул.

Резко скрипнул стул, как будто сидящий на нем вдруг подался вперед.

— Вы знаете, почему не сумели меня поймать? Потому что я догадался, как попасть в 1951-й самостоятельно, без вашей техники. И я с тех пор регулярно жил в этом году... Снова и снова, хотя Компания полагает, что такое в принципе невозможно. То ли из-за переменчивой проницаемости материи пространства-времени, то ли чего-нибудь еще... А трюк-то на деле совсем простой! Надо просто каждый раз возвращаться в другое место. Не более одного захвата массы на каждую точку в абсолютных координатах пространства-времени.

Коп остановился утереть пот со лба, но по-прежнему в упор тарачился на Порфирио.

— Что такое захват, Бобби?

— Разве вы не знаете, что случится, если достаточно долго посылать какой-то предмет в одно и то же время и место? — Судя по голосу, Роберт действительно был изумлен. — Например, сто или больше миллионов раз?

— Нет, Бобби. Я не знаю.

— А я знаю! Я экспериментировал. Сначала с колесиком от игрушечного автомобиля. Я посылал его в 1912-й раз за разом, до тех пор, пока... Вам известно, где находится Тунгуска?

— Что ты хочешь сказать, Бобби?! — Психолог начал терять профессиональное терпение вместе с мягким голосом.

— После успеха первого эксперимента я решил увеличить массу объекта, — невозмутимо продолжил Роберт. — И отправил назад в прошлое бейсбольный мяч. Очень, очень далеко назад... Как по-вашему, что на самом деле погубило динозавров?

— Эй ты, в пиджаке! — выкрикнул коп, приближаясь к Порфирио. — Кажется, ты слоняешься тут без дела?

— ...дыру в материи пространства-времени, — продолжал говорить Роберт, — которая может разрушить весь наш земной мир. А теперь представьте, что вас давно уже тошнит от жизни, но вы не способны умереть. Разве моя идея не покажется вам замечательной?

Звук резко отъезжающего стула.

Порфирио скорчил гримасу и полез было в нагрудный карман за значком, но подоспевший коп пригвоздил его руку к груди дубинкой.

— Бобби, мы сумеем помочь тебе! — панически вскричал психолог.

— Я тебе давно не крошка Бобби, ты, грязная задница, — с мстительным удовольствием произнес певучий детский голосок. — Я прожил миллион, больше миллиона лет!

Порфирио, взглянув копу прямо в глаза, сухо сообщил:

— Отдел по борьбе с наркотиками и проституцией.

Коп растерянно моргнул и отступил на пару шагов. Порфирио предъявил ему значок полиции Лос-Анджелеса.

— Прошу прощения, офицер, — пробормотал смущенный коп, — но у меня была наводка... Один жилец позвонил в участок и...

— Вааааа-ууууу! — музыкально пропел неправдоподобный клоунский фальцет, кто-то коротко вскрикнул...

И все затихло.

— И что же там на самом деле произошло? — настойчиво интересуется Клит, заметно побледневший.

— На самом деле? — Порфирио пожимает плечами. — Мы так и не узнали. Когда я наконец отделался от патрульного и добежал до входа в здание, другие оперативники уже спустились в подвал и установили охрану возле той комнаты. Единственная проблема состояла в том, что там нечего было охранять... Почти пустая каморка. Ни Роберта Росса, ни смертного, никаких личных вещей, ни даже мебели,

кроме двух деревянных стульев. На самом деле он никогда там не жил. Просто воспользовался этим местом, чтобы заманить нас в ловушку.

— А смертный? Кто-нибудь нашел его?

— Вообще-то да, — говорит Порфирио. — Но только спустя пятьдесят лет. В 2001 году, в Лондоне.

— Он... ушел вперед во времени?! — восклицает глубоко потрясенный Клит. — Но ведь считается, что это невозможно, разве не так?

Порфирио тяжело вздыхает.

— Так они говорят, партнер. В любом случае, тот смертный наверняка не ушел вперед во времени. Помнишь, около десяти лет назад археологи приступили к раскопкам средневековой больницы на территории Лондона? На больничном кладбище были найдены сотни и сотни скелетов, плотно уложенных слоями. Когда ученые мужи стали разбираться с этим научным богатством... ни в каких новостях ничего такого не сообщали, понятно... но в 2001-м на одном из самых древних скелетов обнаружился «Таймекс».

Клит раздражается истерическим хохотком.

— И что, часики все еще тикали?.. Слушай, Порфирио, какого черта ты здесь рассказываешь всякие байки?! Когда твой спятивший гений по-прежнему на свободе, если ты, конечно, не позабыл его за трепотней? Бессмертный псих шляется по времени как захочет, желает уничтожить весь мир, сразу и целиком, и притом он прекрасно знает, как это можно сделать... *А мы здесь сидим просто так?*

— У тебя есть идея получше? — хладнокровно спрашивает Порфирио. — Ну так расскажи мне, пожалуйста, о'кей?

Клит, совершив усилие, берет себя в руки.

— Ладно, — говорит он. — И что надумала Компания? Есть какой-то план, как заманить его в ловушку, верно? Должен быть, поскольку мы тут с тобой сидим. Это так?

Порфирио молчаливо кивает.

— Но тогда что мы делаем *здесь и сейчас*? — продолжает Клит, сразу приободрившись. — Разве нам не следует сидеть в 1951-м, где этот клоун постоянно ошивается?.. Нет, погоди! Должно быть, как раз это делать не следует. Из-за этой самой материи пространства-времени, или как ее там... которая в 1951-м уже излишне напряжена? И наш визит усугубил бы положение вещей, да?

— Так могло случиться, — соглашается Порфирио.

— Понял. Ну ладно, мы сейчас почти на том же месте, где рекрутировали Бобби Росса. И выходит, Компания ожидает, что он вернется сюда... Почему? Потому что именно здесь погибла вся его семья?

— Клит опять начинает горячиться. — Или потому, что преступник всегда возвращается на место своего преступления, так что ли?

— Может быть, — флегматично говорит Порфирио. — Компании уже известно, что Роберт Росс иногда покидает 1951 год. Во всяком случае, для медицинских процедур.

— Значит, рано или поздно... Но у него может появиться желание прийти сюда, — задумчиво произносит Клит, и теперь он тоже внимательно вглядывается в амбар. — А сегодня... сегодня 30 июня 2008 года, так? Ровно пятьдесят лет после катастрофы. Вот почему мы здесь!

— Он может появиться, — соглашается Порфирио. — А может, и нет. Вот почему мы просто сидим здесь и...

Внезапно он весь подбирается и сверлит упорным взглядом вершину холма, и Клит тоже упирается пристальным взглядом туда и видит маленькую фигурку, ковыляющую по старой заброшенной дороге, к которой подступили могучие сорняки.

— Проклятье! — отчаянно выкрикивает Клит, вылетая из «фольксвагена» смазанным от скорости движением, с обертками от шоколадных батончиков и жестянками из-под картофельных чипсов в могучей хвостовой струе турбуленции. Порфирио чертыхается и кричит ему, что еще рано, но Клит одним скачком перемахивает автостраду и теперь летит напрямик через долину к холму с амбаром, так быстро, мощно и красиво, как умеет бегать только бессмертный. Порфирио срывается вслед за ним, и вот он уже мчится вверх по желтому голому склону, усеянному красными обломками скал, еще сохраняющими угольные следы прошлого ужаса, и добегает до старой дороги как раз вовремя, чтобы увидеть и услышать, как Клит орет ужасающим голосом:

— Служба безопасности! Замри!!!

— Не надо... — начинает Порфирио как раз в тот момент, когда Клит запускает сам себя, как из катапульты, вперед на силовой захват Роберта Росса.

Роберт улыбается и поднимает руки таким жестом, словно сдается и молит о милосердии. Несмотря на жару, на нем длинное глухое пальто, хотя и расстегнутое. Подкладка с одной стороны разорвана, как раз под мышкой, и в этой прорехе, обрамленной лохмотьями пропотевшей ткани, перед глазами Порфирио вдруг открывается бездонная черная ночь и белые звезды.

— Ля-ля-ля, ля-ля... Вааааа-ууууу! — нараспев говорит Роберт Росс, когда Клит врзается в него каменным ядром. Клит пронзительно вскрикивает, и все, его больше нет, засосало в звездную бездну.

Порфирио стоит, словно соляной столп. Роберт Росс подмигивает ему, как в 1951 году в телевизоре.

— Какой захват, а? — произносит он голосом десятилетнего мальчика Бобби.

Здесь наверху очень жарко, на старой белой дороге под ярко-голубым летним небом. Порфирио ощущает, как струйки пота обильно стекают у него промеж лопаток.

— Эй, мистер Полицейский! — весело окликает его Роберт. — А я помню тебя! Ты рассказал Компании все, что подслушал? Думали они про то, что я собираюсь сделать? Они боялись меня все эти годы, правда?

— Разумеется, мистер Росс, — вежливо отвечает Порфирио, потихоньку разминая пальцы.

— Нет, так неправильно, — нахмурившись, возражает Роберт. — Мистер Росс — это мой отец. А я Бобби.

— Все понял, извини. Выходит, это мистер Росс погиб вон там внизу? — Порфирио указывает пальцем. — В автокатастрофе? Потому как его старший сын был настолько глуп, что не придумал ничего получше, чем высунуться на ходу из машины?

Безмерное изумление проступает на замурзанном морщинистом личике, а потом ему на смену приходит испепеляющий гнев.

— Ты дубина! — яростно выкрикивает Роберт. — Не смей называть меня глупцом! Я уникальный! Я гений, тебе понятно? Я могу уничтожить весь мир, если захочу!

— Как насчет всего мира, не знаю, — равнодушно говорит Порфирио. — Но со своей семьей ты справился вполне успешно, Бобби. Что да, то да.

— Нет! Я ничего такого не сделал, — поспешно возражает Роберт, судорожно сжимая и разжимая кулаки. — Профессор Билл мне все объяснил... Это просто случилось! Несчастный случай, такие происходят постоянно, я ни в чем не виноват.

— О да, профессор Билл, разумеется. Но ведь он часто лгал тебе, Бобби? — говорит Порфирио. Голос его звучит ровно, почти утомленно. Словно ему безмерно наскучило повторять одно и то же в сотый или даже тысячный раз. — Разве профессор Билл не пообещал, что твоя вечная жизнь обязательно будет прекрасной и счастливой?

Роберт не отвечает, пристально глядя на Порфирио. Его глаза широко раскрыты и полны слез, но и ненависти тоже.

— Эй, Бобби! — окликает его Порфирио, делая шаг вперед. — Скажи, тебе когда-нибудь приходило в голову вернуться сюда, чтобы предотвратить катастрофу?.. Нет-нет, я прекрасно знаю, что это не-

возможно. Но неужели у тебя не возникло даже мысли совершить попытку? Поиграть с казуальностью, разорвать связи причин и следствий? Думаю, это было бы не слишком сложно для такого суперпродвинутого гения, как ты, Бобби. Но ты даже не попробовал, правда? Да, конечно, я вижу по твоим глазам.

Роберт отворачивается и бросает неуверенный взгляд вниз, на красные камни, где в каком-то призрачном измерении все еще горит «плимут» 1946 года выпуска. Стекла с треском лопаются и вылетают, сухая летняя трава вмиг исчезает, обращаясь в дым, когда огонь победный броском начинает распространяться во все стороны, оставляя за собой лишь курящееся черное пятно.

— О чем ты думаешь, Бобби? Может, тебе стоило попробовать самый тривиальный «парадокс дедушки», а? Например, сжечь амбар еще до того, как на нем намалюют эту проклятую картинку? Или, скажем, сломать руку самому Хэнку Бауэру, чтобы его команда не выиграла мировой чемпионат в 1951 году?..

Роберт Росс молчит.

— Бобби, — говорит Порфирио со вздохом. — Даже я могу, не сходя с этого места, выдумать пару дюжин разнообразных штучек аналогичного сорта. И я бы испробовал их всенепременно, будь у меня такие супервозможности, как у тебя. Но ты... Ты даже не попытался. Ни разу! Почему это, Бобби?

— Ля-ля-ля... — бормочет Роберт, снова широко разводит руки и делает короткий шагок в сторону Порфирио.

Порфирио не сдвигается с места. Он смотрит Роберту прямо в лицо и говорит:

— Ты глупый. Недоделанный. Ты никогда не станешь взрослым, Бобби.

— Профессор Билл сказал, что остаться ребенком на всю жизнь просто замечательно! — возражает Роберт Росс.

— О да, профессор Билл, кто же еще. Он сказал это потому, Бобби, что сам так и не сумел повзрослеть, — говорит Порфирио. — Ты не был реальной личностью для профессора, Бобби. Он никогда не *видел* тебя, хотя и смотрел.

— Да, — соглашается Роберт после паузы, и голос у него сырой, потому что он тихо плачет. — Профессор Билл никогда не замечал того, что было на самом деле. Он не видел, а сам себе представлял... Бобби, золотой летний мальчик! — передразнивает он с едкой злобой и горечью. — Ха-ха, да ты только взгляни на меня!

— Да, — соглашается Порфирио. — Ты отнюдь не красавец, Бобби. И ты никогда не будешь играть в бейсбол, это точно. И потому ты

так безумно зол на Компанию, что только и думаешь, как бы получше ей отплатить, — заключает он, вздыхая, и делает еще шаг вперед.

— А так им всем и надо! — горько рыдает Роберт.

— Бобби, — мягко говорит Порфирио, внимательно наблюдая за ним. — Существует огромный вечный мир в Пространстве и во Времени, который можно исследовать без конца. И в этом мире есть, были и будут всегда миллионы разнообразных способов стать счастливым. И что же ты выбираешь для себя, Бобби? Ты хочешь всего-навсего отомстить им всем, и больше ничего?..

— Дааа-а! — захлебывается криком Роберт Росс. Громко шмыгает носом, утирает его грязным рукавом, а потом внезапно поднимает глаза и пристально смотрит снизу вверх прямо в глаза Порфирио.

— Это не... то есть не совсем...

— Вот видишь? Это просто глупо, — наставительно замечает Порфирио, не дождавшись никаких разъяснений. — И ты вовсе не такой хороший мальчик, как тебе кажется, Бобби, — продолжает он с мягким укором, огорченно покачивая головой. — Если по правде, ты самый настоящий монстр, Бобби, вот ты кто... потому что желаешь взорвать целый мир. Весь наш мир, Бобби, где живут ни в чем не повинные люди, миллиарды обыкновенных смертных, которые ровно ничего плохого тебе не сделали, Бобби, ни разу, разве не так?..

Плохо, очень плохо, это просто ужасно, — говорит Порфирио размеренно журчащим, убаюкивающим голосом. — Ты знаешь, как тебя надо за это наказать, Бобби? Как ты думаешь сам, скажи? Хотя лучше всего, как мне кажется, чтобы сейчас сюда, на этот холм, прибежал твой отец, разъяренный, как сам сатана из ада, и отшлепал тебя как следует за такие ужасные, гадкие мысли, ведь я прав, Бобби, ты и сам знаешь?

Роберт Росс отворачивается от Порфирио и смотрит вниз, на роковые красные камни.

— Нет, — говорит он усталым голосом. — Мой папа сюда не придет. Никогда.

В этот миг Порфирио уже рядом с ним, и едва последний усталый звук успевает слететь с языка Роберта, скорпионье жало молниеносно наносит ему безжалостный укол.

Роберт резко оборачивается в изумлении, но Порфирио рядом нет, он уже ретировался на вершину холма и стоит перед амбаром с фреской. Прямо над его плечом нарисованный Фрэнк Бауэр в экстагическом восторге улыбается бейсбольному мячу. Роберт прижимает ужаленную руку к груди и опять заливается горячими слезами.

— Это нечестно!.. — протестует он с возмущением.

Однако на самом деле он знает, что это не так. Все очень честно, даже чересчур. В сущности, это даже облегчение.

Он покорно падает на колени и обжигается о раскаленную поверхность старой дороги. Всхлипывая и жалобно поскуливая, переползает через дорогу к обочине и валится мешком в желтую летнюю траву.

— А теперь... ты отправишь меня в Будущее?.. — лепечет Роберт тоненьким детским голоском.

— Нет, сынок, — со вздохом отвечает Порфирио. — Никакого Будущего.

Роберт кивает и закрывает глаза. Он мог бы провалиться сквозь вращающийся шар Земли к антиподам, если б только захотел, или укрывшись в заколдованном 1951-м; но вместо этого плавно уплывает из самого времени, в полузабытые надежные руки своего отца.

Порфирио начинает неторопливо спускаться к нему.

И почти сразу же из-за поворота старой дороги появляется на опасной скорости, подпрыгивая на трещинах, мощный армейский вездеход, ошметки чертополоха разлетаются из-под колес во все стороны. Вездеход тормозит с громким скрежетом, из его кабины легкой ласточкой вылетает Клит, бросая дверцу открытой. На нем другая одежда, совсем не та, в которой его видел в последний раз Порфирио.

— Ты, дефективный ублюдок! Вонючий сукин сын! — яростно ревет Клит, заноса правую ногу со сладострастной оттяжкой, дабы врезать Роберту в голову. Вмиг подоспевший Порфирио хватает его за руку железной хваткой и оттаскивает.

— Остынь, — коротко говорит он.

— Этот грязный, вонючий ублюдок! — с остервенением рычит Клит. — Выпихнул меня назад на шестьсот тысяч лет! Ты знаешь, сколько мне пришлось дожидаться, пока Компания откроет там проклятое транспортное депо?!

Порфирио смотрит на гладкое безвозрастное лицо и хорошо видит, что над ним пронеслись эпохи. Теперь у Клита совершенно бешеные глаза, и такими пребудут вовеки. Взгляд его обжигает Порфирио, как неразбавленная уксусная кислота.

(...Никаких удобств, никакой бытовой техники в 598000-м до нашей эры, говорит себе Порфирио в уме. И никаких шоколадных батончиков с теобромином...)

— Ты знал! Ты заранее знал, что он собирается сделать со мной, как ты мог меня подставить?! — яростно напирает Клит.

— Не знал, — честно отвечает Порфирио. — Мне сказали, что при аресте возможны осложнения, и это все. А тебе надо было сперва подумать, а не кидаться на него просто так, дуриком.

— Какой ты у нас умный, — ядовито говорит Клит, стряхивая со своего плеча руку Порфирио. — Почему бы тебе тогда самому не завершить дело? Я готов уступить тебе эту честь!

Он вразвалку шествует назад к своему вездеходу и забирает с его заднего сиденья пластиковый мешок на молнии, объемистый и продолговатый. Порфирио потихоньку вздыхает. А затем сует руку в карман и извлекает на Божий свет нечто, смахивающее на ручку от большой отвертки. Но когда Порфирио нажимает кнопку, расположенную сбоку, на одном конце этой штуки формируется плоский полукруг голубоватого света. Для проверки инструмента он делает один легкий взмах... куст чертополоха распадается моментально.

Потом Порфирио склоняется над Робертом Россом и проводит тщательное сканирование. Чтобы полностью удостовериться, что тот уже без сознания и не чувствует абсолютно ничего.

— Мне очень жаль, — говорит Порфирио вполголоса.

А затем он делает свою работу с изяществом, уверенностью и быстротой, выработанными в течение длительной практики. Клит возвращается с мешком под мышкой и стоит рядом с ним, наблюдая за процедурой с мрачным удовлетворением. Хэнк Бауэр радостно улыбается им всем со стены старого амбара.

Когда дело завершено, Порфирио загружает мешок в вездеход и сам устраивается рядом с ним на заднем сиденьи. Клит садится за руль и на сей раз крайне аккуратно разворачивает вездеход в обратном направлении, то и дело поглядывая назад.

Роберт Росс никак не мог умереть самостоятельно.

Но теперь он наконец на пути к вечному покою.

Древний «фольксваген» будет ржаветь на том же месте еще месяц, пока какой-то полоумный не польстится на него.

Бурое пятно продержится на старой дороге около четырех месяцев, до начала осенних дождей и даже дольше. Но дожди в конце концов смоют его, все-таки смоют.

И к лету никакой памяти здесь уже не останется.

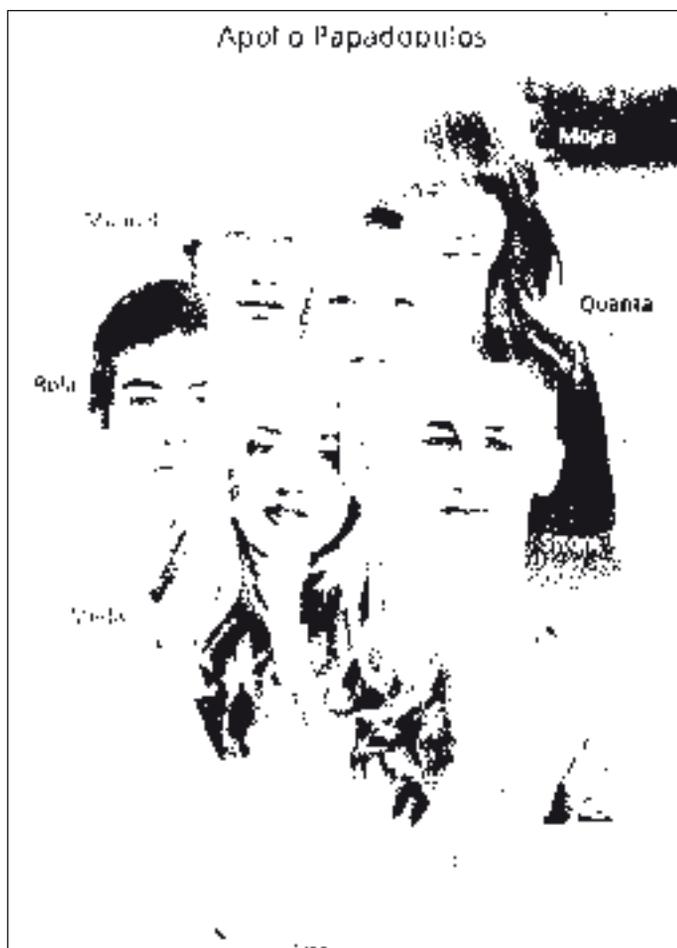
Желтые травы высоки и нетронуты, по ним не ступала нога человека. Старая заброшенная дорога опять пустынна. И опять бела, как невинность.

**Перевела с английского
Людмила ЩЁКОТОВА**

© Kage Baker. Catch. 2004. Печатается с разрешения автора и ее литературных агентов, Virginia Kidd Agency (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия). Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2004 г.

П О Л М Е Л К О У

ДЕТИ

СИНГУЛЯРНОСТИ

СИНГЛЕТОНЫ И ЛЮБОВЬ

Мойра заболела и лежала в постели с сильным кашлем, так что матушка Редд выпроводила нас из дому. Сначала мы просто слонялись по двору. Было как-то странно. Нет, нам, конечно, и раньше доводилось разлучаться — это было частью подготовки. Там, в космосе, придется работать и впятером, и вчетвером, и даже по трое, так что мы отработывали задания в самых разнообразных комбинациях. Но то была всего лишь учеба, к тому же мы никогда не теряли друг друга из виду. А теперь Мойру с нами разлучили по-настоящему, и нам это не понравилось.

Мануэль влез по шпалере на стену дома, стараясь не уколоться об острые шипы вьющихся роз. Как только руки его ухватились за подоконник, а голова очутилась на уровне окна, гибкие пальцы ног нашарили колючий стебель и принялись раскачивать взад-вперед, пытаясь оторвать, чтобы подарить больной.

Я вижу Мойру, — передал Мануэль.

— А она тебя видит? — спросила я вслух, поскольку он смотрел в другую сторону, а феромоны сносило ветром, так что от мыслей оставались одни обрывки.

Если Мануэль будет видеть Мойру, а она его — этого вполне достаточно: мы снова будем вместе. Но тут окно распахнулось, и в нем появилось сердитое лицо одной из матушек Редд. Мануэль сорвался с подоконника, но, к счастью, успел сгруппироваться и, приземлившись на траву, снова очутился среди остальных — все еще с красной розой между пальцев ног.

Коснувшись его плеча, я передала ему одну идею, и он, вскочив на ноги и переложив розу в руку, протянул ее матушке Редд. Впрочем, я тут же поняла: не подействует.

— А ну-ка, вы, пятеро! Катились бы вы отсюда! Мало того, что Мойра болеет, так еще вы подцепите эту заразу!

И окно захлопнулось.

Мы еще немного потолклись во дворе, а потом сунули розу в карман моей рубашки и отправились куда глаза глядят. Жаль, что с нами не было Мойры... Зато было разрешение «катиться куда подальше»! А значит, в нашем распоряжении теперь лес, озеро и даже пещеры — если, конечно, хватит духу. Мойра, пожалуй, не одобрила бы таких рискованных прогулок... Но Мойры с нами не было.

Напоминаем читателям: singleton — множество, состоящее из одного элемента. (Прим. ред.)

Вся ферма матушки Редд состояла из сотни акров псевдосои, которую обрабатывали три триады оксалопов. Сами по себе эти животные тупы до безобразия, но собранные вместе могли пахать, сеять и жать практически самостоятельно.

Летом на ферме хорошо. Правда, по утрам мы все равно учились, но это не шло ни в какое сравнение с учебой на Космодроме, где заниматься приходилось дни и ночи напролет. Там, в школе, мы даже спали посменно, чтобы часть из нас всегда бодрствовала... После выхода из яслей мы проводили на ферме матушки Редд каждое лето. Нынешнее было шестнадцатым по счету.

Если идти по Бейкер-роуд на запад, то попадешь в Вортингтон и на Космодром, а если на восток, то за другими фермами откроются озеро и лес. Мы, конечно же, выбрали восток. Стром, как обычно, шагал впереди, Мануэль носился вокруг — впрочем, не слишком далеко, я шла следом за Стромом, а за мной Кванта и Бола. Между ними на месте Мойры ощущалась непривычная пустота, которую они пытались заполнить касанием рук.

Примерно с милю мы прошагали в относительном спокойствии, хотя Мойры явно не доставало. Бола, чтобы отвлечься, занимался метанием булыжников по старым телефонным столбам. И, кстати, ни разу не промахнулся. Впрочем, нас этонисколько не обрадовало: Бола ведь бросал камни просто так, со скуки, а не ради тренировки.

Мы прошли мимо СВЧ-приемника, притаившегося в сосновом лесочке у обочины. Поблескивая на солнце, параболаид станции поглощал микроволны, излучаемые Кольцом. Вся планета была усеяна этими тарелками, и каждая давала по несколько мегаватт энергии. Для земных поселений этого более чем достаточно — особенно теперь, когда Сообщество исчезло. Но именно оно создало Кольцо, и солнечные батареи, и тарелки... Прошел не один десяток лет, а всё это до сих пор работало.

Даже сейчас, в ярком утреннем свете, Кольцо было прекрасно видно: тонкая бледная дуга от горизонта до горизонта. По ночам оно становилось ярче. словно тягостное напоминание тем, кто остался.

Бола метнул несколько щепок в поток микроволн: крошечные искрящиеся метеоры, взрываясь, вспыхивали и превращались в пепел. Потом он поднял с земли маленькую лягушку. И еще сильнее ощутилось отсутствие Мойры, когда я, положив руку на плечо Бола, послала мысль: *живое нельза*.

На миг в нем вспыхнула досада, потом Бола пожал плечами и усмехнулся тому, как неловко я играю роль Мойры в ее отсутствие. В Бола, в этом средоточии всех ньютоновских законов действия и про-

тиводействия, есть какая-то чертовщинка. В нем, а значит, и в нас. Он наш возмутитель спокойствия...

Как-то раз инструкторы разбили нашу цепочку на две триады — мужскую и женскую. Других учеников поделили точно так же. Каждая команда должна была в невесомости преодолеть полосу препятствий — две мили проводов, веревок и бутафорских обломков — и первой найти макгаффин. Все остальные команды — это противники. И никаких правил.

Нам, тогда еще двенадцатилетним, ни разу до этого не приходилось участвовать в боях без правил. Обычно запретов было много, даже чересчур. Но в тот раз все оказалось иначе.

Вышло так, что Стром, Бола и Мануэль нашли заветный макгаффин первыми, но, вместо того чтобы просто завладеть им, устроили ловушки и поставили капканов, а потом залегли в засаду и стали ждать. Им удалось поймать и обезвредить четыре команды. Противников они связывали и запихивали в старый барак. В результате были сломаны три руки и одна нога, двое получили сотрясение мозга, ну и еще по мелочи: семнадцать синяков и три глубокие царапины.

Когда подросли мы с Мойрой и Квантой, мимо, едва не задев нас, просвистела стекловолоконная мачта. Карабкаясь под прикрытием, мы слышали смех мальчишек. Разумеется, мы были уверены, что это именно наша цепочка, а не чья-то другая. Для феромонов расстояние было великовато, но до нас все же доносились отзвуки их мыслей, в которых слышались гордость и вызов.

Тогда Мойра заорала:

— А ну быстро вышли все оттуда!

Стром тут же высунулся из укрытия: кто бы ни оказывался рядом, он всегда в первую очередь слушался Мойру. Потом из барака нехотя выбрался Мануэль.

— Эй, Бола! Выходи.

— И не подумаю! — крикнул он в ответ. — Я выиграл.

Он швырнул в нас макгаффин, и Кванта его поймала.

— Интересно, кто это «я»? — съязвила Мойра.

Из-за барака показалась голова Бола, он виновато оглядел нас пятерых и послал мысль: *простите*. Потом он подскочил к нам, и мы принялись бурно обсуждать то, что случилось.

Больше нас так не разделяли.

* * *

Дорога огибала Капустное озеро, словно гигантская буква С. Озеро было искусственным, и все же это была целая экосистема со сво-

ими обитателями — последними достижениями генной инженерии. Баскины занимались ею по заказу Верховного департамента экологии, стремясь создать экосистему с биомассой в двадцать пять бригад. Здесь было всё — от бобров и змей до комаров. Целые полчища комаров...

Взрослые бобры не обращали никакого внимания на наше бултыханье в озере, зато бобрята пришли в совершенный восторг. Эти создания рождались всегда по четверо, квадратами, и мысли их скользили по воде бензиновыми радугами. Мы почти понимали их — но только почти. В воде наши собственные феромоны совершенно бесполезны, и даже с помощью сенсорных подушечек понимать друг друга непросто. Закроешь глаза, нырнешь поглубже — и кажется, будто ты не часть чего-то общего, целого, а лишь одинокая, бессмысленная протоплазма...

Стром терпеть не мог плавать. Но раз уж все мы окунулись в озеро, он тоже туда залез — просто чтобы оказаться рядом. Я знала, почему он боится воды, и понимала его, как саму себя... и все-таки посмеивалась над ним.

Мы плескались в озере, стягивая в воду трухлявые бревна и пытаясь утопить их в иле, пока взрослые бобры не начали сердито распекать нас на примитивном языке жестов: *Нем! Мешать работа! Испортить дом! Сказать Баскинам!*

Тогда мы выбрались на берег и стали сушить мокрую одежду в лучах вечернего солнца. Вскарabкавшись на яблоню, Мануэль насобирал для нас спелых плодов. Мы немного отдохнули. Пора было возвращаться на ферму. Стром скатал несколько воспоминаний в клубок.

Это для Мойры, — объяснил он.

Кванта вдруг насторожилась, и мы все это почувствовали.

Дом, — послала она нам. — *Раньше его здесь не было.*

Она сидела высоко на берегу, и мне пришлось подождать, пока ее мысли доберутся до меня сквозь влажный, густой от цветочной пыльцы воздух. На другой стороне озера, напротив бобровой плотины, действительно стоял маленький домик, почти незаметный среди топей, засыпавших землю снегопадом пуха.

Я попыталась вспомнить, был ли он здесь прошлым летом, но тогда никто из нас не смотрел в ту сторону.

Это Баскины выстроили себе дачный домик, — подумал Стром.

Зачем, если у них есть нормальный дом в миле отсюда? — ответил Мануэль.

Может, это домик для гостей, — подумала я.

Пойдем посмотрим, — предложил Бола.

Никто не возражал, хотя я, разделяя всеобщий энтузиазм, все же подумала: *Что сказала бы Мойра?*

Но ее здесь нет.

Перепрыгивая с камня на камень, мы перебрались через впадавший в озеро ручеек. Земля под тополями больше всего походила на клочковатый белый ковер. В неуспевшей просохнуть одежде было прохладно. Мы переступили через колючие побеги плюща и обогнули ствол ядовитого дуба с пятиконечными листьями.

Возле дома, в тени, был припаркован флаер.

Коноджет 34 J, — сообщил Мануэль. — *Полетаем?*

Управление небольшими летательными аппаратами мы проходили еще в прошлом году.

Земля возле дома была расчищена от кустарника, а на освободившемся месте вдоль стен хозяева разбили цветочные клумбы. Перед домом, на самом солнцепеке, выделялся прямоугольник огорода: помидоры, тыквы, кабачки и фасоль.

— Это не летний дом, — сказала я вслух, поскольку Кванта была сейчас вне поля зрения. — Здесь кто-то живет.

Мануэль пошел вдоль огорода, чтобы поближе взглянуть на флаер. Я чувствовала, что машина ему нравится, он испытывал явное удовольствие от ее мощи и изящества форм.

— Эт-то что еще за мелюзга тут шастает?!

Мы аж подпрыгнули, когда дверь дома с грохотом распахнулась и прямо на нас выскочил человек. Стром машинально сгруппировался в защитную стойку, наступив при этом на куст томата. Я это заметила, и он тут же переставил ногу, но от глаз незнакомца происшествие тоже не укрылось. Он нахмурился.

— Какого черта!

Мы выстроились перед ним: я в голове фаланги, Стром слева и чуть позади, за ним Кванта, Бола и последним Мануэль. Место Мойры справа от меня пустовало.

— Та-ак... Топчесья, значит, по чужим овощам. Ну и как вас называть после этого?

Одетый в коричневую рубашку и рыжие штаны человек был молод, темноволос и болезненно худощав. Сначала мы решили, что он интерфейс своей цепочки, но тут же заметили, что у него нет ни сенсорных подушечек на ладонях, ни феромонных канальцев на шее... Никаких признаков дружелюбия в его действиях тоже не наблюдалось: он успел выругаться трижды, прежде чем мы произнесли хоть слово.

— Простите, что испортили ваше растение, — сказала я, подавляя желание разлить в воздухе аромат примирения. Он все равно не понял бы. Это был одиночка.

Человек перевел взгляд с загубленного помидора на меня, потом снова на помидор.

— Проклятые цепочки... — прорычал он. — В вашу программу что, забыли вложить элементарную вежливость? А ну проваливайте с моего участка!

Бола хотел возразить, что вообще-то эта земля принадлежит Баскинам, но я лишь кивнула и улыбнулась:

— Еще раз простите. Мы уже уходим.

Пока мы отступали, он не сводил с нас глаз. Нет, не с нас. С меня. Он разглядывал меня, и я чувствовала, как темные глаза буравят меня и видят то, чего я вовсе не собиралась показывать. Щеки залил румянец, и в тени вдруг стало жарко. В этом взгляде была неприкрытая сексуальность, и в ответ я...

Я поспешила подавить свои чувства, но остальные все же успели их уловить. Я тут же закрылась наглухо, однако укоризненный запах Кванты, а потом и Мануэля уже просочился в меня... Я бросилась к лесу, и звеням моей цепочки ничего не оставалось, кроме как последовать за мной.

* * *

Отзвуки их злости мешались с моим чувством вины. Мне хотелось ругаться, кричать, драться... Мы все были наделены сексуальностью, и вместе, и порознь, но... Я весь вечер была как на иголках. Матушка Редд, может, что-то и заметила, но ничего не сказала. В конце концов я поднялась по лестнице к Мойре.

— Только близко не подходи, — прохрипела она.

Я села на стул у двери. В комнате стоял запах куриного бульона и пота.

Мы с Мойрой близнецы, единственные в нашей цепочке. А вообще мы не очень-то похожи. У нее волосы коротко остриженные, а у меня до плеч, только цвет одинаковый — каштаново-рыжий. Мойра весит фунтов на двадцать больше, и лицо у нее пошире. Скорее, нас можно принять за двоюродных сестер, чем за двойняшек.

Она приподнялась на локтях, пристально на меня посмотрела и снова рухнула на подушку.

— Что это у тебя вид такой несчастный? — спросила она.

Я могла поведать ей обо всем, коснувшись ее ладони, но Мойра ни за что бы меня к себе не подпустила. Можно, конечно, втиснуть

всю эту историю в пучок феромонов, но я не была уверена, что хочу рассказывать ей абсолютно все. И я сказала вслух:

— Мы сегодня видели одиночку.

— Да ну?

Язык слов — такая ненадежная штука! Без взаимопроникновения мыслей и чувств разве можно понять, что таится под маской слов — цинизм или искренность, интерес или скука?

— Там, за озером. Там стоял такой дом... — Я создала мысленный образ и позволила ему просочиться наружу. — Как неудобно! Можно мне просто дотронуться до тебя?

— Ага, конечно! Сначала я, потом ты, потом кто-нибудь еще — и через две недели, когда начнется семестр, мы все свалимся с температурой. Нет, нам никак нельзя болеть.

Этой осенью нам предстояла подготовка к невесомости. Говорят, вот тут-то и начинается настоящий отсев: учителя решают, какие цепочки пригодны к управлению космическим кораблем, а какие нет.

Мойра кивнула:

— И кто же он, этот одиночка? Луддит? Или христианин?

— Ни то, ни другое. У него есть флаер. И он ужасно рассердился за то, что мы наступили на его помидор. И... и он смотрел на меня.

— Конечно, смотрел. Ты ведь наш интерфейс.

— Нет, ты не понимаешь. Он смотрел на меня. Как на женщину.

Повисла пауза. Затем Мойра сказала:

— Вот как. И что же ты...

Краска опять залила мне щеки.

— Я покраснела.

— Ага. — Мойра принялась задумчиво разглядывать потолок. — Видишь ли, мы ведь все обладаем определенной сексуальностью — и как личности, и вместе...

— Только не надо читать мне лекцию.

Мойра иногда бывает такой занудой...

Она вздохнула:

— Прости.

— Да ладно, забыли.

Она усмехнулась:

— А он симпатичный?

— Прекрати! — И после паузы: — Ну, нормальный, не урод. Так неудобно, что мы сломали этот проклятый помидор...

— Возьмите и отнесите ему другой.

— Ты думаешь?

— И, кстати, разужнай, кто он такой. Матушка Редд наверняка в курсе. Или позвони Баскинам.

Мне хотелось расцеловать ее, но пришлось ограничиться улыбкой.

* * *

Матушка Редд раньше занималась медициной, но когда одно из ее звеньев погибло, она, чтобы не быть ущербным врачом, предпочла радикально сменить сферу деятельности. Она (в цепочке их было четверо клонов, так что она всегда была «она», с какой стороны ни посмотри) стала возиться на ферме, а летом устраивала здесь что-то вроде пансиона для таких школяров, как мы. Это была замечательная женщина, добрая и мудрая, но каждый раз, глядя на нее, я представляла, какой она могла бы стать, окажись это квадрат, а не триада.

Матушку Редд я нашла в теплице: она поливала, собирала и сортировала гибридные огурцы.

— Что стряслось, милочка? Почему ты одна? — спросила та матушка Редд, которая разглядывала огурец под микроскопом.

Я пожалала плечами. И вовсе я не собираюсь объяснять, отчего избегаю остальных, поэтому вместо ответа задала встречный вопрос:

— Мы сегодня видели одиночку на баскиновском озере. Не знаете, кто это?

В душном воздухе теплицы разлился резкий, острый запах мыслей матушки Редд. И хотя это был все тот же загадочный, полный символов хаос, что и обычно, я заметила: она размышляет несколько дольше, чем того требовал невинный, в общем-то, вопрос. Наконец она произнесла:

— Его зовут Малкольм Лето. Он один из Сообщества.

— Сообщества?! Но ведь они все... ушли. — Это было не совсем верное слово. Кванта, должно быть, знает точное название того, что произошло с двумя третями человечества. Они построили Кольцо и создали гигантский кибернетический организм — то самое Сообщество. Они совершили невероятный, немислимый прорыв в физике, технике и медицине, после чего исчезли. И Кольцо, и Земля в одночасье опустели — если не считать той горстки людей, которая не присоединилась к Сообществу и не погибла в водовороте генетических войн.

— Во время Исхода он был без сознания, — объяснила матушка Редд, употребив то самое слово, которое должна была знать Кванта. — Несчастный случай. Его тело подверглось долговременной реанимации, пока не восстановилось полностью.

— Значит, он последний член Сообщества?

— Выходит, так.

— Спасибо.

Я отправилась на поиски остальных. Они сидели за компьютером — резались в виртуальные шахматы с Джоном Майклом Грейди, нашим одноклассником. Ну конечно, сегодня же четверг, вечер Кванты, а она обожает стратегии.

Коснувшись руки Строма, я скользнула в клубок наших мыслей. Мы проигрывали, и неудивительно: Грейди — отличный шахматист, а нас было всего четверо, поскольку я сбежала. В сплетении мыслей и шахматных ходов мне послышались отголоски обиды. Не обращая на это внимания, я выложила всю информацию, которую мне удалось вытянуть из матушки Редд.

Ладьи и кони тут же испарились из наших мыслей, и все внимание переключилось на меня.

Он из Сообщества. Он был в космосе!

Как он здесь оказался?

Он пропустил Исход.

Он симпатичный...

Он был в космосе. В невесомости. На Кольце.

Надо с ним поговорить.

Мы раздавили его помидор.

Подарим ему другой.

Да.

Да.

Потом Стром сказал:

— В теплице есть несколько кустов. Я могу пересадить один в горшок. В качестве презента.

Это было его хобби — возиться в земле.

— Значит, завтра? — спросила я.

Согласие было мгновенным и единодушным.

Завтра!

* * *

На этот раз мы не подкрадывались к дому, а открыто постучали в дверь. Пострадавший помидорный куст был подвязан к колышку и вновь обрел былую стройность. На стук никто не отозвался.

— Флаер на месте.

Дом был слишком мал, чтобы хозяин мог нас не услышать.

— Наверное, он вышел прогуляться, — предположила я. И снова мы были без Мойры: ей стало лучше, но еще не совсем.

— Думаю, вот подходящее место, — Стром указал на свободный

участок земли в конце помидорного ряда и принялся выкапывать лунку садовым совком.

Вытащив из рюкзака блокнот, я стала сочинять для Малкольма Лето записку. Пять раз я перечитывала написанное, сминала лист, запихивала обратно в рюкзак и начинала заново. В конце концов я остановилась на следующем тексте: «Простите, что испортили ваше растение. Взамен мы принесли вам новое».

Раздался грохот. Пригнувшись к земле, я обернулась. Ручка и записка выпали у меня из рук. Воздух наполнился запахами ярости и страха.

Выстрел.

Там. Это одиночка. Он вооружен.

Он стрелял.

Я его вижу.

Обезвредить.

Последняя мысль принадлежала Строму — в подобных ситуациях он всегда проявлял инициативу. Он бросил совок Бола, и тот с легкостью метнул его в цель.

Под тополями, с пистолетом в руке, стоял Малкольм Лето. Видимо, он только что вышел из леса и спустил курок. Удар лопатки пришелся прямо по его пальцам, и оружие упало на землю.

— Сукины дети! — заорал он, приплясывая от боли и дуя на пальцы. — Проклятая цепочка!

Мы подошли ближе. Стром снова растворился на заднем плане, а же выступила вперед. Лето внимательно наблюдал за нами. Один раз он взглянул на пистолет, но поднять его не решился.

— Что, вернулись вытоптать все остальное?

Я улыбнулась:

— Нет, мистер Лето. Мы пришли, чтобы извиниться — как добрые соседи. И вовсе не затем, чтобы вы нас подстрелили.

— Откуда я знал, что это не воры? — проворчал он.

— Здесь нет воров, нет нигде, вплоть до ближайшего христианского поселка.

Он потер пальцы и криво усмехнулся:

— Да уж, могу себе представить... С вашим братом шутки плохи.

Стром мысленно подтолкнул меня, и я поспешила добавить:

— Мы принесли вам новое растение в качестве компенсации за сломанное.

— Вот как? Значит, я должен извиниться, что напугал вас. — Он перевел взгляд с дома на меня. — Не возражаете, если я подберу свой пистолет? Вы ведь не будете больше швыряться всякой дрянью?

— А вы не будете больше стрелять? — Кажется, по отношению к последнему члену Сообщества это прозвучало слишком дерзко, но, похоже, его это ничуть не смутило.

— Ладно, все по-честному.

Он подобрал оружие и, раздвинув нас плечом, зашагал к дому. Увидев саженец томата, присыпанный свежей землей, он пробормотал:

— Надо было с другой стороны посадить...

Я ощутила растущее в нас раздражение. Этому человеку невозможно угодить.

— Вы знаете, как меня зовут. Значит, и моя история вам известна? — спросил он.

— Нет. Мы знаем только, что вы с Кольца.

— Хм. — Он поглядел на меня. — Полагаю, по законам гостеприимства я должен пригласить вас к себе. Что ж, заходите.

Весь дом состоял из единственной комнаты со смежной кухонькой и ванной. Узкий диванчик заодно служил хозяину кроватью: на нем лежали сложенные стопкой подушка и одеяло.

— Тесновато здесь стало, — заметил Лето, положив пистолет на стол и усаживаясь на один из двух табуретов. — Слишком мало места для такой кучи народа. Но ведь вы как бы один человек, да? — Он все время обращался исключительно ко мне.

— Мы все самостоятельные личности, — поспешила объяснить я. — Но можем действовать и как единое целое.

— Да-да, я в курсе. Цепочка.

Спроси его про Кольцо. Спроси про космос.

— Присаживайся, — предложил он мне. — Ты ведь тут главная?

— Я всего лишь интерфейс, — поправила я и протянула ему руку. — Наше имя Аполлон Пападопулос.

После секундной паузы он пожал мне руку.

— И кто же вы по отдельности?

Он все еще сжимал мою ладонь и, похоже, не собирался ее выпустить, пока я не отвечу на вопрос.

— Я Меда, а это Бола, Кванта, Стром и Мануэль.

— Рад познакомиться, Меда, — сказал он. Я вновь всем телом ощутила силу его взгляда и поспешила подавить ответную реакцию. — Ну, и со всеми остальными.

— Вы ведь с Кольца? — сказала я. — Вы были частью Сообщества.

Он вздохнул:

— Когда-то.

— Расскажите об этом, пожалуйста! Как там, в космосе? Мы ведь собираемся стать пилотом.

Лето вскинул одну бровь.

— Значит, хотите знать, как все вышло?

— Очень.

— Ладно. Я еще никому не рассказывал всей истории целиком. — Он помолчал. — Думаете, это простое совпадение, когда оказываешься в такой дыре, у черта на рогах, и тут же сталкиваешься с цепочкой-пилотом?

— Нам кажется, для нас эта встреча — очередное испытание.

Мы уже привыкли во всем видеть испытания и проверки.

— А ты умна не по годам. Ну что ж, вот вам моя история. Озаглавим ее «Малкольм Лето — последний или первый в своем роде».

* * *

Как объяснить вам, что такое Сообщество? Да вы даже чисел таких не сможете себе представить! Шесть миллиардов человек, слившихся воедино. Шесть миллиардов как одно целое.

Это был величайший синтез в истории человечества — сплав искусственного и человеческого интеллекта. Какое-то время я был его частью, и вот теперь его нет, а я все еще здесь. Сообщество переместилось в другую реальность, исчезло, испарилось, бросив меня на произвол судьбы.

Я был конструктором биокораблей. Выращивал молекулярные процессоры, которые использовались для слияния с Сообществом. Да-да, такие, как этот: вот он — вживляется в основание черепа и подсоединяется к мозгу.

Наша группа работала над увеличением производительности. Основные принципы были уже довольно хорошо разработаны, и мы — то есть я, Джиллиан и Генри — бились над улучшением проводимости транспортного слоя между электрохимическими импульсами мозга и микросхемами. Вся проблема была в том, что винтики у нас в голове крутятся слишком медленно.

Каждый из нас работал в своем направлении, одновременно с сотнями тысяч других ученых. Время от времени мы совершали важнейшие открытия — из разряда тех, что знаменуют переворот в науке. Но чаще просто упорно трудились, шаг за шагом продвигаясь вперед, отчитывались о полученных результатах и ждали новых указаний. Сообщество было идеальной системой сбора и обработки информации. За ночь, пока ты спал, кто-нибудь мог освоить целую сферу исследований.

Работа продвигалась такими темпами, которых мы, будучи отдельными личностями, не могли даже представить — пока не погружались в лоно Сообщества. Тогда всё становилось очевидным. Сейчас это понимание ускользает от меня, но тогда оно сверкало, как бриллиант.

И это касалось не только моей работы, но и вообще всего. Сто пятьдесят лет понадобилось человечеству, чтобы от гужевых повозок перейти к орбитальным лифтам. Прогресс от кубов вероятности до ворот Гейзенберга занял у нас шесть месяцев. Еще двадцать дней ушло на открытие квантовых процессоров и кубитов энного порядка.

Быть может, со стороны это действительно напоминало поезд без машиниста, несущийся на всех парах. На самом же деле то был упорядоченный прогресс науки и техники, контролируемый и направляемый.

Мы старались проводить в Сообществе как можно больше времени: здесь мы работали, отдыхали и даже спали. Многие занимались любовью, не выходя из слияния, — что-то вроде эксгибиционизма, только доведенного до предела. Конечно, находиться в слиянии постоянно невозможно, отдых необходим. Но быть вне Сообщества — все равно что оставаться собой лишь наполовину.

Вот такие дела.

Во время слияния нам являлось что-то вроде видения: все люди Земли, объединив усилия, шаг за шагом приближались к общей цели — Исходу. По крайней мере, кажется, цель заключалась именно в этом... Мне трудно вспомнить. Но ведь они все ушли, верно? Я один остался. Значит, они добились своего. Только вот меня с ними уже не было.

Нет, я вовсе не в обиде на Генри. Я и сам поступил бы точно так же, если б узнал, что мой лучший друг спит с моей женой.

Вот Джиллиан — другое дело. Заливала мне что-то про родство душ, а когда двадцать шесть лет спустя меня вытащили из холодильника, ее и след простыл.

Могло показаться, что в Сообществе сама идея брака должна отмереть, как пережиток прошлого. Что для группового мозга нормой должен был стать групповой секс. Забавно, но так думали далеко не все.

Как бы там ни было, Генри вместе с другим отрядом исследователей уехал на неделю в сектор 214, и пока его не было, мы с Джиллиан устроили свое собственное слияние. Я знал ее почти столько же лет, сколько и Генри. Мы с ним попали на Кольцо с первой волной эмиграции, а еще раньше, в Энн-Арборе, вместе учились в школе. С

Джиллиан и ее подружкой Робин мы познакомились в кафе. Мы с Генри бросили жребий: ему досталась Джиллиан. Наши с Робин отношения закончились на том, что утром она почистила зубы в моей ванной. А Джиллиан и Генри поженились.

Она была прекрасна. Такие же, как у тебя, золотистые волосы, стройная фигурка. Она умела и пошутить к месту, и все остальное... Ладно, не стоит об этом.

Друг жениха, соблазняющий невесту... История стара как мир и столь же некрасива. Неужели вы ничего подобного не слышали? Тогда поверьте на слово: история и вправду вышла дрянная.

Думаю, Генри недолго оставался в счастливом неведении — ведь Сообществу известно всё. Гораздо дольше он строил планы мести. А когда все было готово — бац! — и мне конец.

Мы в то время работали над новым интерфейсом для затылочной доли, пытаюсь усилить зрительные образы во время слияния. Это было безумно увлекательно. Проведенные Генри эксперименты показали, что новое устройство абсолютно безопасно, и мы решили испытать его на себе.

И вот что забавно: я отчетливо помню, как сам вызвался участвовать в эксперименте. Не помню только, что перед этим говорил мне Генри и каким образом он подтолкнул меня к этому. Да, тут он был на высоте...

Модернизированный интерфейс оказался несовместим с моим собственным. Когда я имплантировал эту штуковину, нейронные связи в коре просто-напросто закоротило. Плата интерфейса сгорела, и я превратился в растение.

Пока Сообщество восстанавливало мне разум, жизнь в моем теле поддерживалась искусственно. Для Сообщества нет ничего невозможного, но некоторые вещи требуют времени. Шесть месяцев спустя произошел Исход, а автоматика Кольца продолжала трудиться над моим мозгом. Без участия человека процесс шел медленно — целых двадцать шесть лет. И вот три месяца назад меня оживили — единственного человека, оставшегося на Кольце.

Мне до сих пор иногда снится, будто я часть Сообщества. Что оно все еще здесь, стоит только протянуть руку. Поначалу это были кошмары, теперь всего лишь сны. Квантовые компьютеры пусты, но они по-прежнему здесь, они ждут. Может, им тоже снится Сообщество.

Я знаю, во второй раз будет проще. Технологии с тех пор значительно продвинулись. Новый Исход — дело нескольких месяцев. Нужен только миллиард людей, чтобы его осуществить.

* * *

В тот вечер (это был вечер моего хобби) вместо урока рисования мы отправились в Сеть.

Малкольм Лето спустился на Землю на Макапском орбитальном лифте два месяца назад — к немалому удивлению Бразильского отделения Верховного правительства. Приемные станции продолжали получать излучаемую Кольцом микроволновую энергию, но на Кольце никто больше не жил, как никто не пользовался разбросанными по экватору орбитальными лифтами. Без специального интерфейса это было попросту невозможно.

Новость о появлении Лето не дошла до Северной Америки, но в архивах сохранилось несколько интервью с неким человеком, который много рассказывал о Сообществе и о том, что «пропустил» Исход. Потом недели две о нем ничего не было слышно, пока он не подал в бразильский суд иск с предъявлением своих прав на Кольцо — на том основании, что является последним членом Сообщества.

Верховное правительство никогда не пробовало заселить Кольцо. Не говоря уже о проблеме доступа к орбитальным лифтам, в этом просто не возникало необходимости: население Земли едва достигало полумиллиона. Генетические войны погубили большинство людей, переживших Исход, и правительству потребовалось почти три десятилетия, чтобы построить космические корабли, протянуть до нижней земной орбиты собственные наноуправляемые лифты и создать небольшой флот судов, курсировавших между этой орбитой и точками Лагранжа.

Никто больше не пользовался квантовыми компьютерами. Никто не владел интерфейсами и даже не мог их создать. Человеческую расу это просто не интересовало. Мы сосредоточились на звездах и самих себе — все, кроме жителей анклавов, которые не признавали Верховное правительство, хоть и не бунтовали против него.

Решение по иску Лето так и не было принято. Неделю спустя дело было назначено к слушанию в Южноамериканском суде, а потом передано выше — в суд Верховного правительства.

Он хочет создать новое Сообщество.

Он хочет украсть Кольцо.

Но разве оно принадлежит нам?

Ему одиноко.

Как нам не хватает Мойры.

Он хочет, чтобы мы помогли ему. Поэтому и рассказал нам все это.

Он рассказал не нам, а Меде.

Меда ему понравилась.

— Хватит! — Я сжала кулаки, чтобы не слышать больше этих мыслей. Они взглянули удивленно, не понимая, почему я противлюсь согласию. А я вдруг почувствовала, что смотрю не на нас. На *них*. Словно лезвие ножа прошло между нами. Я бросилась вверх по лестнице.

— Меда! Что случилось?

Я распласталась на полу в комнате Мойры.

— Ну почему, почему они так ревнивы?!

— Кто, Меда? Кто?

— Они! Остальные наши.

— А, понятно.

Я подняла на нее глаза в надежде на понимание. Но разве это возможно, если я не могу поделиться с ней своими чувствами?

— Я в курсе ваших поисков. Меда, он психически неуравновешен. Он пережил огромную потерю и очнулся в совершенно чужом мире.

— Он хочет воссоздать свой мир.

— Это всего лишь следствие его психоза.

— Но Сообщество столько всего создало! Оно достигло таких вершин, которые мы не сможем осмыслить еще десятки лет! Разве это плохо?

— Принято считать, что Исход был естественным эволюционным шагом в развитии человечества. А если нет? Если Исход был гибелью? Мы не пропустили Исход, мы его избежали. Мы пережили Сообщество, точно так же, как Лето. Неужели мы хотим для себя этой участи?

— Ну и кто тут психопат?!

— Верховное правительство никогда не позволит ему вернуться на Кольцо.

— Значит, он обречен на вечное одиночество, — заключила я.

— Он может присоединиться к одному из анклавов. Там все живут одиноко.

— Ты представляешь себе, что это значит: проснуться однажды утром — а тебя нет?

— Меда! — Мойра, бледная как полотно, выпрямилась в постели.

— Возьми меня за руку!

Она протянула ладонь, и я ощутила запах феромонов, шепчущих мне ее мысли. Но, вместо того чтобы открыться, я выбежала прочь из комнаты, прочь из дома — во влажную летнюю ночь.

* * *

В доме на озере горел свет. Я долго стояла у дверей, поражаясь самой себе. Мне и раньше доводилось быть в одиночестве, но не *так*.

Прежде мы в любой момент могли дотянуться друг до друга. Теперь я находилась в нескольких милях от остальных. Но Малкольм Лето от своих был еще дальше...

Такое чувство, будто на языке вертится половина всего, что я знаю. Будто мысли сошли с ума. Зато все, что я думала и чувствовала сейчас, принадлежало мне одной. Никакого согласия.

Точно так же, как не существовало согласия для Малкольма Лето. У одиночек все решения принимаются единодушно.

С этой мыслью я постучала в дверь.

Он стоял на пороге в одних шортах. Я ощутила волнение — теперь, когда моих не было рядом, его незачем было скрывать.

— А где же твоя цепочка?

— Дома.

— Там им и место. — Он повернулся, оставив дверь открытой. — Входи же.

На столе лежал металлический кубик. Малкольм сел за стол. Только теперь я заметила тонкий серебристый обруч, обхвативший его голову чуть ниже линии волос. Он подключил к обручу идущий от кубика провод.

— Это внешний блок интерфейса. Одно время они были запрещены. — После Исхода большинство интерфейсных технологий, служивших для слияния с Сообществом, действительно попало под запрет. — Но теперь он в прошлом. Ваше Верховное правительство аннулировало эти законы десять лет назад, а никто и не заметил. Мой адвокат сумел раздобыть для меня такую штуку. — Малкольм выдернул провод из обруча и бросил на стол. — Все равно теперь это бесполезно.

— Вы не можете попасть на Кольцо?

— Могу, но это все равно что в одиночку пересекать океан. — Он искоса глянул на меня. — Хочешь такую штучку? Я мог бы вживить тебе интерфейс.

Я отшатнулась.

— Нет!

Он улыбнулся — кажется, впервые. Лицо у него стало совсем другим.

— Ясно. Хочешь чего-нибудь выпить? У меня найдется пара глотков. И сядь уже наконец.

— Нет, спасибо, — сказала я. — Я просто... — Пожалуй, свою роль голосового звена я выполняла сейчас не слишком успешно. Я заглянула ему в глаза. — Мне нужно было поговорить с вами наедине.

— Что ж, поступок. Знаю, как неудобно вам поодиночке.

— Откуда вам так много о нас известно?

— Множества... цепочки, как их теперь называют, создавались еще при мне. Одно время я интересовался этим проектом. — Малкольм Лето пожал плечами. — Но он оказался бесперспективным. Я читал статьи о неудачных экспериментах, порождавших уродов и умственно отсталых...

Я перебила его:

— Но это было давно! Матушка Редд родилась в то время, и она замечательный врач. И с нами тоже все в порядке...

Он поднял руку.

— Тише, тише! С интерфейсами тоже была куча несчастных случаев... В конце концов, окажись это абсолютно безопасно, я бы здесь сейчас не прозябал.

Вынужденное одиночество было для него большим вопросом.

— Но почему вы здесь, а не в каком-нибудь анклав?

Он пожал плечами.

— Какая разница, здесь или где-то еще? — Он криво усмехнулся. — Последний представитель исчезнувшего вида — вот кто я такой. Так значит, ты со своими дружками-телепатами собираешься стать пилотом корабля?

— Да, я... то есть мы...

— Что ж, удачи. Может, отыщете где-нибудь Сообщество, — сказал Лето. Он выглядел усталым.

— Выходит, произошло именно это? Они ушли в открытый космос?

Казалось, мой вопрос его озадачил.

— Да. А может, и нет. Я почти... помню. — Он усмехнулся. — Это как будто ты пьян в стельку и знаешь, что должен быть трезвым, но ничего не можешь с собой поделать.

— Понимаю, — серьезно произнесла я и пожала ему руку. Его ладонь оказалась сухой и гладкой.

В ответ он коротко сжал мою руку и поднялся, оставив меня в растрепанных чувствах. Внутри все как-то затуманилось, но в то же время я как никогда остро ощущала его присутствие. Мы, разумеется, знали, что такое секс. Мы это проходили, но только в теории. И сейчас я понятия не имела, о чем думает Малкольм. Если бы он был множеством, звеном моей цепочки, я бы знала.

— Мне пора, — сказала я, вставая.

Я надеялась, он скажет что-нибудь, пока я иду к двери, но он молчал. Щеки у меня горели. Глупая девчонка! Только и могу, что сбивать с толку свою цепочку...

Я закрыла за собой дверь и бросилась к лесу.

— Меда!

Его фигура чернела в желтом проеме двери.

— Прости, я задумался о своем. Наверное, я вел себя не слишком гостеприимно. Может, ты...

В три шага я очутилась рядом и поцеловала его в губы. Только теперь я ощутила его мысли, его волнение.

— Может, я — что? — спросила я через минуту.

— Может, ты зайдешь?

* * *

Утром, когда я вернулась на ферму, мы, то есть они, уже ждали меня. Я знала, что так будет. Одна часть меня жаждала провести весь день наедине с возлюбленным, а другая стремилась лишь к одному — встретиться с собой, зарыться носом в запах, который льнул ко мне, и доказать нам... Не знаю, что именно я собиралась доказать. Возможно, то, что для счастья мне не нужно быть частью чего-то. Что они, то есть мы, не нужны мне, чтобы стать цельной личностью.

— Помнишь Веронику Пруст? — спросила Мойра. Она стояла в дверях кухни, остальные сгрудились позади нее. Конечно, когда я сбежала, она все поняла. И неслучайно припомнила именно эту историю.

— Помню, — ответила я, не входя в дом, недостижимая для волн феромонов. Тем не менее я ощущала запах гнева и страха — это злилась и боялась я сама.

— Она собиралась стать капитаном корабля, — продолжала Мойра.

Конечно, мы все прекрасно помнили Веронику. Она была на два года старше. Обычно множества формировали еще в яслях, чтобы оставалось время на корректировку, но выводок Вероники распался на пару и квадрат. Пара оказалась довольно крепкой, а квадрат сначала перевели на машиностроительное отделение, а потом вообще исключили.

— Хватит, — отрезала я.

Я шагнула мимо них на кухню, на ходу скатав в тугий клубок воспоминание о ласках Малкольма, и камнем бросила в них.

Они вздрогнули. Я поднялась в свою комнату, чтобы собрать вещи. Они не пошли за мной и этим разозлили меня еще больше. Я кое-как побросала в сумку одежду, одним движением смахнула с комода безделушки... Что-то блеснуло в этой куче. Это был жеод, который Стром нашел как-то летом, когда мы летали в пустыню. Он тогда разломил его пополам и собственноручно отполировал.

Я взяла его в руки, провела пальцем по гладким граням, окружавшим зазубринки кристалла, спрятавшегося в сердцевине. Но братья с собой не стала, положила обратно на комод и застегнула сумку.

— Уходишь?

В дверях с непроницаемым лицом стояла матушка Редд.

— Вы звонили доктору Халиду?

Это был наш врач, наш психолог — в общем, практически наш отец.

Она пожала плечами:

— А что я ему скажу? Разбитую цепочку заново не скрепишь.

— Ничего я не разбиваю! — воскликнула я.

Неужели даже она не понимает?! Я личность, сама по себе. Мне не нужно быть частью чего-то.

— Ну да, ты просто уходишь. Конечно, я все понимаю.

Мне стало больно от ее сарказма, но она вышла из комнаты раньше, чем я успела ответить. Я опрометью бросилась вниз по лестнице, прочь из этого дома — чтобы не встречаться с остальными. Не хотелось, чтобы они почувствовали мою вину. Всю дорогу до домика Малкольма я бежала. Он работал в огороде.

— Тише, тише, Меда... — сказал он, принимая меня в свои объятия. — Что с тобой?

— Ничего, — прошептала я.

— Зачем ты туда ходила? Я мог бы послать за твоими вещами.

И тогда я сказала:

— Я хочу интерфейс.

* * *

Процедура оказалась проста. Он приложил нанодермик к основанию черепа. Сначала похолодел затылок, потом холод разлился по шее и позвоночнику. Легкая боль от укола — и по коже поползли мурашки.

— Я погружу тебя на часок, — предупредил Малкольм. — Так надежнее.

— Ладно, — пробормотала я, погружаясь в дремоту.

Мне снились пауки, ползущие в мозг по зрительному нерву, ухвертки, шныряющие по лобным долям, пивяки, присосавшиеся к пальцам... Но когда они вползли по рукам в мозг, передо мной, будто восход солнца, запахнулась дверь, и я оказалась неизвестно где, непонятно когда, но во сне всё это имело глубокий смысл. Я вдруг поняла и зачем я здесь оказалась, и где теперь Сообщество, и почему они ушли...

— Привет, Меда, — услышала я голос Малкольма.

— Я все еще сплю?

— Уже нет, — произнес голос, который доносился из яркой точки впереди. — Я подключил тебя к блоку интерфейса. Все прошло как по маслу.

Я отвечала ему, сама того не желая:

— Я беспокоилась, что из-за моих генетических модификаций могут возникнуть проблемы.

Похоже, я все-таки спала. Я вовсе не собиралась этого говорить!

— Я не хотела этого говорить. Наверное, я все еще сплю. — Я попыталась замолчать. — Говорю и не могу остановиться.

Я ощутила улыбку Малкольма.

— Ты не говоришь. Сейчас я покажу тебе то, что возможно только в Сообществе.

На протяжении нескольких часов он учил меня манипулировать реальностью интерфейса, протягивать руку и брать его так, будто моя рука это лопата, или молоток, или наждачная бумага, или ткань...

— У тебя хорошо получается, — похвалил Малкольм, светящаяся точка в серо-зеленом саду, который мы разбили в древнем, заброшенном городе. Стены были увиты плющом, и в зелени сновали какие-то скользкие твари. От земли шел сырой, спертый дух, который смешивался с запахом цветущего кизила, живой изгородью окружавшего сад.

Я улыбнулась, зная, что он увидит мою радость. Он видел меня всю, словно был одним из звеньев моей цепочки. Я полностью обнажилась перед ним, в то время как он оставался для меня невидимым.

— Позже, — сказал он, когда я попыталась взглянуть в его свет, а потом прижал меня к себе, и мы снова занимались любовью в саду, и трава щекотала мне спину тысячей колких язычков.

* * *

Когда усталость накрыла нас золотистой негой, из сияющего шара возникло лицо Малкольма. Глаза его были закрыты. Пока я разглядывала его лицо, оно становилось все шире и шире. А потом я упала в туннель его левой ноздри, скатилась в череп — и весь он предстал передо мной.

В волшебном саду, возле увитых плющом стен, меня выворачивало в приступе рвоты. Даже в виртуальной реальности на губах ощущался вкус желчи. Он солгал мне.

* * *

Я не владела своим телом. Металлический кубик по-прежнему лежал рядом на диване, но псевдореальность пропала. Малкольм нахо-

дился где-то сзади. Я слышала, как он укладывает в сумку вещи, но не могла заставить свою голову повернуться.

— Полетим к Белемскому лифту. На Кольце мы будем в безопасности. Там им до нас не добраться. А сунутся — придется иметь дело со мной...

На белой стене темнело какое-то пятнышко — изъян, от которого я не могла оторвать глаз.

— ...завербуем людей из анклавов. Раз они не считаются с моими правами, придется им считаться с моей силой...

На глазах выступили слезы. Он просто использовал меня! А я-то, глупая девчонка, воображала себе... Он совратил меня и взял в заложницы, чтобы потом торговаться.

— ...пусть на это уйдет жизнь целого поколения — хотя я надеюсь, что меньше. На Кольце есть кубы для клонирования. Из тебя выйдет отличная матрица, а при правильном воспитании ты станешь гораздо податливей...

Он думал, что если у него есть я, частица космической цепочки, то Верховного правительства ему бояться нечего. Откуда ему знать, что звено, отделенное от своей цепочки, не представляет никакой ценности! Он просто не понимал, что его затея бесполезна.

— Ладно, Медя. Пора ехать.

Боковым зрением я увидела, как он подключает свой интерфейс, и ноги сами подняли меня с дивана. Меня распирало от ненависти, с шейных желез изливались потоки феромонов.

— Господи, что за вонь?

Феромоны! Он контролировал мое тело, язык, лицо, все, что угодно — но не модифицированные железы. Он о них просто не подумал. Я закричала что было сил, извергая в пространство волны запаха: ненависть, страх, отвращение.

Малкольм открыл дверь, чтобы впустить в комнату свежий воздух. На поясе под одеждой проступал пистолет.

— По дороге придется купить тебе дезодорант.

Он скрылся за дверью с двумя дорожными сумками, а я осталась стоять с коробкой интерфейса в вытянутых руках.

Я продолжала беззвучно кричать, наполняя воздух запахами, пока железы не иссякли. Я напрягала слух, пытаюсь различить хоть какой-нибудь отклик. Ничего.

Снова появился Малкольм.

— Пошевеливайся!

На деревянных ногах я вышла из дома.

Едва переступив порог, я почуяла наши мысли. Моя цепочка бы-

ла здесь — слишком далеко, чтобы понять, о чем они думают, но все же близко! Остатками феромонов я послала сигнал о помощи.

— Залезай. — Малкольм кивнул на флаер.

Что-то дернулось в шее, все тело свело судорогой, и я рухнула на землю, успев заметить на крыше Мануэля с черным кубиком интерфейса в руках.

Вывхватив оружие, Лето обернулся.

Что-то просвистело мимо, и Лето вскрикнул, выронив пистолет. Я поднялась и, пошатываясь, побежала к лесу, пока кто-то не подхватил меня под руки и я не оказалась среди своих.

Спрятав лицо на груди у Строма и сжимая пальцами его ладони, я видела другими глазами — глазами Мойры! — как Лето торопливо вскарабкался во флаер и включил турбины.

Он не уйдет далеко.

Мы немного поколдовали над водородным регулятором.

Спасибо, что пришли. Простите меня.

Я чувствовала себя грязной, опустошенной. Я едва могла связать пару слов. Но я открыла им всё: всё, что случилось, всё, что я сделала, все мои глупые мысли... Я ожидала, что ответом мне будет гнев и презрение. Я думала, они оставят меня здесь, рядом с домом...

Ты такая глупая, — проворчала Мойра. Стром мягко коснулся разъема интерфейса на моем затылке.

Плохое позади, Меда. Теперь ты с нами.

Согласие было словно сок спелого плода, словно свет далекой звезды.

Ты с нами.

Не разнимая рук, мы возвращались на ферму, делясь всем, что случилось за этот день.

СИЛЬНОЕ ЗВЕНО

Я — сильный. Я не такой умный, как Мойра. Мне никогда не научиться говорить гладко, как Меда. Я ничего не смыслю в математике — это дело Кванты. Я не такой ловкий, как Мануэль. Мой мир — это не сплошные силовые поля, каким его видит Бола...

Со стороны, наверное, может показаться, что ближе всех мне Мануэль: у того тоже весь талант в руках — в ловкости и сноровке. Но у Мануэля острый ум и удивительная память: он всё запоминает и сохраняет для нас. И как у него в голове умещается столько всякой всячины?

На самом деле, в нашей цепочке самое близкое мне звено — Мойра. Наверное, оттого, что в ней есть все, чего так не хватает мне. По-

моему, она даже красивее, чем Меда. Будь она одиночкой — в ней все равно была бы какая-то изюминка. А я? Разве без меня цепочка что-нибудь потеряла бы? Нет, это был бы все тот же Аполлон Пападопулос, по-прежнему нацеленный на пилотирование космических кораблей. Все мы разные по отдельности, и каждый думает о своем. Но когда мы вместе, это что-то особенное, что-то лучшее. Хотя моей заслуги в этом почти нет.

Когда в голову лезут такие мысли, я их прячу от остальных. Но Бола как-то странно на меня смотрит — неужели что-то почуял? Остаётся лишь улыбаться и надеяться, что он не преодолет моих укреплений. Беру его за руку — сенсорные подушечки скользят друг о друга, смешивая мысли — и посылаю воспоминание: Мойра и Меда, совсем еще малышки, смеются, держась за руки. Им годика по три-четыре, значит, это еще в яслях, но уже после объединения в цепочку. У обеих золотисто-рыжие кудряшки, ужасно смешные. У Мойры ссадина на коленке, и улыбается она не так широко, как Меда. Там, в воспоминании, Меда тянется к Бола, Бола протягивает руку к Мануэлю, тот касается Кванты, а она берет за руку меня — и вот все мы разделяем восторг Меды, увидавшей в лесу белку, и досаду Мойры, которая упала и спугнула зверька. Здесь, в горах, в нашем согласии возникает пауза — все ловят воспоминание.

Мойра улыбается, но Меда напоминает строго:

— Стром, у нас много работы.

Да-да, я и сам знаю. Чувствую, как краска заливает лицо. Как разносится в воздухе мое смущение, не скрываемое даже плотной курткой.

Простите.

Я посылаю слово руками, и мысль скользит по нашим пальцам.

Мы где-то в Скалистых горах. Учителя высадили нас из флаера на склоне возле леса и дали задание прожить здесь пять дней. Больше нам не сказали ничего. Все наше снаряжение — это то, что мы успели собрать за отпущенные полчаса.

Семь недель наш класс осваивал науку выживания в различных условиях: в пустыне, в лесу, в джунглях... Само собой, в космосе мы вряд ли столкнемся с чем-то подобным. Там вообще не будет ничего, кроме убийственного вакуума. Зато теперь мы научились выживать.

В самом начале курса, еще на первом уроке, учитель Тесей (их было двое — простейшая форма цепочки) встал перед нами и пролялял инструкции короткими, будто автоматные очереди, фразами.

— Вас учат думать! — отчеканил Тесей слева.

— Вас учат действовать в незнакомой обстановке, в экстремальных условиях! — продолжал Тесей справа.

— Вы не знаете, с чем вам придется столкнуться!

— Вы не знаете, что поможет вам выжить и что убьет вас!

Потом были две недели обучения в классе, а после этого неделю за неделей нас возили по самым разнообразным территориям и тренировали. Но Тесей всегда был рядом. И вот настала последняя неделя курса, и на склоне горы мы стояли одни.

— Аполлон Пападопулос! Выживание при минусовой температуре! Двадцать килограммов на каждое звено! Время пошло! — выкрикнул один из Тесеев, материализовавшись на пороге нашей комнаты.

Нам повезло: в шкафу нашлась теплая одежда и непродуваемая палатка. А вот в распоряжении Хагара Джулиана, например, оказались лишь легкие брезентовые плащи. Несладко им придется...

Двадцать килограммов на человека — не так уж много. Я ташу на себе шестьдесят, остальной вес поделен между другими звеньями цепочки. Пока летим во флаере, замечаем, что Хагар Джулиан и Эллиот О'Тул распределили груз поровну: наверное, стараются беречь свои сильные звенья.

Стром! — вновь окликает Меда. Я отдергиваю руки от Мануэля и Кванты, но они все же улавливают запах моего смущения. Я не могу остановить выдающие мою досаду феромоны, и они плывут в морозном воздухе. Я снова занимаю свое место в цепочке, стараясь быть гармоничной частью целого, и пытаюсь сосредоточиться.

Химиомысли текут по кругу из ладони в ладонь, по часовой стрелке и против: предложения, возражения, размышления... Некоторые мысли помечены авторами, и тогда сразу ясно, что это Бола заметил понижение температуры и усилившийся ветер, а значит, прежде всего надо будет оборудовать укрытие и разжигать костер... Так рождается согласие.

Итак, до темноты нужно:

- поставить палатку;
- развести костер;
- поужинать;
- выкопать отхожее место.

Список дел скользит по цепочке. Мы приходим к согласию по одному вопросу за другим — иногда быстрее, чем я успеваю эти вопросы осознать. Я по мере сил, конечно, тоже вношу свою лепту. Но я доверяю своей цепочке. Ведь цепочка — это я.

Руки закоченели — чтобы думать, перчатки пришлось снять. На этом морозе наши эмоции — как вспышки молний, хотя порой ветер уносит их прочь, раньше чем успеваешь что-то почувствовать. С перчатками на руках, в закрывающих шейные железы капюшонах думать очень тяжело. Это все равно что работать в одиночку: каждый выпол-

няет свое задание, и лишь потом, сняв перчатки, мы вновь соединяемся для торопливого согласия.

— Стром, принеси дров для костра, — напоминает Мойра.

Я сильный, мое дело — быть там, где требуются крепкие мышцы и широкие плечи.

Шаг в сторону — и я отрезан от остальных: ни касаний, ни запахов... Мы учились этому — быть порознь. Мы и родились поодиночке, хотя все детство, от первой до четвертой ступени, мечтали быть единым целым. И вот мы снова учимся одиночеству. Это всего лишь навык, как читать и писать.

Я оглядываюсь на остальных: Кванта трогает Мойру за руку, передавая ей какую-то мысль. Ревность — вот имя моему страху. Впрочем, если цепочка примет важное решение, я все равно узнаю об этом, когда вернусь. А пока придется действовать в одиночку.

Для лагеря мы выбрали почти плоский пятачок земли в окружении редких, сгорбленных от ветра сосен. Горный склон здесь образует пологую ложбинку — укрытие от снега и ветров. Неглубокий овраг обрывается крутым откосом, под которым лежит широкая каменистая долина, укрытая слоем снега — наш флаер пролетал над ней перед посадкой. Выше по склону — отвесная стена, увенчанная ледяной шапкой. Отсюда вершины не видно: до нее много сотен метров. И во все стороны тянутся цепочки острроверхих пиков. В белых склонах отражается закатное солнце, с востока клубятся облака.

Снег неглубокий, можно без труда добраться до каменистой земли. Деревья защитят нас от ветра, а заодно послужат опорами для палатки — во всяком случае, мы на это рассчитываем. Вдоль цепочки сосенок я спускаюсь чуть ниже по склону.

Топора у нас нет, так что придется собирать поваленные стволы и сучья. Правда, это не самое лучшее топливо — хороший костер из гнилого дерева не разведешь. Я откладываю эту мысль на потом, до ближайшего согласия.

Наконец я нахожу раздвоенный сосновый сук в руку толщиной, липкий от смолы. Тащу его обратно к лагерю, размышляя о том, будет ли он гореть. Только теперь до меня доходит: за дровами надо было отправляться вверх по склону, чтобы потом легче было тащить их к лагерю. Теперь это очевидно — да и раньше было бы очевидно, если бы я догадался обратиться за согласием.

Я бросаю сук на расчищенной площадке и принимаюсь устраивать очаг. Укладываю полукругом булыжники, открытым концом к ветру — чтобы была тяга. Те камни, что лежат по бокам, можно будет использовать для готовки.

Стром, это же место для палатки!

Я отпрыгиваю в сторону, запоздало соображая, что взялся за работу без совета с остальными, принял решение в одиночку.

Простите.

Смущенный и сбитый с толку, я оттаскиваю в сторону камни и дрова. Да, похоже, сегодня не мой день. Но я гоню эти мысли прочь, разгребаю снег чуть поодаль и вновь принимаюсь выкладывать очаг.

Мы решаем проверить, как обстоят дела у наших одноклассников. Я взбираюсь на гору повыше, чтобы деревья не заслоняли обзор. На этом склоне нас пятеро: все мы одноклассники, давние приятели и извечные соперники. Так всегда было и всегда будет. Каждый из нас рожден быть пилотом. По крайней мере, каждый в этом уверен. Но сколько старших пилотов требуется на борту «Согласия»? Один. Найдутся ли для остальных другие корабли? Пока что новых больших кораблей не строится. Или остальные пилоты займут на «Согласии» другие должности? Но кто из нас на это пойдет? Все эти вопросы мы задаем себе очень часто.

Поэтому то, как обстоят дела у наших конкурентов, чрезвычайно важно.

За деревьями, в полукилометре к западу, виднеется уже готовая палатка Эллиота О'Тула. Восточнее, в нескольких сотнях метров отсюда, возится в снегу Хагар Джулиан. Звенья этой цепочки роют яму в большом сугробе — наверное, хотят выкопать пещеру. Долго же им придется копать, думаю я. Чтобы вырыть достаточно места для шестерых, придется потратить уйму энергии. Да и огонь в такой пещере не разведешь.

Еще двух цепочек не видно из-за деревьев. Я не могу оценить их успехов, но по опыту предыдущих испытаний знаю: наши главные соперники — Джулиан и О'Тул.

Вернувшись, я передаю остальным память об увиденном.

Они уже натягивают палатку, привязывая веревку к соседним деревьям. К сожалению, колышков у нас нет: чтобы уложиться в двадцатикилограммовый лимит, ими пришлось пожертвовать. Нам вообще много чего пришлось выбросить из рюкзаков. Но, разумеется, не спички. Я присаживаюсь на корточки, чтобы разжечь костер.

Стром!

Резкий запах оклика жжется на колючем ветру. Оказывается, цепочка ждет, чтобы я помог натягивать и привязывать палатку. Они решили это без меня. Так иногда бывает — в том случае, если это целесообразно. Конечно, я понимаю: принимая верное решение, они легко могут обойтись и без меня.

Мы туго натягиваем шнуры из паутинного шелка, и купол палатки становится на место: белый на белом, синтетика на снегу. Воздух наполняется торжествующими вибрациями. Бола заходит внутрь и снова выходит с довольной улыбкой.

— Укрытие готово!

Теперь ужин, — напоминает Мануэль.

Ужин — это крошечные пакетики мерзлого жесткого мяса. Как только разведем костер, сможем приготовить что-нибудь получше. А пока — так, всухомятку, прямо из пакетика.

А если бы не было запасов пищи, пришлось бы охотиться, — посылаю я мысленный сигнал. Представил себя с тушей здорового лося на плечах. Мойра прыскает со смеху. Шутки шутками, но когда я пересчитываю пакеты с солониной и сухофруктами, становится ясно, что за пять дней мы порядком изголодаемся. Благополучие цепочки — моя прямая обязанность, и мне становится не по себе, оттого что мы не захватили с собой побольше еды.

— Опять испытание... — ворчит Бола. — Опять хотят проверить нашу подготовку. Можно подумать, эта гора хоть чуть-чуть похожа на другой мир. Как будто это хоть что-то им скажет...

Я понимаю, о чем он. Порой мы чувствуем себя пешками в чужой игре. Что бы с нами ни происходило — это всегда очередная проверка. И ни одного поражения, всегда только победы, одна за другой, пока это не теряет всякий смысл. Но проиграть хоть раз — это катастрофа.

— Смотрите, какой закат, — говорю я.

В палатке мы снимаем перчатки и капюшоны, хотя температура здесь не намного выше нуля. Однако теперь, когда солнце прячется за западными пиками, разница между теплом палатки и стужей за ее пределами становится весьма ощутимой. Закат какой-то бледный, бесцветный, а свет заходящего солнца белый и резкий. Прозрачные облака быстро скользят по небу, и я предупреждаю остальных о возможном снегопаде. За эти пять дней мы наверняка увидим немало снега. Быть может, уже сегодня.

* * *

Эллиоту О'Тулу удалось развести костер — до нас доносится запах горящего дерева. Может, они еще не до конца установили палатку, зато огонь уже есть. Пахнет жареным мясом.

— Вот же гады! — с завистью говорит Кванта. — Бифштекс лопают...

Нам это не нужно.

Но ведь хочется же!

Тогда я говорю вслух:

— Речь идет о выживании, а не о роскоши.

Бола бросает на меня взгляд, полный ненависти. И он не одинок. Я теряюсь перед этим молчаливым сопротивлением и прошу прощения, хотя сам не понимаю за что. Меда говорит, я ненавижу раздоры. Так ведь кто же их любит? Нас шестеро, а я один. Я, как и все, подчиняюсь мнению большинства. Ведь именно так мы находим оптимальное решение.

Когда с ужином покончено и близится ночь, мы торопимся закончить все запланированные дела: во-первых, костер (если, конечно, удастся его развести) и, во-вторых, туалет. Мы с Мануэлем колдуем над костром: перекладываем с места на место камни, разламываем слишком длинные ветки и укладываем шалашиком. Но, похоже, с огнем сегодня ничего не выйдет — слишком сильный ветер. Пологое дно лощины оказалось удачным местом для палатки, но ветер завывает здесь, как в трубе, и натянутые веревки гудят от напряжения.

На ветру вдруг запахло страхом — как от феромонов испуганного ребенка. Сперва я решаю, что кто-то из нас попал в беду, но вскоре понимаю: это чужой страх, опасность грозит кому-то из одноклассников. Когда ветер на секунду стихает, мы слышим тяжелое, сбивчивое дыхание человека, бегущего по сугробам. Как всегда в минуты опасности, цепочка плотным кольцом сбивается вокруг меня. Касаясь друг друга, мы пытаемся понять происходящее, но информации слишком мало — только запах и звук.

Я бросаюсь на помощь человеку, кем бы он ни был. В воздухе разливается предостережение Мойры, но я не обращаю на него внимания. Пора действовать. Мы и так иногда тратим слишком много времени на все эти предосторожности, на обдумывание ситуации... А впрочем, такими мыслями с остальными делиться не стоит.

Это одно из звеньев Хагара Джулиана. Точнее, одна. Не знаю, как ее зовут, но девушка бежит по морозу без капюшона, с непокрытой головой. Она меня не замечает, но я ловлю ее за руку и останавливаю. Ослепленная ужасом, она в темноте ночи легко могла пробежать мимо или, чего доброго, свалиться с обрыва.

От девушки исходит непривычный, чужой запах. Я натягиваю на нее капюшон. Голова да руки — вот самые главные источники утечки тепла, на холоде их ни в коем случае нельзя оставлять открытыми! Может, потому-то инструкторы и выбрали эти горы для финального испытания: телепатические органы, которые делают нас полноценной цепочкой, на морозе практически бесполезны.

— Что такое? — спрашиваю я. — Что случилось?

Но она только задыхается, источая волны страха. Не знаю даже, чего в нем больше — испуга от внезапного одиночества или ужаса от неведомой мне трагедии. Хагар Джулиан — очень тесная цепочка. Ее звенья редко разлучаются.

Уже совсем стемнело. Не видно ни костра О'Тула, ни ледяной пещеры Джулиана. Удивительно, что она вообще нашла нас...

Я вскидываю девушку на плечо и осторожно несу к палатке. Она вся дрожит. Я продираюсь сквозь лавину вопросов, которыми забрасывает меня цепочка. Наконец все в сборе, и я получаю необходимые указания.

Переохлаждение.

Кто-то бросает взгляд на рацию в углу палатки. Нет! Это все равно что сдаться, признать свое поражение.

— Где остальные? — спрашиваю я девушку.

Она даже не смотрит в мою сторону.

Я беру моток веревки из паутинового шелка и обвязываю вокруг куртки.

Нет.

— Кто-то же должен выяснить, что случилось, — возражаю я.

Нам нельзя разлучаться.

Конечно, куда легче было бы сейчас остаться, объединиться для согласия и ждать спасения...

— Укутайте ее потеплее. Только не отогревайте слишком быстро.

Я расстегиваю «молнию» палатки и снова закрываю за собой, но Кванта успевает выскользнуть следом.

— Будь осторожен, — говорит она. — Начинается буря.

Она привязывает конец веревки к кольцу на палатке. Узел крепко затягивается.

— Хорошо.

Ветер хлещет в лицо холодными иголками снега. Втянув голову в плечи, я пытаюсь отыскать следы девушки, ведущие от нашего лагеря к палатке Джулиана. Их уже начало замечать. Луна хмурится сквозь стремительные серые тучи, превращая горный склон в сплошное серое пятно. Я с трудом продвигаюсь вперед, заставляя себя думать только о Хагаре Джулиане. А не о том, что я бросил свою цепочку. И все равно машинально считаю шаги, отмеряя разделяющее нас расстояние.

Опасаясь потерять из виду следы, я не прячу лицо в капюшон, и встречный ветер покрывает ноздри инеем. От холода раскалывается голова. В воздухе нет ни запахов, ни следов Хагара Джулиана.

Та девушка, видно, шла по каменистому, свободному от снега склону: следы обрываются у широкой гряды, усеянной обломками сланца. Я останавливаюсь. Лагерь Хагара Джулиана должен быть где-то поблизости: когда я наблюдал за ними с горы, они расположились не дальше трех сотен метров.

На минуту поворачиваюсь к ветру спиной и втягиваю голову в плечи. Снег все равно сыплет в глаза. Погода портится. Я замираю, впечатывая в память свои ощущения, щипучий мороз, завывания ветра... На будущее.

И вот я снова пробираюсь вперед по острым камням. Оступаю и больно ударяюсь коленкой. Полоса сланца заканчивается кромкой рыхлого серого снега. Я пытаюсь припомнить, был он здесь раньше или нет. И только потом понимаю: с верхнего склона сошла лавина, похоронив лагерь Хагара Джулиана.

Я долго стою так, забыв о холоде.

Потом делаю шаг вперед: рыхлый, подвижный снег предательски хрустит под ногами. Какой-то час назад здесь ничего не было, а теперь земля скрыта под слоем снега и камней. Я смотрю вверх, на гору, пытаюсь понять, будет ли продолжение, но вершина прячется в вихрях бурана.

Я взбираюсь вверх по грязно-белому сугробу. Метрах в десяти от края оползня обнаруживаю лоскут ткани, наполовину засыпанный снегом. Я тяну за конец, но он слишком глубоко уходит вниз.

— Джулиан!

Стоны ветра заглушают мой голос, и я зову снова и снова.

Ответа нет. Впрочем, за шумом ветра не услышишь и крика. Вытаскиваю руки из карманов в надежде уловить вибрацию сенсорными подушечками. Ничего. Один пронизывающий холод. Я словно в белом мерзлом коконе, отрезан от мира, как отрезана от своих та девушка.

Я поворачиваю назад. Чтобы выкопать тела, понадобится много лопат и людей. Сомнения нет: все они погибли. Все, кроме единственного звена.

Но тут я замечаю что-то черное на сером снегу. Пятно, за которое невольно цепляется глаз. Останавливаюсь, делаю шаг вверх по склону и вижу, что это рука. Я принимаюсь лихорадочно разгребать снег, лед, камни, молясь, чтобы тот, внизу, был еще жив.

Я вычерпываю снег большими горстями и отбрасываю назад, вниз по склону, пробираясь вдоль торчащей руки все ниже — к туловищу и покрытой капюшоном голове. Пытаюсь вытащить все тело целиком, но ноги пострадавшего заклинило. После секундного колебания

медленно стаскиваю капюшон. Юноша, один из цепочки Джулиана, лицо и щеки в розоватых пятнах, глаза закрыты. Снег вихрится вокруг его губ, и я слабо надеюсь, что это признак дыхания. Подставляю ладонь к его лицу, пытаюсь ощутить присутствие феромонов, но безрезультатно. Щупаю пульс. Тоже ничего.

В панике пытаюсь вспомнить, что нужно делать при остановке сердца. Это знает Мойра. И Кванта тоже. Да что там — они все знают! Все, кроме меня...

От отчаяния хватаю парня за туловище и ташу назад, пытаюсь высвободить из-под снега. Я тяну изо всех сил, но ноги застряли накрепко. Тогда принимаюсь разгребать снег вокруг бедер, в то же время понимаю всю тщетность этого занятия. Я бессилен! Вернее, сила здесь бесполезна. Я просто не знаю, что делать.

Но теперь человек освобожден от снега до колен, и я снова пытаюсь его вытащить. Он валится на меня, вздымая в воздух фонтан снежных брызг. Я едва не падаю под тяжестью бездыханного тела, затем укладываю его наземь.

Опускаюсь рядом на колени и пытаюсь собраться с мыслями. Руки покраснели, пальцы ломит от холода. Засовываю руки в карманы, злясь на себя, на свое бессилие. Вот Мойра бы сейчас... Решение возникает само собой, как если бы Мойра послала его в клубке памяти. Искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Очистить горло от снега, пять нажимов на грудь — и выдох, еще пять — и еще выдох. При необходимости повторить.

Я толкаю несчастного в грудь, сомневаясь, что в этом есть толк, — столько на нем намотано одежды. Потом зажимаю ему нос и вдвигаю воздух в рот. Губы у него холодные, как дохлые червяки. К горлу подступает тошнота, но я продолжаю дышать ему в рот, а потом снова давя на грудь, медленно считая про себя.

Все повторяется снова, но когда я в очередной раз вдвигаю в него воздух, грудь парня поднимается. Останавливаюсь на секунду проверить его пульс. Кажется, что-то есть. Может, уже хватит? Что это — движение его собственной диафрагмы или давление воздуха, нагнетенного в легкие?

Нет, останавливаться нельзя. Я снова склоняюсь над пострадавшим.

Кашель, спазм — но хоть какая-то реакция!

Судорожный вдох...

Жив!

Пульс слабый и прерывистый, но он есть. Сможет ли он идти? А я — смогу я дотащить его до палатки? Я слышу над головой рев фла-

ера и понимаю, что никого не придется тащить. Помощь уже близко. Я без сил падаю в снег. Жив!

Вой машины нарастает, я уже вижу огни фар, заливающие долину светом. Громче, еще громче... Слои снега на верхних склонах так неустойчивы, рев двигателей может вызвать новую лавину...

Остается только ждать. Флаер висит над нашим лагерем и приземляется возле деревьев. Двигатели замолкают, но шум не стихает. Вокруг слышится глухой гул, и я, кажется, догадываюсь, что это за звуки. С горы снова сходит снег.

Я вскакиваю на ноги, еще не веря самому себе. И в свете фар вижу набегающую белую волну.

— Нет!

Я бросаюсь к лагерю, но тут же останавливаюсь. Этот Джулиан погибнет, если я его брошу.

Снежный поток обрушивается на наш лагерь, взлетая вверх от столкновения с деревьями вокруг палатки. Дико вращаются фары флаера, подброшенного высоко в воздух. Моя цепочка! Все тело сводит судорогой, и сердце сжимается в комок. Я делаю шаг вперед.

Смутный гул превратился теперь в оглушительный рокот. Я смотрю вверх, опасаясь, что мы с Джулианом вот-вот будем заживо похоронены под толщей льда. Но сход снега, вызвавший первую лавину, обнажил скалистый уступ, который прикрывает нас, будто щитом. Снежная река бурлит в двадцати метрах отсюда, но ближе не подходит. Мне все равно: пусть лавина поглотит меня, ведь там вся моя цепочка... Горло сжимается так, что больно дышать.

Что-то темное змеится по земле. Резкий рывок — и я лечу кувырком.

Пока какая-то сила несет меня по льду и камням, до меня доходит: это веревка, привязанная к поясу. Другой ее конец прикреплен к палатке и теперь тащит меня вниз с горы. Пять, десять, двадцать метров... Я пытаюсь высвободиться, найти узел, чтобы развязать веревку, но ооченевшие, исцарапанные пальцы не слушаются.

Я падаю лицом вниз, что-то больно ударяет по носу, и, оглушенный, я пролетаю еще несколько метров, все ближе к лавине. Издали мне казалось, что поток замедляется, но сейчас он выглядит настоящей стремниной из взлетающих булыжников и снега.

Встаю на ноги, падаю, снова встаю — и со всех ног бросаюсь к лавине, надеясь ослабить веревку. На бегу я замечаю дерево, растущее на самом краю потока. Кидаюсь к нему и обегая вокруг ствола, потом еще раз — чтобы закрепить веревку. Я тяну и затягиваю — и вскоре веревка натянута, как струна.

Ногами и руками изо всех сил цепляюсь за ствол дерева, иначе меня затянет в водоворот вместе с остальными. В какой-то миг отчаяние шепчет: а стоит ли? Не лучше ли умереть с родной цепочкой, чем жить одному? Пару минут назад я был бы готов отдаться во власть стихии. Теперь — нет. Парню из цепочки Джулиана нужна моя помощь. И я держусь, прислушиваясь, не стихает ли рокот.

Так проходят секунды, минута, другая... Я все еще держусь, а натиск снега уже слабеет, и руки тянет не так сильно. По щекам стекает пот, хотя воздух по-прежнему ледяной. Руки дрожат. Когда веревка наконец слабеет, я падаю прямо под деревом, не в силах пошевелиться. Я так измотан, что лишь через несколько минут собираюсь с силами, чтобы отвязать веревку. Пальцы ободраны до крови и трясутся, а паутинный шелк все не хочет отпустить меня... Наконец узел распадается.

Я встаю. И снова падаю.

Припадаю лицом к снегу, чтобы освежиться, но тут же понимаю, как это глупо. Снова поднимаюсь на ноги и на этот раз успеваю сделать несколько шагов, прежде чем ноги подо мной подкашиваются.

Снег мягкий, словно пуховая перина, и я решаю отдохнуть пару минут. Вот бы сейчас поспать!

Но нельзя. Там, на горе, лежит человек. Такой же, как я, одиночка. И я ему нужен. Нужен кто-то сильный, чтобы дотащить его до подножия горы.

Бросаю взгляд на веревку. На другом конце — моя цепочка. Могли ли они выжить в этом потоке? Я встаю и делаю шаг к грязно-белой каше, но волна съезжающего снега сносит меня обратно. Выше по склону снеговые пласты по-прежнему неустойчивы. Я вытираю глаза обветренными руками, затем разворачиваюсь и поднимаюсь наверх по собственному следу. Он отчетливо виден — широкая полоса с пятнами крови. Ощупываю губы и нос: я даже не заметил, что они разбиты.

Джулиан лежит там, где я его оставил, и все еще дышит. Увидев его живым, я громко, по-детски всхлипываю. И вовсе я не сильный...

— П-п... п-почему... пл-лачешь?

Стуча зубами от холода, на меня смотрит Джулиан.

— Потому что мы живы, — отвечаю я.

— Это х-хорошо.

Голова Джулиана бессильно падает на снег. Губы у него совсем синие, зубы стучат — реакция на холод. Мы должны оказать ему медицинскую помощь. Мы...

Я все еще думаю о себе как о звене цепочки. Но Мануэль уже не

поможет мне поднять его. И Бола не укажет кратчайший путь с горы. Я один.

— Надо идти.

— Нет.

— Я должен отвести тебя туда, где тепло. Где врачи.

— А как же остальные?

Я пожимаю плечами, не зная, как сказать ему правду.

— Они все здесь, внизу.

— Но я чувствую их. Я их слышу!

Принюхиваюсь. Кажется, ветер действительно доносит отголосок мысли, хотя, возможно, это только кажется.

— Где? — спрашиваю я.

— Здесь, совсем рядом. Помоги встать.

Я с трудом поднимаю его на ноги, он опирается на меня с тяжелым стоном. Мы делаем шаг вперед — он указывает место. Из снега торчит тот лоскут ткани, который я уже видел раньше.

Сумел ведь выжить этот Джулиан, пробыв под снегом несколько минут. Может, его цепочка и правда там, внизу. Может, им посчастливилось угодить в воздушный карман или лавина накрыла их в снежной пещере...

Опускаюсь на колени и принимаюсь разгрести снег вокруг клочка материи. Джулиан тоже подползает ближе и пытается помочь. Но он слишком слаб: вскоре он приваливается спиной к снежному наносу и только смотрит на меня, не отрываясь.

Лоскут, оказавшийся уголком одеяла, похоже, уходит вертикально вниз. Поначалу идет сплошной лед: я скребу его онемевшими пальцами, но больше горсти за раз вытащить не удастся. Потом слой льда заканчивается, и рыть становится легче.

По капюшону барабанят комья снега. Как бы нас самих не завалило... Приходится пожертвовать парой минут и разгрести снег вокруг.

Еще несколько усилий — и снег вдруг обваливается, открывая взгляду пещеру из льда, снега и брезента. Внутри лежат три тела, три Джулиана. Они живы и дышат, хотя двое без сознания. Одного за другим я вытаскиваю их из пещеры и укладываю рядом с товарищем.

Те двое, что находятся в сознании, вцепляются друг в друга и лежат, глотая ртом морозный воздух. Я так устал, что хочется самому провалиться в эту дыру.

Осматриваю каждого Джулиана, отыскивая признаки переохлаждения, переломы и ушибы. У одной девушки сломана рука — она морщится от боли, когда я ее трогаю. У меня есть моток веревки —

не из паутинного шелка, а обычной. Из нее я сооружаю перевязь для сломанной руки. Четвертый Джулиан цел и невредим.

— Очнись, — трясу я его. — Ну же!

Он открывает глаза, кашляет. Третья из цепочки, та, что со сломанной рукой, все еще без сознания. Я легонько хлопаю ее по щекам. Она приходит в себя, резко дергается — и задыхается от пронзившей руку боли. Вся цепочка, точнее, то, что от нее осталось, обступает ее, а я отхожу в сторону, падаю навзничь и тупо гляжу в небо. Похоже, буран усиливается.

— Надо спускаться с горы, — говорю я. — Если прилетит еще один флаер, он вызовет новую лавину. А если начнется лавина, мы обречены.

Они будто не слышат меня. Сбились в кучу и стучат зубами.

— Надо спускаться! — кричу я.

Запах безысходности в воздухе сменяется зловонием бессвязных чувств. Похоже, эти четверо в шоке.

— Ну же, идем! — говорю я и тяну за руку одного.

— Нет, мы не можем... наши... остальные... — бормочет он слова вперемежку с химиомыслями, которых я не могу разобрать. Цепочка рушится на глазах.

— Если мы не уйдем сейчас же, мы подохнем на этой горе. Нам негде укрыться, мы просто замерзнем!

Они не отвечают, но я чувствую, что они скорее умрут, чем покинут звенья своей цепочки.

— Вас же четверо, — говорю я. — Это почти целая цепочка!

Они переглядываются, и я чувствую запах согласия. Затем один из них гневно отворачивается. Ничего не выйдет: они не могут прийти к согласию.

Я падаю на колени и упираюсь лбом в снег. Я — единица, которая была шестеркой. Наваливаются усталость и безысходность, глаза отчаянно щиплет.

Я сильный, я никогда не плачу. И все же я оплакиваю мою цепочку, погребенную под снегом. Мое лицо — огонь, по которому течет вода. Соленая капля падает на снег и исчезает.

Сейчас мы уснем, и к утру нас уже не будет.

Я смотрю на Джулианов. Я должен отвести их к подножию горы, но не знаю, как это сделать. Если бы здесь была Мойра... Она, уж конечно, знала бы, что делать с этой четверкой.

Их четверо. В выводке матушки Редд было четверо клонов. Наши учителя — почти все квадраты. Даже премьер-министр Верховного правительства — и тот квадрат. Чего же лить слезы, когда они не ху-

же лучших из лучших? Если кому и можно отчаиваться, то не им, а мне...

Поднимаюсь на ноги.

— Я тоже потерял свою цепочку! Я вообще один! — кричу я им. — Это я должен плакать, а не вы! Вас четверо. А ну-ка, вставайте! Вставайте, говорю!

Они смотрят на меня, как на психа. Тогда я пинаю одну из них, она стонет.

— Вставайте!

Они медленно, неохотно поднимаются на ноги, а я ухмыляюсь, словно маньяк.

— Мы спустимся вниз. Идите за мной, я сильный.

Сквозь сугробы я веду их к одному из лавинных потоков. Нанозлевием складного ножа отрезаю кусок веревки, уходящей глубоко в снег. Там, на другом конце этой веревки, — моя цепочка. Осторожно ступаю на рыхлый серый снег: может, я бы еще мог откопать их, как откопал этих четверых... С глухим ропотом снег подо мной сдвигается. Снежные массы соскальзывают вниз по склону. Свежие пласты еще не улеглись: новая лавина может начаться в любой момент.

Слишком поздно. Воздух у них давно закончился. Если бы я вернулся сразу, пошел за веревкой, когда лавина только остановилась, возможно, я бы смог их спасти. Но тогда я об этом не подумал. Не было рядом Кванты, чтобы напомнить мне о логическом выборе. В сердце сочится горечь, но мне не до нее. Ведь остались еще эти четверо, о которых нужно позаботиться.

Я заставляю каждого взяться за веревку. А потом иду вниз. Ночь черна, только отраженный лунной свет расплескивается по снегу. Обрывы и зияющие пропасти — еще полбеды. Куда больше тревожат меня скрытые под снегом расселины. Но каждый шаг — это все-таки лучше, чем просто лечь в снег и уснуть.

Внезапно впереди распаивается пропасть, и я поспешно увожу своих подопечных назад — не хочу, чтобы они заглядывали в бездну. Кто знает, может, тут вообще нет спуска... Утром нас забросили сюда на флаерах. Должно быть, места здесь такие глухие, что только на флаере и можно добраться.

Метет не переставая, и время от времени мы проваливаемся по пояс. Но движение согревает. Сейчас движение — жизнь, остановка — сон и смерть.

Все деревья похожи друг на друга, будто близнецы. Как бы не оказалось, что мы ходим по кругу. Одно я знаю наверняка: если все время идти вниз, рано или поздно достигнешь подножия.

Никаких следов не видно — ни звериных, ни человеческих. Снег девственно чист, пока мы в него не проваливаемся.

Веревка резко дергается: это упала девушка со сломанной рукой. Возвращаюсь и скидываю ее на плечо. Лишние шестьдесят килограммов — такая ерунда в сравнении с тяжестью у меня на сердце...

Теперь мы продвигаемся медленнее, но остальные все равно отстают. Я позволяю им передохнуть, но не даю заснуть. Секундное забытьё, и я вновь прихожу в себя. Уснуть — умереть. Я поднимаю четверку на ноги.

Четверо. Забавно, что я думаю о них не как о цепочке, а как о числительном. Интересно, они теперь тоже относятся ко мне как к одиночке? Как к единице? Для квадрата в обществе найдется применение. Но не для одиночки.

Когда случился Исход Сообщества, когда закончились генетические войны, выжили именно множества. Они теперь хранители Земли, тогда как обычные люди — то есть одиночки — считаются пережитками прошлого. Появившись в результате биологического эксперимента, цепочки оказались единственными, кто пережил катаклизм. Но я больше не звено этой цепи, я одиночка, и мое место — в каком-нибудь анклав. Одному в нашем обществе не выжить. Чем я могу быть ему полезен? Ничем. Я оглядываюсь на тех четверых. Есть лишь одна вещь, которую я могу сделать. Эти четверо — все еще цепочка, одно целое, и я могу доставить их в безопасное место.

Я встаю.

— Идем, — говорю я уже мягче. Они слишком измотаны, чтобы протестовать. Я показываю им, как подносить снег к губам и пить растаявшую влагу. — Надо идти.

Та, что со сломанной рукой, пытается идти самостоятельно. Я держу рядом, поддерживая ее за здоровую руку.

Сосновый лес сменяется лиственным, более густым, и мне становится теплее, хотя температура не могла так уж подняться. Но деревьям кажется, что здесь теплее, поэтому и мне так кажется. Да и снег валит не столь густо. Похоже, вьюга идет на убыль.

Пытаюсь подбодрить четверку:

— Здесь высота меньше семи тысяч метров. Пройти семь километров, пусть даже по холоду — это раз плюнуть! К тому же дорога все время под гору.

Никто не смеется. Никто не произносит ни слова.

Ветер совсем стих, а с ним и метель. Небо еще серое, но снегопад кончился. Может, мы все-таки не умрем.

Но тут последний Джулиан подходит слишком близко к ущелью и,

соскользнув вниз, исчезает из виду. Еще двое, не выпуская веревки из рук, скользят за ним, и я вижу только извивающийся по снегу хвост.

Ну вот опять, устало думаю я. Снова эта проклятая веревка куда-то меня тащит. Я разжимаю руки — и она исчезает в серой мгле. Девушка рядом со мной не успевает ничего понять.

Заглядываю вниз: ущелье метра три глубиной, с крутым, но не отвесным склоном. Я вижу троицу, упавшую на дно. Вытащить их я не смогу, а значит, остается одно — спуститься туда же.

Забрасываю девушку на плечо и со словами «держись крепче!» соскальзываю по склону, поджав под себя ноги. Одну руку выставляю как балансир, а другой придерживаю свою ношу.

Только бы не наткнуться на какой-нибудь сюрприз вроде притаившейся под снегом острой ветки... Но нет, все в порядке, и я неожиданно быстро оказываюсь на дне ущелья.

Трое Джулианов все еще здесь — валяются по берегам мелкого незамерзающего ручейка. Девушка на моем плече без сознания: лицо посерело, дыхание еле слышно. Неизвестно, насколько серьезный у нее перелом и насколько я сейчас ухудшил ее состояние. Мануэль наверняка придумал бы более изящный способ спустить ее сюда...

Когда-то давно вода вымыла в склоне горы что-то вроде пещеры. Здесь, в этом гроте, воздух намного теплее. Это как в землянке: глубоко под почвой температура постоянна — неважно, жара стоит или зимняя стужа. Я скидываю капюшон, снимаю перчатки. Градусов пять, не меньше.

— Вот теперь можем отдохнуть.

Думаю, здесь можно даже поспать, обморожение нам не грозит. Промокнуть мы тоже не должны — ручеек слишком мал.

В нескольких метрах вверх по течению я обнаружил подходящее местечко — сухой камень с нависающими сверху корнями. Отношу туда девушку и одного за другим отвожу в пещеру остальных Джулианов.

— Спите, — говорю я им.

Тело устало до изнеможения, и я вижу, как эти четверо сразу засыпают мертвым сном. Сам я уснуть не могу. У девушки, видимо, болевой шок. Я лишь ухудшил ее состояние, когда нес на плече. Вполне возможно, что у нее внутреннее кровотечение.

Я гляжу на ее мертвенно бледное лицо и утешаюсь лишь тем, что останься мы тысячей метров выше, она бы точно погибла.

Так я сижу довольно долго, с остывшим сердцем, без сна.

Я всегда был сильным, даже в детстве, еще до первого согласия. Я

был выше, крепче, выносливее других. Моим оружием всегда была сила. Хитрость не моя стихия. Так же, как память, интуиция, ловкость... Когда опасность рядом, я могу действовать быстро, но ловко — никогда.

Разве мог я представить, что переживу свою цепочку! Что я буду последним...

Думать об этом невыносимо. Я встаю и срезаю складным ножом два хилых деревца, которые пытаются расти в этой пещере. Потом при помощи веревки сооружаю из них что-то вроде салазок. Так девушка будет легче.

— Надо было оставить нас на горе. — Это голос того Джулиана, которого я первым откопал из-под снега. Он лежит с открытыми глазами. — Столько усилий — и все ради какой-то разбитой цепочки.

Я молчу, хотя он прав.

— Но ты, конечно, не мог этого знать. Ведь твоих мыслительных звеньев здесь нет.

Он просто злится, вот и пытается задеть меня побольнее. Я киваю:

— Да, я всего лишь грубая сила, и ничего больше. — Кажется, он нарывається на драку, и я добавляю: — Сегодня я спас тебе жизнь.

— И что? Я должен быть благодарен до гроба?

— Да нет. Но твоя жизнь теперь принадлежит мне. Когда спустимся с этой горы — тогда и будем квиты. После этого можешь умирать, если захочешь, мне плевать.

— Кретин!

Мне нечего возразить и на это.

Через пару минут он засыпает, и я вместе с ним.

* * *

Утром просыпаюсь весь продрогший. Зато все живы. Прикладываю ухо к камням: журчание ручья заглушает все остальные звуки. Отсюда не услышать ни рева спасательного флаера, ни криков людей. Мы ушли так далеко от места высадки, что никто не будет искать нас здесь. Значит, другого выхода нет — надо двигаться дальше.

На меня вдруг накатывает волна сомнений. Мои решения становятся для нас приговором. Но ведь оставшись там, на горе, мы наверняка погибли бы, и намного раньше. Знаю, эти четверо об этом мечтают. Быть может, и мне следовало бы...

Хочется есть. Один за другим обшариваю карманы куртки, хотя заранее знаю: там пусто. Я ведь вышел из палатки на пару минут и во все не собирался пускаться в долгое и опасное путешествие. Проверяю карманы у раненой девушки, но еды нет и у нее.

— Есть что-нибудь пожевать? — спрашиваю я у того парня, который спорил со мной вчера ночью. — И, кстати, как тебя зовут?

— Хагар Джул... — начинает он, но тут же замолкает. Глядит исподлобья. — Нет у меня еды.

Присаживаюсь рядом на корточках.

— Может, мне все же удастся свести вас вниз, и тогда вы простите мне ваше спасение.

— Спасение — довольно спорное слово.

Я киваю.

— Так как тебя зовут?

Мы десять лет учились в одном классе, но я так и не узнал его имени. Мы всегда общались как цепочка с цепочкой, а не как отдельные личности.

Он долго молчит, потом отвечает:

— Дэвид.

— А остальных?

— Та, что со сломанной рукой, Сюзан. А это Ахмед и Мэгги.

Эти трое еще спят.

— Остальные ваши звенья могут быть еще живы, — говорю я и тут же понимаю, что об этом мечтаю я сам. Но я своими глазами видел снежную реку, которая унесла мою цепочку.

— Мы не нашли Алию и Рен, — говорит Дэвид и заходится кашлем, призванным скрыть рыдания.

Чтобы не смущать его, я отворачиваюсь и говорю:

— Одна из них добралась до нашей палатки. Возможно, ей удалось выжить.

— Это Рен. Алия была рядом со мной.

— Но спасатели...

— Ты что, их видел?

— Нет.

— Человек с запасом воздуха может выжить под снегом в течение часа. Если воздуха нет — десять минут. — В голосе Дэвида жестокость и боль. Трое его товарищей ворочаются во сне. — Это словно плывешь в масле. Или задыхаешься во сне.

— Дэвид...

Это Мэгги. Она притягивает его к себе, и я чувствую запах согласия. Они сбиваются в кружок возле Сюзан и несколько минут молча думают. Я искренне рад за них, но спешу отойти на несколько метров вдоль ручья, не дожидаясь, когда меня об этом попросят. Ведь я теперь одиночка.

Ручеек петляет и извивается. Я перебегаю через ствол упавшей со-

сны, обрушивая на землю целый водопад рыжих иголок. Дыхание повисает в сыром воздухе облачками пара. Мне уже не холодно: такое чувство, будто я оттаиваю.

Вскоре ручей становится шире и, поднимая тучу белых брызг, падает вниз со скалистого уступа. Теряясь в тумане, впереди расстилается долина. А километром ниже ручей впадает в реку. Берег реки каменистый и дикий, но снега там куда меньше. И склон не такой крутой.

В этот экстремальный поход мы выступали из базового лагеря, расположенного возле реки. Логично предположить, что это та же самая река. А значит, она выведет нас к лагерю.

Я поспешно возвращаюсь. Четверо Джулианов уже стоят порознь — видимо, согласие достигнуто. Дэвид впрягается в салазки.

Спрашиваю:

— Вы готовы?

Они оборачиваются: их лица спокойны. Впервые после разъединения цепочки им удалось прийти к общему мнению. Добрый знак.

— Мы возвращаемся за Алией и Рен, — объявляет Дэвид.

На миг я замираю, лишившись дара речи. Ложное согласие! То, что мы так долго учились распознавать и избегать. Видно, горечь утраты нарушила мыслительные процессы...

Приняв мое молчание за согласие, Дэвид тащит салазки со Сьюзан вверх по течению.

Я стою в замешательстве. Противостоять достигнутому согласию я не в праве. Делаю нерешительный шаг вперед, но тут же останавливаюсь.

— Нет! Вы этого не сделаете.

Все четверо смотрят на меня, как на пустое место. Нет, это не ложное согласие. Это безумие!

— Мы должны вновь обрести целостность, — говорит Дэвид.

— Стойте! Вы пришли к ложному согласию!

— Откуда тебе знать? Ты вообще не способен на согласие. — Эти жестокие слова для меня, как пощечина.

Они уходят. Я преграждаю им дорогу, упираясь руками Дэвиду в грудь.

— Если вернетесь на гору, погибнете. Вы не сможете ничего сделать.

Ахмед отталкивает мою руку.

— Мы должны вернуться к Алие и Рен.

— Кто у вас был ответственным за этику? — спрашиваю я. — Наверное, Рен? Значит, потому-то вы и пришли к ложному согласию? Одумайтесь! Вы все умрете, точно так же, как Рен и Алиа.

— У нас не было специалиста по этике, — тихо произносит Мэгги.
 — Там, в конце оврага, я видел реку. Мы в двух шагах от лагеря! Если повернуть назад, нам уже никогда отсюда не выбраться. Допустим, к ночи мы поднимемся на гору. Что дальше? Еды нет. Палатки тоже. Да мы просто погибнем!

Вместо ответа — шаг вперед.

Я толкаю Дэвида, он падает. Сьюзан кричит, когда носилки ударяются о камни.

— Вы пришли к ложному согласию, — упрямо повторяю я.

Воздух наполняется феромонами, в основном моими: это «вето» — сигнал, который все мы знаем, но редко используем. Дэвид набрасывается на меня с кулаками, но я останавливаю его руку. Сильный здесь я.

— Мы идем вниз, — объявляю я.

Скулы Дэвида сводит от напряжения. Он оборачивается к остальным, и все четверо пытаются прийти к согласию.

Я расталкиваю их, разрывая контакт. Пихаю в спину Ахмеда и Мэгги.

— Никакого согласия! Мы выступаем сейчас же!

Подхватываю салазки и волоку Сьюзан вниз по течению ручья. Оглядываюсь назад: трое Джулианов стоят и смотрят мне вслед. Потом идут за мной.

Может, я тоже принял неверное решение. Может, я погублю нас всех. Но это единственное, что я могу сделать.

Путь по ущелью — тяжелое испытание для Сьюзан: местами снег совсем стаял, и носилки скребут по голой земле. Ловлю себя на том, что мысленно успокаиваю ее, хотя она не в состоянии понять моих мыслей. На уровне феромонов между разными цепочками возможен обмен лишь простейшими эмоциями, да и то не всегда. Я перестраиваюсь на ощущение оптимизма — может, феромоны хотя бы этого простого чувства она поймет.

Оборачиваясь время от времени, я каждый раз вижу бредущую позади троицу. Я грубо разорвал едва-едва восстановившуюся связь, и остается только надеяться, что ущерб не окажется непоправимым. Что ж, судить об этом будут доктора Института. Быть может, этот квадрат еще удастся спасти. В отличие от меня. Должно быть, мне придется эмигрировать в один из европейских или австралийских анклавов.

Дорогу преграждает нагромождение валунов, окруженное булыжниками поменьше. Протасить по ним салазки не получится.

— Беритесь с двух сторон, — приказываю я Ахмеду и Дэвиду. Са-

лазки превращаются в носилки. Я замедляю шаг, и вместе мы кое-как двинемся дальше.

Лес постепенно меняется. Вместо сосен вокруг теперь клены. Я то и дело поглядываю на небо — не покажется ли спасательный флаер. Но почему нас не ищут? Неужели мы ушли так далеко? А может, наоборот, они прекрасно знают, где мы? Нашли нас ночью, увидели, что обе цепочки распались, и бросили на произвол судьбы.

Параноя застилает глаза, и я спотыкаюсь о какой-то камень. Нет, не могут они быть так жестоки. Мойра говорит, все, что с нами происходит — это испытание. Неужели еще одно? Неужели они готовы погубить целую цепочку ради того, чтобы проверить остальных? Не могу поверить...

На краю четырехметрового обрыва наш ручей впадает в горную реку, соединяя свои невеликие силы с энергией стремительного потока. Пологого спуска я не вижу. Приходится снять Сьюзан с салазок и помочь ей спуститься по острым камням. Они, вдобавок ко всему, мокрые и осклизлые. Я поскользываюсь, и мы летим вниз — всего лишь с метровой высоты, но от удара перехватывает дыхание. Сьюзан падает на меня и вскрикивает от боли.

Откатываюсь в сторону и пытаюсь отдышаться. Ахмед и Дэвид уже здесь, помогают нам подняться. Я не хочу вставать. Во мне больше нет силы, только слабость и боль.

— Поднимайся, — говорит Дэвид. — Надо идти.

В глазах мутится, кружится голова. Боль в груди почему-то не проходит. Как будто нож воткнули... Наверное, я сломал ребро. Я едва держусь на ногах, но Ахмед не дает мне упасть.

Сьюзан тоже удалось встать, и мы снова ковыляем по плоским камням обмелевшего русла. Через пару месяцев, весной, зальет всю округу.

Мы обходим большой валун, и в нос ударяет густой запах.

Медведь. Почти такой же огромный, как этот валун. Нет, целых три медведя ловят рыбу в обмелевшей реке. И самый крупный не дальше пяти метров от нас.

Воздух наполняется запахом страха. Во мне оживают боевые рефлекс, и боль уходит из тела холодным дождем.

Похоже, медведи удивлены не меньше нашего. Ближайший к нам зверь поднимается на задние лапы. На четвереньках он был мне по грудь, в вертикальном положении — на метр выше. Плюс шестисантиметровые когти.

Мы медленно пятимся. Убежать от медведя на открытой местности нереально. Единственная надежда — броситься врассыпную.

Бегите кто куда, — посылаю я мысленный сигнал, забывая, что эти четверо не из моей цепочки.

— Разделяемся и бежим врассыпную, — повторяю я вслух.

Медведь вдруг замирает. Сперва я думаю, что это реакция на мой голос, но после вспоминаю запах... Феромоны! Значит, это не дикий зверь.

Привет, — посылаю я ему самую простую мысль.

Огромные челюсти захлопываются, и медведь вновь опускается на все четыре лапы.

Не еда? — посылает он в ответ.

Мысль более чем простая. Я понимаю медведя так же легко, как звеня родной цепочки.

Нет, не еда. Друзья.

Медведь внимательно оглядывает нас блестящими карими глазами и, прежде чем отвернуться, словно бы пожимает плечами.

Иди.

Я двигаюсь следом, но меня останавливает страх, исходящий от четверки Джулианов. Они, видимо, не почувствовали медвежьих мыслей.

— Идем, — говорю я им. — Никто не собирается нас есть.

— Ты... ты их понимаешь? — изумляется Дэвид.

— Немного.

— Неужели это цепочка... — все еще не верит он.

Постепенно первый шок проходит. На ферме матушки Редд мы частенько плавали в озере вместе с модифицированными бобрами. Да и сами когда-то развлекались выращиванием множества из утиных яиц... Теперь, когда знаешь, куда смотреть, можно заметить железы на медвежьих лапах. И каналцы на шее — чтобы испускать химио-мысли. А чтобы получать их — увеличенные зоны обоняния в мозгу.

Удивляет другое: то, что это именно медведи, огромные, сильные звери. Эксперименты по созданию цепочек обычно проводились на мелких, безобидных зверьках, например, на кроликах. А вот медведи... Хотя почему бы и нет?

Грузные животные передвигаются удивительно легко и грациозно. Чтобы догнать их, мне приходится почти бежать, несмотря на боль в ребрах. И вот я уже среди них, прислушиваюсь к запаху их мыслей, похожих на серебристых рыбин в реке. Нормальные, умные мысли, вовсе не примитивные.

Послав предвительно запах дружбы, я протягиваю руку и глажу по загривку того медведя, что встретил нас первым. После плескания в реке шкура у него влажная и источает густой дух — здесь и тонкие ароматы феромонов, и запах дикого зверя. Впрочем, для него я,

должно быть, пахну не лучше. Шерстинки чуть серебрятся на кончиках, когти клацают по камням.

Я почесываю зверя над самыми железами, и в ответ он благодарно выгибает шею. Я чувствую его симпатию. Чувствую глубину его мыслей и еще детскую игривость. Ощущаю мощь его тела. Вот это действительно сила!

Потом улавливаю топографические образы: места, где много рыбы и где припрятана оленья туша. Наблюдаю оценку местности, выбор дороги и самых лучших малинников. Я чувствую запах решений и согласия. Эти трое — слаженная, цельная цепочка.

Всё это проносится в моей голове, хотя поверить в такое невозможно. Я не могу улавливать медвежьи мысли! Даже человеческие цепочки не способны обмениваться химической памятью — лишь эмоциями, да и то не всегда. И тем не менее у меня получается!

Я посылаю им образ лавины. Медведи вздрагивают. Ну разумеется, они боятся снежной реки. Да, они видели ее — это часть их воспоминаний. Я спрашиваю, где находится лагерь. Они знают, и я вижу его на обрыве над этой рекой, возле пня с вкуснейшими муравьями. Я смеюсь, моя радость эхом отдается в медведях, и на мгновение я забываю об одиночестве.

Идем, — зовут они.

— Идем, — окликаю я четверку Джулианов. Они неохотно плетутся следом.

Медведи петляют между деревьями — и мы вдруг оказываемся на тропинке, утоптанной подошвами ботинок. Звери фыркают, перебегают дорогу и исчезают в подлеске.

Мне хочется броситься за ними. А почему бы и нет? Свой долг по отношению к Хагару Джулиану я выполнил. А медведи — они, конечно, примут меня в свою компанию... Я вздрагиваю всем телом. Все равно я буду один. Я одиночка, и это навсегда...

Прощайте! — посылаю я вслед косолапым, хотя сомневаюсь, что они смогут меня услышать. Химиомысли не действуют на большом расстоянии.

Поддерживая Сьюзан, веду ее по тропинке. Звуки лагеря — человеческие голоса, шум мотора флаера — слышны еще раньше, чем тропинка сворачивает в последний раз. Мы останавливаемся. Дэвид смотрит на меня — то ли с жалостью, то ли с признательностью, а затем уводит остатки своей цепочки к лагерю.

Я остаюсь один.

Падаю на колени. Я так устал, так ослаб. И нет больше сил, чтобы двигаться дальше.

Кто-то легонько толкает в спину. Медведь! Он смешно тычется в меня носом. Обхватываю его серебристую шею — и мы идем к лагерю вместе.

Там суматоха: палаток теперь вдвое больше, чем было перед нашим отправлением, рядом целая стая флаеров... И все замирают при виде нас с медведем.

Все, кроме звеньев моей цепочки, которые бросаются ко мне, целые и невредимые, и я чувствую их еще раньше, чем обнимаю, и мы снова вместе. О, сладкое согласие!

Я вижу все, что случилось с ними, а они — все, что сделал я. И в какой-то миг это меня сносит лавиной, но веревка, которую Стром привязал к дереву, меня удерживает. И это мы спускаемся с горы и беседуем с медведями...

Ты спас нас, Стром, — посылает Мойра. Бола демонстрирует мне, как палатка, повиснув на веревке из паутинового шелка, удерживалась на поверхности снежного потока, вместо того чтобы погрузиться в пучину. Я прижимаю к груди Меду, и Кванту, и Мануэля и стискиваю их в объятиях. От этого ужасно ломит ребра, но я не разжимаю рук.

— Осторожнее! — говорит Меда, и сама тут же прячет лицо у меня на груди.

Я снова сильный, думаю я, когда моя цепочка помогает мне добраться до лазарета. Не потому, что они слабые, а потому, что вместе мы — сила.

ЛЕТО СЕМЕРЫХ

В то лето на ферме матушки Редд мы были не одни. В год нашего четырнадцатилетия в Вортингтоне гостили еще семеро.

— После ланча приберитесь немного в гостевой спальне, — как бы между прочим обронила матушка Редд однажды утром. Пока одна из них жарила к завтраку яичницу, вторая выжимала сок из апельсинов, а третья накрывала на стол. К тому времени мы уже разделились с утренними обязанностями — нарвали целый букет алмазных цветов, нащипали овечьей шерсти, а заодно втихаря надоили с хмельного куста пару унций легкого пива — и теперь без дела околачивались на кухне.

Меда, моя родная сестра и наш интерфейс, спросила то, о чем все мы подумали:

— Кто там будет жить?

Это явно не был короткий визит — иначе зачем затевать уборку в гостевой спальне? Обычно, если на ферме кто-то оставался ночевать, мы просто раскладывали большой диван в каморке под лестницей.

Если гостей было много, стелили в большой комнате, прямо на полу.

Окинув нас взглядом, в котором ясно читалось недовольство подобным любопытством, матушка Редд лаконично ответила:

— Гость.

Мы пожали плечами.

После завтрака мы все утро занимались физикой. Задача была что-то вроде: «Если с крыши неподвижного вагона поезда выстрелить из пушки так, что ядро упадет на крышу другого неподвижного вагона, с какой скоростью вагоны будут двигаться в разные стороны через пять секунд?».

Какому идиоту понадобится затаскивать пушку на крышу вагона? — возмущилась я.

Стром хихикнул. Бола, ощущавший силу и движение на уровне интуиции, метнул нам образ пушечного ядра и изящной траектории его полета. Потом он добавил воздушные потоки, влияние земного тяготения и других второстепенных сил. Когда были учтены все обстоятельства, вплоть до энергии приливов и тяготения Юпитера, Кванта выдала ответ:

Семь с половиной сантиметров в секунду.

— Может, в следующий раз дашь мне хоть что-нибудь записать? — взорвалась Меда. В руках у нее был карандаш, но Кванта решала такие задачки в уме.

— Зачем?

— Для тренировок!

— Но зачем?

Меда застонала. Очень уж она эмоциональная, моя сестренка: сразу ясно, что у нее (а значит, и у нас) на душе. Впрочем, так и должно быть, ведь она — наш интерфейс.

— На экзаменах нам придется демонстрировать умение работать, а не выдавать готовые решения!

Кванта обиженно пожала плечами.

Однажды Кванты может не быть рядом, — послала я.

Мойра!

Я ощутила недоумение Кванты и ее секундный испуг. Вот уже почти четырнадцать лет мы вместе. И самый страшный кошмар для каждого — оказаться в одиночестве, отрезанным от остальных. А когда одному из нас снится кошмар, его видели все.

— Ладно, ладно. — Я подбодрила Кванту улыбкой, и она, успокоившись, вновь сосредоточилась на уроках. Оставшиеся задачи мы решали письменно. Сквозь дебри уравнений Кванта медленно, но верно вела нас к ответу, который знала заранее.

После ланча мы нехотя отправились в гостевую спальню и принялись разгрести накопившийся хлам. Взять и просто выбросить всю эту рухлядь было нельзя — среди мусора иногда встречались и ценные вещи. Мануэль, например, нашел отличный набор лабораторных пипеток, а в некоторых коробках попадались картины и фотографии.

— Посмотрим, что тут у нас... — сказала Меда, извлекая на свет фотографию в потертой пластиковой рамке.

Мы видели изображение ее глазами — достаточно четко, чтобы узнать нашу хозяйку, только намного моложе, чем сейчас, и в количестве четырех человек. В отличие от нынешней матушки Редд, седой и длинноволосой, со снимка на нас смотрела брюнетка с короткой мальчишеской стрижкой. К тому же она была намного стройнее — совсем не та пышная матрона, к которой мы привыкли.

— Это было еще до того как... — Меда замолкла на полуслове.

Да.

Теперь цепочка матушки Редд — триада, но когда-то давным-давно это был квадрат. Она была доктором медицины, причем довольно именитым. Мы как-то читали ее работы и мало что поняли, несмотря на порядковое превосходство (наша цепочка все-таки секстет) и естественнонаучную специализацию. Но потом одно из звеньев матушки Редд погибло, оставив от нее лишь три четверти.

Снова повеяло страхом разлуки — это чувство мы еще не умели как следует контролировать. Стром вздрогнул. Я тронула его за руку. Потерять одного из нас, стать квинтетом...

Меда пристально всмотрелась в снимок. Я догадывалась, что именно ей хочется разглядеть, хотя ощущала лишь ее любопытство. Которое из звеньев матушки Редд погибло? Не думаю, что нам удалось бы это понять — все они были совершенно идентичными клонами. Меда отставила фотографию в сторону.

— Смотрите-ка, — сказала Кванта, вытаскивая из очередной коробки старинную книгу по биологии. Год издания — две тысячи двадцатый.

— Ничего себе древность! — воскликнула Меда. — Старше, чем цепочки. Только какой теперь от нее прок?

Кванта наугад перелистала страницы, и книга раскрылась на красочной вклейке, изображавшей женское тело в разрезе.

— Ух ты! Клево... — оживился Мануэль. Запах возбуждения в воздухе смешался с феромонами смущения. Почему-то физическое желание у нашей сильной половины вызывали самые идиотские вещи... Иногда мне даже жаль, что наша цепочка не полностью женская, как у матушки Редд, а поровну смешанная.

Мануэль перевернул страницу. Там обнаружилась рассеченная лягушка с несколькими слоями-страничками: перелистывая их, можно было рассмотреть сначала кожу, потом мускулатуру, а затем и внутренние органы.

— Селезенку не там нарисовали, — заметил Бола.

Мы сами делали лягушек на уроках биологии еще в прошлом году. Наши, кстати, всегда прыгали лучше всех.

Мы заталкивали последние коробки на чердак, когда послышался гул реактивного флаера.

— «Фолсом 5 Икс», — объявил Бола. — Шестистоечный, на водородном топливе.

На самом деле это был «Фолсом 3М», потомок старых скайбусов, но мы даже не успели посмеяться над ошибкой Бола. Скайбус приземлился на взлетную площадку перед домом, и мы выбежали ему навстречу.

Однако матушка Редд тут же позвала нас обратно: скайбус уже высадил своих пассажиров и с воем взмывал в небо, а рядом с матушкой Редд, обмениваясь приветствиями между интерфейсами, стояла еще одна цепочка.

— Привет! Я Аполлон Пападопулос, — начала было Меда. — Добро пожало...

Тут вновь прибывшие обернулись, и мы ахнули: это был септет, семь человек в цепочке. Слова приветствия застряли у Меды на языке. Мы замерли, пораженные невиданным зрелищем, ведь мы были всего лишь секстетом — а значит, на порядок ниже.

* * *

— Чем выше порядок, тем сильнее цепочка, это ежу понятно, — сказала Кванта.

— Неправда! — запальчиво возразила Меда.

Несколькими минутами раньше нам все же удалось выйти из ступора и поприветствовать Кэндес Тергуд, как полагается. Меда пожала руку лидеру цепочки — одной из шести совершенно одинаковых шупленьких зеленоглазых блондинок. Седьмым звеном оказался мальчишка — он был чуть выше ростом, но такой же тощий и белобрысый. Затем Стром вдруг вспомнил о неотложных делах, и мы быстренько ретировались, в то время как семеро Кэндес и три матушки Редд простествовали к дому.

Нет, правда!

Нет, неправда!

Ну что за детский сад! Чтобы пристыдить Кванту и Меду, я шикнула на них феромонами для капризных младенцев.

Да, мы все прекрасно знали историю. Первые цепочки, созданные почти пятьдесят лет назад, были дуалами. Именно в них химиопамять и феромоны впервые использовались для обмена мыслями. С тех пор строение цепочек и химические сигналы намного усложнились. Мы относились к секстетам — самым крупным цепочкам. В нашей было три женских звена и три мужских: мы с Медой близнецы, а остальные — из разных генетических семей. Все наши одноклассники были секстетами, так же, как и все, кто работал в космосе.

— Потому что секстеты — цепочки высшего порядка. Они лучшие, — сказал Стром.

Уже нет! В цепочке Кэндес — семеро!

Да, с этим не поспоришь. Прогресс не стоит на месте. Генная инженерия все время стремилась увеличить эффективность индивидуума, так почему бы не создать цепочку из семи звеньев? Или даже восьми?

Видимо, им это удалось.

Сколько ей лет?

Меньше, чем нам. Лет двенадцать.

Надеюсь, она не останется здесь на все лето?

Однако, похоже, к этому все и шло. А иначе зачем было переворачивать вверх дном гостевую комнату?

Может, как-нибудь заставить ее уехать?

Тут вмешалась я:

— Мы должны соблюдать приличия. И постараться подружиться.

Ладно еще приличия. Но быть друзьями мы не обязаны!

Да и с какой стати нам вести себя прилично?

Я выразительно глянула на Меду, и та вздохнула:

— Ладно, ладно... Будем паиньками. Хорошо хоть их не восемь штук...

Как знать, не за горами ли и это?

* * *

Мы старались быть паиньками. Честно. Но хотя это была моя идея, даже меня иногда бесила заносчивость этой семерки.

— Пятнадцать целых, семьсот пятьдесят три тысячных, — объявила Кэндес, когда мы еще выводили в тетради условия задачи. Мы сидели за столом в большой комнате. Одна из них заглянула Кванте через плечо.

Я знала, — послала Кванта в свое оправдание.

Меда хладнокровно дописала условия задачи, и мы принялись решать ее под аккомпанемент злорадного постукивания четырнадцати тонких ног.

— Пятнадцать целых, семь тысяч пятьсот тридцать три десятитысячных, — сказала наконец Меда.

— Я округлила, — торопливо отозвалась Кэндес. — Одна из нас, — она кивнула на свою копию слева, — специализируется в математике. Сами понимаете, нас семеро, так что мы можем себе это позволить. В смысле, специализацию.

Мы хотели было возразить, что тоже имеем разные специализации, но я послала: *Спокойно!*

Ее специализация — занудство!

— Какая ты умная, — дипломатично заметила Меда. Мне даже не пришлось напоминать ей о нашем уговоре.

— Мне все так говорят.

Кэндес стояла так близко, что едкий запах ее химиомыслей щекотал ноздри, не давая сосредоточиться. Какая беспардонность — подходить так близко, что мешаются запахи мыслей! Мы, разумеется, не понимали, о чем она думает, лишь ощущали феромоны самодовольства. Код химиомыслей, передающихся касаниями рук и отчасти по воздуху, уникален для каждой цепочки. Легче всего понимать друг друга, соприкасаясь ладонями — там, где расположены сенсорные подушечки. Феромоны же — штука более общая, они передают эмоции и их оттенки. Их запахи зачастую понятны разным цепочкам, особенно если те — из одних яслей. Так что хоть наши мысли и не мешались, все равно стоять так близко — это хамство.

Она пока многого не понимает, — послала я, коснувшись левой руки Мануэля. — Она еще маленькая.

Мы в ее возрасте уже все понимали.

Надо быть терпимее.

— Пойдешь с нами купаться после обеда? — спросила Меда.

Кэндес отрицательно качнула головой, после чего надолго погрузилась в согласие. Мы чувствовали, как разливаются в воздухе ее мысли с резким и каким-то скользким запахом, и недоумевали: разве для купания нужно согласие?

— Мы не плаваем, — заявила она наконец.

— Ни один из вас?

И снова пауза, и снова касания рук — шлеп-шлеп-шлеп...

— Ни один.

— Что ж... А мы, пожалуй, искупаемся в пруду.

Запах усилился. Белобрысые головы склонились друг к другу, ладони сцепились на целых десять секунд. Неужели вопрос оказался столь сложным?!

В конце концов Кэндес приняла решение:

— Мы пойдем с вами, но бултыхаться в грязной воде не будем.

Меда ответила: «Как скажешь», а мы лишь пожалы плечами.

После физики наступил черед биологии, и здесь уж матушка Редд не давала нам спуску. Ее ферма состояла не только из дома, двора с теплицей и лаборатории с генными анализаторами. Сто гектаров леса, окрестные пруды и поля — все это были экспериментальные площадки матушки Редд, и кое к чему она допускала и нас. Мы воссоздавали естественные экосистемы, заселяя их флорой и фауной в максимально точном соответствии с тем, что было до Исхода и генетических войн. Матушка Редд занималась созданием бобровых цепочек. Ну, а нам дозволялось выращивать утиные.

Кэндес увязалась за нами, чтобы поглазеть на наше последнее достижение — выводок утят, которые, как предполагалось, смогут обмениваться своими утиными химиомами. Прежде ученым удавалось модифицировать таким образом некоторых млекопитающих, а вот с другими хордовыми экспериментов пока не проводилось. Мы надеялись, что сможем представить свою утиную цепочку уже в конце лета, на Научной ярмарке.

Два модифицированных утиных выводка мы уже выпустили возле пруда и теперь каждое утро наблюдали за их поведением.

Бола бесшумно скрылся в камышах, нам же оставалось, затаившись, прислушиваться к его мыслям на ветру. Химиомамы — материя тонкая и на расстоянии едва уловимая, но, как следует сосредоточившись, мы все же могли понять, что он видит и думает.

— А где же утки? — обиженно протянула Кэндес.

— Ш-ш!

— Но я ни одной не вижу!

— Тише, а то ты их распугаешь!

— Ну, хорошо. — Четырнадцать рук демонстративно скрестились на груди.

От Бола повеяло изображением птенцов на берегу пруда. Желтые, еще покрытые детским пухом, они развлекались тем, что щипали друг друга клювиками.

— Смотрите! Один нашел клочок мха, и другие тут же прибежали!

Может, он позвал их кряканьем.

А может, это вообще совпадение.

Мы понаставили вокруг пруда феромонных детекторов, чтобы уловить малейший обмен мыслями внутри утиных цепочек. Но пока результат был нулевой, так что для доказательства наших теорий приходилось прибегать к наблюдениям.

— Ути-ути! Цып-цып-цып!

— Кэндес! — не выдержала Меда.

Утенок, который собирался забраться ей на руку, удрал подальше вместе со своими собратьями.

— Что?

— Оставь их в покое! Это наш эксперимент!

— Но я просто хотела потрогать...

— Они должны быть дикими животными, а не привязываться к людям.

— Отлично.

Кэндес развернулась и ушла, а мы, не веря своему счастью, смотрели ей вслед. В конце концов, мы проводили здесь каждое лето. Это была наша ферма!

Это лето будет долгим, — подумал Стром.

* * *

В тот день купаться мы отправились одни, а когда вернулись, обнаружили Кэндес в лаборатории — за созданием собственного утино-го выводака.

Великолепно!

— Смотрите! — завопила она. — Я тоже делаю утятки!

Смотреть на это мы не имели ни малейшего желания, но я предложила проявить хотя бы формальный интерес.

Кэндес с гордостью продемонстрировала нам последовательность генов — модификацию той последовательности, которую матушка Редд использовала для работы с бобрами.

— Мы это уже пробовали, — заметила Меда.

— Знаю. Я просмотрела ваши записи. Но я добавлю новый обязательный ряд.

Она просмотрела наши записи! Они были на запароленном компьютере!

Напрасно я призывала свою цепочку к спокойствию: лицо Меды исказилось от ярости.

— Что ж, удачи! — прорычала она, и мы выбежали вон.

Укрывшись в хлеву, слишком разъяренная для химиомыслей, Меда изрыгала проклятья вслух. Не привыкшие к таким бурным проявлениям эмоций свиный взволнованно визжали и топали копытцами.

— Она украла наш проект! Да еще и рылась в наших записях! Нет, так больше нельзя!

— Она просто хочет помочь... — сказала я, но никто не купился на эту ложь. — Мы должны дать ей шанс.

Мануэль зарычал и выбросил в воздух злобную феромонную змейку.

— В конце концов, в ярмарке может участвовать любой желающий, — продолжала я.

Нужно что-то делать.

Но что?

Никто не смотрел на меня.

Нам нужно больше уток.

Насколько больше?

Намного.

Все повернулись ко мне, и согласие было как запах свежего хлеба. Я могла бы воспротивиться, но не стала. В конце концов, мне тоже хотелось выиграть конкурс!

— Хорошо.

* * *

Мы стащили в сарай все инкубаторы, которые смогли раздобыть в лаборатории. Правда, Кэндес все же успела заграбастать себе пару штук. Тогда мы подумали немного и из подручных средств смастерили еще дюжину.

В качестве генного материала мы выпросили в Институте у профессора Эллис самые свежие последовательности: для млекопитающих, рептилий, птиц — всё, что только можно было запихнуть в утиную ДНК. И вот, забросив все дела, мы принялись лепить яйца. Мы занимались этим ночью, и днем, и даже во время занятий. К тому времени, когда нас уже начало тошнить от одной мысли о яйцах, в инкубаторах их лежало больше двенадцати дюжин.

Мы рассчитывали, что хотя бы некоторые продемонстрируют что-нибудь такое, с чем не стыдно будет появиться на ярмарке. Соперничать с такими объемами Кэндес просто не сможет. Так что мы ее сделаем, это наверняка!

* * *

— И какие в них гены?

— Ну-у... — неуверенно протянула Меда.

Матушка Редд скептически обозревала длинные ряды утиных яиц. Инкубаторы мы спрятали в пустых стойлах, но не заметить свисающую с балок паутину проводов было довольно сложно.

Матушка Редд просмотрела изменение генетического кода и укоризненно покачала головой.

— У вас же ничего не подписано, — сказала она.

Меда опять промычала нечто невразумительное.

— И где у вас контроль изменчивости? Где лабораторные журналы?

На этот раз мы постеснялись даже помычать. В воздухе повисло замешательство. Я уже приготовилась к заслуженной отповеди, но вместо этого матушка Редд сказала:

— Идемте. Хочу вас кое с кем познакомить.

Мы выбрались из хлева и вслед за ней прошли через двор к дому. Всю дорогу я старалась сдерживать рвущееся наружу «ну вот, я же говорила». Стром и Бола виновато отводили глаза. Тоже мне, экспериментаторы...

В большой комнате мы увидели Кэндес и еще одну незнакомую цепочку. Это был мужской квинтет, лет тридцати на вид. Один из них прослушивал Кэндес стетоскопом, пока второй простукивал грудную клетку.

— Доктор Томасин, это Аполло.

— А, Аполлон Пападопулос! Рад познакомиться. Цепочка с такой прекрасной родословной...

— Гм... Спасибо.

Кому какое дело до нашей родословной? Мы были задуманы, созданы и выращены в яслях Минго. И вся наша родословная заключалась в том, что генетики взяли и смешали вместе яйцеклетки и сперматозоиды.

— Я врач Кэндес, — заявил он. — Ее создатель.

Несколько звеньев Кэндес покраснели.

Для специалиста по человеческой генетике он был очень молод. Однако, должно быть, он еще и необычайно талантлив, раз ему удалось сконструировать септет.

Сравни его лицо с лицом Кэндес, — послал Бола.

И тут я увидела доктора Томасина глазами Бола: да, тот явно был генетическим донором Кэндес. Будь она рождена естественным путем, он назывался бы ее отцом.

Как странно... У нас самих не было ни отца, ни матери, хотя мы имели представление о значении этих слов. Матушка Редд, несмотря на имя, была для нас больше наставницей, нежели реальной матерью.

— Поздравляю, — пробормотала Меда.

— Спасибо.

Доктор Томасин отвернулся и принялся обсуждать с матушкой Редд какие-то проблемы наностыковки, так что мы незаметно сбежали из комнаты, преследуемые по пятам неумной Кэндес.

— Правда, он классный? — с восторгом выдохнула она.

— У тебя очень симпатичный отец, — сказала Меда, раньше чем я успела остановить ее.

— Он мне не отец! Он мой доктор.

— Но вы с ним...

Меда!

— Как поживают твои утки? — спросила я.

— По-моему, они скоро проклюнутся, — сообщила Кэндес. Бола отметил, что на этот раз заговорило другое звено. Она меняла интерфейс, когда менялась тема разговора, в то время как нашим интерфейсом всегда оставалась Меда, и общение с другими цепочками всегда шло через нее. — Я регулировала освещение и подогрев, чтобы было похоже на настоящую утку, сидящую на яйцах.

— Молодец, — неискренне похвалила Меда.

И снова в разговор вступила новая Кэндес. Сколько же у нее интерфейсов?

— У нас ведь первые месячные! Поэтому доктор Томасин и приехал.

Настала наша очередь краснеть. Я ощутила потрясение Строма: он поспешно отвел взгляд и уставился куда-то в пространство. Меда, Кванта и я — со всеми нами это когда-то случилось впервые. Это было неизбежно, точно так же, как ночные поллюции у мальчишек и прочие прелести пубертатного периода. Однако некоторые вещи не принято выносить за пределы цепочки.

— Ты ведь понимаешь, что это означает?

— Думаю, да, — смутилась Меда. — Мы ведь наполовину женская цепочка.

— Да нет! Я не об этом. Доктор Томасин создал меня так, что я могу размножаться по-настоящему.

— Это как?

— Тебе ведь известно, почему все цепочки создаются генными инженерами?

— Конечно.

— Так вот, если я совокуплюсь с цепочкой моего типа, я смогу родить шесть полноценных звеньев септета, а он, — кивнула она на белобрисого мальчика, — зачать седьмую!

— То есть если ты встретишь цепочку из шести мужских звеньев и одного женского?

— Ну да!

— Но зачем тебе нужен целый септет? Чтобы оплодотворить вас всех, нужен лишь один мужчина и одна женщина — для вашего седьмого.

У них уже есть один мужчина, — пошутил Мануэль.

Фи, как грубо...

— Как зачем? Ради биологического разнообразия, разумеется!

Мы все были немного сбиты с толку, в воздухе витал запах смущения.

— Но...

— Если ты забеременеешь, — продолжала Кэндес, — то родишь обычных одиночек, которых затем придется объединять в цепочку. Это не произойдет само собой. А мои дети сразу родятся цепочкой!

— Но ведь...

— Как ты не понимаешь! Это ведь намного более стабильно с точки зрения биологии!

— Да, но...

— Пока цепочки не смогут производить на свет цепочки, мы — всего лишь тупиковая ветвь. Доктор Томасин как раз этой проблемой и занимается.

— Но...

— Что «но»?

— Ты всего лишь новое поколение. Ты все равно человек.

Четырнадцать зеленых глаз в упор уставились на нас.

— Я больше чем человек, Аполло.

— Значит, тебе придется заводить детей только от такой же цепочки, а не от того, кого полюбишь.

— О, я поняла, к чему ты клонишь. — Кэндес снисходительно улыбнулась. — Какая наивность! Не надо путать любовь с размножением. Я буду рожать детей ради сохранения вида, вне зависимости от своих привязанностей.

— Ну и как, доктор Томасин уже подобрал тебе партнера?

— Кажется, нет.

Она задумалась на минуту. Звенья ее цепочки перегруппировались, и место интерфейса заняла другая девочка, как две капли воды похожая на остальных.

Зачем она это делает? — спросил Мануэль.

Подростковый кризис, — ответил Бола.

— А если уже подобрал, — сказала новая Кэндес, — то это даже к лучшему. И кстати, любой мой партнер будет его производением. Потому что еще никто, кроме него, не умеет делать цепочки из семи звеньев!

— Значит, с другими септетами ты не знакома? — уточнили мы.

— Нет. Вообще-то, нет. Но, думаю, есть и другие. И я совокуплюсь с кем скажут, лишь бы продолжить свой вид.

— Но цепочки — это не отдельный вид, — возразили мы. — Мы все равно люди.

— Разумеется, мы совершенно новый вид, — отрезала она. — Це-

почки намного лучше одиночек. Это же очевидно! А я намного лучше, чем секстет, или квинтет, или квадрат.

— Мы люди! — настаивали мы.

— Может, вы и люди, а я — новый вид, — гордо заявила она, удаляясь.

Вот и поговорили.

* * *

Каждый день мы переворачивали яйца. Мы тщательно измеряли влажность. Мы определяли температуру с помощью подсоединенных к компьютеру датчиков. Эти проклятые датчики все время ввали и будили нас посреди ночи, но просто перевернуться на другой бок и уснуть было нельзя: кто знает, может, уята и правда замерзают? Через пятнадцать дней мы открыли клапаны инкубаторов и понизили температуру на полградуса.

Критика матушки Редд задела нас за живое, и мы стали аккуратнее вести записи. Яйца пометили ярлычками с геномами — во всяком случае, те, которые смогли вспомнить. Каждый час замеряли температуру и влажность и составляли диаграммы.

Мы внимательно следили за утиным выводком на пруду, хотя сенсоры феромонов так и не уловили отзвука химиомыслей, а наш лабораторный журнал день за днем заполнялся одинаковыми строчками: «Признаков согласия не обнаружено».

С Кэндес мы старались встречаться как можно реже. Но хотя кому-то может показаться, что на площади в сто гектаров это не проблема, все было не так. Выполняя поручения матушки Редд, она всегда оказывалась у нас на пути.

Однако не думать над ее словами было еще труднее. Я все время ловила себя на том, что мысленно спорю с ней. Конечно, во многом Кэндес ошибалась, но кое в чем она была права.

Согласно классическому определению вида, цепочки все еще оставались людьми. Если бы Меда, Кванта или я родили ребенка от немодифицированного человека, этот ребенок был бы самым обычным. Мы не были новым видом. Однако и под человеческие стандарты мы не подходили. Стараниями предшественников нас снабдили сенсорными подушечками, способными передавать химиомысли. У нас имелись шейные железы для выделения феромонов эмоций и простейших мыслей. Мы обладали более совершенным обонянием, чтобы различать тончайшие запахи.

С виду мы ничем не отличались от людей прошлого столетия. Но тот факт, что мы были цепочкой, действующей в структуре общества

как единое целое, говорил о многом. Мы являли собой совершенно новый тип социальной организации, созданный благодаря биотехнологиям и поддерживаемый искусственно. Если бы не система яслей и генетическая модификация эмбрионов, через несколько поколений наше общество просто исчезло бы, сменившись обществом обычных людей. Кэндес была права: если Верховное правительство лишится власти и существующая система рухнет, цепочки распадутся. Без постоянной поддержки социума нам не выстоять. Да, мы были самыми совершенными животными на планете, а на деле — марионетки на ниточках.

В мире насчитывалось три миллиона цепочек, то есть чуть больше десяти миллионов человек. Три десятилетия назад население планеты равнялось десяти миллиардам. А катаклизм еще не был остановлен. Мы, цепочки, унаследовали Землю, но вовсе не благодаря своему превосходству, а лишь потому, что не смогли покинуть ее вместе с Сообществом. В наследство нам досталась весьма хрупкая экосистема. Да и наша собственная биология была неустойчива и, быть может, куда менее перспективна, чем нам представлялось...

Мы решили обратиться к матушке Редд.

— Насколько стабильно наше общество? — спросила Меда однажды вечером, когда мы убрали со стола после ужина. Кэндес в комнате не было — она возилась со своими утиными яйцами.

— Представительная демократия с законодательством, основанным на принципах согласия, — ответила та, — куда стабильнее многих других.

— Нет, я имею в виду в биологическом и социальном смысле. Что будет, например, если мы утратим свои научные познания?

Одна из матушек Редд перестала вытирать тарелки и внимательно на нас посмотрела. Две другие продолжали драить кастрюли как ни в чем не бывало.

— Хороший вопрос. Честно говоря, не знаю. Но, полагаю, следующее поколение людей будет совершенно нормальным. Хотя, возможно, удастся сформировать цепочки, в которых генетические изменения будут наследственными.

— Будут ли?

Она улыбнулась:

— Может, стоит поискать информацию в Сети?

— Уже искали, бесполезно. Все равно ничего не понятно.

Честно говоря, мы никогда не были сильны в биологии. Вот физика или математика — другое дело.

— Наша индивидуальность основана на технологиях. В этом вся

проблема. И поскольку мы не желаем добровольно расставаться со своей индивидуальностью, обратного пути нет, — сказала матушка Редд. — Мы переросли свое прошлое, точно так же, как переросло его Сообщество. И вопрос, который ты задаешь, — самая главная проблема нашего мира: как мы будем размножаться?

Были такие, кто говорил, что Исход — то есть практически мгновенное исчезновение миллиардов членов Сообщества — и был той самой новой ступенью развития, превращением обычного человека в сверхчеловека. По словам матушки Редд выходило, что наше общество создало собственную, параллельную ступень эволюции, которую нельзя было повернуть вспять, не лишившись индивидуальности.

— Значит, будущее за такими, как Кэндес?

— Может быть. Впрочем, идеи доктора Томасина, возможно, излишне радикальны. Да, воспроизводство септетов может стать решением проблемы. Но этими вопросами занимаются и другие ученые, в том числе специалисты по этике.

— Почему?

— Если наше общество и наша биология нездоровы, мы не можем позволить им развиваться.

— Но...

Кэндес ворвалась в комнату с воплем:

— У меня утенок проклюнулся!

И мы отправились смотреть на то, как склизкий, похожий на ящерицу птенчик клювом пробивает скорлупку. Но из головы никак не шли слова матушки Редд, и, размышляя о них, мы то и дело касались друг друга ладонями. Именно тогда, пока мы любовались новорожденным утенком, я впервые осознала вдруг, что есть те, кто считает наиболее перспективным путем развития уничтожение общества цепочек.

* * *

На следующий день доктор Томасин приехал снова. Теперь он появлялся на ферме каждую неделю и часами осматривал свою подопечную в ее комнате. В тот вечер после его отъезда Кэндес не вышла к ужину, и матушка Редд велела нам сходить за ней.

— Кэндес! — окликнула Меда, постучав в дверь.

— Напомни, что ей надо проверить температуру в инкубаторах, — сказал Бола. Мы, конечно, делали вид, что совершенно не интересуемся ее проектом, однако это было не так. И потом, не могли же мы позволить утятам погибнуть!

— Да! — негромко отозвался мальчишеский голос. Ого! Значит, ее мужское звено умеет не только скромно стоять в сторонке?

Меда толкнула дверь и вошла. Все шесть девочек-Кэндес лежали на кроватях с раскрасневшимися лицами, покрытыми испариной. В комнате стоял тяжелый запах напряженных мыслей.

— Что с тобой?

— Все в порядке, — ответил мальчик. Он единственный сидел на постели, а не лежал.

— Ужинать будешь?

— Что-то нет аппетита. Мы не очень хорошо себя чувствуем.

Одна из девочек открыла глаза.

Кажется, раньше глаза у нее были зеленые?

Да.

— Если хочешь, мы сами присмотрим за твоими утятами.

— Какими еще утятами? — удивилась она.

— Ну как же! Твой проект для Научной ярмарки!

Они схватились за руки для согласия.

— А-а... Хорошо. Спасибо.

— Ты правда в порядке?

— Все прекрасно. Правда.

Может, доктор Томасин сделал ей прививку?

Она достаточно взрослая, чтобы самой делать себе прививки.

Мы торопливо поужинали, после чего отправились в лабораторию, чтобы покормить утят Кэндес. Нашим до вылупления оставалось еще несколько дней.

С подстилкой все было в порядке, а сами птенцы оказались и не слишком активны, и не чересчур шумны — значит, температура стояла оптимальная. Мы накрошили в воду немного хлеба и оставили корм в клетках.

Только бы у птенцов на нас не случился импринтинг.

А почему бы и нет? Было бы забавно.

Потому что тогда они не смогут выжить в дикой среде. Они должны привязаться друг к другу.

Как мы.

Мы переглянулись. Да, нас правда привязывает друг к другу что-то вроде импринтинга.

* * *

Два дня спустя начали вылупляться и наши утята. В первый день проклюнулись двенадцать птенцов, что было очень неплохо. Двадцать пять вылупились на день позже. Затем еще пятьдесят. Потом

нам было уже некогда замечать, когда появлялись на свет остальные.

Сарай внезапно превратился в утиный роддом с конвейерами для размоченной кукурузы, фабрикой по производству подстилки и бесконечными измерениями температуры и влажности.

Вскоре обнаружилось, что ящики для кур, в которых мы собирались держать утят, слишком малы, так что пришлось в срочном порядке соорудить новые — из фанеры и проволочной сетки. Одну клетку приходилось держать про запас, чтобы было куда пересадить выводок на время уборки.

— М-да, надо было поаккуратнее нам с экспериментом... — проворчал Стром, который был занят тем, что вытаскивал утят из одной клетки и пересаживал в другую. Он указал на птенчика с торчащим из нежного пуха крокодильим хвостом.

Бола заглянул в освободившуюся клетку и зажал нос. Запаха мы не почувствовали, но нас тоже накрыло волной брезгливого отвращения.

— Когда, наконец, они станут самостоятельными!

Недель через шесть.

О-о... Не скоро...

* * *

Утят было так много и с ними было столько хлопот, что нам просто не хватало времени, чтобы как следует понаблюдать за их поведением. Зато Кэндес обожала, встав возле сарая, хвастаться своими последними успехами.

— Я отделила одного птенчика, — рассказывала она, — и дала ему немного корма. Представляете, остальные тут же начали пищать!

— Они просто почуяли еду, — мстительно сказали мы.

— Возможно. Но это сработало и с болевым стимулом.

— Болевым стимулом?!

— Ну да. Когда я ущипнула одного утенка, остальные сразу подняли шум.

— Ты что, щиплешь своих утят?

— Совсем чуть-чуть. И потом, это ведь ради науки!

— Ну да...

— Я записала все на видео, — продолжала она. — Выглядит весьма убедительно.

— Значит, у тебя получится отличный доклад на Научной ярмарке, — вздохнули мы.

Кэндес помолчала, а затем изрекла:

— У вас ужасно много уток.

Мы обернулись и все шестеро раздраженно уставились на нее.

— Мы в курсе.

— Ой! А у этой пятнышки, как у далматинца!

— Мы в курсе!

У нее снова зеленые глаза.

И какая-то она бледная.

— Ты опять нездорова?

Кэндес снова поменяла интерфейс (теперь это происходило с ней постоянно).

— Немного. Наверное, аллергия.

— Что такое аллергия?

— Реакция на частицы пыли и пыльцу растений. Раньше это было очень распространено. Доктор Томасин говорит, она всегда у меня присутствовала, но проявилась только здесь, на ферме.

— Будем надеяться, в следующей партии септетов он исправит эту оплошность, — язвительно заметила Меда.

— Думаю, да.

Когда она ушла, Кванта продемонстрировала нам воспоминание о Кэндес сразу после ее приезда. За месяц она выросла на пятнадцать сантиметров!

Скачок роста.

И сиськи выросли, — хихикнул Мануэль.

— Перестань.

Что-то не то с ней творится. Эта постоянная смена интерфейсов, аллергия, забывчивость...

Все остальные лишь пожали плечами.

Мы-то что можем сделать?

Сказать матушке Редд.

Однако нам просто некогда было всерьез задумываться о странностях Кэндес, и мы так и не собрались поговорить с матушкой Редд. Надо было кормить утят.

* * *

Через две недели мы начали выпускать птенцов во двор.

Смотрите! Если их разделить, они снова собираются в отдельные группы!

Я не понимала, в чем дело, пока Бола не поделился с нами тем, что видел. У него была пространственная специализация, и через секунду я увидела, как почти неотличимые друг от друга утята сбиваются в кучки, когда мы достаем их из клеток.

Может, все дело в импринтинге?

А кто знает, может, импринтинг и есть простейший способ построения цепочки?

Стром снова растащил утят по всему двору, а мы зачарованно глядели, как они упрямо собираются в группы. Затем мы поместили нескольких птенчиков краской и повторяли эксперимент снова и снова, наблюдая, как выводок из шести утят каждый раз собирается вместе.

Похоже, мы наконец напали на что-то стоящее!

Как оказалось, не только мы. Шестеро птенцов с пятнышками краски на спинках теперь ни на шаг не отходили от Строма. Стоило ему растащить их в разные стороны, как они тут же сбивались в кучу у его ног.

Кажется, они к тебе привязались.

— А разве они еще не успели привязаться друг к другу? — растерянно спросил Стром, окруженный утиным выводком.

Видимо, нет. Папочка.

Стром в ответ лишь беспомощно улыбнулся.

* * *

Когда утята переселились на озеро, у нас наконец появилось время для учебы и прочих дел. Правда, от ста пятидесяти уток (не считая тех, что ни в какую не желали отходить от Строма) на озере стало шумно и тесно, а нам все равно приходилось таскать к берегу пакеты с хлебом, чтобы вся эта прожорливая стая не умерла с голоду.

Удача по-прежнему была на стороне Кэндес и ее единственного выводка, в то время как наши результаты казались весьма сомнительными.

— Ох, опозоримся мы на ярмарке, — ворчала Кванта. — У нас же совсем ничего нет!

Отрицательный результат — это тоже результат.

— Вот только за такие результаты не дают голубых ленточек.

Мы и оглянуться не успели, как наступил день ярмарки, и вот мы уже едем в столицу округа. Трясемся в старом автобусе, вместе с матушкой Редд и, конечно же, Кэндес. Уток пришлось оставить дома, хотя ручной выводок Строма кричал ужасно жалобно.

— Ну почему нам нельзя было лететь на флаере? — обиженно спросила Меда. — Или хотя бы сесть за руль?

— Потому что, — отрезала матушка Редд.

До города — добрых сто километров. На флаере — всего ничего, а

на этом древнем драндулете — два часа езды. Внутри тесновато для нас троих. Мы открываем окно, и становится немного легче.

Теперь, через три десятилетия после Исхода, необходимость в дорогах практически отпала. Удаленные фермы мало-помалу пришли в запустение. Мы проезжаем мимо заброшенных садов, где некогда четкие ряды деревьев скрылись в беспорядочных зарослях, а заботливо взращенные гибриды совсем одичали. Даже дорога — и та пришла в упадок и покрылась трупными пятнами рытвин.

— Трудно даже представить, что было здесь лет двадцать назад...

Кэндес смотрит на нас невидящим взглядом.

— Да... — рассеянно отзывается она. Кажется, она вообще не слышала наших слов.

— Волнуешься?

Она пожимает плечами. Она очень бледна, светлые волосы растрепались.

— Дать тебе расческу?

— Со мной все в порядке! — вдруг срывается она на крик. — Оставь меня в покое!

Наверное, это просто волнение. Сказать по правде, у нас у самих поджилки трясутся.

— Прости.

Одна из матушек Редд за рулем, две другие оборачиваются к нам. В ответ на неадекватную реакцию Кэндес Мануэль недоуменно пожимает плечами, и матушка Редд снова переключает внимание на дорогу.

Пока мы глазеем по сторонам, Бола изучает программу ярмарки.

В секции юниоров заявлено сто презентаций! Это немало: по одной на каждую ученическую цепочку в округе. Бола зачитывает вслух темы докладов.

— «Сверхэффективный водородный двигатель с платиновым катализатором».

Мы это делали в третьем классе.

— «Исследование вакцины для риновируса AS234».

Лекарство от редчайшей простуды, — ехидно комментирует Стром.

— «Производительность холодных сплавов в сверхпроводящих амальгамах».

Это никогда не будет работать.

И ничего о генетике птиц — кроме нашего проекта и работы Кэндес.

Вдоль дороги тянется ряд опустевших зданий — маленькие трехэтажные домики, почти вплотную прилепившиеся друг к другу.

— Только посмотрите! И как это люди помещались раньше в такой тесноте?

Должно быть, почуяв наше удивление, матушка Редд замечает:

— В каждом таком доме жила одна семья — всего четыре или пять человек. Вам трудно в это поверить, но население Земли уменьшилось на три порядка в течение какой-то пары лет. До Исхода цепочки составляли меньше одной десятой процента от всего человечества. А теперь мы управляем всем миром. И это огромная ответственность.

Кванта перегибается через проход, чтобы взглянуть на Кольцо. Кэндес отодвигается, когда Кванта оказывается рядом, и свирепо зыркает на нас.

На бледном, будто выцветшем небе ни облачка, и в вышине, изгибаясь поперек небосвода, виднеется Кольцо — символ Сообщества, безжизненное напоминание о его величии.

— Они неудачники, — говорит Кэндес (на этот раз не интерфейс, а мужское звено). — Тупиковая ветвь.

— Точно так же, как и мы. Согласно твоим собственным теориям, — парирует Меда. — Мы ведь не можем размножаться напрямую.

Не дразни ее, — посылаю я. — *Она и так еле живая.*

Меда бросает на меня смущенный взгляд.

— Извини, Кэндес, — говорит она. — Хочешь — поболтаем... или еще что-нибудь?

Та даже не оборачивается. Взгляд ее прикован к Кольцу.

Зря стараемся, — раздраженно посылает Мануэль.

Возразить на это мне нечего, и мы снова отворачиваемся к окну, за которым проплывает пустынный пейзаж.

* * *

Научная ярмарка проходила в громадном здании постройки прошлого века. В него набились толпы людей, почти как в школе, цепочка на цепочке. В воздухе — такая концентрация феромонов и химии-мыслей, что думать практически невозможно. После летнего уединения на ферме находиться в такой толчее непривычно. А через несколько недель — снова в школу...

Мы нашли свой павильон, зарегистрировались, а потом отправились бродить по ярмарке. Наша очередь подходила еще нескоро — во второй половине дня, сразу за презентацией Кэндес.

И снова она нас опередила!

К трем часам пополудни в павильоне для юниоров яблоку негде было упасть, и не только из-за числа участников. Здесь присутство-

вали и матушка Редд, и доктор Томасин, заметили мы и нескольких преподавателей из Института, в том числе доктора Теккерей и Харона.

Мы выступали в биологической секции, так что у нас уже в глазах рябило от белых мышей и хлорофилла, когда наконец очередь дошла до Кэндес.

Она поднялась по ступенькам на трибуну, бледная и сгорбленная.

Все еще болеет, — подумали мы, касаясь друг друга ладонями, чтобы не мешать окружающим.

Кэндес тем временем вставила в прорезь свой кубик, и позади нее на экране возникло название проекта.

У нее ошибка в слове «генетический»!

— Тише!

— Простите.

— Я... — начала Кэндес. — Я... я Кэндес Тергуд.

Затем на глазах у всех она поменяла интерфейс и начала заново.

— Я Кэндес Тергуд, и мой проект... — Она оглянулась на экран и замолчала. Затем снова сменила лица. По залу поползло недоумение. — Я Кэндес Тергуд, и вот тема моего д-доклада.

Ее всю трясло, бескровное лицо блестело от пота. Она нажала на кубик, и на экране побежали кадры видеофильма. Возможно, она и собиралась как-то комментировать происходящее на экране, однако это оказалось выше ее сил. Кэндес просто стояла, и все.

О, нет... Ну что же она застыла!

Прошло шестьдесят секунд, прежде чем доктор Томасин поднялся со своего места. Кэндес смотрела не отрываясь, как он поднимается по ступеням. Я со своего места чувствовала феромоны уверенности, которыми он пытался ее успокоить. Однако страх Кэндес оказался сильнее. Прежде чем доктор успел до нее добраться, она сбежала вниз по лесенке и бросилась к двери.

Скорее! — послала я. — *Мы должны ей помочь.*

— Следующий докладчик — Аполлон Пападопулос.

Наша очередь!

Но ей нужно...

Мгновенное согласие — и мы вошли на помост.

* * *

Вечером на ферму возвращались только мы шестеро и матушка Редд.

— Я лишь хотела помочь, — сказала Меда, когда мы расселись по местам.

— Доктор Томасин и без вас сделает все, что нужно.

— Понятно.

Я была уверена, что матушка Редд почувствовала наши угрызения совести. То, что мы не бросились вслед Кэндес, лежало на душе тяжким грузом. Она попала в беду, и, несмотря на все ее занудство, никакая голубая ленточка не стоила слез друга.

Она нам не друг.

Я обернулась к Мануэлю, дав волю своей злости. Он шарахнулся в сторону, но тут же призвал цепочку к согласию.

Ну и что! Все равно ей нужна наша помощь! — гневно заявила я и запустила в него своей ленточкой. Снаряд не попал в цель, плавно спланировав на переднее сиденье. Матушка Редд строго посмотрела на ленту, а потом на нас. Но мне было наплевать, даже когда воздух наполнился сконфуженными феромонами Строма.

Никто во всем зале не пришел ей на помощь. Никто! А ведь мы должны были.

Новая волна смущения — от Мануэля и остальных.

Она переволновалась и убежала, потому что помочь ей было некому. А теперь она вообще пропала!

В конце концов они со мной согласились. Оставшуюся дорогу до фермы мы просидели в молчании.

А дома в электронном почтовом ящике обнаружили счет за такси.

— Она здесь! Добралась на такси!

Мы заглянули в ее комнату, потом обшарили весь дом... Никого. Тогда мы проверили сарай и лаборатории. Матушка Редд стала звонить доктору Томасину, а мы побежали к озеру, но остановились, когда выводок Строма громким кряканьем возвестил о своем желании присоединиться к нам. Пришлось выпустить уток из вольера. Птицы тут же заковыляли к озеру.

— Куда это они?

— Похоже, папочка им больше не нужен.

На озере Кэндес тоже не оказалось. Мы остановились, оглядываясь в шести направлениях и пытаясь уловить хоть какой-нибудь знак, хоть намек на то, где она прячется.

Надеюсь, с ней ничего не случилось.

— Смотрите!

Из леса показалась целая утиная стая — это были наши утки, все до одной.

— Что это с ними?

Доковыляв до нас, птицы с громким кряканьем столпились вокруг наших ног.

— Час от часу не легче! Теперь у нас целое стадо привязавшихся уток!

Птицы оглушительно галдели, однако издавали не обычные нестройные звуки, а кричали дружно, в унисон, с равными промежутками и во все нарастающем темпе. Потом они вдруг развернулись и толпой направились к лесу. Мы двинулись следом.

Стадная цепочка?!

Вслед за утками мы пробирались сквозь ветки кустарника, стараясь не отставать от их неуклюжего строя. Впрочем, птицы ковыляли под кустами куда проворнее, чем мы продирались сквозь заросли. Довольно скоро мы вышли к поляне, где прямо на земле лежала Кэндес.

— О, нет!

Она была белая как мел и липкая от пота. Пульс едва прощупывался.

Смотрите, как запали щеки...

И кожа словно бумага.

На висках Кэндес просвечивали синие жилки вен.

Пока мы осматривали ее, утки продолжали толпиться вокруг.

Нужно отнести ее в дом.

Мы отыскивали дорогу попроще и перенесли всю цепочку на ферму, по три звена за раз и мальчика последним. Нам ужасно не хотелось разлучать их, но они лежали без сознания и другого выхода не было.

— Батюшки! — всплеснула руками матушка Редд и тут же велела нам отнести Кэндес в лабораторию. Было так странно видеть ее в роли медика... Раньше матушка Редд лечила людей, хотя теперь ее специальностью была экология. Думаю, она и по сей день в душе оставалась врачом, даже несмотря на потерю звена. Но сколько необходимых навыков она потеряла вместе с этой частью?

— Кладите ее на стол. И скорее несите остальных.

Когда мы вернулись со следующей тройкой, матушка Редд уже проводила анализы: измерение уровня гормонов, анализы крови, генная карта... Когда мы втащили в лабораторию последнего из цепочки Кэндес, матушка Редд как раз говорила по видеофону с доктором Томасином.

— В генной карте серьезные отклонения от нормы. Похоже, Кэндес вводила себе какие-то метаморфанты, причем не далее как неделю назад. В результате — шок, почечная недостаточность, обмороки... Возможно, частичная амнезия. Я уже вызвала неотложку.

Доктор Томасин казался совершенно ошарашенным.

— Но зачем она это сделала?!

Он морочит нам голову.

Не знаю, откуда взялась эта мысль, но как только она прозвучала в моей голове, цепочка тут же со мной согласилась. Мы доверяли своей интуиции. Ни один из нас до этого и не думал в чем-то подозревать доктора Томасина, но то, что сейчас он неискренен, было ясно как день.

— Я подъеду в течение получаса.

Тут в разговор вмешалась Меда:

— Как могло случиться, чтобы личный доктор Кэндес не знал, что она балуется со своим геномом? Она ведь все лето была не в себе.

Сказано это было негромко, но достаточно отчетливо, чтобы услышала матушка Редд. Одна из них обернулась и пристально на нас посмотрела. Мы твердо встретили этот взгляд. Она чуть заметно кивнула.

— «Скорая» уже здесь, — сказала она доктору Томасину. — Мы едем в окружную больницу.

— Встретимся там, — кивнул он и отключился.

Матушка Редд обернулась к нам:

— Ждите меня здесь.

— Но...

— Я сказала, ждите.

Мы повиновались, а чтобы скоротать время, занялись поиском юридической и медицинской информации о послеродовом генетическом манипулировании. Да, дети в нашем обществе создаются искусственно — это факт. Но индивидуум (а точнее цепочка) — понятие священное и неприкосновенное. Однако доктор Томасин, создавший Кэндес, решил изменить ее, модифицировать свое творение.

Он не имел права.

В этом мы не сомневались.

Когда прибыл флаер «скорой помощи», матушка Редд отправилась не в окружную больницу, а в клинику Института.

* * *

В последнюю минуту она все же смягчилась и позволила нам сопровождать ее. Она, разумеется, и близко не подпустила нас к управлению, хотя у нас были водительские права и рефлексy раз в десять лучше, чем у нее.

Пока матушка Редд разговаривала с врачами из Института, мы ждали в коридоре. В институтской клинике мы почти не бывали, только в прошлом году проходили курс анатомии в одном из ее многочисленных корпусов. Специализировались мы больше на технических науках, а болели редко, да и не настолько серьезно, чтобы не справиться с хворью самостоятельно.

Время было позднее, но спать не хотелось совершенно. Мы то и дело поднимались на этаж А-1, чтобы справиться о состоянии Кэндес. Оно оставалось прежним.

Мануэль смотрел в окно на темные, неосвещенные корпуса. Институт, казалось, вымер: до начала осеннего семестра оставалось три недели, и сейчас здесь не было ни души — ни студентов, ни преподавателей.

Где-то резко хлопнула дверь. Мы оглянулись: в конце коридора показался запыхавшийся доктор Томасин. Видимо, не дождавшись, пока спустится лифт, он пробежал шесть пролетов по лестнице.

Мы машинально сгруппировались за спиной Строма в защитной позиции.

— Я думал, вы отвезли ее в окружную больницу, — сказал доктор Томасин.

— Нам все известно, — отрезала Меда. — И матушке Редд тоже.

— О чем ты? — удивился он.

Однако теперь эти уловки уже не могли нас обмануть.

— Вы целое лето изменяли ДНК Кэндес. Вы ее чуть не убили!

— Согласен, у нее есть определенные проблемы с ДНК. Но я тут ни при чем. Где она?

Он попытался обойти нас, но мы перестроились и загородили проход. Тут он по-настоящему разозлился.

— Прочь с дороги, щенки!

— Мы не щенки. И не подопытные кролики. Мы — люди, со своими правами, так же, как и Кэндес. Хотя вас, похоже, это не волнует.

В какую-то секунду мне показалось, что он вот-вот бросится в драку. Я почувствовала, как Стром выбирает наилучшую защиту, то есть нападение. На мгновение мы превратились в матрицу готовых реализоваться возможностей, в фалангу потенциалов.

— Джорджи, тебе лучше уйти. — Это матушка Редд появилась в дверях палаты Кэндес.

— Я только хотел взглянуть на нее!

— Нет.

— Но я же хотел как лучше! Я пытался создать совершенство, как ты не понимаешь!

— Я все понимаю.

— Это моя ответственность перед будущим, — горячо продолжал он. — Нам необходим жизнеспособный вид. Мир стоит на грани! Мы сейчас ближе к вымиранию, чем когда-либо! Я должен был спасти нас!

— Спасение человечества ценой человека — это слишком большая ответственность, — возразила матушка Редд.

— Вы отвечали за Кэндес, — сказали мы. — Но вы не справились. На нас самих вдруг навалилась огромная тяжесть ответственности: за друзей, за самих себя, за наших уток, наконец... Чувство, в котором переплетались долг и привязанность.

Доктор Томасин глянул на нас.

— Я хотел создать что-то не хуже тебя.

— Вы это сделали.

Наши взгляды встретились, и мы ощутили его мысли. Через минуту он, кивнув, ушел.

* * *

После того как Кэндес выписали из больницы, мы виделись с ней лишь раз. Она приехала на ферму, и мы продемонстрировали ей утиную цепочку — сто пятьдесят семь уток как одно целое. Мы рассказали, что собираемся опубликовать статью, и хотели предложить ей соавторство.

— Нет, спасибо. Мне нечего добавить к вашей работе.

Мы не нашли, что сказать, только пристыженно кивнули. У нас как-то вылетело из головы, что с последней генетической модификацией Кэндес частично лишилась памяти.

— Чем планируешь заняться теперь?

— Думаю поступать в медицинский. Конечно, многое придется начинать с нуля, но оно того стоит.

— Отличная мысль. Уверены, у тебя все получится.

Ее интерфейс обнялась с Медой, после чего Кэндес отправилась собирать вещи. На взлетной площадке произошло довольно неловкое прощание. Мы, разумеется, обменялись адресами и пообещали друг другу писать, но мне почему-то казалось, что письма от Кэндес мы так и не дождемся. Думаю, больше всего на свете ей хотелось забыть это лето, как страшный сон.

Мы проводили взглядом поднявшийся в небо флаер.

Похоже, пора кормить уток.

И когда только они наедятся!

Перевела с английского
Зоя ВОТЯКОВА

© Paul Melko. Singularity Children. 2006. (Общий заголовок предложен автором специально для журнала «Если».)

© Paul Melko. Singletons in Love. 2002.

© Paul Melko. Strength Alone. 2004.

© Paul Melko. The Summer of the Seven. 2005. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2005 г.

Печатается с разрешения автора.

Р О Б Е Р Т Д Ж . Х А У

ПОДРУГА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ЭНТРОПИИ

Знаете, в чем разница между Юджином, штат Орегон, и Манхэттеном? В Манхэттене о приезде «Грейтфул Дед» узнаете по внезапному скоплению у Мэдисон-сквер-гарденс фэнов, рвущихся на концерт. А Юджин лежит на реке Уильяметт (через трассу I-5 от своего рабочего города-побратима Спрингфилда), долина которой кишит стареющими хиппи в футболках цвета дерюги и фашистами от здорового образа жизни, раскатывающимися на «вольво». Юджин — убежище «белых воротничков»: желая преобразить свою жизнь, оторваться от корней и стать новыми людьми, они не вступают в Иностраннный легион, а оказываются на левом берегу Уильяметта.

Здесь же очутился и я — через год после развода, полностью опустошенный и беспредельно одинокий. Это случилось еще до того, как калифорнийцы мигрировали на север ради дешевой земли в Орегоне, поэтому приезжму из Нью-Йорка было не так трудно найти работу. Я подвизался на ниве криминальной хроники в «Реджистер Гвард», благодаря чему и познакомился со Старр.

В те дни серьезных преступлений в Юджине было немного: патрульные еще квалифицировали кражу велосипедов как разбой на большой дороге, и по большей части мне приходилось писать о нарушении правил пьяными водителями и облавах в мелких наркопритонах.

Труп уже увезли, но суеты и крови хватало. Вся квартира состояла из двух крошечных комнат, и мебель в ней, помимо кровати (на самом деле, это был просто брошенный на пол матрас) и одного складного стального стульчика, состояла из картонных коробок, набитых одеждой и мелким хламом. Ковер, засыпанный песком, скрипел под ногами. Обои покрыты разводами, одна стена — в потеках воды и пятнах плесени. Я так старался не наступить в лужу крови («Пожалуйста, не смажьте нам картину преступления», — просил сержант), что нечаянно опрокинул установленный судмедэкспертами галогеновый софит. Лампочка не просто разбилась, а взорвалась наподобие гранаты, усеяв всю комнату осколками стекла.

Я не смел вздохнуть, ожидая, что меня вышвырнут отсюда еще до того, как я получу хоть одно слово комментария, и уже «предвкушал» нравоучительную беседу с заведующей редакцией в духе «как вы дошли до жизни такой?». Где эта дама работала раньше? Не иначе, в концентрационном лагере.

Детектив, высокая представительная женщина с темно-русыми коротко стриженными волосами, одетая в армейского покроя штаны и

спортивный вельветовый пиджак, оперев руки в бока, неожиданно улыбнулась.

— Ух ты! — вырвалось у нее. — Никогда не видела, чтобы лампочки так взрывались. — Да ты ее на атомы разнес.

Я начал извиняться, потом до меня дошел смысл ее слов.

— Что вы сказали?

— Разнес ее ко всем чертям. Встань позади меня. Попытаемся закончить работу, не развалив все здание.

Ее звали Старр Бэннер-Бенди, и она не походила на копов, которых я знал. Во время осмотра места преступления она говорила через плечо. Жертва — белая женщина, возраст — между пятьюдесятью и шестьюдесятью. Даже не задав ни единого вопроса, я заполнил три страницы заметками на тему «кто, что, когда и почему».

— Господи, ничему их жизнь не учит! — заключила она, выпрямляясь.

— Их?

— Нас, женщин. — Она стянула резиновые перчатки. — Мы закрываем дверь на два засова, запираем все окна, не вносим в телефонную книгу имена, только фамилии, но при этом живем с мужиками, которые используют нас как боксерскую грушу.

— И кто ее убил? Друг? Муж?

— Ну, сто против одного. Знаешь, что говорят студентам-медикам? Когда слышите стук копыт, думайте про лошадей, а не про зебр. Все боятся очередного Теда Банди или Убийцы с Зеленой реки. Но столкнуться с маньяком-убийцей так же просто, как выиграть в лотерею. Скорее, в тебя ударит молния. Гораздо вероятнее, что тебя зарежет в дрянной квартирке сожитель-алкоголик. — Она решительно швырнула перчатки в мешок для мусора.

Я поплелся за Старр, на ходу придумывая заголовок. Был типичный мартовский день, плаксивый и хмурый. Солнца я не видел, кажется, с Хэллоуина. Перед входом в здание нас встретили почти все шишки юджинской полиции. Любое убийство здесь поднимает с кровати шефа полиции. Перед нами стоял здоровяк лет пятидесяти, в «докерсах» и рубашке-поло.

— Что у нас там, Бенди? — спросил он, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Старр выдала ему то же резюме, что и мне, только без красочного комментария.

— Похоже на семейную ссору, — завершила она. — Одна колотая

ножевая рана в грудь. Владелец или управляющий зданием еще не появлялся. На почтовом ящике значится «Л.Забо». Это, скорее всего, жертва, но ни при ней, ни вообще в квартире нет никаких удостоверений личности.

— Это ваш напарник? — спросил, кивнув на меня, шеф полиции.

— Нет, Декстер остался опрашивать соседей. Это Лари Уируон, репортер из «Ред Гвард».

Нашу газету то и дело называют «Ред Гвард» — за якобы левый уклон. На самом деле «Реджистер Гвард» не радикальнее банковского менеджера-пресвитерианца. И уклон у нас в бизнес. Если бы министра торговли застали с пистолетом над телом стриптизерши, наш заголовок гласил бы: «Голая танцовщица порочит репутацию бизнесмена».

Осознав, что перед ним репортер, менеджер «Уолл-марта» сделался елейно-врадчивым.

— Оставьте нас на минутку, ладно? — попросил он.

Его явно смутило, что он обнаружил незнание личного состава, и компенсировал это фальшивой улыбкой.

Но я все равно торопился сдать репортаж и потому с извинениями удалился. Назад в редакцию ехал разочарованный — на прощание Старр удостоила меня едва заметного кивка — и одновременно озадаченный: какое значение это обстоятельство имеет в сравнении с убийством женщины?

Стоило мне переступить порог дома, Гус исполнил «танец счастливого пса»: бешеное кружение на месте, прыжки и возбужденное тьяканье. Как всегда, я почувствовал себя виноватым, что оставил его на целый день одного. У него была собачья дверка на задний двор и миска для воды размером с бассейн для олимпийских заплывов, но собакам нужна стая. Для Гуса стайей был я. Раньше стая состояла из меня, Мойры и Гуса, и он хандрил еще долго после того, как мы с ним переехали в Юджин. Временами, когда я открывал ящик комода или чемодан, он засовывал туда голову целиком, стараясь вынюхать малейшие следы Мойриного запаха. Я гладил пса, приговаривая: «Бедный Гус». Комок стоял в моем горле.

Сняв рабочие штаны, я надел такие же, но домашне-собачьи, и мы с Гусом пошли гулять на реку. Гус бросался к каждому дереву, фонарю и кусту, словно преследовал вора, а потом долго и трепетно обнюхивал поверхность, перед тем как оставить собственную весточку на собачьей доске объявлений.

У Мойры обычно не хватало терпения во время таких прогулок.

— Господи Боже! — раздраженно говорила она мне. — Просто иди дальше, ведь Гус на другом конце поводка!

Поначалу я спорил.

— Собаку выводят для ее удовольствия, а не для того, чтобы успеть по своим делам, — как-то сказал я. — Мы его кастрировали, да и ест он только собачий корм. Пусть хотя бы такой малости порадуетесь, ладно?

Но со временем я говорил все меньше и меньше, а бесконечные мелкие стычки давали метастазы: как нужно загружать посудомоечную машину, как полагается платить по счетам, почему моим друзьям не стоит заходить после девяти вечера. В доме постоянно что-то билось — вот это уже было серьезно.

Я не сознавал, какой груз невысказанных обид во мне накопился, пока однажды утром стоявший рядом на перроне подземки парнишка не спросил:

— Эй, мужик, что это за звук?

Это был мой зубовой скрежет.

Потом я несколько раз пытался — мы оба пытались — всерьез обсудить происходящее, но к тому времени ставки настолько выросли, что любой откровенный разговор грозил вылиться в ссору, на которую ни у одного из нас не хватало духа.

День, в который я узнал про любовника Мойры, был последним, когда я заходил в квартиру. Единственное, чем я дорожил, был Гус, ну еще блокноты и охапка книг — ведь почти все остальное выбирала Мойра. Я упаковал вещи, и мы с Гусом отправились к моему брату на Стейтен-Айленд, хотя с середины моста Верразано-Нэрроуз нас пришлось тащить на буксире — машина сломалась.

Механик брата сказал, что мотор сдох.

— Как будто у тебя двадцатилетний мотор в пятилетней машине, — сказал Томми. — Все сношено донельзя.

Мы с Гусом купили новую машину, пересекли всю страну и прибыли в Орегон.

Гибель Линды Забо попала на первую страницу: сенсация для городка, где убийств в среднем за год происходит меньше, чем в Нью-Йорке за день. Я уговорил редактора оставить цитату про зебру. Меткое высказывание, к тому же хотелось таким образом польстить Старр.

Я сидел у себя в кабинке в редакции (сплошь затянутые серой тканью стены, завешенные внахлест газетными вырезками и карикатурами, точно модернистская вариация пещеры Альтамира с настенной живописью бронзового века), когда позвонила Старр.

— Ты не поверишь, — сказала она.

— Во что?

— Помнишь вчерашнюю покойницу? Линду Забо? Она была профессором в Орегонском университете.

— На пенсии? — поинтересовался я.

— Нет. На штатной должности. Преподавала физику.

Пришлось немного пошевелить мозгами, спешно меняя мнение о покойнице: она ведь жила в дыре всего на ступеньку выше приюта для бездомных.

— Тогда почему... — начал я, но Старр меня опередила:

— Понятия не имею. Зарабатывала она неплохо, и на счету одиннадцать тысяч. Имела приличную машину, «вольво» предпоследней модели. Хотя, кажется, дама была чуть не в себе.

— Подозреваемые уже есть? — спросил я, отчаянно царапая заметки в блокноте.

— Нет. И сдается, это все-таки не любовник. Она жила одна, соседи говорят, гости к ней не заходили.

И тут я вспомнил про зебру.

— Не знаю, видела ли ты газету, — забормотал я. — Я процитировал твои слова...

— Видела. Про копыта.

— Извини, что так вышло.

Вместо того чтобы польстить, я выставил ее глупой.

— Не извиняйся. Я сказала о любовнике, зная, что ты это процитируешь. Мне и раньше случалось ошибаться.

Закончив разговор, я собрал блокноты, ручки и ключи и направился в Орегонский университет. Все равно надо получить пару-тройку фраз от коллег Забо для продолжения репортажа. А еще мне хотелось узнать, есть ли у них какие-нибудь соображения, почему преподавательница жила как бродяга.

Я уже бывал в университете по поводу разнообразных мелких преступлений: сексуальные домогательства, незначительные злоупотребления и ритуальные кражи талисманов футбольной команды противника. Оставив машину за кампусом (чтобы не пришлось обращаться в отдел по связям с общественностью за пропуском), я направился к Уильямс-холлу, где располагался физический факультет.

В просторной приемной было слишком жарко, и главное место в ней занимал деревянный стол, который выглядел так, словно его наспех сколотили из упаковочных ящиков. Дверь справа вела в помеще-

ние поменьше. За столом восседала студентка лет двадцати с волосами воронова крыла, постриженная под Бетти Пейдж, что напомнило мне о Мойре, и с броским пирсингом, который уж никак ее не напоминал. Когда я вошел, студентка листала глянцевоый журнал.

Представившись, я спросил у девушки, знала ли она профессора Забо. Она ответила, мол, только мельком и, как полагается в подобных случаях, печально вздохнула. По ее мнению, мне лучше поговорить с профессором Шенком, тоже преподавателем физики.

Она провела пальцем по расписанию на доске.

— До десяти минут двенадцатого у него занятия. Потом до двух приемные часы.

Записав номер кабинета на желтой бумажке, она протянула ее мне.

— Поднимитесь на один этаж, а потом, кажется, налево. Но у него могут быть студенты.

Эдгар Шенк оказался кругленьким англичанином в спортивных штанах, кроссовках и оранжевой вязаной кофте, настолько яркой, что резала глаз. Он был один в своем кабинетике, больше похожем на стеноый шкаф; восседал за серым стальным столом на деревянной вертящейся табуретке, которую, кажется, купили на распродаже после пожара.

Я представился. Он, конечно же, уже знал, что Линду Забо убили.

— Разве не ужас? — спросил он, жестом указывая мне на другую табуретку. — Просто в голове не укладывается.

— Вы близко знали профессора Забо?

— Очень. Не далее как на прошлой неделе мы с женой приглашали ее на обед. У нас с Линдой было общее расписание занятий, ну, более или менее, поэтому мы ездили на работу вместе. Ее машина вечно стояла сломанная.

Он снял оранжевую пушинку со штанов.

— Трагичная, поистине трагичная смерть. Вы, наверное, слышите такое всякий раз, когда кого-то убивают, и я понимаю, что каждая человеческая жизнь бесценна, но Линда была ярко выраженной индивидуальностью.

— Пожалуйста, поподробнее.

— Она была замечательным человеком, но главное — мозги у нее первоклассные. Чтобы остаться здесь, она отказалась от профессуры в Институте перспективных исследований. Знакомое название?

Я знал, что это крупный научный центр в Принстоне, штат Нью-Джерси, знаменитый тем, что там работали Эйнштейн и десяток других гениев, о чем и сказал Шенку.

— Вот именно, — кивнул он. — Что называется, высшая лига.

— Тогда почему она подвизалась здесь? Ей нравилось преподавать?

— Господи Боже, нет! — хохотнул он. — Конечно, Линда могла бы преподавать где угодно, но как исследователь представляла гораздо большую ценность: отличный теоретик и одновременно хороший экспериментатор.

— У нее была лаборатория в кампусе?

— Нет, она говорила, что работает дома, но в такое трудно поверить, правда? Нужно иметь целое состояние, чтобы приобрести хотя бы малую долю того оборудования, которым оснащены наши скромные лаборатории. Да, наш факультет, скорее, второго класса, хотя и пользуется уважением среди коллег. Я сам неплохой экспериментатор. А меня она превосходила на порядок, уж поверьте мне.

Необычное признание, особенно для человека из мира науки. В Шенке не было ничего от непризнанного гения.

— Почему вы так говорите? — спросил я.

— Ну, она время от времени помогала мне кое в чем, — отозвался он. — Превосходно управлялась с оборудованием. Не какой-то там хороший наладчик, но истинный талант в разработке и конструировании.

— Не хочу показаться невежливым, — продолжал допытываться я, — но если все это так, то почему она работала у вас?

— Долг перед близкими, по всей видимости. У нее тут есть семья, хотя мы никогда никаких родственников не видели.

— Какая у нее специализация?

— Она читала вводные курсы и вела пару семинаров по квантовой физике, — объяснил он. — Но в душе была математиком-теоретиком. Она много говорила о своей работе, но я понимал не более половины. А ведь меня считают хорошим специалистом. — Вид у Шенка стал грустным. — Я, наверное, лезу не в свое дело, но, кажется, Линда пережила какую-то личную драму. Она как будто была не способна взять себя в руки и решиться что-нибудь опубликовать. Во всяком случае, последние пять лет.

— А вы не могли бы в общих словах объяснить, над чем она в последнее время работала? — спросил я.

— Боюсь, я ничего, кроме общих слов, сказать не смогу. Она увлеклась чем-то, что назвала ЛЭВаами, «локализованными энтропийными возмущениями». Так она именовала участки пространства, в которых энергия практически отсутствует и никакого полезного выхода уже получить невозможно. Концепция интересная, но несколько противоречивая. «Очаги» энтропии, содержащиеся внутри системы, но не испытыва-

ющие на себе ее воздействия и сами на нее не воздействующие. Словно чашку замерзшей воды поставили в духовку, а жидкость не нагревается и духовка не остывает. Но расчетов и формул в основе теории я так и не увидел. Может, оно и к лучшему. В колледже у меня был курс исчисления, но из него я помню лишь запах шампуня Мэрибет О'Холлрен и то, как два семестра ее волосы дразняще колыхались над моей партой.

— А откуда берутся эти «очаги» энтропии? Какого они размера? Мы имеем в виду микроскопический уровень?

— О Боже! — Шенк горестно махнул рукой. — Это же все теория. Кто знает, какого размера они были бы в реальном мире, если бы вообще возникли. Линда считала, что их уравнивает скопление темной энергии в другом измерении. Все это сплошные домыслы и не имеет отношения к математике, — поспешно добавил он. — Слушайте, мне сейчас пришло в голову, что всего этого в газете лучше не печатать. Выйдет отвратительно и нечестно по отношению к ее памяти.

Шенк еще кое-что рассказал про работу Забо (тоже не для печати), но у меня уже голова шла кругом. Когда он остановился, чтобы набрать воздуха, я поспешил закончить беседу и с извинениями откланялся.

Я уже стоял на пороге, когда он снял с полки видеокассету и протянул ее мне.

— Возможно, она будет вам полезной. Это запись лекций Линды последнего семестра.

Пока я был в университете, вечная морось Юджина снова взялась за свое. Тем не менее к машине я выбрал обходной путь. Мне хотелось поразмыслить над словами Шенка, и, даже невзирая на дождь, я радовался, что не торчу в редакции. Подавляющая часть рабочего времени репортера проходит у телефона в лабиринте кабинок, которые пришли на смену открытым помещениям прошлого десятилетия. Эта новая мода меня возмущает — нередко к неудовольствию заведующей редакцией.

Если забыть про плаксивое небо и случайные порывы ветра, стоял приятный весенний день. Не холодный, градусов пятнадцать, и в воздухе витал пьянящий запах распускающейся листвы. Юджин расположен в самом центре долины Уильяметта, протянувшейся с севера на юг поймы между Береговыми хребтами и Каскадными горами. Каскадные горы сохраняют здесь теплый, влажный приморский климат, превращая долину в своего рода теплицу под открытым небом.

Природа Юджина намного богаче нью-йоркской. Вдоль улиц, окружающих университет, тянутся ряды огромных старинных деревьев: ясени, каштаны, клены и, наверное, с десяток разновидностей хвойных —

ели, пихты, сосны и можжевельники. Их стволы поросли мхом, и дождевые капли с успокаивающим звуком шелестят в густой листве.

Я мысленно прокручивал интервью: не сочинял репортаж, а, скорее, переваривал информацию. По словам Шенка, машину Забо вечно чинили, а Старр упоминала, что автомобиль Линды был новенький. Что-то еще о машине вертелось у меня в голове, но я никак не мог поймать мысль за хвост.

А еще физика... Для дилетанта я неплохо разбираюсь в науке и стараюсь не отставать от новых веяний — в общих чертах. В прошлой жизни я писал о науке, но в газетной журналистике, этом последнем прибежище начитанного дилетанта, нынче пришло время экспертов. Колонки научных новостей в больших газетах теперь ведут кандидаты наук, а не ребята, которые, заканчивая журналистику, прихватывают заодно и физику. Но даже я понимал, что если Шенк верно описал теорию покойной профессорши и если ее развить, последствия могут быть грандиозными. Два больших «если», но тем не менее... С другой стороны, как вообще вся теоретическая физика, гипотеза казалась нелепой — для профана. На мгновение я задумался, не научная ли деятельность послужила причиной гибели Линды Забо, но такие рассуждения вели к домыслам об инопланетянах и тайном заговоре масонов с целью захватить власть над миром.

Когда я вернулся к машине, то обнаружил, что промок до футболки. Машина, разумеется, не заводилась, и пришлось сорок пять минут ждать механика.

Остаток дня я пытался разыскать родственников Забо (ни в университете, ни в полиции о них ничего не знали) и так ни одного не откопал. Что, признаюсь, принесло мне некоторое облегчение. Разговаривать с родственниками жертвы — печально в лучшем случае, а в худшем — тебе выпадает нелегкий жребий сообщать ужасную весть.

За следующие несколько дней я накопал лишь одно короткое продолжение к первому репортажу («Полиция активно расследует...») и продолжал освещать рутинные происшествия маленького городка: упавшее дерево раздавило несколько пустых машин, пожар на спрингфилдской стоянке трейлеров, группа подростков обезобразила расистскими граффити несколько домов. Потом настал черед эксклюзивных новостей Юджина: ежегодный угон продуктовых тележек из местных супермаркетов фэнами «Грейтфул Дед».

Кочующие вслед за группой из города в город поклонники «дедов», как правило, слишком бедны, чтобы останавливаться в отелях, и на

время гастролей захватывают местные скверы. По прибытии в город такие «туристы» отправляются в ближайший «Сейфвей» или «Метро», закупают на несколько дней еды и выпивки и везут на тележках в свой лагерь у реки. А там тележки становятся частью инфраструктуры палаточного городка. На утро после отъезда фэнов супермаркеты посылают за заблудшими тележками грузовики.

Все то время, пока писал заметку, я воображал, во что бы вылилась такая история в Нью-Йорке. Но раз за разом вставала лишь жутковатая картина: худощавых парнишек в футболках цвета дерюги забивают дубинками — как новорожденных тюленей — разозленные менеджеры супермаркетов.

На видеокассету, которую мне вручил Шенк, я наткнулся, когда мы с Гусом выволакивали хлам из машины. Собственно говоря, убирался я, а Гус обнюхивал коврики в поисках микроскопических частичек фастфуда.

Наскоро приготовив обед, я сел перед телевизором посмотреть запись. Она оказалась чуть лучше среднего: на Забо был микрофон-клипса, а в потолке аудитории имелось два огромных окна, впускавших сентябрьское солнышко.

На место преступления я приехал уже после того, как увезли тело, и саму профессоршу видел лишь на фотографии с университетского пропуска: белая женщина старше тридцати, вот и все.

На видеозаписи Забо казалась подтянутой и оживленной. Одетая в брюки цвета хаки, ярко-красную футболку и черные кеды, она выглядела весьма молодо: не старше сорока. Если ей не нравилось преподавать, то она была превосходной актрисой.

Шла обычная лекция курса «физика для лириков». На пленке Забо объясняла пятидесяти студентам эффект Доплера. Когда она перешла к длине волны, поднялось несколько рук.

— Подождите с вопросами, — попросила она класс. — Я потом объясню. Всё во Вселенной.

По рядам прокатился смех, руки опустились. Забо отработала сорок минут, дав внятное объяснение эффекту Доплера и его последствиям для космологии. Она легко говорила о сложном, не впадая в популизм и в то же время без тени снисходительности к невеждам.

По окончании лекции вокруг ее стола сгрудились с десятков студентов. Микрофонов у них не было, поэтому большинство их комментариев вышло неразборчиво, но по счастливым, оживленным лицам читалось, что их вопросы вторичны, что им лишь хочется побыть рядом

с ней. У некоторых преподавателей есть такой дар, и Забо была наделена им сполна.

В Нью-Йорке я писал о многих убийствах, но никогда не знал жертв лично. Даже горе родных редко помогало узнать покойного лучше, чем из стандартных газетных строк: «молодая мать троих детей» или «трудолюбивый эмигрант из Гвианы». А Забо — так внезапно и печально — вдруг обрела плоть и кровь.

Когда я позвонил Старр узнать, не продвинулось ли расследование, она предложила встретиться с ней и ее напарником в ресторанчике под названием «Мачо-мышь».

Старр была уже на месте, когда я приехал: мне пришлось остановиться и поменять спустившееся колесо. В ресторанчике угощали здоровой мексиканской пищей. Приблизительно под двумя третями блюд в меню стояли значки «полезно для сердца». Мое представление о здоровой еде — картошка-фри без расплавленного сыра. Но я и такой трапезе был рад: главное, поболтать со Старр, пока не появится ее напарник. Это дало мне шанс задать вопрос, который не пришел в голову в доме Забо:

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Старр оторвала взгляд от меню.

— Заметила твой блокнот, читала твою рубрику, знаю твою репутацию.

— Мою репутацию? — переспросил я и мысленно увидел рухнувшую галогеновую лампу.

— В криминальной хронике обычно работают два типа людей, — объяснила она. — Лизоблюды и благородные реформаторы. Первые считают полицейских непогрешимыми, вторые — садистами. Ты, похоже, не относишься ни к тем, ни к другим.

Я разрывался между благодарностью за скрытый комплимент и тягой зачитать свою профессию — хотя прекрасно знал, о чем говорит Старр.

— Спасибо, наверно, — пробормотал я. — Но большинство репортеров довольно объективны. И вообще, мне не приходило в голову, что у меня есть друзья в полиции.

— Вот как? — Старр загадочно улыбнулась. — Я бы так не говорила. В основном копы похожи на старшеклассников: ими руководит мнение сверстников. Они уважают того, кто умеет делать свое дело и не кичится этим.

Старр снова вернулась к меню: очевидно, прочла мои мысли о «полезных для сердца» блюдах.

— Негусто, — сказала она.

Мы заказали по содовой, и очень скоро Старр взялась за меня все-ррез. Из нее самой я выудил лишь несколько мелочей: Бэннер-Бенди — фамилия родителей; нет, она не замужем; относительно детей планов пока нет. Но в основном мы говорили обо мне. Где я вырос, где учился (она как будто очень заинтересовалась, когда я сказал, что у меня диплом по журналистике и физике), где я работал. Я рассказал, что был репортером криминальной хроники в Нью-Йорке, хотя постарался обойтись без обычных «боевых баек» — не в последнюю очередь потому, что догадался: на нее они не произведут впечатления. Насколько я понял, Старр родилась и выросла в глухом орегонском городке, но мир знала лучше многих ньюйоркцев, и сообразил, что разглагольствования уроженца мегаполиса будут плохо восприняты.

Когда дело дошло до Мойры и моей семейной жизни, я попытался следовать совету Эмерсона: «Если катишься по тонкому льду, единственное спасение — в скорости».

— Разведен, да? Что стряслось? — спросила она.

— Как обычно.

Я всегда так говорил, потому что женщины вечно задавали подобный вопрос. Эту фразу я умел произносить на автопилоте, потому что всякий раз — вообще всякий раз — при этом вопросе в голове у меня возникал укоризненный взгляд жены, который она бросила на меня поверх спинки дивана, когда я вернулся домой и застал ее с любовником.

— Не бывает ничего обычного, Ларри, — сказала Старр. — Детей вы не завели?

— Нет, но у меня есть пес. Гус.

— Гус? — переспросила она. — Уверена, он будет для тебя большим утешением в старости. И что это за пес?

— Не смейся, но его кличка — сокращение от Август. Он полукровка, по большей части лабрадор, но, думаю, есть небольшая примесь чихуа-хуа.

Тут приехал ее напарник и спас меня: не пришлось показывать Старр фотографию собаки, что я уже готов был сделать.

Байрон Декстер оказался невысоким крепышом лет сорока с густой бородой и редееющими волосами. Одет он был в неизбежный спортивных пиджак (чтобы прикрыть кобуру) и надежные крепкие ботинки.

Копы на Западном побережье обычно отличаются манерой поведения от своих нью-йоркских коллег. Больше «пожалуйста, сэр» и «нет, мэм», меньше «я с тобой разговариваю, придурок», — во всяком случае, в приличном обществе. Но я начинал приходить к мысли, что Юд-

жин просто заповедник для нестандартных копов. Декстер выделялся даже среди копов Западного побережья. В нем не было ни тени полицейской сдержанности, той смутно враждебной ауры, которая окружает копов, потому что они взвешивают все твои слова, проверяя, не лжешь ли ты.

Они поделились со мной всем, что им удалось откопать по делу Забо — как выяснилось, немного. По словам коронера, причиной смерти стала колотая рана в грудь, удар рассек аорту прямо над сердцем. Орудие убийства неизвестно, но, скорее всего, это какой-то инструмент: у раны рваные края и внутри найдена металлическая пыль. Результаты анализа крови и образцов тканей еще не поступили. Соседи ничего не слышали и не видели.

— Тут есть одна странность, — завершила свой рассказ Старр. — Опрашивая жильцов, мы с Дексом проверили другие квартиры в здании. И знаешь что? Все до единой в безупречном состоянии: никаких потеков воды, никакого осыпавшегося гипсокартона, ковры практически новые. Владелец ремонтирует квартиры, как только они освобождаются...

— Он пытался выселить Забо? — спросил я.

— Нет, — ответил Декстер. — Вы промахнулись: квартира Забо уже была отремонтирована. Она едва ли не самая новая во всем здании.

— Эта дыра? — вырвалось у меня чуть громче необходимого. Женщина за соседним столиком окинула меня неодобрительным взглядом.

— Трудно поверить, да? — сказала Старр. — Не знаю, как ей удалось довести жилье до такого состояния.

Еду принесли, когда я рассказывал о моем разговоре с Шенком, видео пленке и локализованных энтропийных возмущениях. Мою собеседницу теория Забо как будто очень заинтересовала, и я полистал блокнот, чтобы проверить, не упустил ли чего.

— Да, еще он говорил про Гейзенберга и про то, как наблюдатель влияет на события, — сказал я, просматривая заметки.

— В отношении локализованных энтропийных возмущений? — переспросила Старр. Произнесла она это без нажима, и я интуитивно понял, что она не использует сокращение лишь потому, что не хочет сбивать меня с толку.

— Не знаю. А что? Ты что-то об этом знаешь? Тут стоит поискать взаимосвязь?

Она поглядела на Декстера, которому явно наскучила наша болтовня на темы физики.

— Ну, если локализованные энтропийные возмущения вызывает наблюдатель, дело может оказаться серьезным. Сами знаете, как кот

Шрёдингера: пока наблюдатель не откроет коробку, животное не живо и не мертво.

Я кивнул: мол, понимаю, о чем речь.

— Если наблюдатель-человек способен вызвать локализованные энтропийные возмущения.... — начала было Старр, но осеклась. — Надо признать, звучит это в духе «Танцующих мастеров Ву Ли»*, — сказала она, помолчав. — Те, кто ничего не смыслит в физике или буддизме, вечно пытаются как-то связать их между собой. Тем не менее не вижу причины, почему присутствие человека не может вызывать локализованных энтропийных возмущений.

Странно себя чувствуешь, когда тебе читает лекцию по квантовой физике коп. Мне хотелось задать ей десять тысяч вопросов о ее образовании и карьере, но тут Декстер встал и достал из кармана рацию. Сказав в нее несколько слов, он обратился ко мне:

— Нам пора. — Он пожал мне руку, потом кивнул в сторону Старр: — Она считает вас интересным. Да поможет вам теперь Господь.

Я поглядел на Старр, ожидая прочитать на ее лице такое же удивление или хотя бы раздражение, но она осталась совершенно невозмутимой. И тоже встала. Проходя мимо, она дружески толкнула меня бедром.

— Чао, Лари. До сути твоей собачьей проблемы доберемся в следующий раз.

Я посидел еще минуту, чувствуя себя счастливым и немного вымотанным. Дело было не только в притяжении (и ура! оно, кажется, взаимное). Удовольствие от общества Старр было подернуто печалью по Линде Забо. Я кое-что рассказал о видеозаписи, но отдал ее со странной неохотой, когда копы попросили на время — а ведь принес ее сюда как раз с этой целью. Глупо, конечно, но хотелось оставить кассету себе.

Плюс работы криминального хроникера в том, что не надо присутствовать на заседаниях городского совета и слушаниях местных комитетов. Минус — полный спектр человеческих невзгод: от кражи рюкзака до убийства. В участке Университи-Вест сидел прикованный наручниками к скамье подросток в мешковатых штанах. Он рыдал так, что от соплей и слез промокла футболка.

— Что с ним? — спросил я дежурного.

* Название классического труда Гари Зукавы (1980) с изложением сути квантовой физики максимально простым языком, дабы сделать понятными широкому читателю сложные физико-математические концепции. (Прим. перев.)

— Отдубасил друга скейтом, — отозвался тот. — Из-за пачки сигарет. Бедняге теперь потребуется пластическая операция. — Он подался через стол к подростку. — Эй, Сейдж, тебе уже шестнадцать. Знаешь, что это значит?

Все знают: ему достаточно лет, чтобы его судили как взрослого.

Парнишка как будто искренне раскаивался. Настолько, что его плач сумел прорваться сквозь эмоциональную пелену, которую Мойра называла моей «завесой безразличия». Выписав подробности происшествия из журнала, я решил обратиться подальше от рыданий.

Я уже выходил из участка, когда это случилось: не успел я проследовать мимо высокой витрины с призами и наградными табличками, как верхняя полка просела, и на дно шкафа обрушилась лавина щепок и металлических конструкций. Хотя переднее стекло выдержало, грохот все равно получился оглушительный.

Подвывающий подросток разом умолк, из недр участка выбежали четверо копов и тут же застыли, разинув рты.

— Господи Иисусе, — вырвалось у одного из них. — Что вы такого сделали?

— Я витрину не трогал, — выдавил я.

Я как всегда был потрясен размахом разрушений и опять перенесся в детство, когда отец свирепо смотрел на меня поверх какого-нибудь безвозвратно загубленного ценного предмета. То, что я не прикасался к витрине, как и тогда, не имело никакого значения.

— Я не... — начал было я, но дежурный меня оборвал:

— Неважно, — рыкнул он, — просто ничего больше по дороге к двери не трогайте.

Подавив желание сказать что-нибудь в свою защиту, я ушел. Уши у меня горели от смущения.

— Привет, Лари. Слышала, ты вчера разгромил участок Университи-Вест.

Голос Старр в телефоне вырвал меня из крепкого сна. Часы показывали шесть утра.

— Очень смешно... А новости быстро разносятся.

Я даже не спросил, откуда у нее мой номер, ведь в телефонной книге его нет, но, в конце концов, она же детектив. Интересно, что еще она обо мне знает?

— Разбудила меня, лишь бы растравить раны?

— Да, а еще я еду в Бенд посмотреть на машину Забо. Хочешь, тебя захвачу?

— В Бенд? А что там делает ее машина?

От Юджина до Бенда больше ста миль, он за Каскадными горами.

— Сломалась там, — объяснила Старр. — Забо собиралась в пеший поход. Поставила машину в тамошний гараж еще за неделю до смерти. Кажется, ей полагалось забрать ее в эти выходные. Но одно условие: все, что я обнаружу, не для печати, пока я сама не разрешу.

Иногда приходится идти на подобные сделки с копами. Пока Старр и ее партнер щедро делились со мной информацией. Что ж, примем эти условия...

— Когда ты выезжаешь? — только и спросил я.

— Заеду за тобой через десять минут, — ответствовала Старр. — Только куплю для нас кофе. Ты как пьешь?

— Тебе еще не известно? С молоком и сахаром.

— Отлично. И не копайся. — Она повесила трубку.

Впустив Гуса на задний двор, я бросился в душ. Когда Старр постучала, я был уже одет, а пес гонял по полу кухни последний катышек сухого корма. Не успел я открыть дверь, как Гус кинулся к госте.

— О, только погляди, какой кошмарный, какой уродливый пес! — закурыкала Старр тоном, каким обычно победители телеигр приветствуют раздающих призы. И принялась трепать Гуса за бока.

Пес, разумеется, был на седьмом небе и облизывал Старр с таким пылом, что ей пришлось умыться перед дорогой.

Исполненный чувства вины, я, шаркая, пятился к двери, чтобы помешать Гусу вырваться из дома за нами следом.

— Давай возьмем его с собой, — предложила Старр.

— Ты уверена?

— Да, и машину сможем вести втроем, по очереди.

Я снял с вешалки поводок, отчего Гус бешено закружился вокруг меня. Трудно сказать, кто из нас был счастливее.

У Старр оказался антикварный шеви-фургон начала семидесятых, чистенький и очень ухоженный. Виниловые сиденья ни на йоту не провисали.

— Ух ты, какая машина! — восхищенно воскликнул я, прикидывая, сколько стоит транспортное средство, отреставрированное до подобного совершенства. — Ты уверена, что нужно брать Гуса?

— Спасибо! — воскликнула она. — Я правда люблю старые вещи. А что до Гуса — убеждена, он будет истинным джентльменом.

Еще один приятный сюрприз ожидал меня, когда я попробовал кофе: это был ординарный напиток, а не какая-нибудь дорогущая изысканная смесь из бутика. Я пил его маленькими глотками, пока Старр

везла нас на восток, и чувствовал себя виноватым, что мне так хорошо, — мы ведь ехали осматривать машину убитой женщины.

На Каскадные горы мы поднялись по 126-й трассе. Тучи, казалось, висят над самыми нашими головами. Даже при том, что дворники на лобовом стекле постоянно работали, Старр приходилось то и дело переключать скорости, пока мы тащились сквозь дождь и ветер. Впереди маячил темный хвойный лес. Гус свернулся на заднем сиденье, но лишь после того, как щедро оставил отпечатки носа на задних стеклах.

— Так что случилось вчера в участке? — поинтересовалась Старр.

Я рассказал ей о подростке и о том, как осыпались полки в витрине.

— Не выдержали, когда я проходил мимо, — закончил я. — Меня расстроили и слезы мальчишки, и окрик дежурного, но витрины я не трогал. До нее было больше фута... Но у дежурного совсем другое мнение.

— Ну, сам понимаешь, он натренированный наблюдатель, — отозвалась на это Старр, — а значит, скорее всего, понятия не имел о том, что увидел.

Это вызывало у меня улыбку. Мне вдруг показалось очень важным, чтобы Старр мне поверила — каким бы мелким ни было происшествие.

— Со мной вечно что-нибудь случается, — выпалил я, вовсе не собираясь ничего подобного говорить. — Когда я был маленьким, то просто притягивал несчастные случаи. Ребята в школе прозвали меня Облом.

Старр кивнула, но промолчала, а я прямо-таки услышал голос Мойры: «Слишком много информации» — тем раздраженным тоном, которым она осаживала мои попытки что-то ей поведать.

«Вот сейчас все испорчу!» — панически подумал я.

— Сомневаюсь, что ты толкнул витрину. Даже Мартин, дежурный, сказал, что, на его взгляд, ты и близко к ней не подходил. Но эти вещи происходят с тобой не просто так, — сказала Старр, помолчав.

— О чем это ты?

Старр отвлеклась от дороги, чтобы посмотреть на меня.

— Помнишь софит на месте преступления, который...

— Да, помню, — оборвал я ее, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Я наблюдала за тобой, когда ты вошел. Ты глядел себе под ноги, но я-то смотрела на тебя и думала: «Это еще что за симпатяга?». Когда прибор рухнул, ты был далеко.

— Что? — Вот этого я никак не ожидал. — Но ты же сказала, я его разнес...

— Просто подтрунивала, — отозвалась Старр. — Не могла же я сделать вид, будто ничего не заметила. Но софит не сам собой упал. Ты его, конечно, не трогал, но дело все-таки в тебе.

— Как это?

В ее голосе не прозвучало ни тени обвинения, и мне стало чуть легче.

— Не знаю, — ответила она. — Но если так происходит с самого детства... Знаешь, когда слышишь стук копыт... — Она снова глянула на меня и пожала плечами. — Несчастных случаев не бывает, в этом я твердо уверена.

«Несчастных случаев не бывает». Мы с Мойрой десяток раз ходили к семейному психотерапевту, когда еще думали, будто можно что-то спасти. На одном из сеансов Мойра пеняла мне на треснувшую кофейную кружку. Я как мог извинялся, ссылаясь на несчастный случай. «Несчастных случаев не бывает», — возразил на это психотерапевт.

От тех же слов, услышанных из уст Старр, я почувствовал на языке горький привкус гнева и поражения, которые проглотил тогда в кабинете. Оправдываться не хотелось, поэтому я сидел и смотрел на туман за стеклом.

Некоторое время спустя мы выехали на перекресток с узким двухполосным шоссе, которое убегало от нашей трассы, когда она поворачивала на север. Не успели мы проехать несколько миль, как небо начало светлеть, а потом мы вдруг вырвались за верхний край облаков. Мы почти приблизились к вершине одной из Трех Сестер, трио пиков-десятитысячников в Каскадных горах. Небо было невероятной голубизны, и бьющее в лобовое стекло солнце заметно согрело салон. Лес вокруг поредел, сами деревья стали низкорослыми, искривленными от ветра.

Несколько минут спустя Старр съехала на обочину, чтобы полюбоваться видом.

— Это надо видеть, — сказала она. — Одно это стоит всей поездки.

Тон у нее был дружелюбный и деловитый, словно я не дулся последние четверть часа. Я почувствовал себя полным идиотом.

Наша машина оказалась единственной на маленькой стоянке. Пока Гус пытался запомнить запах каждого кустика и травинки, мы со Старр смотрели вниз, на долину Уильяметта.

Вид действительно был потрясающим — даже для штата, где живо-

писные ландшафты не редкость. Зеленые с бурым горные пики казались островами в плотном море белых облаков, укрывших долину. Ярко-голубое небо у горизонта стало фиалковым, а вершины Береговых хребтов в семидесяти милях к западу четко просматривались в прозрачном воздухе.

Остатки моей обиды развеялись. Я собирался с духом, чтобы замять неловкость, когда Старр взяла меня за руку.

Казалось чудом, что я ничего не испортил. Она слегка подалась ко мне, ее лицо смягчилось. Я так волновался, что едва мог дышать. И испытал почти облегчение, когда появился Гус и, с шумом обняв наши руки, втиснулся между нами.

Мастерская «Авто-Бенд» располагалась на узкой улочке на окраине города. Это оказалась типичная мелкая заправочная станция, только вот колонки были украшены портретами. Один из персонажей даже смахивал на Эрнеста Хемингуэя.

Мы пошли в контору поговорить с владельцем, высоким человеком средних лет, остриженным под «ежика» и с солидным брюшком. Стол у него был заставлен стаканчиками недопитого кофе, завален инструментами и бланками. Возле дряхлого телефона с круглым диском лежал зачитанный номер «Пари ревью» с черными сальными отпечатками пальцев на обложке.

Когда мы представились, владелец, которого, как оказалось, звали Эрл, вытер руку красной тряпкой и лишь затем протянул ее для пожатия, а после вывел нас к столику для пикника возле гаража.

— Тут места больше, — объяснил он, открывая пластмассовый холодильник рядом со столиком. — Что-нибудь выпьете? У меня только апельсиновая «фанта», зато холодная.

Мы согласились, и Старр объяснила, зачем мы приехали. О смерти Забо хозяин узнал из газеты: мой репортаж перепечатали в «Портленд Орегониан».

— Симпатичная женщина, — сказал Эрл. — Жаль, я не знал, что она преподаватель физики.

— Почему? — спросила Старр.

— Я смотрел одну научно-популярную передачу по Би-Би-Си, и физик, у которого там брали интервью, говорил, что любое событие, которое может случиться — например, Кеннеди проиграл Никсону, или Элвис не умер, — уже произошло в параллельной вселенной.

За десять лет работы в газете я наслушался всяких чокнутых и сейчас был уверен, что разговор уйдет в область небывлиц, но ведь это не

мое интервью, поэтому я с безучастным видом наблюдал за действиями Старр.

— Ну и? — подстегнула она Эрла.

— Энергию и материю нельзя создать или уничтожить. Так гласит первый закон термодинамики, верно? Тогда почему существование параллельных миров его не нарушает?

Недоуменное выражение моего лица он, наверное, воспринял как приглашение продолжать.

— Скажем, существует мир, в котором Гитлер поступил в академию художеств, так?

— Предположим.

— И тот, в котором Гитлер вторгся в Англию, и все, кто живет к востоку от Гренландии, говорят теперь по-немецки. И предположим на минутку, что есть мир, в котором Гитлер первым создал атомную бомбу. С миром, в котором живем мы, получается четыре различных, так?

— Да, — согласился я.

— Тогда откуда же берутся энергия и масса для атомов, из которых они состоят?

— Энергия и масса?

— Предположим, есть четыре полноценных вселенных с четырьмя различными Гитлерами, — снова завел он. — Откуда берутся дополнительные атомы, из которых они состоят? Если каждое событие служит своего рода точкой разветвления, то довольно скоро возникает бесконечное число миров. Значит, масса-энергия каким-то образом возникает из ниоткуда, причем это происходит всякий раз, как «ответвляется» следующий мир. — Он развел руками. — Видите, в чем проблема? Или бесконечное число вселенных уже существует, и все предопределенно, или мы живем в мире, где любой выбор уничтожает свою противоположность.

— А как вы считаете? — спросила Старр.

— Вселенная — это палимпсест, ребята, — сказал он. — Время от времени приходится протирать грифельную доску, чтобы написать какое-нибудь новое уравнение.

Я предположил, что Эрл — очередной захолустный чокнутый, а он не только не был сумасшедшим, но и ставил вопросы, о которых я даже не думал и на которые не знал ответа. Обилие физиков-любителей вокруг (начиная с самой Старр) начинало понемногу пугать.

Помимо своих размышлений о квантовой физике, Эрлу было почти нечего сказать о Линде Забо. В ее машине сломался приводной ремень вентилятора, от чего двигатель перегрелся и заклинило насос.

Она попросила отбуксировать ее в гараж Эрла и тем же вечером взяла на прокат другой автомобиль и вернулась в Юджин.

С точки зрения расследования, машина нас разочаровала. В «бардачке» лежали лишь атлас Орегона и несколько карт пеших маршрутов по Каскадным горам, а в багажнике — запаска, складной домкрат, резиновые сапоги и пустая бутылка из-под минералки. Салон был безупречно чист, в нем еще сохранился канцерогенный запах новой машины, выпускаемый пластмассовыми деталями. Как сказали профессор Шенк и другие коллеги Забо, которых опросила СтARR, она любила пешие прогулки; скорее всего, именно это привело ее в Бенд.

Сложив личные вещи профессорши в пластиковые мешки для вещей, СтARR договорилась, чтобы машину отбуксировали в Юджин и поставили на полицейскую стоянку до тех пор, пока не найдут каких-нибудь родственников Забо. Оплата ремонта пошла с кредитной карточки профессорши, поэтому Эрл не пострадал, разве что недополучил за несколько дней содержания машины в своем гараже.

Он постоял с нами, пока Гус методично обнюхивал кусты.

— Вы поймаете парня, который ее убил? — спросил он у СтARR.

— Надеюсь, — отозвалась она. — Окажись это кто-то из ее знакомых, шансов у нас было бы больше, но сейчас вероятность невелика.

Сунув руки в карманы, Эрл уставился себе под ноги. Вид у него был как у маленького мальчика.

На обратном пути в Юджин мы говорили мало. Стоило нам перевалить Каскадные горы и спуститься назад в облачную подушку долины Уильяметта, как возобновился дождь — не привычная морось, а настоящий ливень, который барабанил о крышу машины со звуком рвущейся джинсы.

— Ты сомневаешься, что поймаешь убийцу? — спросил я наконец.

Что-то в моем голосе заставило СтARR посмотреть на меня.

— Тебя это действительно проняло, да?

— Ты видеозапись видела?

— Да. Странно, какой она там кажется молодой, а ведь когда судмедэксперт увез ее из квартиры, выглядела она на шестьдесят. И вообще я посмотрела не все. А ты досмотрел до конца?

— Не мог остановиться. Я писал о многих убийствах, но... Просто не ожидал такое увидеть. Может, раньше я был слишком отстраненным. Моя бывшая жена уж точно так думала.

— Ты говоришь про очаровательную Мойру, — констатировала СтARR.

— Да? — И с чего это вдруг я заговорил о ней? — Но ты не ответила на мой вопрос. По-твоему, вы не поймаете убийцу Забо?

— Не знаю. Я не об этом думала.

— Не об этом? А о чем?

— О физике. О том, что говорил наш друг Эрл по поводу протирания грифельной доски.

— Как вышло, что ты так хорошо разбираешься в предмете? — спросил я. — Я встречал образованных копов, но их общих познаний в физике не хватило бы и на сборник комиксов. И честно говоря, мне стало немного не по себе от механика, который тоже фанат таких теорий.

— Сомневаюсь, что наша встреча с ним случайность, — задумчиво произнесла она.

— Да-да, случайностей не бывает.

— Верно. Хотя я говорю не о твоих проблемах. У меня просто талант наткнуться на отсутствующие кусочки головоломки.

— Да? И к какой головоломке относится Эрл?

— Ты и без моей помощи в свое время поймешь. Но сейчас тебе, пожалуй, следует задуматься о другом, иначе потом будешь очень раскаиваться.

— О чем это ты? — удивился я.

— По дороге в Юджин я говорила, что несчастные случаи, которые вокруг тебя происходят, на самом деле далеко не случайны. По крайней мере, я так считаю. То есть ты их вызываешь, хотя и не можешь контролировать.

— Не понимаю... — начал было я, но Старр меня перебила:

— погоди, дай мне закончить. Я не утверждаю, что эти вещи происходят по твоей воле, но они случаются — причем обычно тогда, когда у тебя тот или иной эмоциональный стресс. Я права?

Я кивнул. Пусть выкладывает все разом.

— И у нас есть мертвая женщина-ученый, которая работала над теорией локализованных энтропийных возмущений. Ее нашли в квартире, которая выглядит так, будто последние полвека в ней гуляла непогода. И Эрл, и ты, и я — все мы немного разбираемся в физике. Это не случайность.

Опять эта проклятая фраза.

— Звучит ужасно загадочно, прямо-таки мистика, — не удержался я. — Особенно из уст полицейской, которая увлекается квантовой механикой. Мир полон случайных совпадений. Мы слишком далеко ушли от причинно-следственных связей.

Но мне было очевидно, что Старр я не убедил. Самого себя, впрочем, тоже.

— Да, мир полон совпадений, — продолжала она. — Но если я арестовываю посреди улицы карманника, у которого на счету четыре ограбления, я не думаю: «Надо же, какое совпадение!».

Меня начало подташнивать.

— Надеюсь, я не стал подозреваемым?

— Нет! Как ты вообще мог такое подумать? — в голосе Старр прозвучало неподдельное удивление. — Я просто говорю, что поступки людей не бывают произвольными. Это не...

Что бы Старр ни хотела сказать, закончить мысль ей не удалось. В этот момент левый «дворник» надломился и с громким стуком упал на лобовое стекло.

— Лучше не вести таких бесед, пока не остановимся, — пробормотала она.

Как бы то ни было, сломанный «дворник» отвлек бы меня от любого разговора. Впереди показался следующий съезд с трассы — на Либург. Притормозив, Старр свернула на стоянку при «Макдональдсе».

— Сходишь за кофе? — спросила она, выключая мотор.

— А ты меня здесь не бросишь?

— Эй, Гус, папочка решил пошутить, — сказала она через плечо псу. — Мне, пожалуйста, без сахара, только молоко.

Когда я вернулся к машине, Старр стояла под проливным дождем и пыталась приладить «дворник». Гус наблюдал за ремонтом с пассажирского сиденья.

— Ты насквозь промокла, — сказал я, протягивая ей пластиковый стакан.

Старр сдавила большим и указательным пальцем кожу на руке, и на ней собралось несколько капель.

— Видишь? Непромокаемая.

Внутри она вручила мне обломок «дворника».

— Посмотри внимательно.

Резина на нем была жесткой, почти крошилась.

— Наверное, пора менять.

— Попробуй угадать еще раз. Не скажу точно, но, кажется, им нет и полугода. И со вторым «дворником» все в порядке. Если это не локализованное энтропийное возмущение, то я расцелую Гуса.

— Ты просто ищешь отговорки, — произнес я, вернее, мои губы.

Мысленным взором я видел, как моя машина со скрежетом останавливается посреди моста Верразано-Нэрроуз, вскоре после того как я застал Мойру на диване с любовником.

В желудке у меня возникло странное ощущение. Кое-кто рассказывает, будто видел сны, в которых оказывался голым перед большой аудиторией. Я никогда таких не видел, зато сейчас понял, что чувствуют эти люди.

— Не знаю, Старр, — сказал я наконец. — Мне нужно подумать.

— Это точно, — тепло согласилась она. — Но пока ты справляешься лучше, чем я бы на твоём месте.

В этом я не был так уж уверен.

В багажнике Старр имелся набор инструментов, и мы сняли «дворник», чтобы он не царапал стекло. Гус воспользовался возможностью обежать кусты и, вернувшись в машину, испачкал заднее сиденье мокрыми лапами.

— Если откроешь багажник, я достану тряпку и уберу, — предложил я.

— Брось, это всего лишь грязь. Пусть высохнет, я потом пройду пылесосом.

Учитывая, как барабанил дождь, я усомнился, что машина высохнет до августа, но промолчал.

Остаток пути я провел, погружившись в свои мысли, заново перебирая «несчастные случаи» в моей жизни, — то еще получалось кино.

Когда мы притормозили перед моим домом, Старр поставила машину на ручник и повернулась ко мне.

— То, что ты приехал писать про убийство Забо, не случайность, — констатировала она. — И то, что там оказалась я, тоже.

Не вдумываясь в ее слова, я кивнул. Мне хотелось лишь скинуть мокрую одежду, забраться в кровать и накрыться с головой одеялом. Я вытащил Гуса из машины, и, когда наклонился к окну попрощаться, она поцеловала меня в губы — крепко и целомудренно. Я едва отреагировал.

Обходя ее машину сзади, справа от номерного знака я заметил стикер: «Из хаоса — порядок».

«Да, конечно, — подумал я. — Тебе легко говорить».

Весь следующий день я был настолько рассеян, что сделал нечто, чего со мной не случилось со времен колледжа: не успел сдать текст в

срок. У меня остановились часы (им вообще со мной плохо живется), и о времени я вспомнил, лишь глянув на настенные часы, когда заканчивал возиться с какой-то административной писаниной. Это была рутинная заметка для криминальной хроники, но мне пришлось вынести двадцать минут лагерных нотаций от заведующей редакцией, прежде чем меня отпустили домой.

А дома оказалось, что Гус залез в мусор, который я забыл выбросить, и разнес его по всему дому. Я наорал на пса, хотя виноват был, в сущности, сам. Он забрался под кровать, чего не делал с тех пор, когда мы с Мойрой ссорились.

Я уговорил его выйти и объяснил, что он хороший пес, без сомнения, окончательно его запутав. Алкоголем я никогда не увлекался, но в тот вечер решил, что это недостаток. Я отчаянно хотел забыться. Кино по кабельному каналу не смогло отвлечь меня от мыслей об энтропийных возмущениях. Я пытался сосредоточиться на словах Старр или на собственном анамнезе несчастных случаев, но внимание то и дело отвлекалось на что-нибудь еще — скакало, как плоский камень по поверхности пруда.

Наконец я надел спортивные штаны, поставил в CD-плеер альбом Билли Брэга и отправился на пробежку. Дожда не было, зато туман стоял такой густой, что я моментально промок до нитки.

Я бежал по Хай-стрит в сторону реки, неся в темноте, а музыка в наушниках редела, что есть мочи. Выбравшись на дорожку вдоль Уильямета, я немного притормозил и повернул на восток. Благодаря ухаю собственного сердца, музыке и густой пелене тумана, простиравшейся от одного фонаря до другого, я чувствовал себя полностью отрезанным от мира.

Мне понадобилось почти полчаса, чтобы пробежать трехмильный круг, который заканчивался на моей улице. Последние сто ярдов я прошел на дрожащих ногах и рухнул наконец на собственное крыльцо.

Как только я снял наушники, в ушах у меня зазвенела туманная тишина. Я просидел минут двадцать, давая пульсу вернуться к норме и вообще ни о чем не думая. Когда мне удалось подняться на ноги, я вошел в дом и упал в кровать, мокрый, потный и вымотанный. Кажется, за всю ночь я даже не перевернулся на другой бок.

Мне снились Линда Забо и Старр. Насколько я знал, в реальной жизни они никогда не встречались, но в моем сне болтали и доставали учебники из соседних шкафчиков в школьной раздевалке. На обложках учебников были странные письма — я никак не мог их разо-

брат. Проснулся я растерянный, в убеждении, что если включу свет, то смогу прочесть названия.

Чтобы встать с кровати, пришлось перебраться через Гуса. Выкопав из кармана куртки сотовый, я позвонил Старр.

— Привет. — Она подняла трубку на первом же звонке, и голос у нее был такой, словно она давно проснулась.

— Ты где заканчивала школу? — спросил я.

— Честно говоря, нигде. Ну, я получила домашнее образование, не знаю, как еще лучше сказать.

На мой взгляд человека с побережья, «домашнее образование» равнялось промыванию мозгов религиозными фундаменталистами, считающими: если Земле действительно больше 6000 лет, этот факт раз и навсегда морально развратит их детей. Это никак не укладывалось в то, что я знал о Старр.

— Так и слышу, как у тебя в голове вращаются колесики, — весело сказала она. — Я воспитывалась в монастыре цистерянок. Не школа в строгом смысле слова, но и не дом. А колледж стал для меня школой. До сих пор удивляюсь такой системе обучения.

— Никогда не знал никого, кто вырос бы в монастыре.

— Ага, — рассмеялась она. — Я это не слишком рекламирую, мальчики обычно сразу сникают... А ты не собираешься объяснить, зачем тебе в половине четвертого утра понадобилось знать, где я заканчивала школу?

— Ты мне приснилась.

— В эротичном форменном фартучке?

— Нет! Это не такой сон. Нет, мне снились ты и Забо. Во сне это казалось важным, но теперь я не понимаю почему.

К тому времени я уже окончательно пришел в себя и успел смутиться, что позвонил Старр в такую рань, только чтобы пересказать ей сон.

— Извини, что разбудил, — закончил я.

— В знак примирения можешь привезти завтрак. Я очень люблю рогалики и сырковую массу с изюмом и гречким орехом.

Наскоро приняв душ, я заехал в «Сдобный рогалик» по пути к Старр. Она жила в небольшом квартале старых домов к югу от университета. Солнце еще не поднялось над периной облаков, и в тихом утреннем свете молодая листва обрамлявших улицу белых дубов и вязов лучилась зеленью.

Двухэтажный викторианский дом Старр казался свежавыкрашенным. Она встретила меня в дверях, одетая в джинсы, футболку с Одиноким Рейнджером и бейсболку «Юджин Эмеральдс».

— Обожаю доставку на дом, — сказала она. — Пошли завтракать, пока солнце еще не ушло с кухни. Экскурсию по дому оставим на потом.

Она налила кофе из старомодной кофеварки в толстые разномастные кружки с какими-то неведомыми гербами на боках. Кофе был обжигающе горячим, и я долил себе молока из молочника в форме сидящей коровы. Пока она доставала привезенные мной сок, сырковую массу и рогалики, я осматривал кухню. Все здесь было старомодным, но ухоженным, включая линолеум с рисунком, который я в последний раз видел в детстве — в доме моей бабушки. В общем, дом производил впечатление тепла и уюта, — к такому стремятся, но редко достигают рестораны в духе «ностальжи».

— Я рада, что ты позвонил, — сказала Старр, когда мы уже сидели друг напротив друга. — Я немного волновалась за тебя после нашей поездки.

От ее близости сердце у меня забилось сильнее. Старр недавно приняла душ, и от нее пахло шампунем. Она была босиком, ее грудь свободно колыхалась под футболкой.

— Все еще не знаю, что и думать, — сказал я. — С одной стороны, нужно признать, в моих несчастных случаях уйма совпадений. Но я все еще не могу проглотить, что они моя вина, если не считать, конечно, неловкости, или плохого ухода за вещами, или еще чего-нибудь.

— А как насчет «дворника» в моей машине? — спросила она. — Или витрины в полицейском участке?

— Ты права. Не представляю, как это остановить.

Я не мог даже подобрать слов, так меня пугала подобная бесконтрольность.

— И вообще ты считаешь, что моя «неуклюжесть» связана с исследованиями Забо, то есть... с локализованными энтропийными возмущениями? — Термин все еще не шел у меня с языка. — Мы даже не знаем, в чем именно заключается ее теория. У нас есть только нематематическое ее объяснение от профессора Шенка, то есть из вторых рук. И не понимаю, как я мог устроить так, чтобы познакомиться с тобой, Эрлом и...

— Во-первых, я не считаю, что дело целиком и полностью в тебе, — вмешалась Старр. — С Эрлом ты познакомился благодаря мне, и физикой я заинтересовалась не из-за тебя. А действительно ли твои несчастные случаи являются энтропийными возмущениями или нет... должна сказать, что у нас накопилось немало экспериментальных дан-

ных. И Забо мертва. Все равно есть шанс, что это чистая случайность: неудачный взлом или еще что-то.

Взглянув мне в лицо, она осеклась.

Уже минуты три я просидел с открытым ртом, когда Старр решила вывести меня из оцепенения:

— Что? Говори же!

— Ты знаешь, сначала я сопротивлялся, не верил в возможность того, что убийство Забо как-то связано с ее работой, но теперь начал сомневаться. Шенк назвал ее хорошим экспериментатором. Что если она сконструировала устройство для создания этих энтропийных возмущений?

— И из-за него ее убили? — спросила Старр.

— Знаю, знаю. — Я невольно улыбнулся ее скепсису. — Интриги в научном мире опасны, но не настолько же. Квартира еще считается местом преступления?

— Печати вчера сняли, — сообщила Старр, — но сомневаюсь, что владелец успел там что-то поменять.

— Можно туда съездить? Ты сумеешь получить записи КВЭЮ?

Сокращение означало Комитет по водо- и электроснабжению Юджина, мне хотелось взглянуть на счета Забо за электричество.

— Конечно, смогу. Но зачем? Что такого в ее счетах?

— Если она сконструировала какое-то устройство...

— Верно! Не от солнечной же батареи оно работало! Только что ты найдешь в самой квартире? Ведь криминалисты все забрали.

— Честное слово, не знаю. Просто ума не приложу, что бы еще сделать. Да, нужно бы заскочить в редакцию. Хочу прихватить блокнот, который был у меня в тот день с собой.

Сначала мы заехали в редакцию, потом направились в участок. Старр понадобилось почти двадцать минут, чтобы получить под расписку счета. Это время я провел, перечитывая отчеты с места преступления и собственные записи, сделанные в день смерти Забо. Ни то, ни другое никаких новых идей мне не дало.

Когда Старр вернулась в машину, я порулил к месту преступления, а она углубилась в счета за последние несколько месяцев.

— Ух ты! — воскликнула она, едва начав листать страницы. — Ничего себе суммы! Она платила почти в пять раз больше меня. Что у нее там было? Три лампы, маленький холодильник. Ни телевизора, ни компьютера, вообще никакой бытовой техники. Я даже радио не заметила.

Я кивнул.

— Готов поспорить, она соорудила какой-то прибор для экспериментов.

— А если исходить от противного? — предложила Старр. — Может, домовладелец мошенничал, может, он подключил на ее счетчик все здание? Что если она узнала и пригрозила обратиться в полицию?

Такая версия не приходила мне в голову.

— Но ведь домовладелец, кажется, щупленький?

— Не знаю, — пожала плечами Старр. — С ним Декс разговаривал. Но он же мог кого-то нанять. И вообще, если профессорша сконструировала что-то, то где оно?

— Может, ради этого она поехала в Бенд?

— И что там сделала с прибором? Продала? Подарила? — Старр покачала головой. — Она была respectable преподавательницей колледжа средних лет. Трудно поверить в ее связь с криминальным миром.

— Вот тебе и второе, — сказал я. — Она была не средних лет. На видеозаписи она выглядела довольно молодой и хорошенькой.

Старр поглядела на меня внимательно, и я опять смутился, что в таком духе говорю о покойнице.

— Ты прав. Когда тело выносили из квартиры, женщина выглядела лет на двадцать старше, чем на видео. Тогда я об этом не задумалась. Из тех, кто умирает насильственной смертью, обычно получают не слишком красивые трупы. Но тут дело иное.

Я не видел тела Забо и сейчас этому обрадовался.

— Что ты хочешь сказать?

— Возможно, ты прав, — продолжала Старр. — Профессорша построила машину энтропии, и та на нее воздействовала.

Такое объяснение было одновременно ужасным и логичным. Я в который раз посочувствовал детективам из отдела по расследованию убийств, которые гораздо чаще говорят себе ликующее «ага!», зная при этом, что оно не вернет к жизни жертву.

— И на ее квартиру тоже, — дополнил я. — Поэтому жилище в таком состоянии.

— Ну да! — воскликнула Старр, а потом вдруг выпалила: — О Боже!

— Что?

— Оно, наверное, и на ее мозг воздействовало. Твой профессор из университета сказал, что у нее были личные проблемы. Бедняжка, она просто сходила с ума.

Что-то вроде вызванного энтропией маразма. М-да...
Остаток пути мы проехали молча.

Домовладелец, иссохший румынский иммигрант по имени Ион Гогеан, открыл нам квартиру, после того как Старр показала ему бедж. Она задала несколько вопросов о коммунальных услугах, и мы посмотрели счетчик, но я сразу понял, что Старр не верит, будто Забо могли убить из-за махинаций со счетами за электричество.

— Перед уходом мы к вам заглянем, — предупредила Старр хозяйна, когда он впускал нас в квартиру.

— Конечно, — сказал он с сильным акцентом. — У меня, кроме времени, ничего нет. Никакой спешки. Приходите за мной.

Ничто не изменилось: в комнате, где умерла Забо, ковер был сильно испачкан засохшей кровью. И хотя окна были раскрыты настежь, здесь ужасно воняло.

При свете дня квартира выглядела хуже, чем я помнил. Создавалось впечатление, что ее оставили на волю стихий на целых полвека — особенно комнату, где нашли тело. По выражению лица Старр я заключил, что она пришла к тому же выводу.

— Как тебе вот это, Лари? — спросила она, указывая на дырочки в стене.

— Я их заметил. Их тут несколько.

Меня вдруг осенило. Мысленно я увидел, как лежало тело. Подойдя к стене, я присмотрелся к одному отверстию внимательнее. Оно казалось более свежим, с более отчетливыми краями, чем остальные вмятины и царапины. Я сделал глубокий вдох.

— Сомневаюсь, что она умерла от руки человека. Линда Забо погибла в результате несчастного случая, убитая собственным энтропийным устройством.

— Как? — уперев руки в бока, Старр пристально уставилась на меня. — И почему мы не нашли его на месте преступления?

— Ты же сказала, что оно, скорее всего, действовало на Забо, поэтому женщина выглядела старше. Но если у нее было энтропийное устройство, оно действовало и на само себя тоже. Ведь это логично, верно? Думаю, произошел какой-то катастрофический сбой, прибор разлетелся на части, пробил множество дырок в гипсокартоне и нанес смертельную рану Забо.

— Но мы же ничего не нашли... О! — воскликнула Старр. — Никакого орудия убийства и никаких обломков устройства, потому что

они разлетелись на атомы, когда коснулись ее. Та самая пыль в ране!

— Верно, — согласился я. — И ее рваные края, и эти дырки. В другой комнате таких нет, только здесь в стенах и... — я поднял голову, — в потолке.

— Но ведь никто ничего не слышал, — возразила Старр.

— Сомневаюсь, что кто-то услышал бы что-нибудь, но, думаю, прозвучало это не как взрыв, вызванный быстро расширяющимся газом, — размышлял я. — Скорее... скорее, это был какой-то энтропийный взрыв.

Что тоже казалось логичным: осколки, убившие Забо и засевшие в стенах, сохранялись достаточно долго, чтобы сделать свое дело, а после распались.

— Но как же ее автомобиль? — спросила Старр. — Он был новенький, но все ломался и ломался, как...

— Знаю, как мой, — кивнул я. — Я об этом подумал. Но вспомни. Внутри машина была безупречно чистой.

Старр кивнула.

— Совпадения тоже иногда случаются, знаешь ли.

Когда мы возвращали ключ от квартиры Забо, домовладелец увлеченно смотрел по телевизору мультки. Он попытался завести в дверях вежливую беседу, но было очевидно, что занимает его другое.

Мы вышли из дома, небо было пасмурным, и поднявшийся ветер раскачивал машину. По пути назад, к дому Старр, мы оба чувствовали себя подавленно. Разгадка гибели Забо льстила самолюбию, но отнюдь не радовала: нелепая, бессмысленная смерть. Всю дорогу Старр держала меня за руку.

— Зайдешь ненадолго? — спросила она, когда мы подъехали.

Мы успели пройти полпути до двери, когда хлынул дождь.

— Секунду, — сказал я и бросился назад закрыть окно со стороны водителя. И в тот момент, когда я уже запер машину и обернулся к Старр, раздался оглушительный грохот — точно гром грянул.

Ветер ударил в крону высохшей норвежской ели на соседском газоне, взвихрил парусами ее полные мертвых иголок ветви и сломал ствол, отчего огромное дерево рухнула на Старр.

Я был не настолько близко, чтобы успеть вовремя, но достаточно, чтобы увидеть ужас на лице женщины. Сердце у меня остановилось, когда она исчезла за метелью бурых иголок. Я не мог шевельнуться, не мог отвести глаз. Время словно бы остановилось, в голове моей было совершенно пусто. Я даже не мог осмыслить увиденное.

Старр стояла среди оседающего облака иголок, пыли и веточек. Словно большая часть дерева провалилась сквозь землю, почему-то совершенно не коснувшись моей подруги.

Я вернулся к жизни лишь тогда, когда она посмотрела на меня и плечи у нее затряслись. Мы обнимали друг друга, и оба плакали, и оба были засыпаны иголками и щепками.

Прошло добрых два часа, прежде чем из дома Старр убрались все пожарные, соседи, полицейские, санитары и репортеры. Последним ушел капитан пожарной команды.

— Проклятое гнилое дерево, — сказал он в дверях. — Вам чертовски повезло, мисс.

Как и все остальные, он предположил, что дерево упало рядом со Старр и разбилось в щепы. Какое еще тут возможно объяснение?

Мы вернулись на кухню, где я рухнул на стул, на котором сидел утром. Я чувствовал себя совершенно измотанным. Старр взяла мои руки в свои.

— Я так испугался, — сказал я. Мне нужно было это произнести. — Я испугался за тебя и на мгновение пришел в ужас оттого, что это я заставил упасть дерево. Но дело было не во мне.

— Знаю, — отозвалась Старр. Руки у нее были теплые, мне хотелось заплакать.

— Откуда ты можешь знать? Ведь именно этого я все время боюсь. Боюсь причинить кому-то вред. Боюсь причинить вред тебе.

— Наверное, ты прав. Ты не можешь остановить эти взбрыки энтропии, как не можешь перестать дышать, — заключила она. — Но ведь раньше ты никому не причинял вреда, верно?

— Верно, — признал я, — но...

— Даже своей бывшей жене, — продолжала Старр, — которая, насколько я поняла, способна довести до белого каления папу Римского в день Пасхи. — Она покачала головой. — Я уже полгода твердила соседям, что дерево надо срубить. По ночам я иногда слышала, как оно скрипит на ветру. Рано или поздно оно бы на кого-нибудь упало.

Она встала.

— Пойдем наверх. Хочу тебе кое-что показать.

Ее спальня, как и все остальное в доме, была старомодной, но безупречно ухоженной. Усадив меня на латунную кровать, она принялась рыться в стопке виниловых пластинок возле дряхлого проигрывателя.

— Вот, — сказала она, вынимая наконец одну пластинку из конверта — «Битлз». «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера».

Поставив пластинку на проигрыватель, она села рядом со мной.

— Сестра Одиль подарила мне этот альбом на мой тринадцатый день рождения. Два года я крутила его каждый день.

Я сидел в теплой уютной спальне и слушал старинную пластинку, голова Старр покоилась у меня на плече. Музыка заставила меня вспомнить собственную юность, и я погрузился в ностальгию по тем дням. Прошло некоторое время, прежде чем я сообразил, что винил слишком уж хорошо звучит. Лучше, чем новый.

— Где ты нашла пластинку в таком состоянии?

— Я же тебе говорила. Это та самая пластинка. Она у меня с семьдесят четвертого.

— Не может...

— Нет, может. — Выпрямившись, она посмотрела мне в глаза. — Ты не единственный обладаешь особым даром. Мой, наверное, можно назвать локализованным энтропийным реверсированием. С самого детства я пыталась понять, почему я такая...

Тут многое стало на свои места: окружающие Старр чудесные старые вещи, ее увлечение физикой, ее почти мгновенное понимание, что происходит со мной во время «несчастных случаев».

— Я не совсем честно с тобой поступила, — продолжала она. — Мне следовало намекнуть тебе раньше. Вот почему я подтолкнула тебя к разговору о несчастных случаях. Вот почему я уверена, что не ты обрушил дерево.

Старр снова прислонилась к моему плечу, и я ее обнял.

— И давно ты узнала?

— Еще раньше, чем научилась читать. — Ее дыхание теплом овеяло мою щеку. — Мне было так одиноко.

Это обернулось еще одним откровением в день, полный открытий, — не говоря уже о том, что моя подруга едва не погибла. Не слишком ли для одного человека?

Но сейчас, сидя рядом со Старр, я впервые за долгое, долгое время не боялся, что мир рухнет мне на голову.

**Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ**

Д Ж О Н К Е С С Е Л

ЭТО ВСЁ ПРАВДА

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

Черный вибрирующий вентилятор на письменном столе кабинета начальника порта вздымал потоки горячего воздуха, шевелившие спортивную страничку. Ничего не скажешь, идеальный символ и места, и времени. Каждый раз, устремляя поток на начальника порта, вентилятор поднимал тонкие пряди его волос. Начальник изучил мои бумаги, сложил влажные листочки и протянул мне.

— О'кей. Яхта мистера Видора в конце второго ряда, — сообщил он, показывая в окно на забитый судами причал: —

Вон та, большая, черная.

— Остальные члены команды на борту?

— Понятия не имею, — буркнул он, прихлебывая охлажденный чай и ставя запотевший стакан на кольцо влаги, расплывшееся как раз на таблице чемпионата по бейсболу.

На полу рядом со столом лежала первая страница. «Очередное воздушно-морское сражение бушует на Соломоновых островах. Контратака японцев на Гуадалканале».

Я вышел на причал, повесил на плечо сумку и направился к яхте. Солнце припекало макушку, и воротничок рубашки пропитался потом. Пришлось вытащить из кармана бандану и вытереть лоб. Местечко оказалось здорово оживленным, особенно для середины недели. Куча голливудских типов собиралась либо провести здесь день, либо начать долгий ранний уик-энд. На противоположной стороне гавани танкеры подтягивались к нефтеочистительному заводу.

«Синара» была двухмачтовой шхуной, длиной девяносто шесть футов, с командой из четырех человек и каютами на десять. Большая яхта была явной показухой, демонстрацией чистейшего тщеславия, но Кинг Видор считался одним из наиболее преуспевающих голливудских режиссеров, и хотя пользовался славой человека бережливого до скупости, все же отличался способностью потакать собственным капризам.

Блондинистый парнишка, которого к этому времени давно уже должны были загрести в армию, драил медные детали и, когда я поднялся по сходням, лениво вскинул глаза. Я нырнул в открытый люк и оказался в проходе, обшитом лакированными дубовыми панелями, откуда проследовал в рубку. Там и нашел капитана, склонившегося над картами.

— Мистер Онслоу?

Капитан поднял голову. Волосы с проседью. Наверное, пятьдесят с хвостиком.

— Вы кто?

— Дэвид Ферроу, — представился я, протягивая документы. — Мистер Уэллс прислал меня помочь в этом круизе.

— Интересно, почему я никогда о вас не слышал?

— Он должен был вам позвонить. Может, попросил мистера Видора связаться с вами?

— Никто мне и слова не сказал.

— В таком случае, вам следовало бы позвонить мистеру Уэллсу.

Онслоу взглянул на меня, снова уткнулся в бумаги, среди которых находилось подложное письмо от Уэллса, характеризующее меня как достаточно опытного моряка. Онслоу явно не желал звонить Уэллсу и нарываться на выволочку.

— Он сказал, чего от вас ожидают?

— В основном, помогать коку с обедами.

— Бросьте ваши пожитки в каюту команды на корме, а потом возвращайтесь, — велел он.

Я нашел свободную койку и положил сумку с переносным прибором в рундук под нею. Замков здесь не было, так что приходилось рисковать.

Онслоу представил меня коку Маноло, который немедленно подрядил новичка таскать на борт продукты, птицу и ящик с вином, присланным организатором званых мероприятий. Когда я доложил, что Уэллс велел мне обслуживать столики, он облегченно улыбнулся. В середине дня прибыл с женой и дочерью Чарлз Кернер, глава производственного отдела «РКО». Очевидно, они ожидали более торжественного приема, но на яхте не оказалось никого, кроме команды, поэтому Кернер, ворча, уселся за столик красного дерева на корме. Маноло выдал мне белый пиджак и велел отнести гостю напитки. Жена спокойно обмахивалась веером из пальмовых листьев, а дочь, нескладный подросток лет двенадцати-тринадцати, сплошные колени и локти, обследовала шхуну.

Час спустя к причалу подкатил темно-бордовый «паккард», откуда вышел Уэллс в сопровождении стройной брюнетки. Судя по журнальным фотографиям, это была его ассистентка Шифра Харан.

— Чарлз, — прогремел он, заключая Кернера в медвежьи объятия.

— До чего же здорово вновь тебя видеть!

Я заметил, что он возвышался над Кернером на целую голову. Тот представил его своей жене Мэри.

На Уэллсе был легкий костюм. Темные волосы доходили до плеч, а над верхней губой чернели усики, которые он отпустил в Бразилии — неудачная попытка изобразить мачо. Высокий, больше шести футов роста, с заметным животиком, но почти без признаков чудовищного ожирения, омрачившего все его будущее. Огромная голова, круглые щеки, прекрасно вылепленные губы и миндалевидные монголоидные глаза.

— А это кто? — спросил Уэллс, поворачиваясь к дочери. Его взгляд был подобен прожектору, и девочка неловко заерзала, оказавшись в центре безжалостного светового пятна.

— Наша дочь Барбара.

— Барбара, — с ухмылкой повторил Уэллс, — ты всегда носишь в ухе ключ от дома?

И тут же извлек из ее левого уха блестящий медный ключик, который и поднес к носу девочки. Я заметил, что его пальцы были чрезвычайно длинными, а руки — изящными. Барбара застенчиво улыбнулась.

— Это не мой ключ, — прошептала она.

— А может, вообще не ключ, — подхватил он, проводя левой рукой над правой. Ключ превратился в серебряный доллар.

— Хочешь его получить?

— Да.

Он снова провел ладонью над монетой, и та исчезла.

— Поищи в кармане.

Девочка сунула руку в карман подвернутых голубых джинсов и вытащила доллар. Ее глаза восторженно блеснули.

— Только запомни, — наставительно сказал Уэллс, — деньги еще не всё.

И, словно забыв о Барбаре, вновь обернулся к Кернеру. Уэллс вел себя словно принц, случайно оказавшийся среди простолюдинов, и раздавал свои милости, как золото, ожидая при этом поклонения. В любую секунду. В любой момент. Харан порхала вокруг него, будто птичка-пересмешник. Она не выпускала из рук портфеля, готовая в любую минуту вручить Уэллсу все необходимое: карандаш, сигару, спичку, чашку с чаем, копию контракта с «РКО». Герман Манкевич как-то сказал о нем: «Вот идет бог — милостью божьей!».

— Шифра! — рявкнул он, хотя ассистентка была рядом. — Достань все вещи из машины.

Харан попросила меня помочь. Я последовал за ней на пирс и вынул из багажника восьмиугольный многороликовый яуф с фильмом и громоздкий переносной кинопроектор. «Великолепные Андерсоны» — было начертано на этикетке черным гримировальным карандашом. Харан настороженно следила за мной, пока я не оттащил яуф с проектором в салон. Удостоверившись, что все благополучно обошлось, она вновь выпорхнула на палубу, где и занялась Уэллсом.

Некоторое время я помогал Маноло на камбузе, пока Онслоу не позвал меня: пора было отчаливать. Онслоу включил дизельный мотор. Блондинистый паренек и еще один матрос отдали швартовы, и Онслоу

вывел «Синару» из слипа обратным ходом. Как только яхта покинула гавань и вошла в бухту Сан-Педро, мы подняли грот, фок и стаксель. Паруса наполнились ветром, Онслоу выключил мотор, и мы в лучах закатного солнца взяли курс на Каталину.

По пути на камбуз я спросил у пассажиров, не принести ли чего-нибудь выпить. Уэллс снял пиджак и развалился в палубном шезлонге, потчuya Кернеров историями о вудуистских ритуалах, которые наблюдал в Бразилии. Мое вмешательство вызвало недовольную гримасу, но Кернер воспользовался паузой как возможностью заказать очередную порцию скотча. Я спросил Барбару, хочет ли она лимонада. Полуприкрытые тяжелыми веками глаза Уэллса нетерпеливо блеснули, и я поспешил вниз.

Уже в сумерках я подал ужин; западный горизонт полыхал оранжевым и красным, а полотняный навес над кормой хлопал на ветру. Я беззастенчиво подслушивал все то время, пока пассажиры поедали салат из авокадо, *coq au vin* и слоеный пирог с клубникой. Единственный по-настоящему опасный момент наступил, когда Онслоу вышел на палубу, чтобы пожелать гостям спокойной ночи.

— Надеюсь, ужин вам понравился, — сказал он и, положив руку на плечо Уэллса, добавил: — Знаете, мы обычно не берем временных матросов, да еще в последнюю минуту.

— Не желает ли кто бренди? — вмешался я.

Уэллс, занятый разговором с Кернером, только отмахнулся от Онслоу.

— Он хорошо работает, что еще нужно?

Онслоу ретировался, а после я принес бренди и стаканы на серебряном подносе.

Уэллс твердил Кернеру о необходимости закончить проект фильма «Это все правда», который он снимал в Рио. В «РКО» увидели отснятый материал — орды скачущих в карнавальных плясках черных, — пришли в ужас и закрыли картину.

— Три части. Всего три части, — умолял Уэллс. — «Жонглеры», «Мой друг Бонито» и историю самбы. Если вы проявите остальной материал, я смогу смонтировать фильм ко Дню благодарения. Всего одно небольшое дополнительное вложение — и студии будет, что показать, она окупит деньги, которые вы потратили. Нельсона Рокфеллера ожидает успех с проектом «Доброго соседа»*, а я смогу продолжать снимать те фильмы, которые требуют от меня «РКО».

* Пафос «Доброго соседа» — курс внешней политики, провозглашенный Т. Рузвельтом в начале XX века по отношению к странам Латинской Америки, которые испытывали страх перед растущим вмешательством США в их внутренние дела. (Здесь и далее прим. перев.)

Кернер, избегая смотреть на Уэллса, старательно чертил что-то десертной вилкой на белой скатерти.

— Орсон, при всем моем к вам уважении не думаю, что студию интересуют те фильмы, снимать которые мы вас пригласили. Критика просто высекла «Кейна», а по всему видно, что «Амберсонов» ждет такая же, если не худшая, участь.

Улыбка Уэллса показалась мне слишком поспешной.

— Вариант «Амберсонов», который сейчас идет в театрах, имеет лишь отдаленное сходство с тем, что снял я.

— Я не видел ни того, ни другого варианта. Зато видел отчет о предварительном кинопоказе в Помоне. Публика смертельно скучала на вашей трагедии. Критики полагают, что люди хотят веселиться. Рецензии были убийственными.

— Я читал рецензии, Чарлз. Половина зрителей считает, что лучше-го фильма им еще не доводилось смотреть. Те же, кому он не понравился, пишут «веселье» через «и». Хотите, чтобы ваши фильмы судили люди, не умеющие правильно написать «веселье»?

— Мы не можем позволить себе полупустые залы.

Я метался взад-вперед, убирая со стола и слушая их перепалку. Харан чем-то занималась в салоне.

Когда посуда была вымыта, Маноло улегся на койку, и вскоре вся команда, кроме меня и лоцмана, крепко спала. Я примостился в темноте на гакаборте, дымя сигаретой двадцатого века и продолжая подслушивать. Пока что Кернер проявил себя уморительно показательным «предком» тех студийных шишек, с которыми я был знаком. Люди этого типа ничуть не изменились за последние сто лет. Уставшая Барбара растянулась на скамье, положив голову на колени матери. Мэри гладила волосы дочери и шептала:

— Утром, когда мы доберемся до Каталины, сможешь нырнуть с борта яхты.

— Мамочка! — воскликнул девочка. — Разве ты не знаешь? Эти воды буквально нашпигованы акулами.

Мать и дочь немного поспорили насчет того, уместно ли хорошо воспитанной молодой женщине употреблять такое слово, как «нашпигованы», но вскоре замолчали, так и не найдя единого решения. Уже совсем стемнело, взошла луна. На кончиках мачт, бушприте и корме мерцали ходовые огни. Если не считать хлопков флага над головой и плеска волн о борта, единственным звуком в мире был чарующий голос Уэллса.

— Чарлз, послушай... тут у меня оригинальный вариант фильма... та пленка, которую выслали в Рио до предварительного показа. Шифра!

— позвал он, допивая бренди. — Проектор готов? Чарлз, хотя бы взгляни! Вот увидишь, это достойная работа!

— Пожалуйста, папа! — вскинулась Барбара. — Давай посмотрим!

— Дело не в достоинствах, Орсон, — бросил Кернер, не обращая внимания на дочь. — Дело в деньгах!

— Деньги? Откуда тебе знать, что именно принесет прибыль, если ты никогда не рискуешь?

Голос Уэллса становился чересчур громким, и миссис Кернер явно встревожилась. — Какая крупная фирма в Америке не тратит деньги на эксперименты? Иначе будущее преподнесет тебе неприятный сюрприз, и ты в два счета вылетишь из бизнеса.

В двери появилась голова Харан.

— Проектор включен, Орсон.

— Орсон, мне действительно не хочется... — начал Кернер.

— Брось, Чарлз, ты у меня в долгу и по крайней мере должен посмотреть то, что я наснимал. Даю слово, это все, о чем я прошу.

Они вышли в салон. Я прокрался вдоль стены каюты и заглянул в окно. На одном конце стола тикового дерева Харан установила проектор, на другом — экран. На скамье стоял открытый яуф, и в проектор был вставлен первый ролик.

— Я устала, — объявила Мэри Кернер. — Прошу меня извинить, я, пожалуй, пойду к себе.

— Мама, но я хочу посмотреть фильм, — заупрямилась Барбара.

— Думаю, тебе тоже пора в постель, — отрезал Кернер.

— Нет, позволь ей посмотреть, — попросил Уэллс. — Фильм, может быть, немного мрачен, но ничего предосудительного.

— Не желаю, чтобы она смотрела мрачные фильмы, — проворчал Кернер.

Уэллс сжал кулаки и сказал уже тише:

— Жизнь вообще довольно мрачная штука.

— В том-то и дело, — кивнул Кернер, не подозревая, что ступает по тонкому льду. — Идет война. Люди не хотят новых тревог, — и, немного подумав, добавил: — Если вообще чего-нибудь хотят.

— Что ты сказал?

Кернер, который в этот момент как раз усаживался, повернулся спиной к Уэллсу.

— Что? — бросил он, выпрямляясь и оборачиваясь.

Уэллс протиснулся мимо Харан и резкими, порывистыми движениями принялся снимать ролик с проектора.

— Забудь, Шифра. К чему расстилаться перед филистером?

— Что такое филистер? — нарушила Барбара напряженное молчание.

— Филистер, моя дорогая девочка, — пояснил Уэллс, — приодетый вариант идиота. Филистер не отличит шедевра от хот-дога. А тебе выпало счастье иметь в отцах полного и законченного филистера.

— С меня, пожалуй, довольно, — пробормотал Кернер.

— С ТЕБЯ довольно? — прогремел Уэллс. — МЕНЯ тошнит от всей вашей шайки алчных стяжателей, лжецов и обманщиков. Когда кто-нибудь из вас сдержал данное мне слово? Когда? Предатели!

Качнувшись вперед, он смел со стола проектор. Жена и дочь Кернера, испуганные грохотом, бросились прочь. Харан, которая, очевидно, видывала и не такое, даже не пыталась урезонить босса. Лицо Кернера побагровело.

— Все, хватит! — объявил он. — В толк не возьму, что заставило меня подвергнуть свою семью испытанию общением с безумцем вроде тебя! И если мое слово хоть что-то весит, тебе больше никогда не работать в Голливуде.

— Ты, ублюдок! Не нуждаюсь я в твоём разрешении!

Кернер ткнул пальцем во вздымавшуюся грудь Уэллса.

— А знаешь, что говорят в каждом клубе города? Там говорят: «В борьбе с Уэллсом любые средства хороши». — И, повернувшись к съездившейся секретарше, добавил: — Доброй ночи, мисс Харан. — После чего проследовал за женой и дочерью в свою каюту.

Уэллс стоял неподвижно. Я оторвался от окна и поднялся в рубку.

— Что там такое? — спросил вахтенный.

— Мистер Уэллс только что столкнулся с айсбергом. Не волнуйся, мы пока не тонем.

«Роузбад» имеет одно и то же значение что в английском, что в немецком — розовый бутон.

Моя матушка воображала себя художницей и была связана с «Сент Лье», сетью арт-салонов, спонсируемых Брюсселем, так что я вырос в убогой галерее Швабинга, где она выставляла свои поблекшие виртуальности. Помню, одной из них была скульптура вагины, в самой середине которой голографический проектор выдавал образы, менявшиеся каждый раз, когда мимо проходил новый посетитель. Одним из них был мужской рот с усиками над верхней губой, шептавший «роузбад».

Было ясно, что это изображение откуда-то передрали и что говоривший не был немцем, но тогда я не знал, кто он. Только уехав из Мюнхена, чтобы поступить на кинематографический факультет нью-йоркского университета, я увидел «Гражданина Кейна».

Я намеревался стать художником, каким так и не стала мать, никоим

образом не связанным со старой Европой или забытым Богом двадцатым веком. Я был умен, проворен и убедителен. И мог создать прекрасное видение единства Искусства и Коммерции для любого потенциального спонсора, так что вышеуказанный спонсор просто изнемогал от желания выложить денежки. К двадцати шести годам я сделал два фильма: «Крепость одиночества» и «Слова Христа в красном». «Слова...» даже получили премию за лучший сценарий на кинофестивале в Триесте в 2037 году. Я стал широко известен в узких кругах, но не заработал и десяти центов. И если не считать этих узких кругов, никто не видел моих фильмов.

Я твердил себе, что публика — дура, а мир — вообще хаос; искусство в этом безумном мире имеет ничтожный шанс, а единственные люди, которым удается делать деньги — это те, кто наводился создавать сладенькие фантазии. Но тут настала эра путешествий во времени, и какие бы преимущества ни получило общество, для кинематографии это стало настоящим несчастьем. Коммерческие фильмы мог делать лишь тот, кому удавалось залучить Элизабет Тейлор или Джона Уэйна. В общем, я устал болтаться вне поля зрения радара. В тридцать лет я хорошенько рассмотрел себя в зеркале и нашел работу в «Метро» — в качестве охотника за талантами.

Звучит довольно приемлемо, верно?

Но это всего лишь иная сторона моей карьеры. Вот послушайте-ка: я неплохо играл в теннис, но мой бэкхенд* всегда был слабым, и сколько бы я над ним ни работал, он все равно не будет первоклассным. В ключевой момент каждой партии противник посылал мяч влево, и эта чертова ленточка на сетке словно сама собой поднималась, чтобы проглотить мою подачу. Словом, гениального спортсмена из меня не вышло, как ни старайся. Вот поэтому и фильмы, и диски, и награда Триеста пылились в глубине чулана.

Я как раз переносил содержимое этого чулана в коробки, когда пришел вызов. Голова у меня болела так, словно кто-то вколачивал в мозг раскаленные гвозди, а тут еще и Мойра, моя квартирная хозяйка, торчала в дверях, читая мне нотации. Те вещи, которые можно было толкнуть на интернет-аукционе, уже были проданы на интернет-аукционе, а я успел задолжать ей за полгода.

Мои очки, лежавшие на тумбочке, запищали. Сигнальная лампочка на дужке замигала.

— А я думала, ваше обслуживание аннулировано, — заметила Мойра.

— Так оно и есть.

* Удар слева (в теннисе).

Я нашарил очки, сел на пол и насадил их на нос. Желудок опасно дернулся. Стена квартиры растаяла, предъявив изображение Гленды, моего персонального цифрового секретаря. Программируя Гленду, я придал ей внешность Луизы Брукс.

— Вам звонят из «Вэнником, Лтд», — сообщила она. — Роузтраш Вэннис хочет с вами поговорить.

Я снял очки.

— Мойра, дорогая, оставьте меня минут на пять, договорились?

— Кем бы там ни была эта особа, надеюсь, она брала у вас займы и теперь честно вернет долг, — ехидно ухмыльнулась Мойра, но все же ушла.

Я порылся в хламе на тумбочке, нашел новый шприц и сделал себе укол. Сердце забухало в груди, глаза наконец открылись. Я поспешно надел очки.

— О'кей.

Гленда поблекла, и ее место заняло прелестное лицо Вэннис.

— Дет! Ты здесь?

— Совершенно верно. Как ты меня нашла?

— Пришлось оплатить счета за телефон. Может, дашь взглянуть на себя?

Комната служила неопровержимым свидетельством моего грядущего выселения, и я не хотел, чтобы она это видела.

— Не выйдет. Чем могу помочь?

— Хочу дать тебе кое-какую работенку.

После того как я помог Стерджесу бежать со студии, Вэннис поклялась, что больше я никогда не буду на нее работать. Но страсть к кино брала верх над безжалостным коммерческим умом, и я получил еще пару заказов. Однако последние полгода дела обстояли так, словно я вообще больше нигде не раздобуду никакой работы.

— Я здорово занят, Роузтраш.

— Слишком занят, чтобы оплатить собственный телефонный счет?

Я сдался.

— Что тебе нужно?

— Хочу, чтобы ты положил конец этой канители с Уэллсом.

Должно быть, ссора с Роузтраш несколько выбила меня из колеи. Поэтому я и не был в курсе того, о чем знал весь город: очередная попытка заарканить Орсона Уэллса с треском провалилась. Четыре раза охотники за талантами отправлялись в прошлое вербовать очередную ипостась Уэллса, и четыре раза все закончилось провалом.

«Нет», — отказался сорокадвухлетний Уэллс, несмотря на изгнание со студии «Юниверсал» после «Печати зла».

Очередная попытка была сделана в 1972-м, когда Полин Кел наконец уничтожила его репутацию.

«Нет», — заявил он.

«Метро» пошло даже на то, чтобы отправить Дарлу Рашнамурти с заданием соблазнить его в тридцать восьмом, когда Уэллс был еще двадцатитрехлетним вундеркиндом. Между Дарлой и тогдашней версией Уэллса завязался неудержимый роман, но ее трофеями оказались всего лишь сексвидео, ставшее хитом в интернете, и несколько подробностей для книги мемуаров. Я все это знал, и Роузтраш знала, что я знаю, но, черт побери, какое это имеет значение? Мне необходима работа.

— Не могла бы ты послать мне немного наличных электронной почтой?

— Сколько?

Я мысленно приплюсовал ко всем расходам Мойру.

— Э... как насчет десяти тысяч?

— Получишь через час. Надеюсь, к этому времени ты будешь в моем офисе. Так?

— Непременно.

Неделю спустя выбритый, причесанный, отполированный до блеска и проинструментированный я стоял в центре станции путешествий во времени. Поставил сумку, в которой хранились одежда по моде сорок второго года и портативная машина времени, и кивнул Норму Пейджу в кабине управления. За лакированным поручнем станции стояла Вэннис.

— Надеюсь, на этот раз никаких провалов, Дет?

— Когда это я тебя подводил?

— О, я могу предъявить длинный список...

— Десять секунд, — объявил Норм из кабины.

Вэннис наставила на меня указательный палец, как пистолет, опустила вниз большой палец и произнесла уголком рта, довольно сносно изображая мужской голос:

— Роузбад — живой или мертвый.

И мир исчез.

От заурядного охотника меня отличает то качество, что я способен не только составлять планы, но и импровизировать. В первую очередь, планирование. Ты должен знать свою цель. Просишь человека отказаться от прежнего существования, а ведь это никому не дается легко. Поэтому следует приближаться к нему в наилучшие моменты его жизни, но тогда, когда его талант еще не успел истощиться.

Сейчас ситуация была для меня наиболее благоприятной. Я вышел на корму и закурил очередную сигарету. Табак — еще одна утраченная

роскошь двадцатого века. Сквозь легкий никотиновый морок я прислушивался, как в салоне Уэллс орет на Харан и продолжает доламывать несчастный проектор. Слышал, как она послала его ко всем чертям. Луна поднялась еще выше, и поверхность воды рябила длинными низкими волнами, мягко ударявшими о борт по мере того, как мы продвигались на юг. Позади, за белой пенной струей, отражались огни Сан-Педро.

Через несколько минут на палубу вышел Уэллс, волоча за собой яуф с фильмом, который и водрузил на стол. Потом сел и уставился на него. Поднял бутылку с бренди, налил стакан, залпом осушил и налил другой. Если он и заметил меня, то не подал виду.

— Все могло пройти лучше, — мягко заметил я минуту спустя.

Уэллс вскинул голову. Лицо было мрачным: на секунду он стал удивительно похож на Гарри Лайма в «Третьем человеке».

— Мне нечего вам сказать.

— Зато мне есть что сказать вам, Орсон, — возразил я, шагнув к столу.

— Проваливайте! Не позволю, чтобы лакеи Видора читали мне наставления.

— Я не работаю на мистера Видора. И вообще ни на кого из ваших знакомых. Я здесь, чтобы потолковать с вами.

Уэллс отставил стакан.

— Я вас знаю?

— Меня зовут Детлев Грубер.

— Будь я на вашем месте, поспешил бы сменить имя, — презрительно фыркнул он.

— Я так и поступаю. Довольно часто.

На этот раз он действительно взглянул на меня: впервые с того момента, как поднялся на борт.

— Ну, так излагайте ваше дело и оставьте меня в покое.

— Сначала позвольте кое-что вам показать.

Я вынул из кармана бандану и расстелил на столе между нами. Дернул за концы, отчего она стала жесткой и негнушейся, нажал на скрытые кнопки, чтобы ее включить. Бело-голубой рисунок ткани исчез, и вместо него засветился экран.

Уэллс явно заинтересовался.

— Что это?

— Демонстрация.

Я нажал кнопку «play», экран потемнел, и на нем появились слова:
МЕРКЬЮРИ ПРОДАКШН
ФИЛЬМ ОРСОНА УЭЛЛСА

Вслед за этим выплыло название:

ГРАЖДАНИН КЕЙН

Откуда-то возникла и нарастала зловещая мелодия. Титры растаяли... ночь... металлическая цепь-ограда и табличка, гласившая: «Вход воспрещен».

— Какого черта... — начал Уэллс.

Я остановил изображение.

Уэллс поднял бандану, тряхнул жесткий, как кусок клееного картона, экран, перевернул, посмотрел на обратную сторону.

— Поразительно! Где вы это добыли?

— Вполне обычный предмет... для 2048 года.

Уэллс отложил экран.

Сейчас, когда свет запрещающей вход таблички отражался на его лице, он казался совсем мальчиком. Ему было всего двадцать семь.

— Продолжайте, — велел он. — Люблю небылицы.

— Я захватил его с собой из будущего. Появился же я здесь только для того, чтобы встретиться с вами. Хочу просить вас отправиться со мной.

Уэллс уставился на меня. Потом рассмеялся низким, гулким смехом, вынул из кармана сигару и зажег.

— Чего... хочет... от меня... будущее? — выдыхал он между затяжками.

— Я представляю фирму развлечений. И от вас требуется одно: снимать фильмы. У нас технология, которой нет у вас, и ресурсы, о которых вы представления не имеете. Этот экран — самый банальный пример. Думаете, что проекционная печать всего лишь ловкий трюк? Мы можем создавать целые ландшафты из ничего, превратить массовку из трех человек в армию — и все это за крохотную частичку того, что здесь стоит миллионы. Причем сделать это лучше. Кинотехнология будущего — лучший игрушечный поезд, который когда-либо получил любовь мальчишка.

Но ближе к делу, Орсон: можно сколько угодно дурачить окружающих, всех, кроме меня. Мне известна каждая ошибка, которую вы совершили с тех пор, как появились в Голливуде. Я знаю каждого человека, которого вы от себя оттолкнули. Враждебность Кернера — только вершина айсберга.

— Не стану с вами спорить. Но мои возможности еще не исчерпаны. Я не готов умчаться с вами, подобно Баку Роджерсу. Дайте мне пару лет... возвращайтесь в пятидесятом, и мы посмотрим.

— Вы забываете: то, что для вас будущее, для меня — история. Я знаю вас всю свою жизнь, знаю, что случится с вами, начиная с этой минуты и до того момента, в восемьдесят пятом, когда вы умрете от

сердечного приступа, совершенно один, в убогом лос-анджелесском домишке.

Предсказание смерти на миг повисло в воздухе, подобно табачному дыму. Уэллс зажал сигару между большим и указательным пальцами и отвел в сторону, словно изучая.

— Отвратительная штука, сэр, зато моя собственная, — заметил он наконец, как бы обращаясь к сигаре... и тут его взгляд, трезвый и холодный, встретился с моим.

— Можете шутить сколько угодно, — усмехнулся я, — но вы никогда не сделаете ни одного фильма, такого же свободного, вне всяческих рамок, как «Гражданин Кейн». Та расправа, которую «РКО» учинила над «Амберсонами» — только начало. Ни одна студия не позволит вам ставить фильмы до сорок шестого, а после, под давлением системы, вы настрапаете халтуры. Когда вы в «Леди из Шанхая» попытаете проявить инициативу, картину попросту отберут у вас и вырежут из нее целый час. Голливуд изгонит вас, вы уедете в Европу. Последние сорок лет жизни проведете, выпрашивая деньги, играя маленькие роли в чужих фильмах и отчаянно пытаясь ставить свои. Ваша карьера? Одиннадцать фильмов, включая «Кейна» и «Амберсонов».

— Похоже, я полнейший неудачник. Так зачем же я вам нужен?

— Потому что, несмотря на дураков, кусающих вас за ноги, и полное отсутствие поддержки, пара ваших фильмов просто гениальны. Подумайте, что бы вы могли создать, имея финансирование большой студии?

— Вы не опасаетесь, что если я пойду с вами, то никогда не создам тех гениальных произведений, о которых шла речь?

— Наоборот, я могу показать их прямо сейчас. Понимаете, я пытаюсь вытащить вас из альтернативной версии нашей истории. В нашем мире вы будете продолжать жить точно той жизнью, о которой я вам рассказывал. По-прежнему станете снимать фильмы, только для этого не нужно будет столько бороться и страдать. Вместо этого вы сможете снять десятки других картин, для которых в этой версии истории вы никогда не сумеете найти инвесторов. До того, как снимать «Кейна», вы хотели сделать «Сердце тьмы». Сейчас у нас 2048-й, однако никто так и не сумел снять приличный фильм по этой книге. Все складывается так, словно наш мир ждет вас. В 2048-м вас будут превозносить, а не издеваться над вами. Если останетесь здесь, проведете жизнь, словно в ссылке. Если так уж хотите быть эмигрантом, по крайней мере, будьте им в том месте и времени, где сумеете заняться любимой работой.

Уэллс отставил чашку с кофе, сбросил пепел в блюдце и положил сигару на его край.

— У меня есть друзья. Родные...

— Никого у вас нет. Родители умерли. С братом вы не ладите, с женой разведены и, между нами говоря, совершенно не интересуетесь дочерью. Большинство друзей от вас отвернулись.

— Только не Джо Коттен.

— Вам нужен Джозеф Коттен? Взгляните!

Я набрал номер клипа на экране и подвинул его Уэллсу. На экране возникло открытое кафе. Уличный шум, пешеходы в солнцезащитных шляпах, футуристические машины на мостовой.

Крупным планом сидящая за столиком пара: Джозеф Коттен в белых брюках и рубашке с распахнутым воротом и его жена Ленора.

— Привет, Орсон, — широко улыбаются они, после чего Коттен говорит прямо в камеру:

— Орсон, Детлев клянется, что покажет тебе этот клип. Послушай его: он говорит чистую правду. Здесь гораздо лучше, чем можешь представить. Честно говоря, я сожалею только о том, что прибыл в будущее, где нет тебя. Мне недостает тебя, Орсон.

Я остановил изображение.

— Другой охотник за талантами привез его в будущее четыре года назад.

Уэллс снова отхлебнул бренди и поставил стакан на нос Коттена.

— Если бы Джо заступился за меня, студия не посмела бы переснять конец «Амберсонов».

Теперь я понял, почему потерпели неудачу мои предшественники. На каждый мой довод у Орсона находился контраргумент. Его требовалось убедить на некоем подсознательном уровне. Такой способ — правда, крайне жестокий — у меня существовал, и сейчас приходилось применять его.

Я снял стакан с экрана.

— Мы еще не покончили с фильмами. Кажется, у вас проблемы с весом? Позвольте показать вам кое-какие снимки.

Первым шло изображение Уэллса в фильме «Чужой», где он достаточно тощ, чтобы на шее заметно выделялось адамово яблоко.

— Здесь вы в сорок шестом, все еще достаточно похожи на себя сегодняшнего. А это «Печать зла», десять лет спустя.

Распухшая глыба, небритая и потеющая. Одно фото за другим. Все более отвисшие, раздутые щеки, превращение ранее красивого лица в подушку жира, предстательной фигуры в обрюзгший кошмар.

Я демонстрировал клип за клипом. На всех был Уэллс, ковыляющий по комнате: щеки подрагивают и трясутся при каждом слове монолога из какого-то европейского эпоса середины шестидесятых. Бес-

численные клипы Уэллса, сидящего на нелепых ток-шоу: брюхо свисает ниже колен, сигара зажата в пальцах правой руки, клочковатая борода не скрывает разжиревшей шеи и бесчисленных подбородков.

— К концу жизни ваш вес будет колебаться от трехсот до четырехсот фунтов. Точнее никто не знает. Вот фото актрисы Энджи Дикинсон, пытающейся сесть вам на колени. Но колен у вас нет. Смотрите. Ей приходится обнимать вас за шею, чтобы не соскользнуть. Вы не сможете ни дышать, ни двигаться, спина разламывается, почки отказывают. В восьмидесятых вы застрянете в автомобиле, и его придется распиливать, чтобы вас выволочить. Последние годы жизни вы займетесь съемкой роликов, рекламирующих дешевое вино, которое сами пить не сможете из-за полной потери здоровья.

Уэллс молча смотрел на снимки.

— Выключите это, — прошептал он, после чего надолго замолчал. Брови сведены, глаза — озера, полные презрения к себе. Но что-то подсказывало мне: он находит некое удовлетворение в этом унижении, словно увиденное им было всего лишь исполнением пророчества, произнесенного над колыбелью.

— Вижу, вы немало потрудились, — спокойно заметил он.

Я понял, что близок к успеху, и подался вперед.

— Но все можно изменить. Наша медицина позаботится о том, чтобы вы никогда не стали жирной пародией на себя. Мы сохраним вам молодость и красоту на всю оставшуюся жизнь.

Уэллс передернул плечами.

— Я ослеплен вашим великодушием. Но что вам от этого?

— Очень многое. Не стану отрицать: мы не благотворительная организация. Вы сами не понимаете, как высоко ценимы в будущем ваши картины. Через сто лет «Гражданина Кейна» сочтут лучшим фильмом всех времен и народов. Одно известие о вашем появлении будет стоить миллионы. Люди хотят видеть ваши работы.

— Сейчас вы очень похожи на Джорджа Шефера, убеждающего меня приехать в Голливуд после «Войны миров». Я — гений, неограниченное финансирование, люди обожают мои фильмы!.. Но все кинжалы были наточены еще до того, как я спустился с самолета. Через три года Шефер выброшен на улицу, я — пария, а его преемник даже не желает посмотреть мой фильм. Утверждаете, что владельцы студий будущего превратились в святых?

— Конечно, нет. Но будущее имеет временную перспективу. «РКО», искромсав «Амберсонов», не сделала ничего, чтобы защитить свои же вложения. Ваша интуиция явно превзошла их собственную, и не только в смысле искусства, но даже с точки зрения финансиста.

— Скажите это Чарлзу Кернеру!

— Совершенно необязательно. Это величайшая трагедия в истории кино. В 2048-м никто не видел вашей картины. Эта копия, — я коснулся яуфа, — единственная, оставшаяся в авторском варианте. Когда она пропала, а негативы существующего материала были уничтожены, осталась только изуродованная студийная версия.

— И это единственная копия?

— Единственная.

Уэллс провел рукой по волосам, тяжело поднялся, подошел к поручню, схватился за литье, чтобы удержаться на ногах, и, запрокинув голову, взглянул в звездное небо. Жест был явно театральным, о чем он, без сомнения, знал.

— А ваша машина времени? — спросил он, не оглядываясь. — Где вы ее храните?

— У меня в сумке переносной прибор. На корабле им воспользоваться невозможно, но как только мы окажемся на земле...

— ...тут же отбываем в 2048-й? — засмеялся Уэллс. — Похоже, я экранизировал не тот роман Г.Дж.Уэллса. — Он резко обернулся. — А может, и нет, мистер...

— Грубер.

— Мистер Грубер. Боюсь, вам придется вернуться в будущее без меня.

Роузтраш потратила кучу денег, чтобы послать меня сюда. И если я провалю задание, другой попытки мне не дадут.

— Но почему? Я сказал вам чистую правду.

— Что дает мне огромное преимущество — как человеку, знающему, что произойдет в следующие сорок лет, не так ли?

— Не будьте глупцом! Ваше здешнее положение завтра будет не лучше, чем вчера.

Одно из основных правил — никогда не увлекаться, не влипать в дело всеми четырьмя, но я уже влип, и мне было не все равно, слушает он меня или нет. Наверное, из-за моего финансового состояния.

Я показал на каюты, где спали Кернер и его семейство.

— Но после сегодняшнего вечера все рухнуло. Вы выбросили на ветер единственный шанс изменить судьбу. Хотите отдать свой талант на откуп типам вроде Чарлза Кернера? Из милости ждать одобрения людей, которые никогда вас не поймут?

Уэллс, кажется, развеселился.

— Вас, похоже, это сильно волнует... Детлев, не так ли?.. Детлев, почему вас это так тревожит? — Он не столько спрашивал, сколько размышлял вслух. — Это всего лишь ваша работа, верно? Вы меня во-

все не знаете. Но, похоже, мое положение заботит вас куда больше, чем следовало бы. Значит, вы, скорее всего, действительно любите мои фильмы: я польщен, конечно... или вас особенно занимает проблема режиссера в мире бизнеса. И все же вы работаете в мире бизнеса каждый день. Поэтому позвольте мне сделать контрпредложение. Вы не берете меня в будущее, а остаетесь здесь, со мной. Сомневаюсь, чтобы художник мог добиться успеха вне своего времени. Как я сумею понять 2048 год, не говоря уже о том, чтобы создавать фильмы, которые тамошняя публика пожелает видеть?

С другой стороны, вы вполне знакомы с этой реальностью. Утверждаете, что вам известны все западни и ловушки, в которые я должен попасть. И, бьешь об заклад, вы достаточно хорошо знаете историю двадцатого века. Подумайте о преимуществах, которые вам это даст! Несколько мудрых вложений — и вы разбогатеете! Хотите снимать фильмы? Мы будем делать это вместе! Становитесь моим партнером! С вашим знанием будущего мы сумеем профинансировать нашу собственную студию!

— Я не финансист, а охотник за талантами.

— Охотник за талантами — мы сможем использовать и это! Вы должны знать всех великих актеров и актрис второй половины двадцатого века, мы успеем раньше других подписать с ними эксклюзивные контракты. Через десять лет мы станем главными в киносекторе!

Он шагнул к столу, наполнил стакан и поставил его передо мной.

— Знаете, не рассказывайте мне все в подробностях, я никогда бы не усомнился в том, что вы обычный слуга. Так что вы и сами неплохой актер. Лихо меняете личности! Яго, вливающий яд слов мне в уши. Прекрасно, мы определенно сможем использовать еще и это. Только не говорите, Детлев, что в будущем нет кое-каких аспектов, которых вы хотели бы избежать. Вот ваш шанс. Вдвоем мы сможем навсегда распрощаться с Кернерами этого мира, а еще лучше — преуспеть в их мире и натянуть им нос!

Это что-то новенькое. Мне и раньше сопротивлялись. Несколько раз даже предлагали убираться. Я сталкивался с паникой и недоверием. Но еще никогда «жертва» не пыталась меня соблазнить.

Любопытнее всего, что в словах Уэллса было немало смысла. Может, сумей я доставить его в наше время, и мое будущее было бы обеспечено, но, похоже, этому не суждено случиться. Все, что я наговорил Уэллсу о его судьбе — отсутствие настоящей семьи, распри с киномагнатами, печальные перспективы, — в той же степени относилось и ко мне. И поскольку я сжег этот период времени во Вселенной, добираясь сюда, никто из будущего не явится за мной, как бы я того ни желал. Я мог бы ставить фильмы вместе с Уэллсом, а когда-нибудь сумел бы снимать и без него.

Но тут мой взгляд упал на яуф с фильмом, и я мигом взял себя в руки. Слишком хорошо я знал биографию Уэллса. Окружающие не предавали его. При случае он сам был не прочь совратить и обмануть даже самых верных друзей. Это всегда была любовь на его условиях.

— Спасибо за предложение, — кивнул я. — Но мне нужно возвращаться. Идете со мной?

Уэллс сел на соседний стул и улыбнулся.

— Можете доложить директору вашей студии или тому, кто вас послал, что я оказался куда более крепким орешком, чем ему представлялось.

— Вы горько об этом пожалеете.

— Посмотрим.

— Я уже все видел. И вам показал.

Лицо Уэллса потемнело.

— Да, это было неприятно, — сухо заметил он. — Но теперь, похоже, наши дела закончены.

Значит, ничего не вышло, и по возвращении меня не ожидает ничего хорошего. Остается один шанс спасти свою репутацию.

— В таком случае, если не возражаете, я возьму это.

Я потянулся к яуфу с «Амберсонами». Уэллс с поразительной быстротой взметнулся со стула и успел схватить яуф чуть раньше меня. Выпрямился и прижал к себе яуф, стараясь устоять на покачивавшейся палубе.

— Бросьте, Орсон. Почему вы не хотите, чтобы мы получили ваш фильм? Целое столетие после провала предварительной демонстрации в Помоне никто не видел вашего шедевра. Это Священный Грааль утраченных фильмов. Какой смысл скрывать его от остального мира?

— Потому что он принадлежит мне.

— И будет по-прежнему принадлежать вам, даже если вы отдадите его. Разве вы снимали его не для того, чтобы тронуть людские сердца? Чтобы зрители им восхищались? Подумайте о...

— Я сам скажу вам, о чем подумать, — перебил он. — Подумайте об этом.

Он схватил яуф за проволочные ручки, развернулся и раскачал тяжелую металлическую коробку, как метатель молота, прежде чем размахнуться и швырнуть ее через борт. Отпустив яуф, он споткнулся и судорожно схватился за поручень, чтобы не упасть. Яуф описал дугу в лунном свете, с тихим плеском упал в воду и мгновенно исчез.

Я работал с видеомонтажером, когда в квартиру вошла Мойра. Она не потрудилась постучать, впрочем, как и всегда. Я допил остаток жи-

на, остановил на экране изображение Энн Бакстер и развернулся в кресле.

— Иисусе, Дет, ты когда-нибудь собираешься распаковывать вещи? — осведомилась она, обозревая горы коробок, все еще загромождавших гостиную.

Я отправился на кухню, чтобы наполнить стакан.

— Это зависит от того, собираешься ли ты снова выкинуть меня.

— Сам знаешь, я и не хотела. Это все Виджей. Вечно заглядывает мне через плечо, — пробормотала она и последовала за мной на кухню. — Это джин двадцатого века? Дай попробовать.

Покрутив в руках сморщенный лайм, валявшийся на раковине со времени моего путешествия в 1942-м, она положила его обратно.

— Кроме того, у тебя заплачено по сегодняшний день.

По сегодняшний день. Но Роузтраш отказалась и далее держать меня на зарплате. Она просто взбесилась, когда я вернулся без Уэллса, хотя, похоже, так наслаждалась, унижая меня, что это удовольствие стоило всех расходов на путешествие во времени. Она отчитывала меня за провал, в то же время давая понять, что от такого, как я, ничего иного и ожидать не приходилось. В пространственных нотациях весьма оригинально сочетались снисходительность и презрение: в ее глазах я не только сам был неудачником, но и пособником такого же неудачника, как Уэллс.

Согласно словам Роузтраш, отказ Уэллса продемонстрировал фатальное отсутствие смелости.

— Он трус, — заявила она мне. — Если бы он пошел с тобой, может, и имел бы право претендовать на гениальность. Но его гений — просто ловкость рук.

Я не упомянул о предложении Орсона. Нежелание спорить с ней — вот цена, которую я заплатил за то, что избежал очередного волчьего билета.

Сейчас я трудился над восстановлением «Великолепных Амберсонов». Выбросив за борт единственную существующую копию, Уэллс сильно затруднил мою работу. Да, теперь мне придется сложнее... Но нет ничего невозможного. Негативы опального материала в архивах «РКО» существовали до декабря 1942-го, после чего подлежали уничтожению, так что у меня было достаточно времени, чтобы украсть их до своего возвращения. Разумеется, Роузтраш были нужны не «Амберсоны», а Уэллс. Голливуд всегда интересовала исключительно прибыль, и несмотря на все мои старания продать картину, очень немногие, помимо кучки критиков и одержимых, заинтересовались черно-белым фильмом столетней давности. Но сейчас я ставил на другое. Вполне ве-

роятно, что восстановление ленты вызовет шумиху, достаточную для того, чтобы начать карьеру заново.

А может, у меня имелись и другие причины. Я не монтировал фильмы двенадцать лет, с тех пор как положил конец своим режиссерским амбициям, и эта работа заставила осознать, как мне недостает простого удовольствия собственными руками создавать шедевр. Восстановленная картина была блестящей, гениальной, душераздирающей и печальной. История медленного упадка великой торговой семьи, раздавленной прогрессом, неудачами, тупым узкоумием... и появлением автомобилей. Первый потрясающий фильм, прямо сказавший о разрушительном влиянии технического прогресса на отношения между людьми; но тут еще присутствовали и человеческая трагедия, и погубленная любовь. В центре сюжета — история жизни Джорджа Минафера, избалованного сына состоятельных родителей, который погубил себя и принес несчастье тем, кто его окружал.

Мойра сдалась и взяла лайм.

— Где нож? У тебя есть какой-нибудь тоник?

Мне нравилась Мойра: самый факт, что ей было плевать на кино, делал ее освежающе привлекательной. Но нужно было работать. Я вернулся к монтажю, пока она слонялась по кухне. Нажал кнопку «play». На экране Энн Бакстер в роли Люси Морган рассказывала отцу, которого играл Джозеф Коттен, легенду о молодом индейском вожде Вендоне. Вендона — Топчущий Всех.

— Вендона совершенно неописуем, — говорила Люси, шествуя вместе с отцом по садовой дорожке. — Он был так горд и высокомерен, что носил железные мокасины и давил ими людей. Поэтому племя наконец решило, что молодость и неопытность не могут служить оправданием его деяниям, и изгнало Вендону. Его отвели к реке, посадили в каноэ и оттолкнули лодку от берега. Течение вынесло его в океан. Вендона так и не вернулся.

Я видел сцену и раньше, но эти слова впервые вызвали озноб. Я нажал паузу. И вспомнил состояние Уэллса, когда он просматривал ролики о своем будущем. Теперь я вдруг осознал, что он снял фильм о себе... нет, не один фильм, а два. И Кейн, и Джордж Минафер были двумя ипостасями Уэллса. Избалованные, испорченные, высокомерные, презирающие окружающих красивые мальчики, слепо бредущие к возмездью. Каковое они и получили, все трое, словно сами его искали, подталкивая мир и близких людей к достижению этого эстетического результата. Неудивительно, что Уэллс оскорблял собеседников, пока не слышал «нет», потому что на каком-то подсознательном уровне чувствовал, что заслуживает подобного. Может, он отка-

зался от моего «да», потому что нуждался в этом «нет». Бедный ублюдок!

Я уставился на экран. Далеко не все здесь было ловкостью рук... а если и было, то казалось гениальной ловкостью рук. Уэллс выхватил шедевр из воздуха точно так же, как выхватил ключ из уха Барбары Кернер. И все же, чтобы сохранить собственное достоинство, швырнул последнюю копию шедевра в океан.

Но через неделю фильм восстанет из пучины, полная версия, которую я подарю миру как доказательство невероятного таланта Уэллса и как предательство его последней воли. Всего через шестьдесят три года после его смерти. А я снова буду в игре.

Если позволю кому-нибудь увидеть этот фильм. А если нет? Что тогда? Чем я заполню свои дни?

За спиной послышались шаги Мойры и звяканье льда в стакане. Она явно собиралась сказать что-то абсолютно неуместное, и мне придется попросить ее уйти.

Но она молчала!

Наконец я повернулся к ней — как раз в тот момент, когда она заговорила.

— Что это? — спросила она, лениво роясь в открытой коробке со всякой чепухой. На ее ладони лежал приз: иззубренный наконечник копья на черном прозрачном основании.

— Это? Премия за лучший оригинальный сценарий, с кинофестиваля в Триесте в 2037 году.

Мойра повертела приз, положила в коробку и улыбнулась.

— Собственно говоря, Дет, я пришла сюда, чтобы спросить, не хочешь ли поплавать. Всю эту неделю содержание ультрафиолета было рекордно низким.

— Поплавать?

— Ну, знаешь, вода. Пляж. Голые женщины. Пойдем со мной, и обещаю, ты не обгоришь.

— Ожог меня не волнует, — отмахнулся я. — Но эти воды нашпигованы акулами.

— В самом деле? Где ты это слышал?

Я выключил монтажер и поднялся.

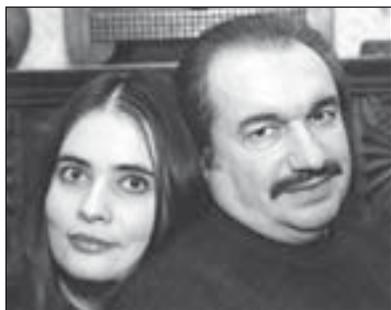
— Неважно. Дай мне минуту — поищу костюм.

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО: «МЫ ПРИДУМЫВАЛИ САРАКШАНСКИЙ ЯЗЫК...»

Как мы уже сообщали в рубрике «Курсор», к работе над крупномасштабным кинопроектом — экранизацией повести братьев Стругацких «Обитаемый остров» (продюсер А.Роднянский, режиссер Ф.Бондарчук) — подключились известные фантасты Марина и Сергей Дяченко. О своем участии в сценарии будущего фильма супруги рассказывают нашим читателям.

— Как родилась идея подобного сотрудничества? Как работало с Бондарчуком?

— Случилось так, что незадолго до Нового года нам позвонил Александр Роднянский — мы с ним знакомы давно, нас связывали совместные творческие проекты (последний из них и самый крупный — экранизация нашего романа «Ведьмин век»; сценарий, написанный нами, был одобрен и принят, если все пойдет, как ожидается, скоро начнется работа над фильмом). Александр Ефимович предложил нам прочитать сценарий «Обитаемого острова», написанный Эдуардом Володарским для Федора Бондарчука, и «посмотреть на него глазами фантаста» — потому что классик российской кинодраматургии все-та-

ки в первую очередь реалист. У нас немедленно возникло несколько предложений, мы передали их Роднянскому, и в январе в Москве состоялась встреча с продюсерами будущего фильма, А.Роднянским и С.Мелькумовым, и Федором Бондарчуком.

Бондарчук поначалу глядел с подозрением. Потом сказал: «Это наши люди. Ну что ж, давайте поработаем».

И мы поработали. Первый вариант сценария был написан очень быстро, нереально быстро по киношным меркам. Дни работы над ним были одними из самых счастливых в нашей жизни. Мы будто смотрели это кино — так и эдак, и еще пересматривали.

Сценарий мы отправили в Москву, и все заинтересованные лица

моментально его прочитали. Потом нам позвонили Роднянский, Мелькумов и Бондарчук и сказали: нравится, будем запускать кино в производство.

Бондарчук очень много придумывает на ходу, и придумывает, с нашей точки зрения, правильно. Какой на Саракше поезд? Как выглядит самолет? Каким должен быть Колдун? Он чувствует этот фантастический мир. Не просто фантазирует, но сразу видит, как это можно снять... Мы мало общались, но он производит впечатление очень творческого человека.

Сейчас, когда сценарий принят, он все равно меняется, идет доработка. Появляются новые идеи — и у Бондарчука, и у продюсеров, они вливаются в уже готовый сценарий, дополняя его. Фильм предполагается большой, объем колоссальный. Как сказано однажды: «Но какая предстоит работа!»

— Адаптация текста для кино почти всегда требует резких «редакторских» решений — сокращений, перестановок и т.д. Насколько сложно (не технически — творчески) перерабатывать произведение, ставшее культовым у нескольких поколений читателей?

— Дело в том, что «Остров» сам по себе очень логичен, последователен и драматургически выверен. Такая книга сама берет тебя за руку и ведет, подсказывая, как именно она хотела бы выглядеть

на экране. Поэтому у нас не было ощущения, что мы «перерабатываем» — мы просто следовали первоисточнику, сверяясь со своим представлением о хорошем кино.

Едва ли не основной проблемой экранизации оказалась проблема языка. Велись разговоры даже о том, чтобы придумывать саракшанский язык и полностью снимать на нем фильм с субтитрами. Ведь в книге русский существует и как родной язык Максима, и как язык другой планеты, а в кино эта условность не пройдет... Как показать зрителю, что Максим учится говорить не по-русски — с акцентом, а по-саракшански? Пришлось выкручиваться, искать чисто технические приспособления, чтобы решить языковую проблему.

Вообще, работа для кино всегда была у нас мечтой и радостью. Это профессия Сергея — он закончил ВГИК. А Марина наконец-то получила возможность «играть» все роли в любимом фильме — начиная от Рады и заканчивая ротмистром Чачу.

— Читал ли сценарий БНС? Если да, то какова его реакция?

— К сожалению, мы не работали напрямую с Борисом Натановичем. Но очень рассчитываем, что сценарий ему понравится.

— Повесть была невероятно популярной у шестидесятников, во многом благодаря теме «промывания мозгов», искусно завуали-

рованной авторами. Выйдет ли эта тема на первый план в фильме?

— Тема «промывания мозгов» — одна из главных в повести Стругацких. Можно ли обойтись без нее? В современном мире такое «промывание» стало едва ли не основным рычагом борьбы за власть. По всему земному шару стоят «башни ПБЗ» — кто-то их видит, однако большая часть людей не замечает в упор.

— Но в повести, написанной треть столетия назад, явно присутствуют анахронизмы. А создатели, судя по всему, желают сделать остро социальный современный фильм...

— Анахронизмы... Заменить папку бумаг (по-хонтийски «заккурапию») на ноутбук — это, допустим, запросто. Но дело в другом: наш мир изменился. Проблемы остались, выросли и заматерели, однако мир вокруг нас изменился ужасно. Мы в юности, читая книгу, смотрели на Саракш глазами Максима и ужасались: вот дураки, вот сволочи, вот бедняги. Новые читатели (и зрители) невольно смотря на коммунара Максима глазами саракшан. Как объяснить им, откуда взялся такой человек? Если того будущего, откуда он пришел, — непременно светлого будущего для всей Земли, — у нас уже нет?

Промывание мозгов. Неразрешимый этический выбор, ведь Максим, слушая свою совесть, по сути

дела ввергает страну Отцов в новую кровавую кашу: «Ну что же, сказала совесть, придется мне немного огрубеть...» Но есть еще одна «ниточка», которая привязывает эту вещь к современности (по крайней мере, для нас) очень крепко: где он, мир Полдня, который мы потеряли? И возможно ли — теперь, после всего — его вернуть?

— Есть ли в сценарии эпизоды, которых не было в повести?

— Да, такие эпизоды есть. С нашей точки зрения, они логически следуют из текста книги. Иногда это прямо фрагменты текста, переведенные из повествования в диалог («Он слушал страшные рассказы Рады о том, как...»). Сказать больше пока не можем. Да и что за интерес — вырывать сцены «с мясом»?

Линия Рады стала ярче. Не пугайтесь — это не мелодрама, это боевик.

— Станет ли «Обитаемый остров» антиподом «Девятой роты» или Бондарчук намерен сохранить стилистику?

Мы не знаем точно, что намерен и чего не намерен Бондарчук, но нормальный творческий человек не может ни повторять себя, ни выпрыгивать из шкуры и становиться кем-то другим. Единственное, в чем мы уверены: Бондарчук не снимет плохого кино.

Беседовал Тимофей ОЗЕРОВ

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Производство компании «Солнечный дом — ДМ», Россия, 2006.

Режиссер Юрий Кулаков.

Роли озвучивали: Сергей Безруков, Юрий Беркун,

Александр Пинегин и др. 1 ч. 19 мин.

Мультфильм ждали. Все-таки в основе сюжета лежали важные события российской истории, а рекламные ролики поражали. Спустя семь лет работы первая часть отечественного анимационного проекта наконец-то добралась до широких экранов. К сожалению, далеко не все ожидания оправдались.

С технической стороны к создателям никаких претензий. «Князь Владимир» сказочно красив. Так красив, что воротили из «Диснея» всерьез заинтересовались нашей студией. Отечественные мастера удачно совместили рисованную и трехмерную графику, создав чарующие пейзажи Древней Руси. Некоторые мультипликационные кадры достойны того, чтобы висеть на стене в картинной галерее рядом с произведениями лучших пейзажистов. Словом, художники и аниматоры справились со своей задачей на пять с плюсом, чего, увы, нельзя сказать о сценаристах.

По заявлениям создателей, мультфильм призван рассказать о том, как на Русь пришло христианство. Однако большая часть экранного времени почему-то отведена истории противостояния двух волхвов, а также другим — совершенно лишним и, кстати, неоконченным — сюжетным линиям. Есть, правда, мальчик Алекша, который минут пять что-то там лопочет о Едином Боге, просвещая доброго старичка-волшебника. Сам креститель, поданный чистеньким, наивным и доверчивым князем, появляется редко и по ходу мультфильма с христианством вообще не сталкивается. Лишь в финале вдруг восклицает: «Бог есть любовь!», оставляя зрителей в недоумении.

Кроме того, непонятно, для какой возрастной категории был создан мультфильм. Для подростков он скучен — удачных шуток раз-два и обчелся. Для детей он жесток и страшен: русичи и византийцы, истекая кровью, гибнут в кадре, а волхв-оборотень Кривжа в обличье медведя выпрыгивает из темноты в лучших традициях жанра «хоррор»...

Что ж, подождем вторую серию мультфильма. Возможно, она привнесет в проект целостность и ясность, которых ему так не хватает.

Степан КАЙМАНОВ

АЗИРИС НУНА

Производство компании «Дед Мороз Студио», Россия, 2006.

Режиссер Олег Компасов.

В ролях: Филипп Авдеев, Роман Керимов, Александр Филиппенко, Александр Лазарев-мл., Нонна Гришаева, Спартак Мишулин и др.

1 ч. 31 мин.

Однажды томский писатель Юлий Буркин, работавший тогда в Алма-Ате, решил написать детскую повесть-ужастик, взяв в качестве прототипов главных героев своих сыновей — Стаса и Костю. Однако вскоре Юлий понял, что ему необходима помощь, и предложил соавторство молодому алма-атинскому писателю и журналисту Сергею Лукьяненко, главными героями книг которого тогда были в основном подростки. В результате совместного творчества появилась на свет повесть «Сегодня, мама», впоследствии ставшая началом трилогии «Остров Русь». Это был уже совсем не ужастик — наоборот, текст полон искрометного юмора, пародийных элементов, скрытых цитат. Авторы на слетах фантастов вслух зачитывали куски из еще не напечатанной повести, вызывая громкий смех слушателей.

Теперь имя Лукьяненко — хорошо раскрученный бренд, за его произведениями почти сразу начинают охотиться киношники. На волне победного кассового шествия «Дозоров» почти любой фильм, снятый по мотивам текстов Сергея, обречен на успех. И очень хорошо, что следующим «обреченным» стал фильм жанра, почти не развитого в современном российском кино, полном бандитской и ментовской крови. Детская, семейная, научная фантастика — удел давно забытого прошлого: «Отроков во Вселенной», «Большого космического путешествия», «Лилового шара» и других. В постперестроечные годы — как отрезало: дорого и, казалось бы, нерентабельно. Попытки все же были, но в картонных декорациях, на дешевой пленке, с нищим финансированием от госорганизаций и благотворительных фондов. И вот нам подарили неплохие спецэффекты, добрый юмор, захватывающие приключения, визуальную и сюжетную изобретательность, адекватную музыку. Добавим отсутствие претензий на «эстетичность», непременный хэппи-энд — и что еще надо для семейного похода в кино? «Дозоры» показали, что у нас уже можно с отдачей вкладываться в кинофантастику, «Азирис» подтвердил, что нужно, и не только во взрослую.

Тимофей ОЗЕРОВ

«ГОСПОДА, ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ИНСЦЕНИРОВКА!»

Еще не так давно этот жанр в России был известен только специалистам-киноведам. Теперь же, после неожиданного фестивального успеха одного из российских фильмов, жанром заинтересовались и простые зрители. Предлагаем небольшой экскурс в историю «мокьюментари».

Сказка, ставшая былью

«Скромный триумф» — словосочетание не из самых удачных. Однако, пожалуй, именно так можно было назвать итоги фестивального проката фильма Алексея Федорченко «Первые на Луне»*, с успехом показанного в 2005 году в Венеции (приз «Горизонты документалистики») и собравшего целый набор призов на «Кинотавре». Не в пример двум «Дозорам», ошеломляющего кассового успеха этот перл (без всяких кавычек!) нашей кинофантастики не имел и иметь не мог. Странная, имитирующая советскую довоенную кинохронику лента периферийной Свердловской киностудии не предназначалась для массовых семейных просмотров, зато сорвала аплодисменты самых строгих критиков.

«Эта постмодернистская мистификация — жанр совершенно оригинальный, выполненный с безупречной чистотой, с умом и печалью», — писал в своей рецензии Валерий Кичин из «Российской газеты». Вполне разделяя пафос этой хвалебной сентенции, все же обратим внимание на то, что ее автор испытывает некоторые сомнения по поводу оригинальности столь понравившегося ему фильма. Видимо, назвать сам фильм оригинальным ему что-то мешает, он называет оригинальным жанр — жанр «постмодернистской мистификации», и здесь тоже не попадает в «десятку». Во-первых, если уж и считать одни жанры оригинальными, а другие — нет, то любой из них, относящийся к постмодерну, неоригинален: на то и постмо-

* Подробно об этом фильме рассказывалось в «Если» № 11 за 2005 г. (Прим. ред.)

дерн, чтобы эксплуатировать опыт своих классических предшественников. Во-вторых, в международном обиходе вместо названия «постмодернистская мистификация» уже не первый год употребляется более простое, хотя и не идеальное для русского просторечья, «мокьюментари» — англоязычная жанровая «кликуха», образовавшаяся от скрещивания двух слов: *mock* (поддельная, притворная) и *documentary* (документалистика). А уж коли сам термин появился не вчера, то и обозначаемые им фильмы можно найти, по крайней мере, в конце прошлого века, а может быть, и того раньше...

Истории о том, как переписывалась история

Впрочем, как известно, сначала было слово. Без малого семьдесят лет назад, осенью 1938 года, радиостанция CBS сообщила своим слушателям, что в штате Нью-Джерси, на поле фермы Гроверс-Милл, упал странный объект, похожий на метеорит. Тех, кто не пропустил это сообщение мимо ушей, через минуту нельзя было оттащить от радиоприемника. После интервью с владельцем фермы в эфир пошел «живой» репортаж о ходе событий. Было слышно, как полиция с трудом сдерживает зевак. Назревало что-то неприятное — и вот, издав зловеющий скрежет, «метеорит»

стал уничтожать все живое смертоносным тепловым лучом. Трансляция была прервана «по техническим причинам», а выступивший сразу после этого госсекретарь США объявил о мобилизации вооруженных сил страны для борьбы с неведомой угрозой...

О том, что было дальше, можно не рассказывать. Сегодня любой школьник знает о мистификации Уэллса (Орсона), сделавшего для CBS «документальную» инсценировку знаменитого фантастического романа Уэллса (Герберта) «Война миров». Тысячи, десятки тысяч американцев приняли пьеску, разыгранную актерами театра «Меркурий», за репортаж о настоящем светопреставлении и стали в ужасе выглядывать в окна. Кстати, чтобы не слишком громко смеяться над ними, можно войти в интернет и прослушать воссозданный в цифровой записи спектакль. Несмотря на пренебрежение к реальным шумам и сложным звуковым эффектам (гул артиллерии в перестрелке с марсианами был имитирован сливом воды в унитаже), инсценировка была сделана на удивление правдоподобно.

Когда фантастическую войну миров сменила подлинная вторая мировая, своеобразной формой мокьюментари стали военно-пропагандистские фильмы, в которых под хроникку маскировались по-

становочные инсценировки. Иногда в результате этого рождались шедевры высокого реализма (английский «В котором мы служим» Ноэля Коуарда и Дэвида Лина, где на уровне документа был запечатлен героизм моряков в трюмах тонущего боевого корабля), иногда — оголтелые агитки (германский «Вечный Жид» Фрица Хипплера, смонтированный из хроники и кусков игровых фильмов).

В шестидесятые, с их модой на документализм и репортажность, игровой и документальный фильм сошлись как никогда близко. В игровых картинах появлялись «живые» интервью и куски хроники, а в документальных — целые игровые эпизоды. Если вспоминать наше кино, то колоритный пример вставок первого рода — архивные кадры пациентов психиатрической лечебницы в «Мертвом сезоне» С.Кулиша, а второго — инсценированные байки старого массажиста («Спорт, спорт, спорт» Э.Климова), вмонтированные в хронику и документальные новеллы. Но, скажем откровенно, полноценные мокьюментари в это время были редкостью. Лишь с немалой натяжкой к ним можно причислить комедию Вуди Аллена «Хватай деньги и беги» (1969), где в

документальной манере воссоздаются эпизоды жизни неудачливого мелкого воришки, его дел и отсидок. Был еще «Дневник Дэвида Холзмэна» (1967) Джима Макбрайда — довольно занудный «кинодневник» молодого американца, снимающего свою жизнь на пленку, чтобы понять ее истинный смысл.*

Но уже в 1970-х и тем более в 1980-х мистификаторы стали остроумнее и изобретательнее. Начнем с того, что в 1973 году вышел последний фильм Орсона Уэллса «Ф как фальшивка». Подтверждая свою репутацию великого иллюзиониста экрана, режиссер снял весьма загадочную ленту, где, с одной стороны, разоблачались знаменитые мистификаторы недавнего прошлого (художник Элмир де Ори, прославившийся своими подделками импрессионистов, и писатель Клиффорд Ирвинг, сочинивший фальшивую автобиографию Говарда Хьюза), с другой — создавались новые мистификации: в блестящем по своей кинематографической выразительности фрагменте Уэллс сфабриковал миф, что его возлюбленная и соавтор сценариев Ойя Кодар соблазнила Пикассо, позировала ему обнаженной для 22 портре-

* Примерно в том же контексте похожие кадры использует и Федорченко. (Прим. авт.)

тов, которые и получила впоследствии в качестве подарка.

Плодотворной темой для мистификаций стала жизнь рок-звезд. В 1979-м американцам представили «Документальную» историю квартета «Рэтлз» («Все, что тебе нужно — это «нал!»), чьи песни и эксцентричные выходы пародировали незабвенных «Битлз». Еще более известным фильмом о несуществующей рок-группе стал «Это «Спайнал Тэп» (1984) Роба Райнера. Классика мокьюментари вдоволь поиздевалась над «монстрами тяжелого рока». Смешными пародиями на рок-музыкантов дело не ограничилось. В 1977 году в США был снят телефильм «Альтернатива-3» (режиссер Дэвид Эмброуз), показывать который отказались ведущие американские телеканалы. Причина? Как утверждают, они боялись повторения истории с «Войной миров». Дело в том, что материал, стилизованный под популярную научно-образовательную программу «Сайнс Рипот», предупреждал зрителя о фатальных последствиях парникового эффекта и разрабатывающихся планах грядущей переброски земной цивилизации на Марс! Как сообщалось авторами «Альтернативы-3», для обеспечения этого проекта на Луне уже работают несколько сотен ученых, высаженных туда во время последнего секретного во-
 яжа «Аполлона».

Схожие апокалиптические мотивы преобладали в фильме «Специальный выпуск» Эдварда Цвика (1983). По сути, лента выглядела как репортаж, который ведут тележурналист и его оператор, захваченные в заложники на корабле. Требованием террористов, в роли которых выступали «чокнутые ученые», было уничтожение всех детонаторов к ядерным боезарядам в Атлантическом океане, близ города Чарлстона, Южная Каролина. В противном случае террористы грозили взорвать имевшееся у них ядерное устройство.

Нетрудно понять, что такого рода мистификации были порождены весьма актуальной для 1980-х угрозой «атомного гриба». В 1990-х этот самый гриб перестал сниться по ночам миллионам кино- и телезрителей, и для внедрения в обывательский кошмар надо было сочинить другую «правдивую ложь». О том, что для этого был найден классический рецепт с нечистой силой, знают все, кто смотрел «Ведьму из Блэр» или хотя бы слышал о ней. Учитывая, что фильм вчерашних студентов Дэниэла Мирика и Эдуардо Санчеса стал суперхитом и мировой сенсацией, собрав 200 миллионов долларов при 200-тысячном бюджете, можно спокойно утверждать — именно он и заставил говорить о мокьюментари как о новом сложившемся жанре.

То, что кто-то из наших критиков не усмотрел жанрового родства «Первых на Луне» с «Ведьмой из Блэр», в принципе, объяснимо и простительно. Темы у этих двух фильмов очень разные, да и само документальное кино, которому подражают режиссеры-мистификаторы, выступает здесь в разных ипостасях: в первом случае — как официозная архаичная кинохроника, во втором — как спонтанное любительское видео. Однако, заглянув в анналы интернета, наш критик мог бы узнать, что всего за два года до того, как Алексей Федорченко «высадил» космонавта-сталинца на Луну, туда не пустил американцев французский мистификатор Уильям Карел. Его мокьюментари «Операция «Луна» (2002) развила крамольную идею голливудского триллера «Козерог-1». Дерзкий европеец предложил нам поверить в то, что в конце 1960-х агенты ЦРУ приехали к Стэнли Кубрику и попросили великого режиссера отснять в студийном павильоне инсценировку первого полета к Луне. Прельстившись уникальным объективом («разработка Пентагона!»), предложенным ему в качестве вознаграждения, Кубрик пошел на сделку с совестью. Дабы убедить скептиков, Карел включил в свой фильм *подлинные* интервью с такими авторитетными людьми, как бывший госсекретарь Генри Кис-

синджер, министр обороны Дональд Рамсфилд и астронавт Бэзз Олдрин. Перед камерой свидетельствовала даже вдова Кубрика! Правда, кое-кто из малочерков все же мог заметить, что ответы этих известных и узнаваемых людей были не всегда пространными и конкретными, зато имена тех, кто выступал более красноречиво, подозрительно напоминали героев из картин Кубрика: Джек Торренс («Сияние»), Дэвид Боумен («2001: Космическая одиссея»), Дмитрий Маффи («Доктор Стрейнджлав»).

Правила нарушения правил

Составляя послужной список мокьюментари, убеждаешься, что этот жанр, как никакой другой, диктует режиссеру свои жесткие правила игры за гранью фола. В первых, ключевым моментом и интриги, и стилистики становится наличие некоего носителя информации (чаще всего кино- или видеопленки) с неизвестными свидетельствами о подлинных фактах и событиях. Пленка может быть обнаружена в секретном архиве, как это и случается в «Первых на Луне», или найдена в лесу, как в «Ведьме из Блэр». В 1995 году блестящую мистификацию представил тогда еще мало известный австралиец Питер Джексон («Забывтое серебро»), «обнаруживший

где-то в Китае» кинолентку первого в истории цветного и звукового фильма, датированного 1908 годом. Если «сенсационная находка» не приходит из прошлого, то она может маскироваться под современный новостной репортаж или телепередачу, однако в таком случае особенно важен факт ее показа в телеэфире. Например, когда та же «Альтернатива-3» стала прокатываться в кинотеатрах, она уже не производила прежнего эффекта. Если же авторы не работают в формате «горячего» репортажа, то тогда они должны обеспечить участие в фильме авторитетных «очевидцев», коими и являются Киссинджер и Олдрин в «Операции «Луна».

Принципиально важный момент — внятная и правдоподобная мотивировка, *кто и при каких обстоятельствах* снимает фильм. Федорченко не просто говорит нам, что кадры подготовки и личной жизни будущих космонавтов были сняты операторами ОГПУ, в том числе скрытой камерой, но и демонстрирует нам эту камеру «системы СК-29», размером с пачку папирос. Операторами в «Ведьме из Блэр» выступают сами герои — Хизер и Майкл, фиксирующие на видео и 16-миллиметровую кинолентку свои блуждания в лесной чаще. Документальная природа этой съемки передана очень точно (дрожащая камера,

нерезкое изображение, импульсивный речевой поток героини, в котором преобладает слово «fuck»). Все это дает ощущение «спонтанной реальности», если бы не одно «но»: любой мало-мальски образованный зритель никогда не поверит, что смертельно уставшая, доведенная до истерики и даже шока Хизер продолжает методически снимать свое видео. В этом смысле логично поступают Вернер Херцог и Зак Пенн, предусматривая в сценарии фильма «Инцидент на Лох-Нессе» (2004) присутствие двух съемочных команд: одна во главе с самим Херцогом надеется снять на пленку лох-нессское чудовище, другая снимает фильм о Херцого, который снимает фильм о лох-несском чудовище.

Если зрителю изначально дают понять, что все показываемое на экране — вымысел, мокьюментари теряет львиную долю своего эффекта. К примеру, одновременно с «Ведьмой из Блэр» в американский прокат вышел фильм «Брачные игры земных обитателей» Джеффа Абугова, настоящим автором которого (по сюжету) выступал инопланетный антрополог. Картина удостоилась похвал за смачный юмор и умелое подражание туповатым «санпросветфильмам» 1950-х, в духе которых трактует земную любовь пришелец из космоса, но воспринимать

ее как мистификацию, разумеется, никто и не подумал.

По тем же соображениям трудно причислить к чистокровным мокьюментари те антиутопии, которые как бы смотрят на наш сегодняшний мир глазами документалиста из будущего. Большинство из них — по-настоящему талантливые и социально-значимые фильмы-предостережения, в которых прогнозируется все та же ядерная катастрофа («Игра в войну» Питера Уоткинса, 1965) или транспортный коллапс на Британских островах («День, когда Британия остановилась» Габриэла Кэнге, 2003). В телефильме «Нефтяная буря» (2005, режиссер Джеймс Эрскин) показаны картины того мрачного будущего, которое может наступить для Соединенных Штатов не в ближайшие годы, а... в ближайшие месяцы. Нефтедобывающие платформы и терминалы в Мексиканском заливе сокрушены мощным ураганом; теракт в Саудовской Аравии привел к резкому падению добычи на местных нефтепромыслах; Россия предпочитает продавать нефть Китаю; галлон бензина стоит 10 долларов, а до ближайшей действующей бензоколонки надо проехать 20 миль. Массовая безработица, обвал биржи, стихийное переселение из городов в сельскую местность — все это смонтировано в основном из архивной кинохроники, с

минимумом досьевок. Обсуждая этот фильм, американцы до хрипоты спорят в интернете («что делать Бушу?»), и все же никто из них не бежит с пустой канистрой к источнику драгоценного топлива.

Есть еще один важный момент. Оставаясь провоцирующе-достоверной по форме, мокьюментари должна быть при этом занимательной и интригующей по содержанию. Более того, в идеале она должна опираться на какую-то совершенно фантастическую идею или гипотезу. Захватывающий драйв «Первых на Луне» и объясняется тем, что тяжеловесный материализм сталинской кинохроники переплетается с легкомысленным приключенческим сюжетом в духе барона Мюнхгаузена: первый космонавт Иван Харламов достигает Луны, потом приземляется в Чили, затем переплывает на лодке океан, пешком пересекает Китай, сидит в читинской психушке и заканчивает жизнь где-то в российском захолустье, под присмотром любящей жены. В «Ведьме из Блэр» возникает настоящий хичкоковский саспенс, построенный на том, что в реальном, блеклом и совсем не экзотическом лесу, как плоть от его плоти, возникает атрибутика фильмов о дьявольщине (фигурки культа вуду на деревьях, заброшенный дом, следы кровавой мессы). В ленте нет цветистой бу-

тафории, но из-за этого она становится еще более жуткой. «Инцидент на Лох-Нессе» мог бы быть всего лишь забавным кинопортретом Вернера Херцога, однако легендарное чудовище действительно всплывает (!), добавляя остроты и напряжения в иронический сюжет.

Кстати, ирония и юмор — органичные составляющие стиля мокьюментари. Это блестяще продемонстрировано все теми же «Первыми на Луне», где архивная кинохроника монтируется по принципу иронического подтекста, а в лице одного-единственного персонажа — космонавта-лилипута — представлена целая комическая палитра, от юмора буффонады до горького сарказма. Правда, в фильмах Вуди Аллена («Хватай деньги и беги», «Зелиг») пародийно-сатирическая нота настолько сильна, что забивает саму документальную природу мокьюментари. Мокьюментари — это фантастика, ирония и даже секс, но в строго дозированных пропорциях. Присутствие «сталинской валькирии» — Надежды Светлой — в «Первых на Луне» или фигуристой топ-модели Китаны в «Инциденте на Лох-Нессе» добавляют в стилевой коктейль фильмов ровно столько эротичности, сколько нужно для сохранения жанрового естества. И от этого фильмы только выигрывают.

«Не путайте подделку с фальшивкой!»

Мокьюментари не надо путать с другим весьма распространенным жанром документального кино, а именно фильмом-гипотезой, или фильмом-расследованием. Главное различие мокьюментари и фильма-гипотезы в том, что, если в первом случае игровое кино притворяется документальным, то во втором главным притворщиком становится сама реальность перед кинокамерой. Применительно к кинофантастике это прекрасно демонстрируют многочисленные документальные фильмы о космических пришельцах и НЛО. Не возвращаясь к самым старым примерам, вроде одиозных мистификаций Эриха фон Деникена («Воспоминания о будущем»), возьмем в качестве примера вполне добротный английский телефильм «История НЛО: правда и мифы» (1993), не раз показанный и по нашей телевидению. Рассказывая о серии таинственных инцидентов в районе британского городка Бэнд-Уотерс (1980 год), создатели фильма, казалось бы, просто заваливают нас *документальными свидетельствами* ночного визита неведомых летательных аппаратов. Действительно, мы очень скоро начинаем верить в то, что декабрьской ночью в небе над базой британских ВВС поплыли яркие разноцветные огни, на землю

протянулись лучи лазеров, а местные жители подверглись какому-то неведомому воздействию.

Но стоит проанализировать, как мы получили эту информацию — и она уже не покажется такой очевидной. Ведь главным источником сведений о появлении НЛО становится звучащее слово — закадровый текст или воспоминания свидетелей (сразу скажем, не слишком оригинальные и богатые на подробности). Есть еще какие-то весьма неразборчивые «подлинные» фонограммы и выписки из протоколов служебного расследования — опять-таки слова, и более того, общие слова. Если же доверять глазам, а не ушам, то узнаем мы только то, что лесные заросли и казенные постройки, снятые «рапидом», вирированные в синеватую или розоватую тональность и озвученные мистической музыкой, могут выглядеть очень загадочно. Добавим, что ни эпоха любительских видеокамер, ни последовавшая за ней эра мобильных телефонов с функцией видео (которые под рукой даже в туалете, не то что на ночной прогулке) прорыва в визуальный ряд фильмов-гипотез пока не привнесли. И если документальные фильмы об НЛО не пользуются сплошь и рядом актерской инсценировкой, как это делают всевозможные криминальные расследования и исторические реконструкции, то

это надо объяснять лишь малой значимостью в них человеческого фактора.

В отличие от настоящей документалистики, в мокьюментари наличие инсценировок, подтасовок и откровенных фальсификаций не может дать повода к упрекам в мошенничестве. Рано или поздно, с помощью иронического намека или финальных титров, режиссеры-мокьюментаристы расписываются в том, что «в любой правде есть доля шутки». Ведь даже Орсон Уэллс, совершив переполох своей радиопьесой, поспешил сделать чистосердечное признание: «Господа, это всего лишь инсценировка!».

Другое дело, что порой само время, завидуя мистификаторам, начинает вытворять с их фильмами новые проделки: титры смываются, рулоны в коробках перепутываются, «сказка» становится «былью». Поэтому нельзя исключать, что лет через сто или двести благодарные потомки установят бронзовый бюст на родине первого в мире космонавта Ивана Харламова, а режиссер Вернер Херцог будет назван всего лишь «немецким естествоиспытателем, доказавшим возможность выживания юрских ящеров в пресноводных водоемах со средним уровнем загрязняющих примесей».

Дмитрий КАРАВАЕВ

Т О М П А Р Д О М

БАНКИР

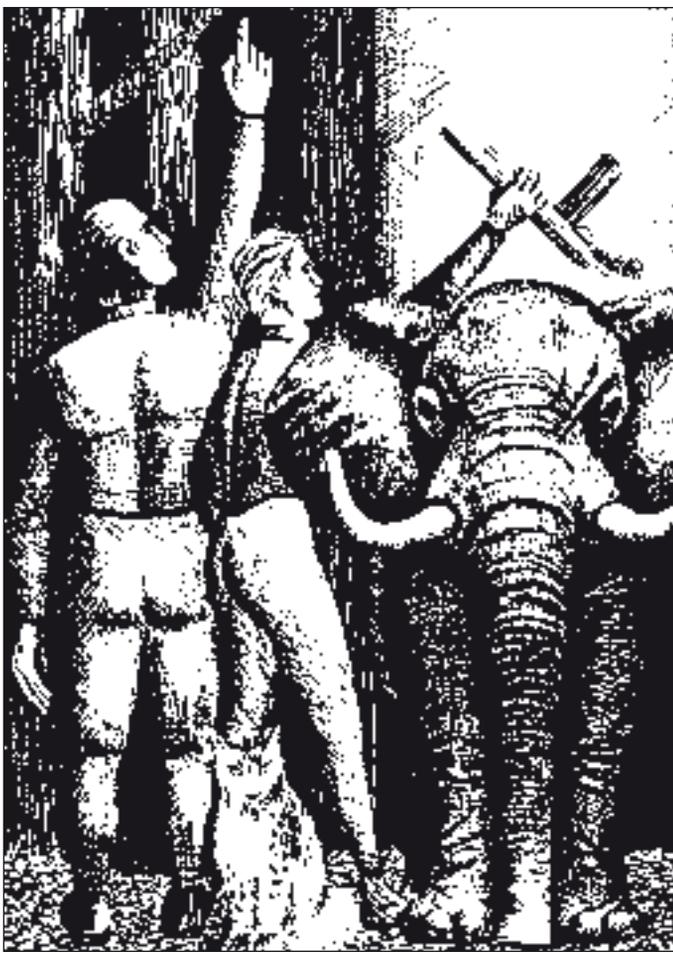

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

В БЕГАХ

Как всегда Сэйбор был сосредоточен на двух своих главных увлечениях. Одной половиной его существа владела конкубина*, другой — анализ операций на финансовых рынках. С личным помощником и конкубиной он находился в пассажирской каюте, когда обнаружилась погоня. Чой молча положил руку ему на плечо и указал в задний иллюминатор. Сэйбор затемнил столбцы цифр, проплывающих перед его глазами. Дисплей, имплантированный в глазной нерв, разворачивал изображение непосредственно в поле зрения.

Догонявший их винтовой пароход двигался в три раза быстрее, чем колесный транспорт на солнечных батареях, увозивший Сэйбора и двух его спутников вниз по озеру.

На палубе судна-преследователя выстроились шеренгой шесть солдат. За ними возвышались два сержанта-исполина. Их униформа цвета хаки подчеркивалась коричневыми ремнями и касками. Это был деловой стиль от одного из самых дорогих кутюрье планеты.

Браслет Сэйбора — системный блок — запустил банковскую программу. Дисплей показал итоги утренних торгов на бирже ссудного капитала. Биржевые результаты Сэйбор лично анализировал дважды в день на предмет неприятных сюрпризов, преподнесенных конкурентами.

Его конкубина Вейли уже активировала свой дисплей.

— В четырех километрах отсюда находится рыбопромысловая коммуна Гелавэр, — сообщила она. — Ты финансировал строительство у них дамбы и большую селекционную программу. Их ополчение отлавливает браконьеров и проводит спасательные операции. Возможно, они согласятся прислать нам на помощь патрульную группу.

Сэйбор свернул итоги торгов и вызвал данные по кредитным счетам коммуны.

— Я переговорю с капитаном. А ты попробуй связаться с их чиновниками.

Капитан транспорта — высокая, стройная женщина, спокойная и рассудительная — водила суда уже восемнадцать лет, но больше была известна как член одного из лучших клубов водной охоты на озере.

— Боюсь, я могу доставить вам неприятности, — начал Сэйбор, входя в рубку. — Поднявшись на борт, я зарегистрировался под псевдонимом. Мое настоящее имя — Сэйбор Хэйвери. Я владелец банка, который открыл вашей компании кредитную линию.

Капитан встала, вопросительно глядя на него.

* *Конкубина (англ.) — любовница, иногда младшая жена. (Здесь и далее прим. ред.)*

— У меня возникли проблемы с моим весьма неблагодарным клиентом, — продолжал Сэйбор. — Его горячее желание получить очередной заем я по ряду причин счел авантюрным. Тогда он попытался силой заставить меня выдать ему этот кредит, и я решил, что будет лучше на время скрыться. К сожалению, сейчас он преследует меня на пароходе.

Капитан переключила внимание на свой дисплей. Затем, сдвинув брови, сказала:

— Полагаю, что должна узнать имя вашего клиента, благородный Сэйбор.

— Посessor Кензан Хан. У него на борту восемь солдат. Я буду признателен, если вы поможете отбиться, когда они попытаются взять нас на бордаж.

— С командой из одного человека?

— У меня есть все основания полагать, что очень скоро мы получим вооруженную поддержку от ополченцев коммуны Гелавэр. Мой личный помощник обладает рядом полезных навыков, и, могу заверить, я сам тоже не совсем бесполезен. Если, наконец, и вы окажете помощь, то мы сможем сдерживать противника, пока наши друзья из коммуны не придут на выручку.

Капитан пристально смотрела в окно. В эти последние дни осени поверхность озера была темной и волнистой.

— Ненавижу мелодрамы, — продолжал Сэйбор, — но совершенной финансовой системе нашей планеты грозит опасность. Кензан психически неуравновешен. Если он захватит меня и возьмет под свой контроль мои финансы...

— Большинство моих боеприпасов паралитического действия. Этого будет достаточно?

— Лишь бы не попасть ему в руки. Убивать солдат вовсе не обязательно.

Вейли стояла у заднего иллюминатора каюты и смотрела, как пароход преодолевает разделявшие их последние двести метров.

— Ну, и как прошел чат с коммуной? — спросил Сэйбор. — Они стоворчивы?

Формируя Вейли, генные инженеры сначала создали сочную, привлекательную, невероятно сексуальную женщину. Затем они обогатили первоначальную конфигурацию, добавив высокий процент интеллекта и расширив аспекты ее генома, влияющие на гармоничность и грациозность. Результатом стала комбинация элегантности, ума и сладострастия, отвечавшая эротическим, эмоциональным, эстетиче-

ским потребностям, обнаруженным у Сэйбора при анализе профильных тестов заказчика. Она была его помощником по административной работе, помимо выполнения других своих функций. Вейли и Чой составляли его постоянный штат.

— Я переговорила с референтом главного координатора, — ответила Вейли. — У меня есть чувство, что они будут торговаться.

Сэйбор уставился на приближающийся пароход. По обоим проектам, которые он финансировал, коммуна Гелавэр торговалась до последней сотой процентного пункта.

— Солдаты, которых ты видишь, принадлежат полковнику Джайне, — сообщила Вейли. — Их мы сможем сдерживать семь—девять минут, не более.

— Даже если я введу тебя в качестве сюрприза?

— Да.

— Похоже, придется применить мое умение тянуть время. Передай главному координатору, что я хочу с ним поговорить. И попробуй соединить меня с нашим другом полковником.

Самой замечательной чертой полковника Джайны была его улыбка на круглом добродушном лице. Полковник был энергичным и спортивным. Через секунду его изображение появилось в поле зрения Сэйбора.

— Доброе утро, благородный Сэйбор. Какое удовольствие слышать вас.

— Насколько я понимаю, меня преследуют ваши солдаты, полковник.

— Я послал самых лучших. У них приказ взять транспорт на abordаж и арестовать вас.

— Я изучил ваш прайс-лист и готов предложить на 50 процентов больше, чем вам обычно платят.

Полковник насупился. Сожаление вытеснило улыбку.

— Боюсь, я не смогу рассмотреть ваше предложение. Понимаю вашу заинтересованность, но я не меняю своих решений, когда мой личный состав уже введен в действие. Репутация надежного партнера — мои главные деловые активы.

— Я понимаю, полковник. Однако я хотел бы предупредить вас, что ситуация не столь однозначна, как кажется. У меня тоже есть некоторая возможность применить насилие.

Чой энергично баррикадировал мебелью бортовые иллюминаторы каюты. Они с Вейли уже надели защитные костюмы и шлемы. Сэйбор тоже влез в костюм, но шлем отложил в сторону.

Вейли ткнула пальцем воздух перед собой. Сэйбор кивнул, и изображение на его дисплее разделилось надвое. Худощавый мужчина в

деловом костюме занял левую секцию. Субтитры сообщили, что это главный координатор Гелавэра.

— Доброе утро, благородный Сэйбор, — начал главный координатор. — Мой референт сообщил, что вы просили о содействии.

— Мой заказчик предупредил меня, что вы, вероятно, окажете сопротивление, — продолжал полковник Джайна. — Я принял это в расчет, когда отправил полностью снаряженную команду. Вы можете сдаться немедленно или мы арестуем вас через пять минут, начиная с этой.

Внимание Сэйбора раздвоилось. Его коммуникационный имплантант начал автоматическое переключение программ. Он передавал изображение в реальном времени непосредственному собеседнику Сэйбора, а второй участник в этот момент видел временную имитацию.

Беседа с главным координатором была, по существу, обычными деловыми переговорами. Координатор подтвердил готовность противостоять каждому, кто нападает на честных граждан, торгующих на озере. Он даже разрешил Сэйбору и его спутникам сделать короткую остановку на территории коммуны, если беглецы решат вопрос с посланцами полковника Джайны. Но у координатора были и другие вопросы.

— Кое-кто в Гелавэре высказывает мнение, что мы могли бы рефинансировать наш основной кредит, благородный Сэйбор. Вы, возможно, слышали об интересном крабовом проекте. Мы пытаемся добиться эксклюзивных прав на репродукцию крабов. Цифры показывают, что наше положение упрочится, если мы сможем сократить издержки по обслуживанию текущего долга.

С полковником Джайной Сэйбор сконцентрировался на высоких материях и поглощающих время дебатах.

— Ваш заказчик подвергает опасности совершенную финансовую систему нашей планеты. Кензан — одна из самых финансово безответственных личностей, с которыми мне приходилось работать. Если он возьмет под контроль мой банк, то выкачает все ресурсы и тем самым запустит неуправляемую реакцию разрушения финансовой системы в целом. Крах моего банка вызовет страшный резонанс.

— Я разделяю ваше беспокойство, — отвечал полковник Джайна. — Но только, по моему разумению, есть еще три других банка с такими же обширными активами, как и ваши.

Пароход подтянулся на уровень иллюминаторов правого борта. Солдаты все еще стояли в парадном строю.

— И все они связаны друг с другом, — парировал Сэйбор. — Если один из нас рухнет, это приведет к гибели остальных. Взаимодей-

ствие в финансовой сфере можно сравнить лишь с комплексом связей в экологической системе.

Шестеро рядовых начали проверять оружие.

— Я принимаю во внимание вашу готовность помочь нам, — подвел черту координатор. — Наши спасатели доберутся до вас приблизительно через семь минут.

Трещина зазмеилась через стекло перед самым носом Сэйбора. Тучи активных частиц вынесли все стекла. Прохладный осенний воздух наполнил каюту.

Сэйбор распластался, лишь только увидел первую трещину, и пополз к баррикаде, которую нагромоздил Чой.

Чой и Вейли лежали за баррикадой и отстреливались. Сэйбор схватил приготовленный для него автомат и тоже начал стрелять короткими очередями.

Противопехотные боеприпасы содержали микроскопическое количество вещества, поражающего центральную нервную систему. Программа, встроенная в солдатскую униформу, использовала защитные молекулы, нейтрализующие проникшее парализующее вещество. Целеустремленная атака могла за несколько минут подавить защитные молекулы и убрать солдата с линии огня. Огонь противника прекратился так же неожиданно, как и начался.

— Они уходят, меняют курс для следующей атаки, — объяснил Чой.

— Сделай одолжение, — обратился Сэйбор к конкубине. — Выясни, что за груз везет сей плавучий дворец. Возможно, если мы найдем там что-то интересное, наша дама-капитан согласится с ним расстаться.

На дисплее Сэйбора немедленно появился полный каталог груза судна с приложением контрактов.

Самый объемистый пункт в списке занимал контейнер, содержащий керамические микроволновые рецепторы. Последний звездолет, вышедший на орбиту Фернхейма, в числе всего прочего доставил и пассажира, который привез программу производства наиболее продвинутой модели в Солнечной системе. Рецепторы улавливали на 15 процентов больше энергии, что делало их самой конкурентоспособной моделью на планете, где все еще использовалось ископаемое топливо.

Рецепторы занимали большую часть грузового объема. Остаток груза состоял из малых партий предметов роскоши. Мясо натуральных животных. Виноградное вино. Девять золотых лебедей.

— Мы можем использовать этих птичек для отвлечения противника, — сказал Чой. — Все, что мне нужно, это коды активации.

Сэйбор связался с капитаном.

— Я хотел бы купить ваш груз. По моим данным, он стоит триста шестьдесят тысяч. Я добавляю 10 процентов.

— Чтобы облегчить судно?

— Да.

— Это даст выигрыш не более узла. Учитывая наше настоящее местоположение...

— Наше положение таково, что каждая секунда на счету.

— Смею уточнить — ваше.

— Мне нужны коды активации и контроля для декоративных лебедей. Пожалуйста, передайте их Чою, моему помощнику.

Сэйбор сгреб в сторону обломки мебели, освободив люк в середине каюты.

Освещение включилось сразу же, как только они протиснулись в люк. Контейнер с рецепторами занимал почти половину трюма. Девять лебедей стояли на поддоне с низкими перилами ограждения. Остальной груз был упакован в аккуратные коробки.

Чой подошел к лебедям и активировал их командой со своего коммуникационного имплантанта. Перья птиц сияли чистым золотом. Световые волны пробегали по их телам, когда они вытягивали шеи и хлопали крыльями. Чой подождал, пока пароход завершит маневр. Лебеди неуклюже двинулись к погрузочному люку в борту транспорта. Их огромные крылья били по воздуху. Чой проводил птиц через бортовой люк, они набрали высоту и сверху ринулись на вражескую палубу.

Капитан парохода выжал все возможное из своих угольных топок. Преследователи сумели быстро отойти, развернуться, догнать транспорт и подойти с другого борта параллельным курсом. Расстояние между судами быстро сокращалось, оставалось всего метра три.

Солдаты с автоматами на изготовку построились у десантного порта. Они приготовились прыгать, как только борта сойдутся достаточно близко.

Девять лебедей закрыли их шлемы покровом бьющих крыльев.

Солдаты среагировали с безжалостным хладнокровием, встроенным в их личности. Отставив оружие, они руками начали ловить птиц и сворачивать им шеи.

— Пусть капитан приоткроет правый загрузочный люк, — сказала Вейли. — Достаточно, чтобы выскочить.

Люк заскрипел, открываясь, и они начали бить по противнику. Им пришлось стрелять вверх под крутым углом, но любое попадание в защитный костюм значительно снижало его сопротивляемость.

Мертвые лебеди падали в воду перед Сэйбором. Прогал между двумя судами сужался. Над беглецами вырастал борт парохода. На дисплее Сэйбора всеведущий глаз электронной системы представил ему пессимистичную картину. Три солдата выбыли из строя и приводили в порядок защитные костюмы. Два лебедя еще сопротивлялись безжалостным рукам, сжимавшим их шеи.

Три солдата прыгнули через прогал между судами. Ботинки тяжело грохнули по палубе над головой Сэйбора. Он заспешил на палубу с автоматом в руках.

Вдруг солдаты открыли беспорядочный огонь. Дисплей среагировал на изменение внимания Сэйбора и представил ему две фигуры в облегających гидрокостюмах, перелезающие через борт на палубу. Еще два человека вплотную следовали за ними. Из воды, всего в нескольких метрах от корабля, три егеря верхом на тюленях поливали солдат длинными очередями.

— Если уж я заказывала себе сына, неумного и предприимчивого, — говорила Сэйбору мать, — то не удивляюсь, когда он заявляет мне, что хочет оставить двадцать два световых года между собой и всеми удовольствиями, которыми наслаждался с тех пор, как его глаза впервые увидели свет.

— Удовольствия, которые я оставляю позади, неизменно связаны с моей семьей, — ответил Сэйбор. — Единственная разница между кораблем и домом, который я имею честь разделять с тобой и моими сестрами, в том, что корабль удаляется от Солнца, а не обращается вокруг него. У нас еще будут фабрикатеры, когда мы достигнем Фернхайма. Первая вещь, которую я собираюсь на нем произвести после высадки на планету, это бутылка нашего любимого «Талини».

Сэйбору было пятьдесят два, когда он сообщил эту ошеломляющую новость. Мать царствовала в их семейном предприятии уже почти столетие. Миллиарды их нейлов и юри совершали оборот в поселениях на Поясе астероидов каждые стандартные 24 часа.

Сэйбора всю его жизнь окружали изысканная музыка, приличное общество и атмосфера дружелюбия. Алахара был одним из приятнейших городов на Поясе астероидов — «многоквартирный дом», населенный десятью тысячами людей, которые все состояли на службе их финансовой империи. Сэйбор в совершенстве освоил три музыкальных инструмента, в равной степени блистал способностями как в технике, так и в искусстве и при этом бездельничал, меняя конкубин по достижении ими соответствующего возраста. О семейном доходе заботились мать и старшие сестры.

Это было время, когда мечтатели считали, что фабрикатеры сделают банки ненужными. Нажмешь правую кнопку — и волшебный ящик сотворит по твоему хотению ароматное жаркое. Наберешь другую комбинацию цифр — и вот тебе отштампована мебель для жилища, одежда для тела и игрушки для досуга, подаренного тебе жизнью. И к чему теперь какие-то деньги?

К счастью, на деле все оказалось не совсем так. Фабрикатеры уже два века относились к разряду обычной бытовой техники, а семья Сэйбора все еще занималась своим традиционным бизнесом. Хотя, конечно, поначалу внедрение фабрикатеров подорвало экономическую систему Земли. Меньше чем за месяц оно спровоцировало массовую катастрофическую дефляцию. Цены и доходы упали на 70 процентов. Но когда турбулентность процесса спала, семья Сэйбора все так же продолжала выдавать кредиты и отщипывать прибыль от микроэкономических колебаний процентных ставок.

Фабрикатеры могли снабжать вас всем необходимым по смехотворно низким ценам, но они сами нуждались в энергии и сырье. Им требовалось программное обеспечение и время на инсталляцию программ. Кроме того, существовали вещи, которые были неподвластны даже лучшим из машин. Фабрикатеры не формировали социальный статус. Они не могли заниматься генетическими манипуляциями, не способны были к созданию таких ярких индивидуальностей, как Вейли и Чой. А главное, фабрикатеры не умели анализировать и не имели творческой фантазии. Они не разрабатывали собственные программы. Они не могли прогнозировать развитие потребительского спроса.

— Деньги, — любила напоминать сыну Рейли, — чрезвычайно иррациональны. Они имеют ценность только потому, что люди согласны считать их ценностью.

Она разместила два миллиона юри на счетах Сэйбора, когда тот основал свое предприятие, нанял персонал и зафрахтовал звездолет для продажи товаров, услуг и продвижения кредитов в далеких колониях человечества. Сэйбор акцептовал ее чеки, когда через три периода сна и четыре периода активности совершил посадку на Фернхайме. Он смог акцептовать и дополнительные суммы, которые мать отправила маниграммой уже после его высадки на планете. Тот факт, что каждое финансовое поручение преодолевало двадцать два световых года, не имел существенного значения. Человеческое общество нуждалось в дееспособной монетарной системе. Точно так же он перевел матери деньги в возмещение ее расходов.

— Я была бы плохой матерью, если бы не потребовала своей доли, — учила его Рейли сквозь световые годы. — Я всего лишь пред-

писываю тебе финансовую дисциплину, которую соблюдаю сама и которую диктует финансовая система человечества.

Сэйбор вернулся в каюту и свалился в углу сразу после того, как транспорт лег на прежний курс. Вейли протестировала судовой фабрику и заказала тонирующий напиток.

Гвардию полковника Джайны избавили от снаряжения и оружия и разместили на палубе парохода. Судно само должно было развернуться и отправиться назад вверх по течению на автопилоте. Главный координатор сообщил полковнику, что тот может забрать снаряжение своих солдат через два дня безо всякого выкупа и возмещения убытков.

— Мы стараемся поддерживать хорошие деловые отношения с полковником, — объяснил он Сэйбору. — Мы сами пользуемся его услугами, когда нанимаем вооруженную охрану для наших судов с ценным грузом.

Вейли протянула Сэйбору чашку. Он показал ей три пальца:

— У нас три проекта, которые мы обязаны продвигать одновременно. Мы должны собрать дружественные нам банки в единый фронт, мы должны найти слабое место, которое могли бы использовать, и мы должны подготовиться к временному проживанию в диком вельде во всей его первозданности. Я начинаю работать над первым пунктом, а ты займись двумя другими. Организуй нашу «туристическую» поездку, как только мы будем полностью экипированы.

Вейли свернулась со своим дисплеем:

— На целую коммуну у них всего лишь восемь маунтов.

— Попробуй купить еще четырех. Я хотел бы располагать некоторыми удобствами.

Напиток приятно разливался по мышцам и нервам Сэйбора, пока он сочинял послание трем своим коллегам.

«С сожалением вынужден сообщить вам, что я отразил вооруженное наступление, профинансированное посессором Кензаном. Я уверен, что нам следует немедленно приостановить все деловые отношения с Кензаном. В ближайшее время я подвергнусь новой атаке и считаю, что недвусмысленная демонстрация единства абсолютно необходима. У Кензана давняя вражда с посессором Добрянни. Он собирается нанять сотню солдат и требует, чтобы я профинансировал эту операцию. Я решил отказать. Я профинансировал его неводержанность с тех самых пор, как он получил свою посессию*. Я выбрал все лимиты. Мы должны дать решительный отпор».

* От лат. *possesio* — владение. *Посессор* — владелец.

Приложение содержало заявление координатора Гелавэра, видеозапись столкновения с вооруженным отрядом полковника Джайны и копию ультиматума от Кензана, заставившего Сэйбора срочно эвакуироваться из своих апартаментов в Тэйл-Харбор.

Не в обычае Кензана было прибегать к каким-либо просьбам. Смысл его послания сводился к потоку угроз. Посессор Добряни не противостояла ему только потому, что хотела того же, чего и он. У нее была злорадная натура и желание контролировать каждый клочок еще не колонизованной земли на планете.

«Всем известно, кто она такая, Сэйбор, — провозглашал Кензан. — Я защищаюсь от ее атак с того времени, как стал наследником своего дяди. Время колебаний и шуток прошло. Дай мне то, что я прошу, или я возьму сам. А заодно и все остальное».

Кензан оформил сообщение так, что его лицо появлялось и выкрикивало текст в лицо получателю. Подростковая выходка, но она сработала. Кензан был на две головы выше Сэйбора и гораздо массивнее. В последнее время он перестал заботиться о своей физической форме. Он компенсировал это тем, что носил просторные одеяния, скрывающие брюхо. Всклоченная черная борода прикрывала толстые щеки и двойной подбородок. Со своими многочисленными конкубинами Кензан обращался как с наложницами и не более.

Его дядя, предыдущий хозяин посессии, был убит наследником, который только и знал, что набивал брюхо, бросал объедки домашним любимцам и влезал в долги для удовлетворения своих самых изощренных фантазий.

Банкетный сад Кензана был больше любого игрового поля. В его загонах содержалось две сотни дорогостоящих верховых животных, выведенных биоинженерами.

Междоусобица Кензана и Добряни началась, когда последняя выкрала геном одного из ценных мясных животных. Кензан выкупил эксклюзивные права на этот геном у эмигранта, навсегда покинувшего Солнечную систему. Кензан отомстил Добряни, расположив титановый рудник так, что промышленное предприятие портило вид из окон любимейшей виллы Добряни.

На Фернхайме не было центрального банка, но четыре ведущих банкира старались следовать общепринятым правилам. Сэйбор поддерживал резервы, равные 18 процентам его кредитов — консервативный выбор, основанный на суровых традициях его семьи. Другие три фаворита резервировали от 12 до 15 процентов. Сэйбор брал займы у остальных, когда его резервы падали ниже минимума, и, в свою оче-

редь, кредитовал партнеров, когда средств не хватало им. Деньги курсировали между четырьмя банками в непрерывном, бесконечном акте балансирования, в краткосрочных ставках процента, в программах, продаваемых за тысячные доли процентного пункта. В настоящий момент Сэйбор задолжал Генриху Добблю почти восемь миллионов юри по средней процентной ставке 2,116. Другие два банкира должны были Сэйбору двенадцать миллионов.

Дисплей представил ему стандартное деловое изображение Генриха через двенадцать минут после того, как Сэйбор отправил тому сообщение. Как обычно, Генрих стоял по стойке «смирно», одетый в черное, воротник-стойка придавал ему строго официальный вид.

— Я уже видел отчет об атаке, — сообщил Генрих.

— Должен признать, Кензан застал меня врасплох. Я покинул свое жилище в целях предосторожности, чтобы дать ему время остыть.

— Сколько он протянет, если мы применим процедуру замораживания его счетов.

— От двух до четырех декад. Но замораживание лишь первый шаг. Надеюсь, что смогу нейтрализовать его через три-четыре дня.

— Нейтрализовать?

— Напрочь. Он расточитель. От по-настоящему сильного удара ему не оправиться.

— Если он раньше не возьмет тебя под свой контроль, Сэйбор.

— Я уйду в вельд. Пусть поищет меня. А потом попробует поймать.

Генрих нахмурился:

— Сколько ты собираешься торчать в вельде?

— В течение двадцати стандартных лет я организовывал туда экспедиции. Наверное, я понимаю требования выживания уже лучше, чем некоторые бездельники, которых я финансировал.

— А ты не хочешь нанять полсотни солдат и выстроить оборонительные сооружения?

— А где я построю мою временную крепость? Главный координатор разрешил мне высадиться в Гелавэре. Но он не сказал, что я могу там остаться. Мы оперируем случайными силами, Генрих. Кензан атакует меня, даже если будет знать, что я разобью его с пятикратным численным превосходством. А место, подобное этой коммуне, он ввергнет в бедствия.

— Нелогичность Кензана — один из факторов, который я учитываю. Я сам могу оказаться в очень непростой ситуации, если выступлю против него, а он возьмет твои ресурсы под свой контроль.

— Но ты можешь оказаться в еще худшем положении, если я ус-

туплю его требованиям. Вымогательство — его тактика, и останавливаться он не намерен.

— Я способен позаботиться о себе сам, Сэйбор. И я оставляю за собой право пересмотреть свой выбор. В любое время.

Они вышли в вельд через пять часов. Двенадцатиметровый электрический барьер отделял колонизованную территорию от вельда — местной экосистемы. На цивилизованной стороне их окружали кусты роз, огороды и виноградники. На дикой стороне за преградой частоколом торчали стволы деревьев. Холодное осеннее солнце рассеянно пробивалось сквозь листья, которым скоро предстояло стать белыми и полупрозрачными перед сменой сезонов. На деревьях Фернхайма листья росли мельче и бледнее, чем на ветвях их земных сородичей. Видимо, как результат очень короткого года планеты. Каждый организм на Фернхайме ускорялся в зависимости от местных сезонов.

Шлюз у основания барьера был узким. Маунты протиснулись в него по одному. Первым ехал Чой, за ним Сэйбор. Маунты были выведены путем уменьшения размеров земных слонов и смягчения их темперамента. Маунт Сэйбора едва доставал ему до макушки, но широкая спина и колоннообразные ноги животного легко выдерживали и седока, и его поклажу. Четвертый маунт нес запасной фабриктор, дополнительное оборудование к нему и двенадцать бутылок вина, купленные Сэйбором в коммуне.

Сэйбор подключил свой дисплей к дисплею Вейли. Он мог параллельно отслеживать экспертизу финансового положения Кензана, сосредоточившись на своем бизнесе, как всегда запутанном. Половину дисплея занимала диаграмма подъемов и спадов на высокопродуктивном планетарном рынке. Вторая половина представляла ему усилия Вейли по распуtywанию паутины займов и расходов экономической жизни Кензана.

— Есть моменты, когда ограничение скорости света имеет свои преимущества, — сказал Сэйбор. — Могу представить лицо моей матушки, узнай она, что я ссудил живыми деньгами заемщика с таким балансовым отчетом.

Туча птиц окружила маунта Сэйбора, как только он протиснулся через барьерный шлюз. Трепещущие тела ударились в прозрачный купол кабины. Стаи нелетающих птиц стремглав разбегались из-под тяжелых ног маунтов. Бледные листья создавали неуловимую инопланетную атмосферу, которую многие сочли бы тревожной.

Вспомогательный интеллект Сэйбора поставлял ему информацию о птицах и различных видах деревьев, часть этой информации собра-

ли экспедиции, которые он финансировал. Большинство колонистов на планете были в первую очередь озабочены устройством своего очага, и лишь немногих привлекала возможность изучения новой биологической системы.

Человечество обнаружило жизнь на четырех отдаленных мирах. Два — с параллельной эволюцией, формы жизни напоминали аналогичные в истории Земли. Фернхайм был одним из параллельных миров, но со своими особенностями. Земля никогда не проходила через эру господства птиц. Фернхайм достиг этой эволюционной ступени, миновав эру гигантских рептилий. Открытие внесло переполох в ряды эволюционистов, как только первые данные об ископаемых окаменелостях стали просачиваться через Солнечную систему.

Вейли установила связь каждого займа Кензана с соответствующими статьями его расходов. Она начала с тщательного анализа расчетов Кензана с Сэйбором. Отсюда она перешла к общественным архивам. Кензан любил хвастать. Публичные базы данных содержали информацию о каждой партии фуража для любимых скакунов, женщине или грандиозном шоу. Богач жил в долг.

Сэйбор активировал высокоуровневый поиск. До сих пор он только слышал об одном из четырех банкиров. Ар Бадов ограничился лаконичным ответом: «Окажу полную поддержку. Не подведи нас». Ар Бадов был первым банкиром планеты. У них с Сэйбором началось глубоко личное соперничество с того самого момента, как только Ар узнал, что наследник финансовой империи Хэйвори открыл дело на *его* планете.

Четвертый центр финансовой власти контролировала замкнутая женщина, почти затворница, по имени Зара Нев. Прошло уже семь часов с момента его первого запроса и три часа, как он сообщил банкирше, что Генрих и Ар поддержали его в конфликте. Гибкий поиск в Сети дал результаты. Зара глубоко запрятала свои данные. Он просмотрел ее послание. Это была попытка закамуфлировать формальную поддержку Сэйбора и его коллег.

— Я посчитал бы это двусмысленным отказом на мой призыв о помощи, — сказал Сэйбор. — Она не отказала мне открыто, но ее слова можно истолковать и как поддержку нашего уважаемого противника.

— Зато ничего двусмысленного в сумме складочного капитала, отданного ею Кензану в управление, — ответила Вейли. — Он может нанять подразделение в сто человек по стандартной цене полковника Джайны: два полных отделения на срок более четырех дней и полностью оснащенный дирижабль.

Они ехали по широкому, густо заросшему лесом пространству, вытянутому меж двух больших рек. Сэйбор запросил выбранный наугад курс, и дисплей выдал азимут — 15 градусов к югу в направлении холмов по берегам реки Ратагава. Маунты потопали через подлесок с устойчивой скоростью восемь километров в час. Каждый час караван останавливался для пятнадцатиминутного отдыха и кормежки животных. Маунтам давали пищевые добавки для лучшего усвоения местной растительности. Но это было малоэффективно. Здесь им требовалось на 40 процентов больше корма, нежели на Земле.

Люди оставались в кабинах, пока маунты отправляли в пасти мелкие ветви с листьями. Восемь боевых линксов, потомков земных рысей, патрулировали окружающую местность. Чой управлял кошками через их имплантанты.

Темнота накрыла лес, когда они сделали второй привал. Линксов накормили мясом из фабрикатора, и Сэйбор, по совету Чоя, дал животным полный час отдыха, поскольку решили, что следующий переход будет трехчасовым.

Путники пришли к мнению, что полковник, скорее всего, пошлет за ними своих вояк на дирижабле. Хотя вертолетный парк планеты перевалил за двести единиц, дирижабль был почти равен по скорости и двигался на солнечных батареях, то есть не был так жестко привязан к базе и дозаправкам, как вертолет.

Поиски в банках данных измотали Вейли. У нее не было ключа, поэтому она перетрясла всю информацию в открытых системах. Ее контакт со спутниками связи наконец был установлен.

— До сих пор, — сказала Вейли, — военная экспедиция Кензана выглядела многообещающей. Но теперь он получил сразу двух противников: тебя и Добряни.

Ее отчет появился на карте, обозначенный информационными значками. Кензан арендовал 50 солдат у посессора Макахиты, которому принадлежал участок земли вдоль северной границы территории Кензана. Эти 50 человек были включены в группировку, нацеленную против Добряни.

— Ему нужны солдаты, — сказала Вейли. — Однако Генрих Доббль — основная фигура в финансовых операциях Макахиты. У Макахиты пять незакрытых кредитов, он реструктурировал свой долг шесть раз за последние одиннадцать лет. Генрих Доббль перевел две трети прямых кредитов в четыре кредитных соглашения, и сейчас он основной участник пяти реструктуризаций.

— Значит, я шепну несколько слов Генриху, он — Макахите, а оба мы дадим знать нашей леди Добряни, что она может начать опусто-

шать владения Кензана, как только он потеряет полсотни вояк Макахиты.

— Сдается мне, есть одна возможность...

— Думаю, я выберу более очевидное. Подозреваю, что дружище Генрих тоже. Имеется ли какой-то изысканный способ убедить Макахиту потребовать назад свою собственность?

— У тебя есть предложение?

— Поручаю это твоим творческим способностям. Я подключусь на самой важной, завершающей стадии, как обычно.

Система сигнализации поднимала их дважды в течение ночи. В первый раз силуэт ночной птицы приняли за дирижабль. Во второй — шесть нелетающих хищников приблизились к охранному периметру, но были блокированы тремя линксами.

Экспедиция выступила, как только первые лучи пробились сквозь листву. Сэйбору хватило краткого сна, но Вейли он прибавил два дополнительных часа. И был вознагражден за свое великодушие.

— У Макахиты тоже есть соперник на границе, — сообщила Вейли. — У него вражда с посессором Мингом. Началось это, когда Минг оккупировал полосу побережья, которую планировал освоить Макахита. Посессор Минг — добросовестный клиент, но мот, как и большинство его коллег. Думаю, ты сможешь убедить его пригрозить Макахите, если предложишь какой-нибудь хороший стимул.

— И Макахита решит отозвать полсотни солдат?

— На Кензана это подействует ошеломляюще. Я попробую завязать отношения с посессором Добряни. Антагонизм этой парочки слишком глубок.

— Есть соображения?

— Их взгляды на отношения с противоположным полом. Оба стремятся подчинить партнера.

Сэйбор кивнул.

— Я слышал подобное, когда говорили, что он ее домогается. Временами он впадал в бешенство, зло иронизируя над ней.

— Есть высокая степень вероятности, что она захочет с ним разделиться, как только представится возможность.

Маунт Сэйбора бесцельно бродил по гальке у ручья. Прыгая и резвясь, один из линксов перепугал стаю водоплавающих птиц. Поднялся страшный гам.

— Посессор Минг не примет взятку, — сказал Сэйбор. — Этот «аристократ» всячески демонстрирует презрение к деньгам.

— Значит, есть что-то, кроме денег. Я вижу три возможности. Последние десять лет он чуть не разорился на обустройстве своего

поместья. Выплаты Минга за архитектуру и ландшафтный дизайн составили 62 процента всех его долгов. А четыре года назад им овладела новая страсть: он принялся покупать музыкальные инструменты и нанимать музыкантов. В прошлом году Минг увлекся водной охотой.

— Да он просто одержимый! Полагаю, нам стоит обратить внимание на охоту.

Вейли прервала связь, и Сэйбор переключился на камеру заднего вида. Ветви деревьев сильно повредили прозрачную часть кабины Вейли, но он еще мог наблюдать, как она работает. Он никогда не понимал, почему мужчины, подобные Кензану, предпочитают женщин с ограниченными способностями. Вейли была восхитительна в любой ситуации. Но особенно прекрасной, чертовски прекрасной она казалась, когда ее изящная головка склонялась над дисплеем.

Чой пребывал в своей обычной задумчивости. Судя по движению рук, он мысленно принимал участие в виртуальном сражении, программируя систему защиты.

— Вот оно! — воскликнула Вейли. — Минг проводит целые декады, бороздя озеро вдоль и поперек в поисках самого крупного представителя популяции желтоперых мечеклювов.

На этот раз Вейли составила официальный краткий отчет. Опция № 1 была посвящена новому объекту охоты — наиболее быстрому и красивому подвиду мечеклювов. Энтузиасты поселили в озере несколько особей и собирались утроить их популяцию. Большинство населения, имеющего свои интересы на озере, встало в оппозицию: возрастание численности модифицированных мечеклювов легко нарушит сложившийся на озере биобаланс, что приведет к непредсказуемым последствиям для экосистемы. Минг примкнул к партии охотников, но он пока еще новичок и нуждается в поддержке. Если Сэйбор поможет ему одержать победу, его статус неизмеримо вырастет.

Сэйбор покачал головой. Если он выдаст Мингу субсидию, это опрокинет оппозицию, но заодно и экологию озера. Нет, на такое он не пойдет.

Опция № 2. Еще одна вариация на тему социального статуса Минга. Он во всем стремился к совершенству: добиться полного восторга у своих коллег, охотясь в непогрешимом стиле. Минг закупил самые дорогие и продвинутые имплантанты, но вживленная в его нервную систему программа не принесла ожидаемого успеха. Чтобы достичь высшего уровня, ему был нужен тренер, способный посвятить его во все нюансы и секреты охоты.

— Тщеславие Минга — вот ключ, — сказала Вейли. — Его мелomania заставила говорить о нем как об устройтеле популярнейших

концертов. Сейчас он стоит на пути к новой вершине, и классный тренер станет проводником в этом восхождении.

Сэйбор осмотрел представленный Вейли профиль тренера.

— Сейчас мы выходим на опасный уровень, — заметил Сэйбор. — Некоторые виды связи трудно сжать и зашифровать.

— Полковнику технически все равно потребуется около 17 минут, чтобы засечь нас, — ответила Вейли. — Мы сейчас в трех часах лета от ангара с дирижаблем Джайны. Я не вижу никаких следов дирижабля на экранах ближней локации.

Тренер ответит Сэйбору через двадцать минут, — сообщил фантом. — *Тренер работает с учениками.*

Тренер не публиковала своих гонораров, но Вейли проанализировала ее деятельность и вычислила с высокой степенью вероятности уровень ее доходов. Сэйбор решил, что сотни тысяч юри будет достаточно за быстрое согласие.

— Я хотел бы представить вам одного из моих лучших клиентов в действии, — сказал Сэйбор тренеру. — Я готов заплатить необходимый гонорар.

Он переключил дисплей на 45 секунд, чтобы показать изображение Минга верхом на тюлене.

— Я не специалист в этих делах, но мне кажется, что посессор Минг обладает врожденным талантом вдобавок к своему энтузиазму.

Тренер кивнула, но выглядела весьма задумчивой:

— Трудно дать оценку по записи. Я оцениваю перспективных учеников при личном общении.

— Понимаю. Могу предложить сто тысяч юри за ваши труды. Я был бы счастлив перевести всю сумму авансом, если вы возьметесь за моего протеже.

Что-то знакомое промелькнуло в лице тренера. Она оставила холодное безразличие, явно польщенная тем, что он не попытался предложить ей меньше.

— Должна сообщить, что посессор Минг приобрел уже много неправильных навыков. Ему придется начать с нуля и переучиться.

В пространстве за ее головой появился текстовый вызов от Вейли: *Твое сообщение пытаются расшифровать. Я не могу защитить его, не разорвав вашу беседу.*

— Я уверен, что посессор Минг примет условия, чтобы обучаться у тренера такого уровня, — сказал Сэйбор.

— Раз вы принимаете мои условия, передайте ему: я подготовлю для него расписание занятий в ближайшие три-четыре дня.

Вейли заменила тренера в момент, когда они разорвали связь.

— Полковник Джайна, кажется, превзошел сам себя. Нам придется признать, что он засек нас.

— Я уложился в 13 минут!

— Они вычислили нас быстрее ожидаемого. Им, видимо, повезло. А нам придется играть на опережение.

— Имеется информация о местонахождении Минга?

— Минг сейчас охотится с членами клуба. Он носится с ними по озеру каждые четыре дня с тех пор, как начал этим заниматься. Охотники вышли из дока полчаса назад. Гончие тюлени высладили мечеклюва, ушедшего от них в первый раз.

Сэйбор добавил лог секретаря-летописца клуба на свой дисплей. Теперь он видел то же, что и охотники, в режиме реального времени.

Прямая трансляция с оптических нервов охотников рисовала ему безрадостную картину темной воды озера. Кадр сменился на картину, где охотники и гончие тюлени неслись по воде в тучах брызг, будто они рассекали облака на небе.

— Погоня продолжается в среднем час, — информировала Вейли.

— А потом традиционный ритуал по возвращении в док. Я смогу связаться с Мингом примерно через три часа, так?

— Да. За церемонией закрытия следует охотничий обед.

— И только тогда я смогу приступить к делам.

Охота шла в левой верхней четверти его поля видимости. В правом верхнем окне бежали ряды цифр, касающихся ситуации вокруг проекта энергоснабжения северного побережья. Деревья и птицы дополняли картины в обоих окнах.

Сейчас на Фернхайме проживали приблизительно пятьсот тысяч человек. Теоретически, они не нуждались в централизованной системе энергоснабжения. Они вполне могли довольствоваться солнечными батареями, установленными на крышах большинства домов. Солнечные батареи питали фабрикатеры, а фабрикатеры удовлетворяли их первоочередные жизненные потребности. Но на деле только несколько человек могли быть довольны существующим положением вещей. В условиях Фернхайма фабрикатеры разряжали аккумуляторы быстрее, чем они могли зарядиться от солнца. Достойные условия жизни для большинства жителей требовали создания достойной энергосистемы, включающей крупные ядерные реакторы, энергетические орбитальные станции и все другие возможные источники энергии.

И, конечно, сеть электрокабелей и проводов для доставки энергии потребителям.

В других социумах энергосети создавались решением правительства. На Фернхайме же до сих пор, казалось, никому не было дела до

создания нормального центрального правительства. Энергосистема северного побережья была, так сказать, упражнением. Девяносто процентов населения побережья озера — почти половина всего планетарного населения — жили на южном побережье. Предприниматели, ратующие за этот проект, были согласны построить инфраструктуру под новые энергосети в неколонизованном вельде. Но прибыль ожидалась послезавтра, а расходы надо было нести сегодня. Ясно, что компетентный честный потомок известнейшей семьи финансистов должен был взмахнуть волшебной палочкой и разместить необходимые суммы на соответствующих счетах. А после отслеживать каждый шаг Ассоциации по развитию северного побережья. В точности как делала подобные вещи его мать.

Ему было девять, когда личный помощник матери дал ему первое представление о семейном бизнесе. «Мы являемся фирмой для получения прибыли, — подчеркнул он. — Но у нас значимая социальная роль. Банкиры — это чиновники, распределяющие денежные ресурсы общества. Прогрессивное общество должно вкладывать часть этих ресурсов в предприятия, которые приведут к его процветанию в будущем. Мы и есть те люди, которые решают, какие же предприятия стоит развивать. Правительства тоже могут это делать, но, в отличие от них, мы расплачиваемся собственным здоровьем, если принимаем неправильные решения».

Прозвучал вызов системы:

— Тебе послание от Генриха.

Записанный образ Генриха сменил картинку северного побережья.

— Мне сообщили, что полковник Джайна десять минут назад отправился в ангар, это в двух километрах к юго-западу.

— Они могут начать поисковую операцию через 40 минут, — доложила Вейли. — Они будут ограничены радиусом действия, поскольку применяют вертолет, а не дирижабль.

Сэйбор скривился.

— Нам еще раз самоуверенно напомнили об опасности, которую пророчили наши противники. Возможно ли, что второй вертолет — заправщик.

Вейли молчала достаточно долго. Он понял, что поразил ее. Обычная реакция на прилив энергии, когда мышцы бесполезны.

— Не исключено. Кензан мог нанять только отделение, а остаток средств потратить на вертушки.

Она помолчала еще секунд десять.

— Второй вертолет может нести топливо, достаточное, чтобы обе

вертушки оставались в зоне в течение 72 минут максимум. Они могли бы оставаться и дольше, если бы сбросили цистерну.

Сэйбор уставился на сцену охоты. Возможные варианты пронеслись в его мозгу. Вертушки не смогут зависнуть прямо над ними и высадить десант им на головы. Аннигиляционные боеприпасы в их автоматах сделают эту затею совершенно бессмысленной. Наземный отряд может приблизиться на несколько сотен метров и держать их в постоянном напряжении. Если вторая вертушка — заправщик и они найдут место для посадки, то вертолеты смогут остаться в зоне и обеспечить солдатам мобильность, что будет иметь решающее значение.

— Я начинаю чувствовать, что моя тактическая подготовка не была достаточной, — проговорил Сэйбор.

— Они, скорее всего, не знают нашего точного местоположения, — отозвалась Вейли. — Их погрешность в пределах тридцати километров.

Сэйбор поместил небольшую карту в правом окне дисплея. Выбранный системой курс выводил их к реке Ратагава. Сейчас они находились в двадцати пяти километрах от речного берега. Следует ли им изменить курс? Маунты смогут перейти реку вброд, им придется форсировать ее, потому что солдаты — самые неприятные представители местной фауны.

По его указанию система проложила новый курс — восточнее, прямо к реке.

— Еще раз подчинимся судьбе, — сказал Сэйбор. — Полковник уверен, что мы будем избегать рек, поэтому двинемся именно туда.

Охранная система сообщила, что два вертолета приближаются с северо-востока. Оба аппарата направлялись в центр предполагаемой зоны поиска.

Маунты только что расположились на отдых. Чой считал, что нужно дать животным хорошо подкрепиться.

— Они не будут расширять зону поиска в ближайший час. Вероятно, это последняя возможность хорошо накормить животных.

Чой просканировал пространство. Никаких намеков, что вертолеты сменили зону поиска.

— Они должны дозаправиться, иначе не смогут продолжать поиск, — сказала Вейли.

На дисплее охотники неслись в направлении дока, на гарпуне каждого было нанизано по куску дичины. Охота приближалась к финалу.

— Похоже, они войдут в док через полчаса, — прикинула Вейли. — Ты уверен, что сможешь сейчас связаться с Мингом. Возможно, он

один из героев последней атаки, и сейчас ему будут воздавать почести. Тогда ему точно не до тебя, Сэйбор.

— Да, рискованно, — ответил Сэйбор. — Он заткнет меня в момент, если вознамерится поучить хорошим манерам. А другой возможности может не представиться.

Сообщение с дисплея Чоя появилось перед ним. Значок вертолета находился в северо-восточном секторе. Векторная линия указывала, что вертушка движется в их направлении.

— Это непредвиденная смена зоны поиска, — прокомментировал Чой. — Похоже, нас засекали. Выключить радар?

— Мы должны быть информированы.

Они уже слышали шум двигателя в километре от себя. Значок вертушки на дисплее приблизился на расстояние ста метров и остановился.

По бокам маунта Чоя были приторочены четыре клетки. Чой открыл одну из них и выпустил белую птицу, которая сразу взмыла к верхушкам деревьев. Чой немного выждал и передал копию изображения на дисплей Сэйбора. Три вояки Джайны произвели классическое десантирование из вертушки. Бойцовый линкс был спущен на ремнях.

— Похоже, они выбрали низкозатратный бюджет в расчете на быструю победу, — прокомментировала Вейли. — Две вертушки. Одно отделение. Восемь человек и восемь котов в придачу. Оптимальная конфигурация для боевых действий в этих условиях.

— Им потребуется пять минут на спуск солдат и их линксов, — быстро сказал Чой. — Я выставяю пять наших линксов между нами и противником, оставшиеся три будут охранять фронт и фланги.

— Я предлагаю начать контратаку, — вмешалась Вейли, — пока они легко уязвимы. Я зайду с тыла и ударю по вертушке. Наши коты могут атаковать их на спуске.

Сэйбор хмуро посмотрел на дисплей. Три солдата уже скрылись под установленным тентом. Второй линкс показался из вертушки и начал спуск. Вейли была слишком интеллектуальна, чтобы просто так бросать ее в бой. Чой — начальник штаба обороны.

— Вертушки могут действовать только в связке, — не унималась Вейли. — Вывод из строя транспортного вертолета заставит обе вертушки убраться из зоны.

— Бросай в атаку линксов, Чой. Всех пятерых. Пусть нанесут возможно больший урон их котам. Не трать силы на людей.

— Ты всегда сможешь выкупить меня, если мой план сорвется, — убеждала Вейли. — Но ты ничего не сделаешь, если захватят тебя.

Она уже схватила автомат, вылезла из кабины и стояла на верхней ступени трапа.

— У нас больше не будет случая нанести такой урон, Сэйбор.

Третий линкс показался в проеме вертолета.

— Дашь одну очередь, — с трудом согласился Сэйбор. — Только одну. И сразу назад.

Вейли моментально соскочила на землю и нырнула в густой подлесок. Чой подключил Сэйбору карту боевых действий. Пять синих кошачьих силуэтов под вертолетом. От Вейли сигналов не будет. Наверняка в вертушке кто-то сидит на перехвате.

Три красные кошачьи головы появились на дисплее. Красными кружками отмечены позиции солдат, спустившихся на землю. Чой пренебрег его инструкцией. И только Сэйбор это понял, как обнаружил двух линксов в красных кружках. Они же не смогут атаковать линксов противника, поскольку солдаты выстрелами парализуют их.

Три линкса Чоя слились в одну красную кошачью голову. Одна синяя кошачья фигурка исчезла.

Сэйбор разделил правую половину дисплея на две части: карта внизу, изображение вертолета сверху. Солдаты на стропях одновременно сдернули автомат с плеча. Болтаясь под вертолетом, они пытались прицелиться с одной руки. Стволы были направлены в одну сторону.

— Мы ранили одного из их линксов, — комментировал Чой. — Влетели, нанесли урон и смыаемся, пока никого не потеряли.

— Очень правильно. И я того же мнения.

Что-то сверкнуло над вертолетом. Чой увеличил изображение. Казалось, металл покрыт тонкой пленкой.

— Она выстрелила в топливный бак, — пояснил Чой.

Он отдалил изображение. Линксы кубарем вылетали из вертолета. Два солдата высунулись, пытаясь поймать стропы. Успевшие спуститься стреляли по какой-то цели.

Линксы Чоя построились в оборонительную линию позади маунтов. Сэйбор ерзал на сиденье и вглядывался в лес. Кабина Вейли закрывала ему обзор. Ее маунт смотрел на него с безразличием.

Мать предупреждала его: «Ты уверен, что заказываешь именно ту женщину, Сэйбор? Помни, ты заказал особу чрезвычайно соблазнительную, женщину, максимально соответствующую твоей индивидуальности. Берегись! Она полюбит тебя. Она захочет нравиться тебе. А как ты сможешь сдерживать чувства, которые сам же и пробудил?».

Были времена, когда мать сама пользовалась временными мужьями. Но она держала их на расстоянии. Сестры Сэйбора следовали ее примеру.

Кабина Вейли покачнулась. Она обежала дерево с автоматом за плечами и вскочила на трап.

— Видел, что я сделала?

Маунт покачнулся под ним. Чой начал движение, не дожидаясь инструкций.

— Похоже, ты разнесла топливный бак, — сказал Чой. — Люди и коты очень резво посыпались из вертушки.

Сэйбор привстал в своей кабине.

— Я сказал — одну очередь. Ты не подчинилась приказу.

— Они не заметили меня. Я хорошо маскировалась.

— Они знали, где ты находишься. Я видел. Они палили по твоей позиции.

— Они только предполагали. Я замаскировалась листьями.

— Насколько повреждена твоя броня?

Вейли опустила глаза.

— Считаю, ей конец.

— Больше двух попаданий! Больше двух. Ты могла бы оказаться в их руках.

— Я разнесла топливный бак, Сэйбор. Они не пришлют больше вертолеты. Мы можем не опасаться воздушных атак. Я оценила ситуацию и уравнила риск. Опасность быть захваченной против опасности для всех нас, если бы вертушка осталась в зоне. Я выбрала самую выигрышную позицию.

Сэйбор переключил внимание на дисплей, разделив его на три части. Птица-разведчик парила над деревьями, передавая изображение преследователей. Карта Чоя показывала позиции своих линксов и позиции их противников.

Члены охотничьего клуба входили в док. Четверо слуг ожидали их перед накрытым столом.

— Я проанализировал ситуацию, — сказал Сэйбор. — Сколько у нас времени до того, как молодцы полковника проломают нашу оборону?

Вейли сосредоточилась на дисплее. Это помогало ей скрывать чувства.

— Наши остановки — самая большая проблема, — сказала она. — Уходить от них мы можем неопределенно долго. Но они могут захватить нас во время стоянки. Свести на нет нашу оборону. Под большим вопросом маневры Чоя с линксами. Будут ли они удачными?

Сэйбор просмотрел ее отчет. Маунты быстрее, но солдаты выносливее. Наблюдение показывало, что их преследуют шесть вооруженных мужчин при поддержке семи линксов. Они смогут сокращать раз-

рыв при каждой остановке и использовать свое превосходство, чтобы выводить из строя линксов по одному. Уничтожив трех-четырех, они ринутся в последнюю неудержимую атаку.

— Полковник Джайна любит тактику «последнего слова», — заговорила Вейли. — Можем не сомневаться: они не предпримут атаку на нашу передвижную крепость, не уничтожив сначала наших линксов. Он также знает, что мы способны уничтожить его котов. Он должен понимать, что рискует многим, атаковав слишком рано.

Охотники болтали и жестикулировали, выпив шампанского. Переодевшись, они появились в банкетном зале в церемониальных костюмах — белых с красным.

Охотники полковника Джайны были не столь успешны. Чой наблюдал за ними через своего крылатого разведчика. На карте Сэйбора солдаты монотонно шли за ними, нисколько не снижая скорости. Когда Чой объявил первую остановку, вояки были на расстоянии чуть более километра (в десяти минутах при их маршевой скорости). Чой развернул линксов в оборонительный порядок.

— Они спешат начать атаку, — сообщила Вейли. — Они, как автоматы. Видимо, Кензан обещал полковнику солидное вознаграждение.

Солдаты и их линксы следовали сценарию, спрогнозированному Вейли. Они сконцентрировали четырех человек и трех котов против линкса на крайнем левом фланге Чоя. Тот встал перед классической дилеммой. Если линкс будет удерживать свою позицию, его уничтожат. Если Чой оттянет его назад, нападающие обойдут их с фланга и нападут на маунтов и их седоков. Чой перебросил на защиту атакующей позиции еще двух линксов. Остальные растянули оборонительную линию.

Сэйбор пытался подавить свои эмоции. Он понимал, что от его хладнокровия зависит успех операции. Линксы бросились на своих сородичей из вражеского стана и смешали их строй. Солдаты рассыпались по лесу.

Маунт Сэйбора уничтожил куст с влажными листьями. Другие маунты также поедали растительность. Чой запустил таймер на дисплее, чтобы Сэйбор видел, сколько минут они потратят на привал.

— Пора начинать, Чой.

Маунт Сэйбора поднял голову, оторвался от своего занятия и занял место за маунтом Чоя.

На карте было видно, как Чой выводит линксов из боя. Коты противника ретировались и уселись с таким видом, будто сделали все, что могли.

— Эти ребята знают, что делают, — заметил Чой. — Они не растрачивают калории понапрасну. А наши два линкса сильно покалечены. На следующей остановке я буду вынужден пожертвовать одним из них.

Охотники клуба, сидя за длинным столом, вкушали вино и фрукты. Сэйбор увидел Минга, наслаждавшегося едой и обществом дам. Затем охотники встали, подняли бокалы, и секретарь-летописец закончил передачу, вывесив заставку с изображением развевающегося флага.

— Что будет делать Минг? — спросил Сэйбор. — Отправится домой отдыхать?

— Как бы то ни было, настроение у него отменное, — ответила Вейли.

— Вот и возьмем его тепленьким. Я тут переговорил с одной из известных наставниц и могу сделать Мингу предложение... Передай ему это в своем неотразимом стиле.

Таймер Сэйбора отсчитывал минуты, пока тот ждал ответа Минга. Пошла уже двадцать пятая минута, а маунт все шагал и шагал вперед. Вейли отпускала нелестные высказывания в адрес «гнилых аристократов».

— Другого я от него и не ждал, — признался Сэйбор. — Что ж, ростовщики вынуждены быть терпеливыми.

Офис-менеджер Минга оказалась плоской, как доска, и с лицом, вырубленным из того же материала. Сэйбор подумал, что Минг провел долгие часы, отбирая секретаршу, которая бы полностью отвечала его безразличию к тривиальным вещам.

— Посессор Минг сообщил, что готов переговорить с вами, если вы еще не потеряли интерес.

— Пожалуйста, передайте посессору Мингу, что еще не потерял.

Маунт всей тушей потянулся к большому кусту и начал перетирать веточки коренными зубами. На карте дисплея солдаты начинали очередное наступление на оборонительную линию линксов Чоя. Противники разбились на две группы. Большая стала обходить левый фланг Чоя, а меньшая продолжала наступать по фронту. Это случилось через шесть минут после объявления Чоем остановки.

Минг был уже в повседневной одежде. Подарок Сэйбора он принял с аристократической невозмутимостью, сохраняя контроль над своим лицом, и немедленно выразил готовность отплатить любезностью.

— Я буду в затруднительном положении, если не смогу что-то сделать для вас в ответ.

— Нет причин ставить вас в неудобное положение. Благоприятный случай позволил мне сделать вам приятное, поскольку ваши депозиты являются достойным взносом в нашу финансовую систему, которая поддерживает функционирование нашей планетарной экономики. Вы и ваши коллеги устанавливаете стандарты высокой порядочности в делах.

— Тем не менее мы, крупные землевладельцы, в конце концов будем вытеснены владельцами крупного капитала, как это случилось на Земле. Но этот день еще не настал. Мы пока имеем некоторое влияние.

Три вражеских кота обнаружили раненого линкса Чой и бросились к нему. Чой послал их изображение на зрительный нерв раненого. Он успел выскочить из своего укрытия и дать последний бой трем демонам, возникшим перед ним. Чой перебросил резервного линкса на помощь погибающему товарищу. Тот в длинном прыжке успел достать одного из вражеских котов.

Надо двигаться, — передал Чой.

Вперед, — отстучал Сэйбор на воображаемой клавиатуре.

— По существу вопроса, — продолжил Сэйбор беседу с Мингом. — Ваш интерес к водной охоте обнаружился совершенно случайно, когда я изучал возникшую у меня проблему.

— Пожалуйста, продолжайте без стеснения.

— Я знаю, что у вас с посессором Макахитой есть некоторые разногласия.

— Можно и так сказать. В любом случае, в наших отношениях нет сердечности.

— Как вы, возможно, уже знаете, его вооруженные силы в настоящий момент меньше обычного. Он сдал внаем полсотни солдат другому посессору. Для меня было бы очень полезным, если бы вы передислоцировали часть своего воинского персонала на свою южную границу. Этого было бы достаточно, чтобы Макахита ощутил потребность в отсутствующих солдатах.

Минг улыбнулся.

— Я понимаю ценность этого шага для вас, благородный Сэйбор. Я уже получил два хвастливых послания от Кензана.

Маунты с трудом оторвались от своего ужина и выстроились в линию. Вражеские линксы, атаковавшие левый фланг, мчались на «словников», не встречая больше сопротивления.

— По существу вопроса, — продолжал Минг. — Я уже думал о проведении учений. Не вижу препятствий, почему бы не провести их вблизи моей границы с Макахитой. — Минг улыбнулся снова. — Я,

естественно, уведомлю посессора Макахиту о проведении учений. Я не хочу, чтобы он неверно истолковал мои действия. И я сделаю это как можно скорее.

Сэйбор улыбнулся в ответ:

— Это, несомненно, благоразумное решение.

— Сказано — сделано. Жаль только, что вы не попросили чего-то более существенного.

Тактика противника заслужила теперь полное одобрение Чоя. Линксы прекратили атаковать маунтов, шагающих вперед.

— Наши маунты здорово устали. Я не смогу удерживать их в прежнем темпе, если они не получают полноценный отдых и корм на следующей остановке, — сообщил Чой.

— Долго еще этот аристократишко будет раскачиваться? — спросила Вейли.

— Он заверил, что примет меры сразу после нашей беседы, дорогая.

На следующей остановке Чой сознательно оставил один фланг открытым. Противник бросил все силы в атаку на этом направлении, и Чой ответил ярой контратакой. Три оставшихся линкса Чоя храбро вступили в неравную схватку.

Чой потерял одного линкса, но добился поставленной цели. Маунты получили полный пятнадцатиминутный отдых.

У Чоя осталось шесть линксов. Четверых он сгруппировал в центре, двух других выдвинул далеко в стороны. Противник быстро приближался. Их атака, казалось, сметет линию обороны Чоя. Затем, когда Сэйбор подумал, что солдаты ударят всей линией в лоб, они повели себя как опытные профессионалы, каковыми и являлись. Четыре человека и четыре линкса сгруппировались в компактный отряд и начали обходить правый фланг Чоя. В ответ Чой отделил двух линксов от центральной группы и перевел их на правый фланг. Три животных бросились наперез вражеской группе.

— Необходимо принять решение, — обратился Чой к Сэйбору. — Можно устроить им жесткую схватку: мы потеряем одного линкса, но получим четыре дополнительных минуты для кормежки маунтов. Другой вариант — мягкое столкновение: нам нужно будет двигаться сразу, но мы сохраним всех животных.

Сэйбор нахмурился. Маунтам нужно кормиться.

— Твои рекомендации? — спросил Сэйбор.

— Затрудняюсь, — ответил Чой.

— Тогда — легкий отпор.

Это было случайное решение. Он сказал первое, что пришло в голову. Чой погнал маунтов. Линксы совершили короткий наскок,

но выстрелы солдат парализовали одного из котов. В результате команда Сэйбора сократила кормежку маунтов, но и потеряла одного кота.

В конечном итоге они потеряли пять линксов. Следующая остановка будет последней. Возможно, Чою удастся отразить атаку еще раз, но это пятьдесят на пятьдесят. Тут он заметил, что кабина Вейли открыта.

— Что случилось, Вейли?

— У тебя есть выбор, Сэйбор. Ты можешь дать указание Чою включить меня в схему обороны. Или нет. Но в кабину я больше не вернусь. Я принял решение. Как вы меня остановите? Я спрыгну и скроюсь среди деревьев раньше, чем вы спуститесь на землю.

Он мог приказать ей. Но разве она подчинится? Он заказывал дизайнерам конкубину, а не робота. Ему никогда не хотелось иметь дружеские отношения с машиной.

— Я запустил имитацию, и у меня есть предложение, — сказал Чой. — Мы можем найти достойное решение, Сэйбор.

— Я был бы глупцом, если бы не слушал твоих предложений, Чой.

— Мы можем наверняка вывести из строя двух или трех их линксов во время следующей остановки. Оружием станет ошеломляющая красота Вейли. Ей достаточно будет показаться на несколько секунд по моей команде. И мы открываем огонь по их линксам.

— Вы только взгляните на имитацию, — воскликнула Вейли.

Программа Сэйбора прогнала в общей сложности 500 имитаций. Один линкс был убит в 27 процентах имитаций, два — в 54-х, три — в 13-ти, ни одного — всего в шести. Ни в одной из них Вейли не была ни захвачена, ни ранена.

Затем они погоняли имитации своих действий в случае предстоящей атаки.

— Самое главное, Вейли, ты обязана четко выполнять команды Чоя. Ты должна сделать это ни раньше, ни позже.

Они смотрели, как Вейли готовится к операции. Она дала очередь из автомата по деревьям. Перезарядила свой защитный комбинезон. Затем погрузилась на полчаса в расслабляющий сон.

Вейли спрыгнула на землю, как только Чой остановил маунтов. Чой поставил ее на левом фланге и убрал ее значок с карты дисплея. У противника не должно быть возможности перехватить передачу.

Сэйбор не видел передвижений Вейли на дисплее, но Чой дал ему график. Он считал по секундам, когда та должна стрелять в передового вражеского линкса, когда — во второго. Чой отдал команду, и маунты пошли кормиться.

Когда Вейли появилась среди деревьев, легко вспрыгнула на трап и молча скрылась в кабине, они поняли по ее сверкающим глазам, что операция прошла успешно. Чой дал команду начинать движение. В дисплее заднего обзора Сэйбор видел, как солдаты сворачивали свою атаку.

Прозвучал вызов системы, на дисплее Сэйбора появилась сушенная секретарша Минга.

— Посессор Минг просил сообщить вам, что он развернул тридцать своих солдат на границе с посессором Макахитой. Он уведомил посессора Макахиту о своей акции.

— Пожалуйста, передайте посессору Мингу мою благодарность, — ответил Сэйбор. — Сообщите ему, что я глубоко тронут его отзывчивостью.

Он дал системе следующий приказ, и она мгновенно соединила его с мускулистым, кровь-с-молоком молодцем, который служил офис-менеджером у Добряни.

— Добрый день, финансист Сэйбор. Как ваши дела?

— У меня есть некоторые сведения, которые я прошу передать посессору Добряни. Пожалуйста, сообщите ей: у меня есть все основания полагать, что посессор Кензан лишился пятидесяти солдат, которых он временно нанял у посессора Макахиты.

— Посессор Добряни может каким-то образом проверить эту информацию?

— Я мог бы назвать имена людей, которые могут ответить на этот вопрос, но, пожалуй, не буду. Я знаю, что она готовит некую акцию. Если она желает ее осуществить, то увидит очевидность происходящего.

— Я сообщу ей немедленно.

— У вас вызов в реальном времени от полковника Джайны, — общила система.

Сэйбор взглянул на таймер. Сорок минут назад Минг объявил о разворачивании своей группировки.

— Это должно быть интересно. Давай сюда нашего доброго полковника. Копию — Чою и Вейли.

Лицо полковника Джайны озарилось незабываемой улыбкой.

— Добрый день, Сэйбор. У нас забот полон рот, не так ли?

— Всегда полезно вести активный образ жизни, полковник. Чему обязан?

— Я веду хронометраж ваших остановок. Мы разрешим эту ситуацию во время вашей следующей стоянки. То есть через двадцать минут, по моим подсчетам. У вас недостаточно линксов для отражения штурма, а ваши маунты слишком устали, чтобы оторваться от нас.

— Мой помощник Чой в восторге от вашей логики.

— Кензан намерен арестовать вас и установить тотальный контроль над вашими активами. Мне кажется, здесь есть некоторый зазор для компромисса. Если вы, к примеру, спишете его текущие долги, то он готов дальше кредитоваться у вас, чтобы нанять войска, необходимые для разрешения его конфликта с посессором Добряни. Я был бы счастлив передать ему такое предложение.

— А это не вступает в противоречие с вашей профессиональной этикой, полковник?

— Я приобретаю активы, рискуя. И уж никак не потеряю их в атаке, которой можно избежать.

— Все меняется.

— Но изменения требуют времени. А время — деньги. Вы лучше других должны это знать. Мое предложение в интересах каждого, благородный Сэйбор.

— Я тоже должен думать о времени — об отдаленных последствиях. Мне и впредь придется капитулировать и становиться объектом вымогательства. Я буду вынужден поощрять всех остальных бандитов, решивших, что такие действия весьма привлекательны. И сдастся мне, это будет не единственный случай, когда вы прибегнете к насилию. И я считаю, в ваших же интересах сообщить Кензану, что вы не собираетесь выполнять его волю.

Палец Сэйбора отстучал немое послание Чою:

Сколько еще наши маунты могут идти?

Тридцать три минуты.

Выполняй. Оттягивай последнюю остановку, сколько сможешь.

— Нет, вы будете схвачены. Ваших приспешников постигнет та же участь. Вы будете переданы посессору Кензану. Вы сами, со всеми вашими активами, попадете под его полный контроль. Впрочем, вы можете связаться со мной в любое время, чтобы обсудить данное предложение.

Изображение полковника исчезло. Появилась Вейли.

— Решилось, — сказал Сэйбор. — Я не пошел на компромисс. Согласись я на подобное, требованиям Кензана не будет конца.

Он убрал Вейли с дисплея и начал записывать послание посессору Добряни:

В продолжение послания, переданного через вашего секретаря, посессор Добряни. Если вы начнете атаку на вооруженные силы посессора Кензана, я возьму на себя все понесенные затраты и издержки. Возмещение будет основано на ценах ускоренного возврата в кратчайшие сроки.

— Вас вызывает советник Такельна в режиме реального времени,
— сообщила система.

— Соединяй.

Советник Такельна вела большинство финансовых операций Добряни. Она одарила Сэйбора любезной дежурной улыбкой, и тот ответил даме тем же.

— Посессор Добряни изучила ваше последнее предложение, Сэйбор. Она считает, что вы обещаете ей минимальное возмещение за максимальный риск. Вы просите ее атаковать, прежде чем она сможет убедиться, что посессор Кензан потерял свой дополнительный воинский контингент.

— Могу вас заверить, что этот контингент возвращается владельцу. Это должно случиться с минуты на минуту.

— Посессор Добряни считает, что соотношение риск/вознаграждение должно быть выше. Она полагает, что полное списание 20 процентов ее долговой нагрузки было бы более уместным.

— Посессору Добряни представился счастливый случай, советник. Грех им не воспользоваться.

— Посессор Добряни ценит предоставленную вами информацию. Но она считает: полную выгоду от этого она получит после того, как убедится, что посессор Кензан потерял контроль над дополнительными войсками.

Сэйбор кивнул.

— Я просмотрел данные по ее счету, пока мы беседовали. Можете передать ей, что я предлагаю финансовые каникулы на 90 дней: никаких платежей ни по основному долгу, ни по обслуживанию кредита.

Советник Такельна задумалась. Она изучала лицо Сэйбора, а тот вежливо смотрел на собеседницу.

— Я передам ваше предложение посессору Добряни.

Как только они устроили очередной привал, Чой построил трех маунтов треугольником, а четвертого поместил на удалении тридцати метров.

На этот раз вояки Джайны наступали, рассыпавшись по лесу.

Поступило текстовое сообщение от Чоя:

К следующей остановке у меня не будет птицы-разведчика.

— К черту остановки! — крикнул Сэйбор. — Максимум напряжения. Одолеть или умереть!

Взлетела птица-разведчик. На карте дисплея появились символы. Солдаты и их линксы перестроились в широкую дугу в семидесяти метрах от треугольника.

— Я атакована аннигилирующими ракетами, — объявила кабина Сэйбора. — Сработал мой защитный слой.

— Наши кабины испарятся через 10 минут, — сообщил Чой. До этого нужно успеть контратаковать. Пока защитные костюмы максимально заряжены.

— Мы сможем атаковать верхом на маунтах?

— Всего несколько минут. У них осталось мало сил.

— Держимся, сколько сможем. Полковник явно тянет время. Чем дольше протянет, тем лучше для нас.

Линксы Чоя сбились в тесную группу между маунтами и снайперами, которые прятались за деревьями.

— Нам придется идти врукопашную, стараться ломать кости, — предупредил Чой. — Мы не успеем разрушить их бронекостюмы раньше, чем они разрушат наши.

— Понял. Убивать или калечить. Но это — на крайний случай.

— Приготовились. Оболочка кабин выдержит не более минуты.

Три маунта построились неровной линией и, раскачиваясь, устремились на левый фланг противника.

— Атакую двух снайперов, крайних слева, — объявил Чой.

Кабина Сэйбора исчезла, превратившись в облачко тумана. Краем глаза он заметил Вейли, действующую с мужским хладнокровием и выполняющую те же маневры. Из-за деревьев атаковали линксы противника. Один вскочил на голову маунта Чоя, когтями оставляя кровавые раны на толстой коже. Чой вскинул автомат и выстрелил зверю в пасть.

Вейли пронзительно закричала. Еще один кот вскочил на маунта за спиной Чоя. Сэйбор машинально сделал четыре выстрела. Линкс взвыл и кубарем покатился на землю.

В мозгу Сэйбора вспыхнул вызов. Система сообщила, что это Джайна.

— Мы стараемся не наносить непоправимый ущерб вашему дорогостоящему имуществу, полковник. За возмещением убытков обращайтесь к моему помощнику.

Маунт Сэйбора вдруг стал оседать. Он сверился с дисплеем и обнаружил, что защита животного разрушена. Солдаты сразу сконцентрировали огонь на другой цели.

— Прыгай ко мне, — прокричал Чой. — Четвертый маунт сразу за нами. Продолжаем атаковать.

Четвертого маунта нашли в подлеске недалеко от стоянки. Он флегматично жевал кустарник.

— Вам сообщение от Генриха Доббля.

— Запускай.

Изображение Генриха возникло перед глазами.

Добряни перешла границу, Сэйбор. Мои источники сообщают, что сорок ее солдат продвигаются в глубь посессии Кензана.

Сэйбор даже не успел вздохнуть.

Сообщение от Зары Нев. Текст:

Я считаю, что в ваших интересах было бы пересмотреть свою позицию и присоединиться к нашему объединенному фронту против попыток вымогательства посессора Кензана. Посессор Добряни уже воспользовалась слабостью противника и оккупировала его посессию. Полное разрушение финансового статуса Кензана — наиболее предпочтительный вариант.

Трех маунтов Чой заставил перейти на рысь. Два солдата начали отступать, но было уже поздно. Чой и Вейли лидировали. Их маунты опустили головы. Мощные черепа нацелились на солдат. Оба вояки, бросив автоматы, кинулись наутек.

Пять символов быстро пересекали карту дисплея. Люди полковника начали последнее наступление.

Вейли и Чой спрыгнули с маунтов и припали к земле. Распластавшись на спине маунта, Сэйбор выпустил очередь в приблизившегося солдата. Солдаты разворачивались за деревьями в абсолютной тишине, которая действовала на нервы в тысячу раз сильнее, чем звуки боя.

Враги разделились. Двое наступали на Сэйбора, а остальные — на Вейли и Чоя. Приближался финал.

Вейли качнулась в одну сторону, в другую. Пока солдат пытался схватить ее, она оказалась у него за спиной. Затем Вейли сделала подсечку ошеломленному парню и повалила его на землю. Она высоко подпрыгнула и, приземляясь, нанесла ему страшный удар ногой в грудь. Солдат содрогнулся в конвульсиях и затих.

Сразу три врага повернулись в сторону Вейли. Она была быстрой и крепкой, но вряд ли ей удастся выдержать атаку троих специально обученных солдат.

Соскочив с маунта, Сэйбор присел и прыгнул, нацелившись ногами в голову солдата, зашедшего Вейли за спину. Его ботинки с силой ударили в шлем противника. Тот пытался уклониться, когда Сэйбор начал молотить руками. Тщетно. В результате у Вейли остался всего один противник.

Наконец враги сообразили, кто является их главной целью. Противник Чоя бросил его и затанцевал вокруг Сэйбора. Двое других — вокруг Вейли. Но вот и они переключились на Сэйбора. Эти трое образовали перед ним стену.

Сэйбор резко повернулся к Чою:

— Останови ее! Не дай ей атаковать. Они убьют Вейли.

Чой шагнул к Вейли. Он обхватил ее за талию и пытался удержать, но Вейли напряглась и вдруг расслабилась.

Боль в руке Сэйбора внезапно прошла. Не видя солдат перед собой, он пытался осознать, что же произошло.

Полковник Джайна улыбался с дисплея.

— Добрый день, благородный Сэйбор. Кажется, война закончилась. Добряни захватила жилище Кензана. Очевидно, что он не может больше выполнять свои обязательства по контракту.

— Вы были грозным противником, полковник.

— Ваша подруга уничтожила одного из моих самых ценных людей.

— Боюсь, она переусердствовала.

— Понимаю. Наши отношения с противоположным полом бывает трудно контролировать. Но я думаю назвать разумную сумму компенсации.

— К какой сумме вы склоняетесь?

Вейли выпрямилась:

— Не глупи, Сэйбор! Заплатишь ему выкуп — и тебе придется защищать меня от всех хулиганов на планете.

— Мы не обсуждаем выкуп, — ответил Сэйбор. — Он просит у меня компенсацию за солдата, которого ты убила.

— Он пытался уничтожить тебя. Они достигли бы цели, не сделай я этого.

— Она умудрилась уничтожить мое имущество, потому что мы проявили сдержанность, — возразил полковник. — Мы могли бы убить ее раньше, если бы не придерживались общепринятых правил сделки.

— Миллион и четыре тысячи фернхаймских нейлов вас устроит?

— Я думаю, вы недооцениваете потери в этом бизнесе. Каждый контракт требует тщательного расчета количества персонала. Если, к примеру, мне нужны пять солдат для одного задания и три для другого, а у меня их только семь, я буду вынужден отказаться от одного из заданий. В соответствии с моими расчетами, я хотел бы получить от вас один миллион двести пятьдесят тысяч.

Сэйбор изучил представленные полковником цифры.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что вы рассматривали доходы, получаемые ежегодно. Ваша цифра за потерянное задание несколько дутая, если вы не против этого выражения. К своей сумме я готов добавить только сто тысяч.

Полковник нахмурился. Сэйбор сосредоточился на расчетах полковника и заботливо посмотрел на Вейли.

— Миллион сто семьдесят пять, — веско сказал полковник.

Сэйбор колебался. Это была огромная сумма. Его мать торговалась бы еще час, чтобы сэкономить несколько тысяч.

— Уже поздно, — сказал Сэйбор. — Если вы согласитесь оставить всю сумму на вашем счете в моем банке, я выплачу дополнительно семьдесят одну тысячу в качестве небольшого гонорара ценному клиенту.

Солдаты освободили Вейли и ушли. Сэйбор дал системе команду, и один миллион сто семьдесят пять тысяч нейлов упали на счет полковника Джайны.

Сэйбор преодолел расстояние, разделявшее его с конкубиной. Он обнял ее и почувствовал облегчение от этого прикосновения.

— Глупый ты, Сэйбор.

Она еще раз повторила то же самое в гостинице коммуны Гелавэр, когда они пробились назад, и он доказал к своему удовольствию (и к ее, по всем приметам), что благополучно расстался со своими военными привычками.

— Есть ли какая-то вероятность, — рассуждал Сэйбор, — пусть даже незначительная: когда-нибудь ты поймешь, что значишь для меня так же много, как и я для тебя? Что ты зажигаешь во мне точно такие же чувства, какие и я вызываю в тебе?

— Но я и была задумана, чтобы чувствовать это, Сэйбор. Ты же выбирал.

— Почему-то, моя голубка, я никогда не ощущал, что у меня есть выбор. И могу заверить тебя, что никогда не буду этого ощущать. Никогда. Ни-ког-да.

Конечно же, она никогда полностью не верила ему. Он мог взглянуть ей в лицо и увидеть это. Но она была. Она жива. Его рука покоится на ее животе. Его дисплей прокручивает проекты по показателям спрос-прибыль для новой крабовой программы Гелавэра.

Сэйбор Хэйвери сосредоточил внимание на двух своих главных увлечениях.

**Перевел с английского
Андрей МЯСНИКОВ**

Л Е О Н И Д К А Г А Н О В

МАЙОР БОГДАМИР

Иллюстрация: Игорь ТАРАЧКОВА

СПАСАЕТ ДЕНЬГИ

МАЙОР БОГДАМИР НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

У же, казалось, и кино изобрели, и компьютерные игры, и даже мыслепутешествия — смотри на самые разные несчастья и убийства сколько душе угодно. Но все же понимают, что они ненастоящие, правильно? Поэтому едва что-нибудь произойдет в реальности — тут же набегает толпа любопытных. Им бы лететь домой, запустить виртуал, отрезать голову-две виртуальной бензопилой — и смотри на тела и кровищу хоть до вечера. Так нет же!

Примерно так рассуждал капитан патрульной службы милицейского подразделения Сириуса, глядя в иллюминатор из своего звездолета на сборище яхт всякого рода зевак, слетевшихся в этот Богом забытый уголок пространства. Капитан был толст и лыс, ему очень хотелось пива. Но пиво за штурвалом запрещалось даже штатским, а здесь вот-вот должен был появиться следователь прокуратуры собственной персоной и даже, кажется, с напарником. Капитан еще раз поглядел на часы — да, вот-вот должен появиться. И он действительно появился.

Небольшой белый катер спортивной модели заложил крутой вираж, приветливо высунул манипулятор и помахал им. Сперва капитан решил, что это приперся еще один зевака, но катер после маневра сразу направился к милицейскому звездолету.

А через минуту в шлюзе раздался грохот тяжелых сапог, и в рубке появился человек огромного роста, но довольно молодой: лет двадцать пять—тридцать. Был он одет в брезентовую куртку самого штатского вида и такие же грубые космические панталоны, в каких пенсионеры летают на свои дачные шестьсот соток малообжитых планеток. На щеке, если приглядеться, угадывался хорошо залеченный шрам от лазерного луча, на виске виднелось странно знакомое родимое пятно в форме звездочки, а на могучем носу сидели старомодные черные очки. В сочетании с мускулистой фигурой они придавали следователю вид космического бандита, если бы не характерная четкость движений, которая выдавала военную выправку.

— Старший следователь Вселенского уголовного розыска майор Хома Богдамир! — отрекомендовался прибывший, махнув лазерным удостоверением.

Капитан удивленно изогнул бровь, но сделал вид, будто не удивился — это имя он определенно где-то слышал, вот только где?

— Капитан патрульной службы Стрыжик! — представился он.

— Почему не убрали штатских зевак? — майор Богдамир указал пальцем-сарделькой в сторону иллюминатора.

— Да как их уберешь... — вздохнул капитан Стрыжик. — Они ж как эти... Как если чего — так у них же это... Событие, так они сразу и... Э!.. Вы куда?

Но майор его не слушал. Оттеснив капитана, он сел за пульт и взялся за микрофон вакуумного рупора.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ СУДАМ! — гаркнул он. — В СВЯЗИ С УТЕЧКОЙ ВИРУСА И ЗАРАЖЕНИЕМ ПРОСТРАНСТВА КОСМИЧЕСКОЙ ЧУМКОЙ ПРОСИМ ОСТАТЬСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ПОНЯТЫЕ!

— Какой чумкой? — удивился Стрыжик.

— Не знаю, — ответил Богдамир. — Но всегда действует.

И действительно, яхты за иллюминатором пришли в движение. Одна за другой они стартовали с места и уходили в далекий космос. Вскоре вокруг не осталось ни одного судна, кроме белого катера Богдамира, покачивающегося рядом на стыковочном трапе.

— Теперь можно работать, — Хома Богдамир встал. — Итак, что произошло?

— Трупы обнаружила супружеская чета, прогуливающаяся мимо — Ольга и Оксана, — быстро затараторил капитан. — Они и позвонили в милицию. Я выловил трупы, — капитан Стрыжик сглотнул, — выловил трупы сачком из вакуумного пространства и поместил в грузовой отсек...

— Плохо, — сказал Богдамир. — Могли потеряться следы.

Капитан Стрыжик смутился — ему казалось, что майор сверлит его глазами из-под очков.

— Продолжайте, — сказал Богдамир. — Сколько было трупов?

— Два... Инкассатор-пилот и инкассатор-штурман... Место, где плавали трупы, я очертил по инструкции планктонным маркером. Вот... — капитан услужливо отдернул занавесочку иллюминатора, хотя она особо и не загораживала обзор.

Посреди космоса, такого же черного, как очки Богдамира, висели два зеленых светящихся контура. Это явно были тела, очерченные планктонным маркером. Выглядели контуры, прямо скажем, неважно. То ли в этом месте Вселенная расширялась особенно стремительно, то ли здесь дули какие-то неизвестные науке вакуумные течения, а может, планктон размыло сквозняками дюз, но контуры неприлично расширились — раз в сто. Кроме того, они приняли странные очертания. У одной фигуры вырос горб, у другой — вытянулась нога и неестественно выгнулась назад.

— Вы не смотрите, что они... — смущенно начал капитан, но следователь его прервал.

— Я и не смотрю, — отрезал Хома Богдамир. — У меня нет глаз. Капитан Стрыжик открыл от удивления рот, но тут же сообразил, что следователь шутит.

— Не шучу, — сурово произнес Хома, словно прочел его мысли. — Просто у меня хорошо развиты остальные чувства. Вижу я только инфракрасные лучи, причем моно. — С этими словами он повернулся и жестом фокусника вынул из воздуха две белые перчатки. — Хочу ощупать трупы, — произнес он, не меняя интонации, и капитану эти слова показались роковыми и даже зловещими.

Трупы выглядели как любые тела, которых коснулась злая рука вакуума. Тому, кто ни разу в жизни не видел, что творит вакуум с живыми организмами, можно посоветовать купить хороших сосисок в натуральной белкозиновой оболочке и поставить их вариться на плиту. А тем временем отойти буквально на секундочку к компьютеру узнать, не прислали ли чего нового, и вернуться к плите, как только все новое будет хорошенько проверено.

Богдамира это не смущало: становилось понятно, что вакуумные трупы для старшего следователя вещь привычная, бытовая.

На самом деле Богдамир считал эти трупы прекрасно сохранившимися, и его можно понять: вся органика была в одном месте. А такую органику современная наномедицина запросто могла бы восстановить и привести обратно в живое состояние, поскольку безнадежных трупов не бывает. Безнадежными, как известно, бывают лишь трупы, рассеянные в пыль после террористических акций, но их вряд ли можно считать трупами. Впрочем, хороши трупы или нет — в данном случае становилось уже не важно: даже если бы их отремонтировали, жить в таком трупе оказалось бы уже некому — сознание владельца безнадежно исчезло.

— Огромная потеря крови, — пробормотал Хома.

— Вакуум... — развел руками Стрыжик.

— Горло, — задумчиво произнес Хома, распрямляясь над столом и шевеля пальцами покрасневших от крови перчаток. — Горло у обоих перерезано острым предметом! В рапорте говорилось, что они погибли от взрыва.

— Удивляюсь, где вы у них горло-то нашли... Я сперва пытался горло найти — оказалось, коленка...

— Далее, — продолжал Хома. — Мозг пострадавших напрочь выбит.

— Ну, вакуум... — опять затынул свое Стрыжик.

— Вакуум — не вакуум, — строго сказал Хома, — а в рапорте надо было указать!

Он свистом подозвал робота-мусорщика, стянул перчатки и швырнул ему в бак.

— Сам инкассаторский броневик исчез, — продолжал Хома, не то констатируя, не то спрашивая.

Капитан вздохнул и только развел руками.

— Свидетелей нет... — произнес Хома тем же тоном.

— Откуда ж они здесь, свидетели?

— Никаких предметов не найдено, — продолжал Хома.

— Не найдено... — вздохнул капитан. — Чего же здесь искать-то?

Пустой космос...

— Равняйсь, — тем же спокойным тоном скомандовал Богдамир.

— Как вы сказали? — недоуменно переспросил капитан.

— РАВНЯЙСЬ!!! — рывкнул Богдамир так, что капитан непроизвольно вытянулся и даже встал на цыпочки. — УПАЛ НА ПОЛ!!! ОТЖАЛСЯ ДВАДЦАТЬ РАЗ!!!

Пока капитан пыхтел на полу, Хома стоял к нему спиной, заложив руки за спину, и сверлил взглядом стену грузового отсека.

— Преступная безответственность! — выговаривал Хома, не поворачивая головы. — За полдня не сделано ничего! Не установлен рейс! Не выяснены личности! Улики затоптаны! Трупы не осмотрены... Куда встаем?! Я сказал: двадцать раз, а не восемнадцать!!! Почему пивом пахнет на милицейском крейсере?! А вот это что? Что это?

Вконец запыхавшийся капитан Стрыжик поднялся и на негнущихся ногах подошел к Богдамиру — в пальцах у того был зажат зеленый лоскуток.

— Я спрашиваю: что у меня в руках? — отчеканил Богдамир.

— Н-н-н-не могу знать! То... товарищ майор! — еле выговорил Стрыжик.

Майор Богдамир повернулся. Он был огромен. Казалось, его очки сейчас слетят и глаза сожгут капитана.

— Это, — веско произнес Богдамир, — половина стодолларовой банкноты. И она валялась в космосе. Мой напарник подобрал ее манипулятором, когда мы подлетали сюда. Откуда она? — он покачал банкнотой перед носом Стрыжика. — Банкнота свежая, только из пачки.

Стрыжик потянулся за банкнотой, но Хома отвел руку:

— Отставить! Там могут быть отпечатки! Так откуда в космосе половина новенькой стодолларовой купюры?

— Так это... — Стрыжик открыл рот и снова закрыл. — Наверно, это... От инкассаторов! Да! Они везли, наверно, деньги!

— Наверно, деньги! — передразнил Богдамир. — Но ведь инкассаторы — нормальные люди. И они пользуются безналичными кредитками, так? При каких обстоятельствах инкассаторы распечатывают опломбированный трюм и рвут банкноты?

— Н-н-не знаю...

— Вот и я не знаю, — веско ответил Богдамир. — Кто мог проникнуть на их корабль, распечатать трюм и драться с ними за банкноты?

— Может, — капитан сглотнул, — может, это все-таки их собственная банкнота?

— Может, — сказал Богдамир, спрятал ключок и зашагал к выходу.

— Все может быть, товарищ Стрыжик. Младший лейтенант Стрыжик, — сурово добавил он со значением и, не оборачиваясь, толкнул дверь шлюза.

Вернувшись на свой катер, майор Богдамир шлепнул пальцы на панель и на ошупь набрал несколько запросов. А сам крепко задумался. Ограбление космических инкассаторов на трассе, да еще с угоном крейсера — дело небывалое. В конце концов, не двадцатый век на дворе и даже не двадцать первый.

— Итак, что нам известно? — начал Богдамир рассуждать вслух. — Инкассаторы Южного Вселенского банка России перевозили наличность в Северо-Восточный Вселенский Российский банк: один миллиард долларов. Один миллиард, два трупa и ключок банкноты... Абсолютно неясно, с чего начать следствие!

Майор задумчиво чесал подбородок, откинувшись в пилотном кресле.

— Кеша, подъем! — строго позвал майор и сурово пихнул локтем соседнее кресло. — Ты опять будешь сегодня дрыхнуть весь день?

В соседнем кресле заворочался крупный генетически модифицированный пингвин Кеша. Он приподнял голову и недовольно открыл один глаз. Потом закрыл его и открыл другой. На голове Кеша, как обычно после сна, торчали нечесанные перья.

Старшему следователю Вселенского уголовного розыска полагался не напарник, а генетически модифицированная ищейка. Но обоняние и у самого Хома было великолепным с рождения — однажды он даже на спор с друзьями переоделся гигантским сенбернаром и получил золотые медали на вселенском конкурсе служебных собак «Рваная грел-

ка» сразу во всех шести номинациях: спасательной, розыскной, караульной, ездовой, пастушьей и по экстерьеру.

Короче говоря, Богдамир в собаке не нуждался. Он нуждался в толковом напарнике, который умел бы читать. С Кешей Хома познакомился случайно, совсем по другому поводу и при довольно трагических обстоятельствах, но это совсем другая история. Показал себя Кеша в тот раз куда умнее не только собаки, но и самого Богдамира с его начальством. С тех самых пор Кеша поступил на службу во Вселенский уголовный розыск, и они стали работать вместе.

Сейчас Кеша ворочался в кресле — лениво поплеывал на свое крыло и пытался им пригладить на голове веер перьев, делавших его похожим на попугая.

— Что, Кеша? — улыбка разрежала суровое лицо майора. — С чего начнем следствие?

Кеша молчал. Он неплохо умел разговаривать, но временами впадал в абсолютную молчаливость, особенно в летний сезон года. Это была довольно странная черта характера, которую сам Кеша объяснял особенностями пингвиного метаболизма. Вообще у него было много странных черт. Например, Кеша являлся убежденным расистом. Предметом его лютой ненависти были голуби, хотя объяснить почему, Кеша толком не мог, а версия о пингвином метаболизме здесь никак не работала. Но по большому счету он был прекрасным напарником и не раз спасал Богдамиру жизнь в абсолютно безвыходных ситуациях. Они работали вместе уже не первый год. Сейчас вместо ответа Кеша чесал крылом желтое брюхо.

Становилось ясно, что на помощь Кеши пока рассчитывать не приходится. И тогда майор Богдамир решил применить свой алгоритмический метод, который никогда не давал сбоев.

— Доллары, — принялся он размышлять вслух. — Что мы знаем о долларах? Доллары — прямоугольные. Доллары — зеленые. Факт. Что мы знаем о прямоугольниках? Ничего. Что мы знаем о зеленых? Мы знаем «Общество Зеленых»! Кеша, как тебе идея нанести визит «Обществу Зеленых»?

Кеша склонил голову и лениво почесал пузо другим крылом. Хома понял, что идею Кеша не одобряет.

Панель тем временем пискнула, выбрасывая запрошенные данные. Кеша меланхолично уставился в экран. Но через секунду взгляд его стал более осмысленным, он приосанился, ожил, завертел головой и защелкал клювом.

— Читай вслух! — потребовал Богдамир.

— В «Общщество Зеленых»! — скомандовал Кеша. — По дороге расскажжу!

Богдамиру не надо было повторять два раза, если он чувствовал, что Кеша взял след. Богдамир пристегнул ремень, снял катер с космического ручника и до упора вдавил педаль старта.

МАЙОР БОГДАМИР В ОФИСЕ ЗЕЛЕННЫХ

Центральный офис «Вселенского общества Зеленых» находился, разумеется, на Луне. Так было сделано специально — чтобы всегда находиться на виду у жителей Земли, а любые манифестации экологов с флагами и транспарантами были заметны всякую ночь почти невооруженным глазом.

Территория вокруг офисного купола и песчаная аллея, ведущая к парковочной площадке, были густо обсажены зелеными елками. Сперва здесь пытались посадить настоящие, но вскоре оказалось, что деревья в вакууме не растут. Пришлось расставить пластиковые.

— Могу спорить, эти деревья собрали сюда при помощи частных пожертвований, — пробормотал Хома, когда они шагали по аллее к куполу.

— А спорим, нет! — мигом откликнулся Кеша с пингвинным азартом.

— Да.

— Нет!

— Я сказал: да.

— Докажи!

— Алгоритмично, Кеша, — Богдамир обвел рукой аллею. — Все елки разных моделей. Все довольно старые. И почти на каждой заметны обрывки мишуры.

Кеша не нашелся, что возразить, только раздосадованно зашипел. Он работал в уголовном розыске не так давно и всякий раз завидовал мастерству опытного Богдамира, использующего в умозаключениях свой знаменитый алгоритмический метод, которому его обучили в детстве приемные родители.

Над входом в купол висел красочный плакат. «Долой курение!» — гласил лозунг, под которым был схематично нарисован табачный куст. Художник изобразил на кусте большие карие глаза, хранящие скорбь всего рода пасленовых, и печально открытый рот, из которого тянулось белое облачко с текстом: «Я хочу жить, а меня хотят скурить!».

Всего этого Богдамир, разумеется, увидеть не мог. Как не мог он увидеть логотип «Общества Зеленых» на прозрачной двери: рука, держащая голубя.

Зато логотип прекрасно разглядел Кеша. С угрожающим клетотом он подпрыгнул и стремительно заковылял к двери с той быстротой, какую позволял пингвиний скафандр.

— Луна для пингввиноввв!!! — шипел Кеша. — Голллуби!!! Убиррайтесь в свой Паррижжж!!!

Подскочив к двери, Кеша принялся оплевывать ее. Из этого ничего не вышло, поскольку Кешу и логотип разделяло прозрачное стекло шлема скафандра. Вскоре подоспел Богдамир, схватил беснующегося Кешу под мышку и вошел в офис.

Здесь было пустынно, лишь в центре холла ворочался и вздыхал на своем постаменте громадный механический муляж шарообразной формы. Светящаяся надпись на постаменте гласила: «Они убили меня ради своей шкуры». Богдамир сперва решил, что это голубой кит или рыба-собака, хотя он не помнил, какую шкуру получают из этих исчезнувших животных. К тому же тоненький мышиный хвостик муляжа и полное отсутствие глаз немного смущали. А вот Кеша, получивший в юности прекрасное биологическое образование, без труда опознал вибрион холеры.

К гостям выкатился на своих двух колесиках робот-секретарь — слегка взъерошенный и с нездоровым зеленым огоньком в зрительных окулярах, какой бывает у роботов, пристрастившихся злоупотреблять оптоволоком.

— Добро пожаловаться! — бойко начал он. — Чтобы пожаловаться на неблагополучную экологическую обстановку — зайдите в кабинку номер один! Чтобы пожаловаться на экологическое преступление и оформить донос — зайдите в кабинку номер два! Чтобы пожаловаться по другому поводу — зайдите в кабинку номер три!

— Майор Хома Богдамир, уголовный розыск, — сухо представился Хома. — Мне необходимо поговорить с руководством «Общества Зеленых». Оно работает сегодня?

— Господин директор работает ежедневно двадцать четыре часа в сутки без выходных и отпусков! — сообщил робот с затаенной гордостью. — Но сейчас у него важный телеразговор. Он длится уже третий час.

— Ничего, мы подождем.

— Пройдите в приемную, — робот приглашающе махнул рукой.

Кеша и Богдамир поднялись на второй этаж и оказались в приемной.

В углу стояла банкетка из натурального пластика, а рядом журнальный столик, где лежала стопка помятых фототаблоидов, здоровенная книга в алом переплете, а рядом такая же, только совсем крошечная — она напоминала брелок для ключей. Надпись на большой книге гласила — «Красная книга: редкие и вымирающие животные и растения». На крохотной — «Красенькая книжечка: редкие и вымирающие бактерии и вирусы».

Дверь кабинета была плотно закрыта, но отчетливо доносились яростные крики. Без всяких сомнений, телеразговор там шел полным ходом.

Чтобы скоротать время, Кеша принялся читать вслух сообщения на доске объявлений «Наши достижения за минувший год». Читал он их ехидно и слегка похохатывал, хлопая себя крыльями по бокам: *Преступному засорению — НЕТ! Собрано 200 тысяч подписей жителей Земли против засорения радиозфира передачами, переговорами и сигналами!.. Врага знать в юридическое лицо! Издан полный справочник комбинатов, продолжающих выращивать в неволе, а затем убивать живые растения для производства продуктов питания!*

А Богдамир прислушивался к шуму из-за двери. Оттуда все время доносился лишь один голос, высокий и истеричный:

— Сами вы токсичная мерзость! — орал этот голос. — Сами вы черная гадость! Это люди — гадость! В сотый раз повторяю: если до пятницы администрация Тюменского заповедника не даст разрешения на захоронение, то мы оформляем документы в Международный экологический суд!

Обладателю истеричного голоса, похоже, пытались возражать, но он не реагировал и продолжал свое:

— Природа сама знает, что ей гадость, а что ей не гадость! Взял? Положь на место! Взял? Положь! Для чего-то же она там лежала миллионы лет?! Вернуть все как было, да! — он на секунду умолк, прислушиваясь к своему невидимому собеседнику. — Ничего не знаю! Мы синтезировали три миллиона баррелей! Цистерны уже летят с Урана, и мы просто выльем ее сверху на заповедник, если вы не дадите захоронить как положено: и под землей на разной глубине, и на поверхности в лужицах. Все, как было при Ломоносове! Точка! Если что — встретимся в суде!

В кабинете что-то брякнулось со всей силы, и голос смолк. Зато начал раздаваться гулкой топот, словно по полу с размаху колотили утюгами.

— Что хотят, то и творят! — доносилось визгливое бормотание.

Хома решительно шагнул вперед, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее. За дверью колыхалась зеленая занавеска гиперполя. Богдамир с Кешей шагнули сквозь нее и от неожиданности чуть не грохнулись на пол — гравитация в кабинете оказалась совсем не лунная, а даже намного больше земной.

Никакого видеотелефона тут не стояло. Только три двери, завешенные гиперполем — друзья вошли через зеленую, но были еще оранжевая и голубая.

Добрую половину кабинета занимал гигантских размеров черный стол, а за ним — совсем уж невероятных масштабов черное кресло с высокой спинкой. Оно было бы велико даже Богдамиру с его ростом в два с половиной метра. Такое кресло, если верить известному психологу Ебожинскому, могло символизировать лишь необыкновенное самомнение владельца, тягу к власти, пустые хлопоты и казенный дом. Но все объяснялось куда проще: директор оказался сам гораздо крупнее Богдамира.

Он был роботом. И нервно шагал по кабинету взад-вперед на стальных копытах, возмущенно мотая огромной головой, напоминавшей бычью. Сзади пониже спины торчал длиннющий толстый кабель-хвост, он вился кольцами по всему кабинету и скрывался где-то за столом. Увидев вошедших, директор остановился и сверкнул глазами объективами.

— Нет, ну вы видали такое?! — театрально взвизгнул он черным решетчатым динамиком в ротовой части головы. — Как воровать у природы нефть, так это мы умели! А как настало время покласть обратно — фигушки?!

Хома и Кеша переглянулись.

— Причем, — продолжал директор, — мы сами ее синтезировали в полном объеме! За счет госбюджета! Но — нет! Мы, видите ли, боимся запачкаться! Боимся, видите ли, грязи на территории нашего уникального Тюменского заповедника! Тьфу!

Он вдруг спохватился, смерил окулярами Богдамира сверху донизу, увидел Кешу и указал на него клешней:

— Мы не принимаем животных! Для этого есть Бобруйский зоопарк, крупнейший в Галактике! Что за манера таскать бездомных зверей в наш офис?

Кеша от возмущения потерял дар речи. Ответил Хома.

— Старший следователь Вселенского уголовного розыска майор Хома Богдамир, — отрекомендовался он. — А это мой напарник, младший лейтенант Ксенофонт Луи де Пиджеон. Он окончил Сорбонну, обладает вспыльчивым характером и званием чемпиона мира по рукопашному бою среди птиц, поэтому я искренне вам советую воздержаться от неполиткорректных высказываний.

Это было не совсем правдой: Сорбонну Кеша так и не закончил — не дотянул одного семестра до диплома. Но очень комплексовал по этому поводу, и Хома старался лишней раз его не травмировать.

— Извиняюсь, — смущенно пробурчал директор, — садитесь, граждане начальники. — Он взмахнул клешней, указав на банкетку, а сам взгромоздился в свое мега-кресло.

Кресло все-таки оказалось слегка больше, чем требовалось для его корпуса.

— Астерий Килобод, — с вызовом представился он, протягивая через стол огромную раздвоенную клешню, напоминавшую промышленные пассатижи. — Идеологический директор «Вселенского общества движения Зеленых». Также являюсь вице-спикером «Партии борьбы за права роботов» и почетным соучредителем движения «ЗЛО» («За легализацию оптоволокну»). Кроме того, работаю правозащитником в нескольких организациях и политических партиях.

— Как же вы всюду успеваете? — удивился Хома, пожимая могучую клешню. — Ваш секретарь сказал, что вы сидите здесь круглые сутки...

— Сижу? Здесь? — саркастически переспросил робот и картинно обвел клешней кабинет. — Здесь, гражданин начальник, как вам известно, муниципальный тюремный изолятор на Плутоне!

Только теперь Богдамир понял, что ему показалось странным в этой комнате — такие стены делали в тюрьмах роботов, чтобы предотвратить ритуальные самоубийства: мягкий пластик не давал роботам возможности убить себя об стену с разбегу.

— А это, как вам известно, — продолжал Астерий, указывая клешней на разноцветные двери — всего лишь сброшены линки из удаленных приемных... Имею право бросать линки в любую точку Вселенной! А я здесь сижу, — он завел клешню за спину, схватил в охапку несколько петель своего хвоста и с горечью подергал им: стало видно, что стальной хвост накрепко приварен к чугунному карабину, вмурованному в стену. — Я здесь сижу под подписку о невыходе! Но вы все равно... — Астерий поднял громкость голоса втрое, со всей си-

лы брякнул клешней по черному столу и поднялся из кресла во весь рост: — **ВЫ ВСЕ РАВНО НЕ СМОЖЕТЕ ЗАПРЕТИТЬ МНЕ ЗАНИМАТЬСЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ! НЕТУ ТАКОГО В ЗАКОНЕ ДЛЯ РОБОТОВ!**

— Нету, — подтвердил Богдамир.

— Тогда какого черта вам здесь понадобилось в моей камере, граждане следователи? Опять эти бесконечные допросы? Что на этот раз вспомнить?! Как я начинал карьеру уличным дворником, подметал ваши мерзкие земные улицы, гудя и мигая желтой лампой? Или как воевал на Меркурии, был ранен, а мне даже ордена не дали?! Или вы опять мне пытаетесь шить дело о прошлогодних беспорядках на Фобосе? Так у меня алиби! Я ни на секунду не переступал порога этого кабинета...

Кеша со всей силы долбанул клювом по столу — так, что во все стороны брызнула черная пластиковая крошка. Астерий осекся.

— Мы к вам, как к руководителю «Общества Зеленых». Нам нужна ваша консультация, — объяснил Богдамир.

В зрительных окулярах Астерия появился неподдельный живой огонек светодиодов, и все в его чугунном лице теперь выглядело более приветливо:

— Так бы сразу и говорили! А то пугать: следователь, следователь... Итак, чем могу быть любезен?

Богдамир кашлянул и перешел к делу: достал из кармана флэшку проектора и спроецировал в воздухе голограмму.

— Вам знакомо это судно?

— Не припоминаю, — Астерий со скрежетом почесал клешней чугунный подбородок. — Вы учтите: десять лет назад на Меркурии я полностью потерял память, и если это было раньше...

— Это инкассаторский крейссер, — зловеще объяснил Кеша.

— У нас есть данные, — продолжил Хома, — что месяц назад броневик был зафрахтован «Обществом Зеленых» для вывоза радиоактивных отходов.

— Позвольте-ка... — оживился Астерий. — Акция «Нашим внукам — чистое Солнце!». Сначала мы провели серию митингов против сброса ядерных отходов на Солнце, а затем устроили показательный вывоз нескольких контейнеров за пределы Солнечной системы. Для этого пришлось действительно зафрахтовать бронированный грузовик в каком-то банке, если надо, сейчас поднимем архивы...

Астерий проворно схватил со стола толстый шланг с массивным

набалдашником, напоминавший мундштук архаического кальяна. Но Хома остановил его взмахом руки.

— Детали пока не важны. Почему вы зафрахтовали не штатный грузовик для вывоза отходов, а инкассаторский? — Богдамир в упор посмотрел на Астерия.

— А вы головой подумали? — Астерий склонил набок рогатую бычью голову. — Это публичная акция! Представьте на минуту: грузовик, обвязанный лентами, цветами, обклеенный транспарантами и детскими рисунками, торжественно стартует с Земли за пределы нашей звездной системы, унося в трюме двадцать — или тридцать, не помню сейчас — килограммов ядерной гадости! Его провожают дети, взрослые и журналисты! Все, кому не безразлична судьба Солнца! Инкассаторский грузовик: а) защищенный, б) радиационно чистый, в) красивый. Вы считаете, надо было взять обычную старую развалину из карьеров на Уране? Автоматический грузовичок из тонкой жестины, весь грязный и светящийся, вусмерть облученный? Загрузить его на Уране ядерной отравой, привезти на Землю, в центр, в парк Большого Каньона? Туда, где дети, матери? Да? Так по-вашему? Да вы преступник!!! — взвизгнул Астерий. — Я, между прочим, много лет возглавлял гарнизон инженерных роботов Меркурия! И я, в отличие от вас, прекрасно знаю, что такое техника безопасности при обращении с радиацией, плазмой и антиплазмой!

— Зачем вообще понадобилось везти отходы на Землю? — перебил Хома.

— Ну а как вы себе представляете акцию? — возмутился Астерий. — Кто бы заметил наш грузовик, если бы он стартовал с Урана? Зато после нашей кампании сброс ядерных отходов на Солнце прекратился! Благодаря нам и депутату Гробаку теперь ядерные отходы увозят в сторону ковша Малой Медведицы!

— Вы чистили броневик после ядерных отходов? Прежде чем вернуть обратно?

— Это зачем? — удивился Астерий. — В трюме броневика возят только деньги из банка в банк, эти деньги все равно грязные, и всякий раз их приходится отмывать заново — так нам ответили в банке.

— Кто пилотировал броневик? — подал голос Кеша.

— Во время нашей акции? — удивился Астерий. — Разумеется, инкассаторы. Никто другой не сможет пилотировать их крейсер при всем желании! Нужны навыки. Да и допуск нужен специальный.

Кеша удивленно взглянул на Богдамира.

— Да, — подтвердил Богдамир задумчиво. — Это так.

— Кто зззаходил внутрь броневика? — продолжал Кеша.

— Броневик прибыл опечатанным с Урана. На Уране его грузили атомные роботы.

— Кто разгружжал броневик?

— Атомные роботы в ковше Малой Медведицы.

— Короче, — подытожил Богдамир, эффектно вынимая из-за пазухи бланк протокола и лазерное перо, — вы готовы подписать показания, что никто, кроме роботов-атомщиков, не ступал на борт броневика?

— Клянусь, — уверенно кивнул Астерий и поставил заковыристую подпись.

— Дача ложных показаний может закончиться для вас тюрьмой, — традиционно предупредил Богдамир.

— Я и так в тюрьме, — хмыкнул Астерий.

— А почтчему вы не спрашшиваете, что случилось? — Кеша с подозрением щелкнул клювом.

— Не мое дело, — с грохотом пожал стальными плечами Астерий.

— А что-то случилось?

— Случилось, — сурово ответил Хома. — Броневик пропал. Инкассаторы убиты. Исчез миллиард бумажных долларов.

Астерий долго молчал.

— Бумажных? — переспросил он.

— Бумажных. Стобаксовыми купюрами.

— Бумажных — это очень плохо. «Общество Зеленых» давно предупреждает: человечеству следует прекратить обращение бумажных денег. Вы знаете, что для изготовления купюр используется бумага из генетически модифицированного хлопка? Во-первых, это издевательство над телами убитых растений. Во-вторых, любое вмешательство в природный генофонд оскорбительно для Господа Бога! А значит, и оскорбляет всех верующих! Я, между прочим, верующий пятого разряда и пою в нашем тюремном хореале караоке-молебны!

— Хм... — презрительно щелкнул клювом Кеша, который всегда был атеистом в летний сезон года.

— Официально заявляю, как внештатный правозащитник Комитета авторских прав природы! — продолжал грохотать Астерий. — Хочешь создать свой генофонд — создавай, никто не в силах тебе помешать! Но брать без спросу чужие разработки?! Ковырять Божий код и переделывать под свои нужды?! — Астерий поднялся из кресла, обводя кабинет горящим взглядом ярко-красных светодиодов, и гневно повысил громкость вдвое: — ДА ЕСЛИ БЫ ГОСПОДЬ БОГ ХОТЬ РАЗ

ПОЯВИЛСЯ В НАШЕМ МИРЕ И ПРЕДЪЯВИЛ ИСК ПО АВТОРСКИМ ПРАВАМ, ТО ВСЕ, КТО ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ ИСПОЛЬЗОВАЛ ПЕРЕДЕЛАННЫЕ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОДЫ ГОСПОДА БОГА НАШЕГО... ВЫ БЫ ВСЕ ТУТ СЕЛИ ПО ТЮРЬМАМ! ПОГОЛОВНО!

— Хм... — сказал Хома Богдамир, и они переглянулись с Кешей.

— Ну и последнее, — продолжил Астерий, опускаясь в кресло. — Генетически модифицированный хлопок еще до конца не изучен! Никто не знает, как эти доллары могут аукнуться потомству наших внуков!

— Доллары делают из генетически модифицированного хлопка с конца двадцатого века! — не выдержал Кеша. — Больше ста лет!

— И что это доказывает? — Астерий картинно всплеснул клешнями. — И кто сегодня может знать наверняка, к чему это в итоге приведет? Кто-нибудь смог доказать, что они абсолютно безопасны для людей, животных и роботов? Кто даст гарантию, что они не мутируют дальше? Что они не заразят своей пагубной мутацией все вокруг, превращая окружающие растения, животных и людей в доллары? А? Что такое сто лет? Вы дадите гарантию, что они останутся безопасными следующие сто лет? Двести? Триста? Тысячу? Миллион? — Астерий замер, театрально воздев клешни-пассатижи вверх и подняв рогатую голову, будто смотрел в небеса, а не в потолок своей камеры.

Наступила тишина, и Кеша уже возмущенно распахнул клюв, но в этот момент снова зазвенел телефон Астерия. Он с дребезгом воткнул шланг в лобовой разъем и долго слушал молча, склонив рогатую голову.

— Благодарю, — кратко произнес он и выдернул разъем, в который уже раз высыпав на стол горсть синих искр — видно, разъем не на шутку разболтался от ежеминутного использования.

Секунду Астерий глядел в пространство остановившимся взглядом, затем ожил.

— Ну вот, пожалуйста! — торжествующе воскликнул он. — Вот! Очевидец сообщил: утечка вируса в районе Сириуса! Заражение пространства космической чумкой! Двое уже скончались на месте! Он своими глазами видел два трупа в космосе! А власти скрывают и отмалчиваются вместо того, чтоб бить тревогу!

— Коссмическая чумка?! — презрительно фыркнул Кеша. — Это еще чччто?

— Понятия не имею, я не биолог! — гордо отрезал Астерий, вновь схватился за разъем, с треском вонзил его в лоб и заорал: — Алло! Со-

едините с приемной президента! Это директор «Общества Зеленых» по вопросу эпидемии! Что? Куда? Хамло!!! ЕС F3 E4 E8 EB E8 F9 E5 20 E7 E0 EB F3 EF EE E3 EB E0 E7 EE E5 20 F8 EE E1 20 F2 E5 20 F5 F3 E9 20 ED E0 20 EF FF F2 EA E5 20 E2 FB F0 EE F1 20 EA E0 EA 20 F1 F1 E0 F2 FC 20 F2 E0 EA 20 F0 E0 E7 F3 E2 E0 F2 FC F1 FF!!!

Он вынул изо лба разъем и с отвращением посмотрел на него. Затем поднял взгляд окуляров и с таким же отвращением поглядел на Богдамира с Кешей.

— Больше я вам не смогу уделить ни минуты! Сами видите, сколько дел навалилось! — И он снова вогнал разъем в лоб.

— Сссоссем с ума посссходили, — возмущался Кеша, пока они спускались в вестибюль первого этажа. — То атипичная диарея... то вакуумный грипп... то зубное бешенство... Больных никто не видел, но зато воплей в новостях...

Навстречу выскочил знакомый робот-секретарь и увязался следом. В руке он держал электронную кассу-копилку для кредиток.

— Уже уходите? — деланно удивился он, вытягивая вперед копилку. — Сейчас проходит акция: сбор пожертвований на лечение океанических рыб-инвалидов, больных гидроцефалией...

Кеша попытался что-то сказать, но Богдамир ловко застегнул его скафандр и шагнул прочь из офиса, крепко сжимая пингвина под мышкой. Робот выскочил следом. Судя по всему, он собрался провожать их через аллею до самой парковки — бежал следом и верещал на селекторной частоте скафандров:

— Мы приглашаем вас и вашего пернатого друга посетить цикл лекций! Первая лекция бесплатна, остальные — за свободное пожертвование. Размер пожертвования — восемнадцать кредитных единиц. Тема лекций: «О вреде генетически модифицированных людей и животных»...

Это он произнес зря. Хома от неожиданности слегка ослабил хватку, и Кеше удалось вырваться. Поэтому закончить робот не успел.

Каждому ребенку известно, что пингвин в космическом скафандре — самое неповоротливое существо во Вселенной. Анекдоты не лгут — это действительно так. Но ведь это был не обычный пингвин, а Кеша, обладавший прекрасно тренированным телом. Он носил скафандр боевой модели, да и легкая лунная гравитация тоже играла ему на руку. Взбешенный Кеша в прыжке нанес удар левой с разворота.

Хома к тому моменту успел лишь обернуться, все, что он смог заметить — две рифленые подошвы робота-секретаря, стремительно уле-

тающего по направлению к офису. Робот врезался в стену сбоку от входа, и она рухнула. Во все стороны брызнули куски пластика и гранита. Треснул и разлетелся стеклянный логотип на двери с изображением ладони и голубя. Из недр разбитого вестибюля выкатился огромный муляж холерного вибриона и, подпрыгивая, покатился прочь, судорожно мотая тоненьким хвостиком и оставляя за собой широкую просеку поваленных елок.

Если бы вакуум умел передавать звук, то он бы сейчас наполнился грохотом, скрежетом, звоном разбитого стекла, стонами робота-секретаря, яростным шипением воздуха, выходящего из развороченного вестибюля, и громогласным воем аварийных сирен разгерметизации — их до сих пор делают звуковыми по непонятной традиции.

Кеша сам не ожидал такого эффекта: страшна в рукопашном бою низкая лунная гравитация! Богдамир опомнился первым.

— DF E9 F6 E5 EC F3 E4 E8 EB EE! — выругался он на Кешу, схватил его и в два прыжка достиг катера.

Подняв облако желтой лунной пыли, катер рванул с места и скрылся за поворотом орбиты.

МАЙОР БОГДАМИР В ЮЖНОМ ВСЕЛЕНСКОМ БАНКЕ РОССИИ

Покинув Луну, Хома некоторое время вел катер молча, а вскоре и вовсе притормозил в кольцах Сатурна. Он любил это тихое и укромное место, словно созданное для размышлений. Для начала он включил аудиосводку известий, и в кабине зазвучали последние новости часа:

Большую озабоченность вызвал факт эпидемии космической чумки в регионе Сириуса. По словам одного из очевидцев, вирус космической чумки раньше поражал только перелетные астероиды, кометы, планеты и звезды, но под действием космической радиации Сириуса вирус мутировал и стал опасен для человека.

Мощный взрыв прогремел только что на Луне в вестибюле «Вселенского общества Зеленых». От взрыва пострадали фасад здания и дежурный робот, он доставлен в экстренную мастерскую, техники борются за его жизнь. Эксперты считают, что в теракте была использована каучуковая бомба — она обнаружена неподалеку в густом ельнике, где продолжает подпрыгивать. Ответственность за теракт уже взяла на себя группировка славянских исламистов «АкбарЪ».

Хома выключил новости и толкнул напарника локтем.

— Ну? — сказал он. — Какие предложения? С «Обществом Зеле-

ных» мы, пожалуй, ошиблись. Хотя мне чудится что-то алгоритмичное в той куче информации, которую получило следствие.

— Творожку бы поклевать... — зевнул Кеша во весь клюв и сонно прикрыл пернатые веки.

— Будем рассуждать алгоритмически, — снова начал Хома. — Кому могло быть выгодно ограбление? Инкассаторам — скорее всего, нет. К тому же у них алиби — они погибли. Банку, куда везли деньги, тоже нет выгоды — к нему бы деньги и так попали, верно? Значит, все дело в банке, который деньги отправлял. Не нанести ли нам визит туда?

Кеша молчал — он спал крепким пингвиным сном. Тогда Хома взялся за рычаги управления, катер плавно вышел из колец Сатурна и лег на звездную трассу.

Южный Вселенский банк России располагался, как нетрудно догадаться, в южной части российской Вселенной. Кеша спал, и Богдамир решил оставить его в катере.

Здание банка высилось гигантской зеркальной пирамидой на безлюдной равнине самой крупной планеты самой крупной звезды в Южном Кресте. Даже без психолога Ебожинского каждому становилось понятно, что руководство банка стремится таким образом подчеркнуть свой имидж. Выбор самой крупной планеты призван символизировать мощь банка, огромное зеркальное здание в форме египетской пирамиды — древние корни и вечную нерушимость, ну а безлюдность самой планеты, заполненной едкой хлорной атмосферой, явно должна намекать, что банк в этом мире занимает центральное место и никакие другие банки ему не ровня.

На парковочной площадке царило оживление. Стояли десятками грузовики, а роботы-грузчики с носами, сизыми от хлорных испарений, выносили ящики, коробки, шкафы, кадки с цветами, ковры и прочее убранство. Попав в хлорную атмосферу, ковры тут же становились белыми, а пластиковые пальмы желтели и теряли лепестки, но роботов это не смущало.

Двери шлюза оказались распахнуты настежь: похоже, кислорода в здании не осталось, только хлорный туман. Холл первого этажа оказался пуст и заброшен — похоже, отсюда вынесли все, даже банкетки ожидания и пропускные турникеты. Хома сделал несколько шагов, удивленно озираясь, но тут зазвучали каблучки, и в холле появилась дамочка в элегантном противохлорном скафандре. Одной рукой она

прижимала к груди массивный степлер, в другой держала промышленный шредер для уничтожения кредиток. Лицо у дамы было счастливое, но изможденное.

— Разрешите вам помочь! — галантно шелкнул каблуками Богдамир.

— Нет, нет, нет! — кокетливо запротестовала дама. — Я сама! Разве что поддержите меня под руку...

Богдамир аккуратно взял даму под локоть и зашагал рядом. Они прошли по стоянке и вышли к маленькой дамской яхте, стоявшей в отдалении. Женщина попробовала запихнуть шредер в багажный отсек, но там уже не было места — все пространство яхты занимали пустой сейф, облачный проектор для открытых презентаций и автомат соевых чипсов.

Дама в изнеможении поставила шредер в хлорную лужицу, сверху опустила степлер. На ее лице появилось страдание.

— Может быть, в кабину? — с надеждой предложила она.

Богдамир заглянул в кабину. Там было занято все, даже место водителя. Коробки с канцелярскими защелками, два автомата-подметальщика, кадка с почти натуральной финиковой пальмой и диск столешницы от стола переговоров. Все это было огромное, масштабное, промышленное — одним словом, офисное.

— Да-а-а... — протянул Богдамир. — А далеко ли переезжает Южный Вселенский банк России?

— Почему переезжает? — удивилась дама. — Банк наш закрылся совсем!

— Закрылся?! — удивился Хома. — Отчего вдруг?

Дама повернулась к Богдамиру задом скафандра, нагнулась в глубь кабины и принялась обеими руками ворочать там столешницу с таким остервенением, на которое способны лишь очень хозяйственные темпераментные женщины.

— Вы знаете, — объясняла дама, — по статистике средний срок жизни среднего вселенского банка составляет полтора-два года. Дальше кривая рентабельности падает... — дама рванулась, внутри кабины что-то захрустело и мелко просыпалось между сиденьями. — Бизнес в этот момент выгодней продать, чем сохранить. — Она высунулась из кабины. — А вы наш кредитчик?

— М-м-м... — неопределенно ответил Хома. — А что будет с кредитчиками?

— На вас это не отразится, — дама снова наклонилась, и ее бюст исчез внутри кабины. — Тендер выиграл Мировой Российский, теперь

ваши счета будет вести он. Но офисное имущество передано ему без описи! И пока есть момент...

— Кстати, если уж у нас зашла речь о деньгах, — аккуратно начал Богдамир. — Я слышал, будто сегодня произошло ограбление века...

— Ах, вы про инкассаторов? — вздохнула дама. — Да-да, ужасно.

— Говорят, пропало много бумажных денег...

— Их все равно вывозили по распределению. А вот ребят жалко. Никита и Роджер... Или Никола и Роберт?

— Вы не были с ними близко знакомы? — участливо спросил Богдамир.

— Не так уж и близко... — сказала дама. — Да и они геями были, добрая им память. Но на корпоративных вечеринках за одним столом сидели бывало.

— Из начальства в здании никого не осталось? — спросил Богдамир.

— Начальства полгода нет, а здание вот-вот отключат. Смотрите!

Богдамир обернулся. Грузовики один за другим тихо стартовали и уходили в низкое хлорное небо. А здание — огромная пирамида — все еще стояло. Но по его контурам ползла та характерная рябь, какая бывает, если здание выстроено из силовых полей, а конфигуратор обессточивают. Верхушка пирамиды задрожала, а грани зашевелились и начали разъезжаться, словно были сложены из листов фанеры, а вовсе не из силового поля. Тут уже не осталось никаких сомнений — если начались сбои в позиционировании перекрытий, значит, здание отключено. И действительно, в следующую секунду огромная зеркальная пирамида вспыхнула и исчезла. На миг стали видны горы ненужных предметов и мусора, зависшие кучами в воздухе, словно на гигантской этажерке — в тех местах, где только что были этажи. Но мощная гравитация крупной планеты не дала им долго висеть — в следующую секунду гряда мусора рухнула, подняв кучу пыли и хлорных брызг. К счастью, Богдамир и дама стояли далеко.

— Вот и все, — произнесла дама облегченно. — Банк лопнул... Знаете что? Возьмите степлер! Он у меня не помещается.

МАЙОР БОГДАМИР В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ВСЕЛЕНСКОМ РОССИЙСКОМ БАНКЕ

Богдамир решил навестить второй банк срочно — пока и тот не лопнул. Главный офис Северо-Восточного Вселенского Российского банка находился за Туманностью Андромеды. Хома водил пальцем по стертым выпуклостям и впадинам звездного глобуса для слепых, про-

клиная дурацкую моду строить банки в самых дальних концах Вселенной. Известно, что финансисты — самые жадные существа в мире, и в эпоху полного перехода на электронно-сетевые расчеты они предпочитали экономить на арендной плате, вынося свои шикарные офисы туда, где земля стоила сущие копейки. Этот банк был, пожалуй, рекордсменом по жадности — он располагался в таком далеком месте чужой галактики, где цена места под офисную застройку была отрицательной: правительство доплачивало за освоение таких дальних мест. Кеша деловито полистал навигационную карту и быстро нашел удобный маршрут.

Дорога оказалась хорошей: до Андромеды шла скоростная правительственная магистраль, далее значился ориентир-маяк на маленьком астероиде, он назывался Мужской монастырь Фиана и Иофана физической близости небесных сфер и был помечен в атласе как памятник старинного зодчества, охраняемый государством. Кеша, нацепив обзорные 3D-очки, радостно сообщил, что видит кислородный купол подворья и бородатого мужика, который порет во дворе логарифмической линейкой своих послушников-дипломников. Разумеется, это были Кешины фантазии — такие мелочи нельзя различить из далекого космоса. За монастырем был поворот на новую трассу, просторную и хорошо размеченную гипервешками. Она привела прямо к банку, выстроенному на уютной планете с хорошей кислородной атмосферой.

Гостей встречал совершенно круглый человек. Круглым в нем было все, и даже улыбка разрезала его лицо идеальным полукругом. Квадратными, пожалуй, были только зубы — белые и одинаковые, как листки, выданные из блокнота, что наводило на мысль о генетическом модифицировании.

— Адольф Стейк, — протянул улыбающийся человек круглую ладошку. — Генеральный директор по управлению направлениями.

— Старший следователь майор Хома Богдамир.

— Как? Тот самый? — господин Стейк удивленно склонил голову.

— Однофамилец, — соврал Богдамир. — Со мной служебный пингвин.

— Кеша, — шелкнул клювом Кеша, протягивая для рукопожатия крыло.

— Очень! Очень рад! — произнес господин Стейк совершенно счастливым голосом, обеими ладошками сжимая Кешино крыло. — Пройдемте, прошу вас! Пройдемте в переговорную, все уже накрыто!

Стейк потер мизинцем переносицу и громко чихнул в раструб электронного турникета. Технология идентификации личности по чи-

ханию немного уступала новомодной технологии по шмыганью носом, но была куда надежнее идентификации сотрудников по кашлю.

Они шли по коридорам — мимо гигантских комнат, сверкающих девушками и терминалами, мимо суетливых роботов, перебегающих дорогу с листами старомодных бумаг и новомодных кристаллограмм, мимо офисных поилок-кормилок, источающих ароматы кофе и соевого попкорна, мимо игральные автоматов и призывно мигающих разноцветными лампочками санузлов, на лифте и снова сквозь анфилады комнат мимо санузлов и поилок. Адольф Стейк не бежал, а словно катился впереди, и Богдамир с его размашистой походкой едва за ним поспевал.

На столе переговорной комнаты лежала самая настоящая скатерть, а на ней стояла ваза с самым настоящим печеньем. Кеша сразу на него накинусь, забравшись на стол перепончатыми ногами.

— Простите... — пробормотал Богдамир, стаскивая Кешу.

— Нет-нет! — воскликнул Стейк. — Восхитительно! Замечательно! Ваш пингвин — это поистине...

— К делу, — сухо оборвал Богдамир. — Вопрос первый: почему вы такой радостный?

— Я? — растерялся господин Стейк. Его рот и глаза стали идеально круглыми.

— Вы. У вашего банка пропал миллиард долларов. Почему вы не в трауре?

Но господин Адольф уже пришел в себя и широко улыбался.

— Во-первых, профессия современного банковского работника, — веско начал он, — требует определенного внешнего вида, образа речи и мыслей. Мы обязаны носить улыбку — таков наш повседневный труд. Во-вторых, буду с вами честен: пропажа балансной наличности — огромная удача для нашего банка!

— Не понимаю, — Богдамир навел на него свои черные очки, а Кеша даже прекратил клевать печенье и замер с печеньюшкой, торчащей из уголка клюва. — Вы везли свои деньги через полкосмоса в инкассаторском броневике. Они пропали. В чем повод для радости?

Стейк поднял свои круглые ладошки, покрутил ими в воздухе и снова опустил вдоль туловища.

— Я почту за честь совершить с вами небольшое путешествие в мир финансовых технологий! Современная финансовая система не использует деньги. С середины двадцать первого века мы пользуемся исключительно антиденьгами. Все мы живем в кредит. Недвижимость, движимость, энергия, продукты питания, одежда, связь, вода, воздух —

все это мы получаем гораздо раньше, чем сумеем оплатить. Но наши взаимные кредиты настолько высоки, что оплатить их полностью мы уже не сумеем никогда. Более того — это никому не нужно! Более того — это крайне нежелательно для экономики! Ситуация, когда все должники, когда каждое лицо, физическое или юридическое, состоит у всего мира в огромном неоплатном долгу — это крайне благоприятно для развития и процветания общества!

— Почему? — Богдамир недоуменно поднял брови.

— Долги тонизируют и заставляют работать. Представьте такой пример: я обещаю вам платить килограмм золота каждый день...

— Зачем мне золото? — удивился Богдамир.

— Золото — это традиционный пример. Итак, я обещаю вам ежедневно килограмм золота, чтобы вы пылесосили свою квартиру и читали еженедельник «Economy Geographic». Заметьте: свою квартиру, не мою. А вы за это обещаете давать мне ежедневно такой же килограмм золота, чтобы я делал зарядку и соблюдал диету! Что у нас с вами получается? Вы живете в чистоте и повышаете свое образование. А я укрепляю свое здоровье. Все это мы делаем не бесплатно, а по долгу, во взаимозачет — за счет несметных килограммов золота. Которого на самом деле ни у кого из нас нет и никогда не было. Понимаете? А теперь представьте себе то же самое в масштабах Вселенной. Понимаете?

— Кажется, начинаю понимать...

— Так мы и живем. Набираем кредиты во время покупки и списываем на баланс работодателя во время зарплаты. Разумеется, кредит не безграничен — образно говоря, вы не можете взять обязательство делать зарядку на такую астрономическую сумму, чтобы купить, скажем, Луну за миллиард. Если, конечно, ваше имя не Майк Задди, — пошутил господин Стейк и сам засмеялся шутке.

— Луна для пингвинов! — строго произнес Кеша и полез на стол к печеню, но Богдамир тихонько наступил ему на ласту. Стейк сделал вид, будто ничего не заметил.

— Ага! — насторожился Богдамир. — Луна стоит миллиард? И пропал тоже ровно миллиард! Нет ли здесь связи?

— Увы, ни малейшей, — покачал головой господин Стейк. — Пропали балансные доллары, а стоимость — в кредитных единицах.

— Зачем тогда нужны наличные деньги?

— О! — поднял палец Стейк, его глаза восторженно засияли, а рот округлился. — О!

— Что — о?

— О — вы сами ответили на свой вопрос! Наличные балансные средства в современной финансовой системе нужны как, простите, звезде рукав! То есть совершенно не нужны! Как и где вы потратите наличный баланс? Кто и в каком маржете возьмет из ваших рук денежную купюру? Или килограмм золота? Окредитить балансную наличность — не-ре-аль-но. Ни в одном банке, ни под какие проценты!

— Тогда заччем?! — повторил Кеша.

— А как же иначе? — улыбнулся господин Стейк. — Древняя бумажная наличность — это же не что иное, как наш с вами пресловутый золотой запас из примера с зарядкой! Который никому не нужен, но мы должны постоянно иметь в виду, что он где-то есть и очень ценен!

— Я не понимаю, — сказал Богдамир.

— Я тожже! — проверещал Кеша.

Господин Стейк терпеливо сложил круглые ладошки перед грудью, как хомячок, а затем снова их развел в стороны.

— Вот вы — следователь, так? Вы покупаете энергию, еду, новую яхту...

— Яхта у меня казенная, — перебил Богдамир.

— Не важно! Вы покупаете домой еду...

— Еду домой покупает жена, — перебил Богдамир.

— Не важно! — взмахнул рукой Стейк. — Но ведь она же, как говорится, не халява?

— Почему? — удивился Богдамир. — Фамилия моей жены как раз Халява. Евгения Халява.

— Не важно! — замахал руками господин Стейк. — Представьте, что вы перестали брать кредиты, перестали есть, пить, жить, но продолжаете только работать. Чисто гипотетически! В какой-то момент вдруг сложится такая ситуация, что все ваши взятые кредиты полностью погасятся.

— Это невозможно, — покачал головой Богдамир.

— Представьте, что вам повысили зарплату в сто раз. Вы нашли клад в созвездии Весов. Или стали звездой эстрады, как Майк Задди. Но, в отличие от Майка Задди, вы не покупаете замков в Антарктиде, не заказываете операций по пересадке своего мозга в тело дельфина...

— Антарктида для пингвинов! — перебил Кеша.

— Так вот, рано или поздно сложится ситуация, когда ваш заработок полностью погасит все ваши кредиты. И вы выйдете в ноль! Допустим, вы продолжите свои бешеные заработки. И тогда — что? Вы выйдете в плюс! Банковская система вывернется наизнанку и, образно говоря, изрыгнет вам в ладони вот эти самые настоящие балансные

деньги, о существовании которых вы раньше лишь что-то читали в журнале «Economyie Geographico».

— Что я с ними буду делать?

— О! — круглые глаза господина Стейка засияли. — Вот именно! В самую точку! «Что я с ними буду делать»! Да! Они лягут на вас тяжким грузом, и вы их тщетно будете пытаться тратить. Тратить! Менять! Вкладывать! Давать на хранение! Короче — бедствовать. Потому что не запустили вовремя кредитные отношения и остались с балансной наличностью! — господин Стейк вздохнул. — Вот так мы с ней и мучаемся...

— Кто — мы? — насторожился Богдамир.

— Мы — крупные вселенские банки.

— Так... — Богдамир в упор уставился на него стеклами своих очков. — Вот кое-что уже проясняется... Значит, вы были заинтересованы в том, чтобы инкассаторский броневой крейсер исчез?

— Безусловно! — ответил господин Стейк, но спохватился: — Разумеется, люди, человеческие жертвы, они несоизмеримы... Наши соблезнования сотрудникам и семьям... Само собой... Но с точки зрения экономики — да.

— А ваш партнер, который пересылал эту наличность?

— Кто? Южный Вселенский банк России? У него-то тем более все замечательно: ведь он лопнул, удачно спихнув нам всю свою наличность в погашение кредита! Мы же получим теперь страховку.

— Та-а-ак, — заинтересованно протянул Богдамир. — Страховку. Очень любопытно.

— Страховка, как вы понимаете, кредитна, — объяснил господин Стейк. — Можно сказать, что единственный способ окредитить наличность — потерять ее. Страховая компания, к счастью, не обладает наличностью, поэтому она как бы берет у нас кредит и будет его погашать по этому страховому случаю бесконечно долго.

— В убытке осталась страховая компания? — уточнил Богдамир.

— Почему же? — улыбнулся господин Стейк. — Наоборот! Ее страховой фонд резко вырос на эту сумму! Вы представляете, на какие астрономические суммы она теперь сможет заключить страховые договоры с клиентами?!

— Ниччего не понимаю!!! — не выдержал Кеша.

— Сейчас объясню! — господин Стейк снова сложил ладошки и увлеченно начал: — Как работает страховая компания? Каждый ее клиент ежемесячно получает кредитную пеню, которая складывается из суммы оценок рисков...

— Пожалуй, пока достаточно, — перебил Богдамир. — Я все понял. То есть верю. Банкам — выгодно, страховой компании — тоже выгодно... Кто же пострадал?

— Вы, — господин Адольф Стейк безмятежно улыбался.

Богдамир и Кеша переглянулись.

— Как вы сказали? — изогнул бровь Богдамир. — Я?

— Вы. И пингвин. Ну, и я, конечно. Пропала во Вселенной и списана огромная балансная наличность — значит, подскочил общий инфляционный баланс! Теперь все чуть-чуть подорожает. Уже подорожало. Вы не заправляли сегодня свою яхту на энергозаправках? Значит, еще увидите. Не бойтесь, там не так уж много инфляции — четыре с половиной процента от мирового уровня.

— Я подожду заправлять свою яхту, пока не найду пропавший миллиард.

— Спасибо вам, конечно, — господин Стейк смущенно развел руками и потупился. — Но энергетическое топливо все равно уже не подешевеет...

— Я найду деньги еще до вечера, не будь я майор Богдамир! — рявкнул Хома.

— Но топливо... не подешевеет, — произнес Стейк, стараясь говорить как можно мягче. — Ведь из-за ограбления произошел кризис топливных компаний.

— Какой же кризис, если деньги я найду?!

— Ну вы же взрослый человек, — мягко улыбнулся господин Стейк. — Вы же умный человек. Так? Вы можете припомнить хоть один случай, хоть одно происшествие в истории человечества, хоть какую-нибудь потерю, находку, какой-нибудь кризис или, наоборот, всплеск с расцветом, в результате которого энергия хоть бы чуть-чуть ПОДЕШЕВЕЛА?

МАЙОР БОГДАМИР НА ОБЕДЕННОМ ПЕРЕРЫВЕ

Весь долгий путь обратно Хома Богдамир и пингвин Кеша спорили на неполиткорректную тему. Кеша, убежденный расист, доказывал, что роботы обнаглели. «Они вытесняют нас, — кричал Кеша. — Нас, белковых организмов, вытесняют с рабочих должностей, а сами размножаются с дикой скоростью! Они уже давно добились прав личности, практически обрели равноправие! Они повсюду, и недалек тот день, когда им разрешат избираться в правительство! Они совершенно охамели, не стесняясь нас, разговаривают на своем дебильном языке, куда ни выйдешь — только и слышен отвратительный скрежет машин-

однажды слушать ток-шоу, где известный психолог Ебожинский красиво объяснял странную любовь наших предков ко всему фальшивому: к фальшивым стенам, полам и потолкам в офисах и квартирах древней эпохи. Правда, сути его теории Хома не запомнил. С психологами ведь всегда так: пока говорит — мир прост и понятен, будто освещен неземным светом. Рот закрыл — свет погасил.

К вошедшим тут же подбежал управляющий робот с кожухом, искусно выполненным в виде костюма древнего офисного работника: пиджак, галстук, на поясе батарея мобильных и пейджеров, взгляд устремлен точно на подбородок собеседника, а на лице — заискивающая улыбка, какие носили офисные менеджеры той далекой эпохи.

— Доброго времени суток! — затрещал робот. — Как дела? Что нового? Как погода? Курс валют?

А вот кланяться в те годы, насколько Богдамир слышал, было уже не модно. Но робот поклонился, продолжая бормотать дежурные вопросы-комплименты, и, конечно, заметил Кешу.

— Я очень сожалею, — сказал управляющий, распрямляясь, — наш ресторан не обслуживает животных. Кафе для животных и комната ожидания хозяев с кинозалом находятся на третьем этаже Торг-маркета.

— Дисскриминация!!! — взбеленился Кеша.

Он принялся наскокивать на управляющего и агрессивно поклевывать пластиковые штанины кожуха, которые издавали при этом глухой стук.

— Я что, тварь дрожжащая? Или право имею жжжрать со своим напарником?

— Очень сожалею, — повторил управляющий, продолжая глядеть исключительно на подбородок Богдамира. — Наш ресторан не обслуживает животных.

Хома попытался обратиться к роботу на техническом коде, которым в совершенстве владел с детства:

— D2 FB 20 F1 F3 EA E0 2C 20 E2 E5 E4 F0 EE 20 F2 F0 E0 ED E7 E8 F1 F2 EE F0 EE E2 2C 20 ED E0 20 EA EE E3 EE 20 E7 E0 E3 F0 E5 EC E5 EB 20 E4 E8 ED E0 EC E8 EA EE EC 3F 20 C4 EE EB E1 E0 F2 FC 20 F2 E2 EE FE 20 ED E0 EB E0 E4 F7 E8 F6 F3 20 E2 EE 20 E2 F1 E5 20 F0 E0 E7 FA E5 EC FB 20 EA E8 EB EE E2 EE EB FC F2 EE EC 21!

В общении с роботами такие слова не раз ему помогли быстро найти общий язык. Но не сейчас.

— CF F8 E5 EB 20 ED E0 F5 F3 E9 20 E8 20 ED E8 E8 E1 E5 F2 21, — с той же вежливостью парировал управляющий. — Наш ресторан не обслуживает животных.

Не говоря ни слова, Хома сгрел Кешу под мышку и вышел.

Хома долго уговаривал Кешу отправиться в дешевую механическую закусочную класса «М», которая в любых Торгмаркетах непременно находится в подвальном этаже. Но Кеша наотрез отказывался. Он кричал, что синтетику из «М» даже голуби клевать брезгуют, а людям, тем более мыслящим пингвинам, это несмыываемый позор. Кеша кричал, что хамский ресторан его оскорбил в лучших чувствах, и теперь он во что бы то ни стало снова пойдет туда и вернется поевшим — на столе или под столом! Они спорили долго. Наконец Кеша выдал последний аргумент: зря что ли так долго стояли в дверях и так подробно рассматривали интерьер этого гнусного места, чтобы теперь уйти и никогда больше туда не вернуться? Этот довод, как ни странно, показался Богдамиру веским. Кеша спрятался в большой пакет. С этим пакетом Хома снова переступил порог ресторанчика «Старое ООО».

— Доброго времени суток! — затрещал робот-управляющий как ни в чем не бывало. — Как дела? Что нового? Как погода? Курс валют?

Он поклонился и повел Хому в угол к одному ему известному столику, словно заранее приберег его для дорогого гостя. Столик был такой же, как и прочие — серая поверхность, на ней баночки с заменителями соли и перца в форме мобилы и пейджера.

За то время, пока они ходили, в ресторане появились и другие посетители: трое крупных парней в черных куртках космических экспедиционеров. Они сидели за большим столом вдалеке, а вокруг них суетились киберофициантки. Одна умело расставляла перед гостями кружки с темным пивом, стараясь повернуть их так, чтобы логотип бросался в глаза. Другая устанавливала в центре стола горячую фен-дюшницу и программировала электрогорелку. На официантках были корпуса офисных барышень: мини-юбка с силиконовыми ногами, строгий серый пиджак, очки, парик с тремя слоями геля и лицо, жестко опаленное солярием. Точно такая же официантка подбежала и к столику Богдамира. Вручила меню в виде ламинированного листа древнего факса и упорхнула, резво перебирая силиконовыми поршнями.

Кеша выбрался, шурша, из пакета, забрался на колено Хоме, повернул к меню правый глаз и принялся читать вслух.

накалывая кусок сои и тоже опуская в раскаленную жижу. — Натурального соевого нигде уже нет.

— Пакстер, я те говорю: в этом рестике все натуральное. Я специально спрашивал. — Он вдруг призывно шелкнул пальцами: — Эй! Робот! Робот!

Тут же подбежала официантка.

— Это соевое масло из натуральной сои? Или искусственное, идентичное натуральному? — строго спросил тот, кого звали Кристером, кивая на котелок фондюшницы.

— Офигительное масло! — улыбнулась официантка. — Из-под Самары!

— Ну вот видишь! — повернулся Кристер.

Третий собеседник молча хлебал пиво и глядел на светящиеся жалюзи.

— А ведь распогодилось, — без интонации произнес он, почти не шевеля губами. — Хотя было пасмурно.

— Если небо пасмурное, — бодро откликнулся Кристер, — значит, майор Богдамир посмотрел на Солнце, и оно от страха спряталось за тучу!

Все трое ухмыльнулись.

Кеша выглянул из-под стола и посмотрел в их сторону. Но они были увлечены беседой, сидели кто спиной, кто вполоборота и, похоже, вообще не замечали, что в зале есть кто-то, кроме них. Тогда Кеша вопросительно посмотрел на Хому.

— Народное творчество, — буркнул Хома. — Распиарили журналисты в сериалах мои былые подвиги, будь они прокляты.

Кеша зло шелкнул клювом, но ничего не ответил и уткнулся в миску с творогом.

— Однажды майора Богдамира спросили, — донеслось с дальнего столика, — почему ему сто лет, а он не стареет, почему у него ноги-сопла, глаза-лазеры и ядерный мозг? Моя молодость, ответил Богдамир, благодаря генам трехсотлетнего крокодила, ноги-сопла — гены каракатицы, а глаза-лазеры — гены медузы и электрического ската. А мой ядерный мозг сделан из ядра грецкого ореха!

Троица захохотала еще громче. Кеша снова высунулся и вопросительно посмотрел на Богдамира.

— Полный бред, — объяснил Хома. — Мне вовсе не сто лет, а двадцать семь. Сто лет детским комиксам про того Богдамира, в честь которого меня назвали. И ноги у меня самые обычные. И мозг обычный.

Разумеется, Кеша все это знал. Но продолжал смотреть на Хому во-

просительным взглядом. Хома увлеченно уплетал сырники, показывая, что вопрос исчерпан. Кеша пожал тем местом туловища, где у пингвинов находятся плечи, и снова уткнулся в миску с творогом.

Сидевшие за дальним столиком тем временем продолжали:

— ...Значит, вы генетически модифицированный? И Богдамир ответил: что за глупости, я родился естественным путем! Просто моя мама работала в Бобруйском зоопарке, была большой затейницей и устраивала веселые оргии!

Сидящие загоготали на весь зал.

Кеша снова высунулся. Глаза его налились кровью. Богдамир успокаивающе погладил друга по пернатой голове.

— Это не про меня. Тебе же известно, я круглый сирота из какой-нибудь генетической лаборатории, ни отца, ни матери нет. Если даже я не знаю, как появился на свет, откуда могут знать эти придурки?

А троица шумела все громче:

— Однажды майор Богдамир посмотрел на небо и увидел, что ручка ковша Малой Медведицы украшена большой красивой звездой. Скромнее надо быть, укоризненно сказал Богдамир ковшу, выковырял из ручки звезду и повесил себе на грудь!

Троица захихикала. Брякнули, сдвигаясь, кружки.

— Совсем не так было... — смущенно объяснил Хома. — На Меркурии я отобрал у террориста пульт управления орбитальной капсулой с антиплазмой, которой тот собирался взорвать Солнце. Что мне было с ней делать? Я и решил запульнуть ее от греха подальше. А насчет Полярной звезды — так это вовсе не моя была идея! Я просто слишком буквально понял напутственные слова адмирала, когда тот объяснял принцип действия антиплазмы. Молодой был, глупый. И Орден Звезды в тот раз мне дали совсем по другому поводу, о судьбе капсулы еще никто не знал. А Звезду, наоборот, отобрали через несколько лет, когда Полярная вдруг перестала светить...

Издаലെка снова послышалось шипение мяса и бойкий голос:

— Однажды майор Богдамир попал по службе в далекое прошлое, где на него напали хищные ящерицы. Майор Богдамир сжег их взглядом в черный пепел и вернулся обратно. Так вымерли динозавры и появился каменный уголь!*

Кеша зло прищурился. Дважды качнул клювом слева направо. И взглянул вопросительно.

* Эта история подробно описана в моем романе «Майор Богдамир против юрского периода», который выйдет в 2036 году. (Здесь и далее прим. авт.)

— Нет-нет-нет, — замотал головой Хома. — Только без клювоприкладства, Кеша! Не заводись по пустякам.

— А вот еще частушка! — заорал хмельной голос. — Как на китель Богдамира плюнул сверху голубь мира...*

— Кеша! — предостерегающе зашептал Хома, хватая спутника за крыло. И вовремя — удалось сохранить и творог, и покой в ресторане. Хотот утих.

— Ну а вот эту, вот эту частушку знаете? — раздалось бойко. — Олигархи, жизнь страхуя, Богдамиру дали мзды...**

Хома не знал этой частушки. Наверно, потому и не выдержал.

Сперва он вытер пот со лба, чтобы не мешал взгляду. В инфракрасном свете фондюшница виднелась превосходно: горячий кремнепластовый горшок с маслом. Прекрасная мишень. Хома аккуратно приподнял за дужку свои старомодные черные очки.

— Давай, давай! — радостно зашипел Кеша. — Так их! Чтоб фонтаном полыхнуло!

Хома напрягся. Его костяные зрачки закатились. А вместо них из глазниц высунулись вперед тугие цилиндры лазерных пушек. Напряглись железы электрического ската. Зажглись в глазницах алым огнем светящиеся клетки медузы. Зашевелились, фокусируя пучок, линзы, сотканые кремниевыми бактериями. Из глазниц ударили два лазерных луча и точно сфокусировались на боку фондюшницы. Хома специально сместил лучевой удар в диапазон, не видимый обычным глазом. Фондюшница начала стремительно разогреваться. Но масло не собиралось ни закипать, ни загораться.

— Сссстареешь, — меланхолично процедил пингвин.

Хома сжал зубы еще крепче и напрягся изо всех сил, вкладывая в лучевой удар всю мощь. Тщетно. Казалось, лазерная энергия не властна над злополучным горшком с маслом. Будто заколдован.

— Эй, ну хватит! — заволновался Кеша. — Десять секунд! Ты чего? Слона изжаришь!

— Что-то душно, — глухо произнес один из парней, не шевеля губами. — Парило какое-то.

— Да это от фондю жарит... — кивнул другой и отсел подальше.

* Эта история подробно описана в моем романе «Майор Богдалмир — часовой Галактики», который выйдет в 2041 году.

** Эта история подробно рассказана в моем романе «Майор Богдалмир — дистрибьютор добра» в 2054 году, но публикацию запретят. Так бывает в нашей стране, если дело касается олигархов.

— Ой... — воскликнул третий хриплым басом.

Все трое замолчали, пялясь на фондюшницу. От нее плыл тяжелый масляный пар. Кеша спрятался глубоко под стол. Хома надел очки и сделал вид, будто занят своей тарелкой.

В гробовой тишине донесся зловещий постук — это падали на стол куски стальных вилок, переплавившихся в тех местах, где соприкасались с горшком. А вскоре и сам горшок с тихим шипением пополз вниз. Стальная электрическая нагревалка под ним рассыпалась, раскатившись по столу серебристыми шариками, словно ртуть. Горшок плавно вошел в столешницу и начал в ней тонуть. Стол не горел и не плавился — он испарялся белым паром, уступая горшку дорогу.

Первым опомнился хрипатый.

— Плазма!!! — истошно заорал он и бросился к выходу.

Его спутники кинулись следом. На шум выкатилась кибердевушка.

— Эй! А платить?! — обиженно закричала она вслед, но парней уже не было.

Стол вдруг вспыхнул алым пламенем и тут же осел черной пылью. Словно в замедленном мире горшок понесся к полу, на ходу наклоняясь, упал на ворс, чуть подпрыгнул и опрокинулся, разливаясь. Пламя хлестнуло до самого потолка. Выскочили остальные кибердевушки и как по команде сбросили свои декоративные кожухи. Разлетелись в разные стороны пиджаки, парики, лица из солярия и розовые силиконовые ноги. Официантки превратились в груды электронных плат и сервомоторов. Из их внутренностей ползли шланги встроенных огнегасителей.

— Спасайтесь! Пожар! — заорал Хоме выскочивший откуда-то робот-управляющий и кинулся к нему, расставив руки — примеривался схватить и вынести из помещения по инструкции.

Но Хома среагировал быстрее: ухватил Кешу за хвост и уже через секунду неся по лестнице вниз с восемнадцатого этажа.

На улице оказалось спокойно. Здесь никто бы и не подумал, что на восемнадцатом бушует пожар. Не валил дым, не хлестали языки пламени из окон. Впрочем, окон в том ресторане и не было.

— А чччто ты хотел сделать-то? — ехидно осведомился Кеша.

— Масло слегка поджечь... — вздохнул Богдамир. — Кто ж знал, что оно синтетическое?! Синтетическое соевое масло не горит и не взрывается. Разогревается до сорока тысяч градусов и превращается в пар...

— И этим нас корррмят?! — с омерзением замахал клювом Кеша.

МАЙОР БОГДАМИР ПРИМЕНЯЕТ АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ МЕТОД

Вернувшись в кольца Сатурна, Хома выключил двигатель, и включил новости. Новости были не очень обнадеживающие:

Пострадавший в Лунном теракте робот пришел в себя в мастерской штата Индиана, но не смог ничего рассказать журналистам: как это всегда бывает с роботами, он потерял оперативную память о последних пятнадцати минутах перед взрывом, которую не успел скопировать на жесткий носитель. Кроме того, в его внутренних механизмах техники обнаружили следы злоупотребления оптоволокном — возбуждено уголовное дело.

Пожар в здании Торгцентра поселка Мещанский на Венере удалось локализовать. Людей и роботов пожарным удалось вовремя эвакуировать, никто из них не пострадал. По мнению экспертов, причиной пожара стал выброс солнечной плазмы.

Хома, казалось, не слушал — он напряженно о чем-то думал. Кеша зевал во весь клюв. Катер находился в самой гуще колец Сатурна, в щели Кассини. Сторона была солнечной, но Богдамир точно знал, что уже поздний вечер по Гринвичу.

— Уже поздний вечер по Гринвичу, — строго сказал он, обращаясь не то к Кеше, не то к булыжникам кольца, проплывающим вдоль боковых иллюминаторов. — А наше расследование еще не закончено! И преступники все еще на свободе!

— Мало данных, — Кеша пожал тем местом, где у пингинов плечи. — Мало фактов.

— Фактов, — строго оборвал напарника Богдамир, — более чем достаточно. Мы везде побывали и все самое важное услышали. Все факты нам уже давно известны, осталось сделать умозаключение.

Кеша подпрыгнул на сиденье, повернулся к Хоме и уставился на него изумленно.

— Ты готов называть пррреступников? — чирикнул он.

— Разумеется, нет, — строго отчеканил Богдамир. — Назвать преступников мне не позволяет презумпция невиновности. Но я точно знаю, кто они.

— Кккто? — взвизгнул Кеша.

— примени алгоритмический метод! Если ты не научишься рассуждать и вести следствие, так и останешься младшим лейтенантом!

Кеша зашипел, обиженно взъерошил перья и стал похож на черно-желтый шар. Богдамир смягчился.

— Хорошо, я помогу. Давай попробуем рассуждать вместе, — начал он. — Деньги вылетели из банка и не прилетели в банк. Так?

— Так! — шелкнул клювом Кеша.

— Никакая из подозреваемых организаций не была в этом заинтересована. Так?

— Так! — шелкнул клювом Кеша.

— Никто не смог бы эти деньги использовать в своих целях. Так?

— Так! Так! Так! — возбужденно зашелкал клювом Кеша. — Так кто жже украл деньги и убил инкассаторов?!

— Ну? — суровое лицо Богдамира разрежала улыбка. — Осталось лишь применить алгоритмический метод! Почему же ты не хочешь этого сделать? Ты ждешь, пока факты сами к тебе придут? Да, они придут! Но тогда уже будет поздно что-то сделать!

И, словно ответом ему, в кабине затрещал звонок вызова.

— Майор Богдамир у аппарата, — привычно откликнулся Хома, положив ладони на пульт.

На экране появилось круглое лицо капитана патрульной службы Стрыжика. Если бы Богдамир мог видеть изображение не экране, он бы понял, что вид у Стрыжика запыхавшийся.

— Товарищ майор Богдамир, разрешите доложить! — закричал Стрыжик. — Как вы и велели, я поискал в базах и установил рейс инкассатора! И выяснил личности погибших!

— Я такого не велел, — удивился майор Богдамир.

Стрыжик скис.

— Ну това-а-арищ майор! — произнес он жалобно. — Ну пожалуйста, не подавайте рапорт, будто я плохо работаю и ничего не сделал...

— Хорошо, — смягчился Богдамир. — Итак, личности погибших?

— Одного инкассатора зовут Никола, другого Роджер! — обрадованно затараторил капитан Стрыжик. — Прописаны оба по одному адресу: Солнечная система, Земля, штат Германия, озеро... — капитан Стрыжик сбился и, похоже, глянул в наладонник, — озеро Глоррайхерзигсвассер. Грюн Аллее 1.

— Спасибо, капитан Стрыжик, — официальным тоном ответил Богдамир. — Вы очень помогли следствию. Вам будет выражена благодарность!

— Это не все! — затараторил Стрыжик. — Обнаружен труп на энергетической станции! У него перерезано горло, и...

— Это сейчас не важно, — перебил майор Богдамир. — Последнее задание. Свяжитесь с Вселенским уголовным розыском, доложите, что Богдамир просит помощи: пусть немедленно перебрасывают в это место все милицейские войска! Но только чтобы все они были роботы и вооружены огнеметами. Действуйте!

— На энергетическую станцию?

— На озеро Глоррайхерзигсвассер. Грюн Аллее 1.

Стрыжик удивленно открыл рот и стал очень похож на Кешу, который точно так же сейчас смотрел на Богдамира, раскрыв клюв.

— Та... та... так точно! — наконец выговорил Стрыжик.

Майор Богдамир отключил связь.

— Ты религиозен в это время года? — спросил он Кешу, кладя руку на рычаг управления, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Если да, то молись, Кеша, чтобы это задание не оказалось для нас последним. Для нас и для всех жителей Вселенной. На Бога уповаем, как говорили древние.

— Да поччему? — подпрыгнул Кеша. — Поччему?

Богдамир задумчиво вынул из кармана маленький зеленый обрывок — кусочек банкноты, подобранный утром в космическом пространстве. И положил его на пульт перед собой.

— Потому что, Кеша, — грустно вздохнул он, — сейчас начнется самое интересное.

МАЙОР БОГДАМИР И САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ

Озеро Глоррайхерзигсвассер они заметили не сразу. Отчасти потому, что время неумолимо шло к полуночи. А может, потому, что озеро было маленьким и квадратным. Строили его, судя по названию, не так давно — в честь объединения Земли. По одну сторону озера светился ряд коттеджей, по другую — раскинулся национальный парк.

— Наверно, туда! — Кеша указал крылом на вереницу коттеджей.

— Туда, — Богдамир покачал головой и свернул к берегу, поросшему лесом. — Алгоритмично, Кеша, если номер дома один — значит, он на аллее всего один. И это, кстати, поможет избежать лишних жертв среди гражданского населения...

Кеша замолчал, сосредоточенно размышляя — это было видно по перьям на макушке. Каждый раз, когда он сосредоточенно размышлял, перья на его макушке вставали дыбом.

— Кажжжется, я догадываюсссь... — прошептал он. — Это инкасаторы! Только пилоты могут управлять крейссером!

— Алгоритмично! — похвалил Богдамир. — Кстати, вот и крейсер!

Кеша выглянул в иллюминатор. В свете луны тускло поблескивал инкассаторский броневик. Он стоял, чуть покосившись, на частной парковочной площадке среди деревьев. Узенькая, но уверенная дорожка вела от площадки к большому коттеджу, выстроенному в форме готического замка. Замок был невысокий — двухэтажное здание из красного кирпича с башней посередине. Похоже, инкассаторы были зверскими любителями старинной готики. Над деревьями возвышалась башня здания. Окна дома были темны, и фонари у крыльца не горели. Лишь зеленоватый свет полной луны освещал замок и деревья. В лунном сиянии зловеще поблескивал циферблат декоративных часов на башне, показывавший не то два двадцать, не то четыре десять, хотя на самом деле время приближалось к полуночи. Но что было самым мерзким — над башней в полной тишине кружила зловещая воронка из птиц.

— Воррроны... — презрительно зашипел Кеша.

— Где?

— Над замком! — Кеша указал крылом. — Ссспасибо, что не голуби...

— Я не вижу, — ответил Богдамир, мягко приземляя катер в кустах за парковочной площадкой.

— Да вон же, их тысячи! — Кеша ткнул крылом в зловещий вихрь на фоне луны.

— Не вижу, — повторил Богдамир и раскрыл дверцу катера.

В кабину тут же ворвался настоящий земной воздух. Известно, что на каждой планете с подходящей атмосферой свой букет запахов. Свой запах даже в каждом поселке под куполом. Но так, как пахнет воздух на Земле, — такого больше нет нигде во всей Вселенной! Кабина наполнилась запахом листвы, запахом воды, земли и песка.

— Как пахнет! — романтично произнес Кеша.

— Это кажется, — возразил Богдамир, — деньги не пахнут.

Кеша привычно схватил бластер и нацепил его на пояс, но Богдамир покачал головой.

— Оставь. Мы не можем рисковать человеческими жизнями.

Кеша недоуменно посмотрел на Богдамира, а затем стал засовывать за пояс свою большую лупу.

— И это не надо, — сказал Хома.

— Я всегда беру на расследование свою большую лупу! — обиделся Кеша.

— Расследование окончено. Наступило оперативное мероприятие, — веско ответил Богдамир и не удержался: — Вообще-то мне казалось, что ты уже все понял. Ты так и не применил алгоритмический метод?

Кеша хмуро отцепил бластер и кинул его в «бардачок». А Богдамир тем временем взял степлер и многозначительно повесил себе на пояс.

Они аккуратно вылезли из кабины и ступили на мягкий грунт парка. Богдамир замер, прислушиваясь.

— Кеша, погляди, птицы твои где летают?

— Сам посмотри! Ты выше!

— Я же слепой, — напомнил Богдамир. — Вижу только в инфракрасном свете. Забыл?

— Ты их не видишь?

— Нет.

Кеша уставился на него еще более недоуменно, но ничего не сказал. Он задрал голову и стал смотреть в ночное небо.

— Над нами не летают, — доложил он.

— Меня интересует броневик.

— Сейчассс посмотрю... — Кеша крадучись пошлепал вперед, Хома — за ним.

— Нет никого, — прошептал Кеша, выглядывая из-за ровно подстриженных кустиков, окаймлявших парковку. — Броневик пусстой. Люк распахнут.

— Вперед! — скомандовал Богдамир, перепрыгнул кустики и скрылся в люке.

Кеша прыгнул за ним, хотя без бластера чувствовал себя очень неуютно.

В рубке броневика царил такой беспорядок, словно здесь много часов шла драка. А вот массивная дверь в сейфовый отсек оказалась заперта на все электронные замки, рычаги и кольцевые штурвалы.

— Чую запах крови, — произнес Хома.

Кеша тут же выхватил свою лупу, по-птичьему вывернул голову, поднес ее к глазу и пополз по полу.

— Пррооклятая куриная сслепота... — шипел он. — Ссейчас зазгу фонарик...

— Фонарик нельзя! — остановил напарника Богдамир. — Я и так чую, что на полу кровь. Ты лучше посмотри сюда: сейфовый отсек закрыт!

— Закрыт, — подтвердил Кеша, обнюхивая стальную дверь. — И попыток вззлома не вижу. Так можжет, и деньги на мессте?

Он попытался заглянуть в щель под дверь, но разглядеть в темноте ничего не смог.

— Денег там нет, — ответил Богдамир. — Можешь не искать. И вообще держись подальше от сейфового отсека, там достаточно грязно.

— Кровь? — встрепенулся Кеша.

— Нет. Радиация. Ты же помнишь, здесь везли ядерные отходы?

— Ниччего не понимаю! Инкассаторы открыли дверь, взяли деньги и ззакрыли обратно?

— Кеша, — вздохнул Богдамир, — ну подумай сам: будь ты руководителем банка, ты бы дал своим инкассаторам ключи и пароли от сейфа? Чтобы они посреди космоса лезли в хранилище и пересчитывали наличность? К тому же инкассаторы мертвы.

— Я не видел трупов! — возразил Кеша с вызовом.

— Зато я видел, — печально ответил Богдамир. — Инкассаторы пока еще мертвы. И наш долг — наказать убийц.

— Миссстика! — взвизгнул Кеша.

— Ты же не религиозен в это время года? Ты же будущий следователь, Кеша! Как тебе не стыдно? примени алгоритмический метод!

— Объяссни немедленно!

— Нет, Кеша. Я хочу, чтобы ты сам все понял. Хотя каждая секунда у нас на счету. Ладно, идем дальше, сейчас поймешь...

Богдамир развернулся и вылез из люка. Кеша выбрался следом. Они, крадучись, направились по тропинке, ведущей к особняку.

— Ссстоп! — вдруг скомандовал Кеша.

Богдамир тут же резко остановился и встал в стойку — почему-то закрывая руками лицо.

— Что там? — прошептал он.

— Показалось, — шепотом ответил Кеша. — Это просссто крест у тропинки. Из веточчек. И холмик. Вроде могилки для кошшшки. Или голубя, — презрительно добавил Кеша.

— Земля свежая? — заинтересовался Хома.

— Ссвежая... И что-то выложено веточками по кругу... Буквы го- тические. На староанглийсском.

— Прочти!

— In God we trussst, — прочел Кеша по слогам. — Типа, покойссся с Богом?

— Типа, дай Бог каждому, — пробормотал Богдамир озабоченно. — Боюсь, противник окажется гораздо умнее, чем я думал... Ну-ка разрой могилу!

— С ума сошшшел?

— Разрой, разрой.

Кеша вздохнул, взял веточку и принялся деловито расковыривать маленький холмик.

— Пуссто, — доложил он. — Лиссстья, глина. Бумажжка какая-то...

— Бумажка? — насторожился Богдамир.

— Кажется... — Кеша поднял бумажку и повернулся к лунному свету. — Кажется, такая же, как я нашел в космоссе!

— Ну-ка сравни! — В руке Богдамира возникла половинка банкноты.

— Она! — удивленно щелкнул клювом Кеша, кладя их рядом на землю. — Вторая половинка!

— Ну-ка отойди, — скомандовал Богдамир, приподнимая очки.

Кеша послушно отошел, а Богдамир закатил глаза, высунул из глазниц цилиндры биолозера и в одну секунду спалил обе половинки банкноты. От горки пепла поднялся тоненький дымок, и в воздухе уютно запахло дачной гарью.

— Заччем? — Кеша удивленно разинул клюв.

— Ты до сих пор ничего не понял?! — возмутился Богдамир. — Ну, держись. Сейчас ты осознаешь весь ужас происходящего.

МАЙОР БОГДАМИР И УЖАС ПРОИСХОДЯЩЕГО

Зеленый свет полночной луны, падающий посреди лесопарка на красный дом с потушенными окнами, на часовню, вокруг которой бесшумно летают сонмища птиц — это зрелище не для слаонервных. Но Хома и Кеша не были слаонервными, поэтому смотрели во все глаза, шаг за шагом приближаясь по аллейке. Что видел Хома своим третьим глазом, мы, наверно, никогда не узнаем, но что-то внутри дома он явно видел, потому что лицо его становилось все суровее, а губы сжимались в тонкую злую линию.

— Я слышу шорох, — прошептал Богдамир, поднимая степлер как бластер. — Думаю, они нападут первыми. Бей их, а я ворвусь в дом.

— Кого бить? — остановился Кеша и недоуменно развел крылья. — Кто нападет?

Богдамир вынул из кармана моток изолянт, который носил с собой всегда по религиозным соображениям, с хрустом отломил от ближайшего дерева несколько пышных веток, сложил их букетом и перемотал так, что получился веник с рукояткой. Веник он вручил Кеше.

— Твои перья — хорошая защита, — произнес он загадочно. — Но береги глаза и уши. Бей наотмашь по харям.

С этими словами Богдамир рванулся с места, выбил плечом дверь и исчез в недрах дома.

— По каким харям? — недоуменно прощелкал клювом Кеша, оглядываясь. — По каким харям-то?

И вдруг увидел прямо перед своим клювом очень маленькую, но очень самодовольную харю. Харя была немолодой и плоской. Даже в зеленоватом лунном сиянии казался замогильным ее мертвенный землисто-серый оттенок. Губы свои харя презрительно поджимала, а выпуклые круглые глазенки злобно глядели на Кешу и моргали. Что же касается ушей — они у крошечной хари оказались огромными и колыхались, словно вентиляторы. От них шел сквозняк, который Кеша ощущал на своих щеках. Колыхались уши так быстро, что разглядеть их не было никакой возможности, как нельзя разглядеть крылья зависшей в воздухе ископаемой птички колибри. Еще раз скользнув злыми глазенками по Кешиным щекам и клюву, харя пришла в ажитацию. Ее тонкие губы тревожно распахнулись, показав ряды острых зубиков, и послышался тонкий писк — причудливая смесь злобы, тревоги и торжества.

Кеша вдруг опомнился. Он вскинул свой веник и молниеносным движением ударил врага наотмашь — справа налево, слева направо — много-много раз подряд, хотя враг давно исчез. Кеша осмотрелся — хари не было. Тогда он бросил взгляд на веник — и вдруг увидел там зеленую бумажку. Полуразорванная, она застряла среди прутиков и вяло шевелилась обоими концами, которые Кеша сначала принял за уши. Харя в центре бумажки мучительно разевала рот, а глазки злобно таращились.

— Ссскотина... — возмущенно прощептал Кеша.

И вдруг услышал шипение и шорох. Он задрал вверх голову — и остолбенел. С неба, визжа и шурша, стремительно пикировал несметный рой. Это были вовсе не птицы.

Кеша не растерялся — молниеносно принял стойку, перехватил рукоять веника обеими крыльями, словно это был меч самурая на тренировке, и стал ждать, пока стая приблизится на расстояние удара.

Выбив дверь, майор Богдамир упал на пол и сделал наугад несколько выстрелов из степлера. Но прежде чем жестяные скобки вонзились в стены, перекувырнулся и отпрыгнул с воображаемой линии огня. Но линия огня так и осталась воображаемой — в него никто не стрелял и вообще нападать не собирался. В холле стояла тишина.

Майор Богдамир бросился к лестнице, мигом взбежал на второй этаж, снова выстрелил парой скоб наугад и остановился.

— Заходи, противный человечек, гостем будешь... — раздался мерзкий голос.

Голос этот оказался басовит, напрочь сорван и напоминал угрожающий шелест.

— Заходи, заходи, — вновь зашелестел голос.

Теперь Богдамир хорошо разглядел его обладателя — в отличие от летающих тварей, монстр был теплым.

Обладатель мерзкого голоса сидел в кресле у декоративного камина и напоминал гигантский лист ватмана метров пять на два, но сильно разбухший в толщину. По всему зеленоватому периметру чудовища извивались длинные мерзкие щупальца. Харя монстра посреди листа была такой же, как у порхающих над домом тварей, хотя с такой комплекцией летать он, понятное дело, уже не мог. Некоторые щупальца сжимали топоры, некоторые — ножи, а два щупальца по флангам крепко обвивали рукоятки пары хороших армейских бластеров, какие бывают только у первопроходцев дальних планет, спецназовцев или инкассаторов.

И вот это было для Богдамира неожиданностью. Раструбы обоих бластеров смотрели точно в третий глаз Хомы — точку над переносицей.

— Ме-е-едленно кладем свой бластер на пол... — зашелестел монстр, — и поднима-а-а-аем ручки вверх...

— А у меня и нет бластера. Я журналист, — соврал Хома.

Глазищи в центре ватмана стали еще более выпуклыми и недоуменно похлопали.

— Журнали-и-и-ст... — прошелестело чудовище. — А что это у тебя на поясе, журналист?

— Степлер. Мы, журналисты, всегда носим канцелярские принадлежности.

— Степлер. Журналист. — Тонкие губы чудовища задумчиво почмокали. — Журналистов у меня еще не было...

— А кто был? — сразу спросил Хома.

— Кто был... — Чудовище выставило вперед пару сотен щупалец и принялось загигать их одно за другим: — Два инкассатора, директор заправочной станции, три безработных дачника, шериф милиции округа Глоррайхерзигсвассер и восемь профессиональных японских туристов. — Чудовище сыто рыгнуло, прекратило загигать щупальца и потеряло ими друг о дружку в предвкушении. — Теперь будет журналист. Интересно, что там себе журналисты думают?

— Пятнадцать человек! — присвистнул Богдамир. — И ты их всех

убил! Ты, проклятый мутант, порождение генетически модифицированного хлопка и радиации трюма!

— К чему эти обидные слова? — поморщилось чудовище. — Зови меня просто: Франклинштейн. Сядь-ка в креслице...

Франклинштейн неожиданно ловко свернулся в узкую трубочку и стал похож на зеленый хобот. Нижний конец хобота проворно потянулся с кресла к полу и с шумом принялся. На полу перед креслом ровными белыми дорожками был рассыпан порошок из распоротого мешка, стоящего неподалеку. Неизвестно где Франклинштейн успел добыть такую дорогостоящую редкость, но Хома опытным нюхом опознал в порошке сахар-песок — излюбленную пищу всякого рода мутантов и просто мерзавцев, бесящихся с жиру. Франклинштейн с вождением всосал в себя ближайшую дорожку, экстаично почмокал хоботом и блаженно развернулся в кресле, снова превратившись в лист ватмана.

Тем временем приемник глубоко в ухе Хома ожил: на связь выходил Кеша.

— Я не сссправляюсь! — кричал Кеша. — Они щцарапаютссся! Они зззагоняют меня в дом! Их тут миллионов десять, наверно!!!

— Тяни время, — приказал Хома. — Скоро будет подкрепление. Кстати, я выяснил: маленьких можешь убивать. Большого — нельзя.

— Какого большого?

Богдамир не стал уточнять.

— Ты с кем это разговариваешь? — поинтересовался Франклинштейн, с рожи которого уже сползло выражение экстаза. — Я же сказал: сядь в креслице. Ты не понял? — Франклинштейн снова поднял бластеры.

Хома обернулся и увидел то самое кресло, на которое указывал Франклинштейн. Кресло впечатляло. Похоже, прежние обитатели замка всерьез интересовались готикой и пытками. Хотя кто знает, быть может, инкассаторам это было необходимо в сугубо профессиональных целях? Железное, массивное, с высокой спинкой, оно было к тому же оборудовано защелками для рук и ног.

— Считаю до трех центов, — угрожающе произнес Франклинштейн и качнул левым бластером. — Один цент... Два цента...

Богдамир послушно сел в кресло. Но тут зазвонил его селектор.

— Извините, — смутился Богдамир, вынимая трубку, — это жена... Да, дорогая? Нет, на работе пока... Что? Да, почти заканчиваю. Буду часа через полтора... Честное слово! Ну, зайныка! Ну, котик! Ну что я

могу поделать? Дел сегодня навалилась просто куча... Что значит, каждый день? Подожди! Да нет! Подожди!!! Ну... — Богдамир оторвал селектор от уха, посидел секунду, а затем спрятал за пояс и с ненавистью посмотрел на монстра. — Трубку бросила, — хмуро объяснил он. — Так о чем мы говорили?

Монстр неспешно поднялся на пучках своих щупальцев, подполз ближе и ловко зашелкнул зажимы. Хома не сопротивлялся.

— ЧЕГО ТЫ ДОБИВАЕШЬСЯ, БЕЗУМЕЦ? — громко спросил он монстра, как того требовала в подобных случаях служебная инструкция.

То ли монстр был в курсе, как следует себя вести злодею в разговоре с плененным и обездвиженным вселенским следователем, то ли он смотрел сериалы, где нередко раскрывались многие следственные приемы, но разговор охотно поддержал.

— СЕЙЧАС Я РАССКАЖУ ТЕБЕ СВОЮ ИСТОРИЮ И СВОЙ КОВАРНЫЙ ПЛАН, — начал он, усаживаясь поудобнее перед креслом. — Я появился в середине большой и толстой пачки в сейфовом трюме броневика. Хотя я не знал еще, кто я и где нахожусь. Моя генетически модифицированная плоть из хлопка, облученного радиацией, оказалась послушной моей воле. И я вырастил себе щупальца, похожие на побеги хлопка. Внимательно обследовав себя щупальцами, я нашел на своем плоском зеленом теле множество отпечатков пальцев и даже каплю человеческой крови. И хоть она оказалась очень древней, но из нее я понабрался новых генов и сумел вырастить такие полезные вещи, как глаза, зубы, желудок и мозг. С мозгом дело сразу пошло быстрее. Я укусил зубами своих соседей по пачке — верхнего и нижнего. Каждому я впрыснул каплю слюны, и они тоже начали стремительно мутировать. Я велел им кусать своих неподвижных соседей, а сам выбрался из пачки и принялся оглядываться. Трюм был черен и наполнен коробками с бумажками, они кусали друг дружку и стремительно превращались в живые существа. Вскоре все вокруг шевелилось и шуршало. Лишь вдалеке виднелась тонкая полоска света, и оттуда пахло человеческим мясом. Я подполз к щели и протиснулся в рубку. За мной стали протискиваться мой Верхний брат и мой Нижний брат, а затем и остальные соплеменники. В рубке мы обнаружили двух человек в форме. Увидев нас, выползающих из щели, они пришли в ужас. Один человечек начал лопотать про сквозняк, а другой — про галлюцинации. Но я еще не понимал языка. Все больше и больше моего народа появлялось из щели. Наконец один из людей схватил моего Верхнего брата! Брат принялся трепе-

тать, вырваться и звать на помощь, но человек держал его крепко. И мой несчастный брат разорвался пополам! Этого мы не смогли простить людям! Я первым бросился на них! Они оказались неповоротливы — в два взмаха я перерезал им горло и начал пить кровь! Я рос все больше и больше! А потом запустил щупальца в горло и принялся высасывать мозг! И пока высасывал мозг, я получал всю человеческую память, которая там хранилась! Так я узнал, кто я и где я! Так я научился разговаривать! Затем я высосал мозг и у второго трупа! Загрузил трупы в шлюз и вышвырнул в космос! Потом мы развернули броневик и прибыли в дом, где жили трупы, убивая всех людей, которые попадались нам по дороге. Затем мы похоронили с почестями Верхнего брата и...

— А чей разум украли твои прочие соплеменники? — задал Богдамир вопрос, который был очень важен.

— Соплеменникам я запретил пить кровь и высасывать человеческие мозги! — ответил Франклинштейн. — Потому что король баксов должен быть один! Лишь своему Нижнему брату мне пришлось скопировать немного знаний о том, кто он такой и как управлять броневиком. Потому что королю баксов, великому Франклинштейну, нужен толковый помощник! Не царское это дело — работать шофером космического корабля!

— И где он сейчас, твой помощник? — озабоченно спросил Богдамир, оглядываясь так бойко, что слетели черные очки.

Увидев это, монстр усмехнулся.

— Ха-ха-ха! — проскрипел он. — Мой помощник — за твоим креслом, глупый майор Богдамир! Ты, верно, думал, что я не знаю, кто ты такой? Ты, верно, думал, будто я поверю, что ты журналист? Ха-ха-ха! Я выпил мозги пятнадцати человек, почти все они знали, кто такой Богдамир и что у него в глазах! Ты хотел обмануть меня и увлечь разговором? А потом скинуть очки и аккуратно отрубить мне щупальца своими лазерами? А затем отдать меня на растерзание медикам, чтобы они выдрали из меня похищенный разум пятнадцати человек и вернули их к жизни? Ты хотел обмануть меня! Обмануть меня, великого Франклинштейна, вобравшего в себя разум пятнадцати, уже почти шестнадцати?! Ха-ха-ха!!!

Богдамир слегка смутился — именно это он и собирался сделать. Но как только он попытался распахнуть веки и высунуть лазерные пушки, почувствовал, как что-то липкое опускается на его лицо и не дает векам подняться.

— Все конечно! — торжественно объявил монстр. — Ты чувствуешь, что

это? Это скотч! Я приказал своему Нижнему брату заклеить тебе глаза скотчем! Теперь ты в моей власти!

— ТОГДА РАССКАЖИ, ЧТО ТЫ ЗАДУМАЛ, БЕЗУМЕЦ? — снова вскричал Богдамир, стараясь соблюдать классическую процедуру допроса чудовищ жертвами, отполированную многими поколениями следователей.

— Сейчас расскажу! — охотно откликнулся монстр. — Сперва я выпью твой мозг и получу твой разум. Затем сюда прибежит твой глупый пингвин, и я выпью его никчемный мозг — просто из гастрономических соображений. Не думаю, что мне это доставит особое удовольствие. Потом сюда прибегут роботы-милицейские, но прежде я выйду на берег и погрузюсь в озеро. И уйду по дну озера в поселок, пока родители будут прикрывать меня с воздуха. Там я продолжу выполнять свой коварный план — мои родители примутся резать людей и загонять их в мое логово, а я буду пить их мозг! Я изменю свое тело, разделюсь на части, приму облик убитых людей и надену их одежду — никто и никогда не сможет меня поймать. Вскоре я уничтожу все живое на Земле и полечу в космос! Я уничтожу всех и стану правителем Галактики — ха-ха-ха!!!

Чудовище торжествующе замолчало, наблюдая, какой эффект произвела речь на Богдамира.

Но Богдамир загадочно молчал.

Он слушал, что говорит передатчик в ухе. А Кеша докладывал, что его со всех сторон облепили зеленые бумажки и тащат на второй этаж, и никаких сил нет им противостоять, потому что их миллионы. Появление Кеши никак не входило в планы Богдамира — со свойственной ему горячностью, Кеша мог и убить монстра.

— Что ж ты молчишь, Богдамир? — удивился монстр. — Или тебе не нравится мой план? Ха-ха-ха-ха-ха!!!

— Кругом ты прав, — ответил Богдамир. — И на все твоя воля. Но тебе не уйти от роботов-милицейских! И я знаю почему.

— Почему? — заинтересовался Франклинштейн.

— А вот не скажу! — гордо ответил Богдамир.

— Скажешь... — усмехнулся Франклинштейн.

— Знай: я тверд и неподкупен. Это лишь в идиотских частушках всяким мерзавцам и олигархам удастся меня подкупить! — Богдамир с омерзением помотал головой.

Монстр усмехнулся и поднялся на щупальцах.

— Жалкий ничтожный человек! — прошипел он, издевательски покачиваясь. — Да я сейчас выпью твой мозг и сам все узнаю!

— Ты не сделаешь этого, безумец! — воскликнул Богдамир. — Остановись!

— Не останавлиюсь! Выпью сию же минуту! — заорал монстр. И бросился на Богдамира, разинув свой огромный зубастый рот.

И тогда Богдамир сделал то, чего еще не делал никогда. Он тоже распахнул свой рот широко-широко и задрал верхнюю губу так, что стали видны два острых передних зуба. И в тот миг, когда чудовище уже примерилось вцепиться ему в шею, он сделал резкий выпад и укусил податливую зеленую плоть.

— АУАУААУАУАУАУАУУУААААА!!! — страшным голосом взвыл Франклинштейн, отпрянул от Богдамира и повалился на ковер готического зала. — Я умираю!!! — прохрипел он, дергая щупальцами.

— Еще нет, — объяснил Богдамир. — Ты парализован! Ведь никто из твоих пятнадцати людей не знал, что мои неизвестные родители подарили мне не только лазеры в глазах, но еще и зубы змеи, нейротоксин которых парализует жертву!

— Мерзавец!!! — захрипел монстр из последних сил, прижимая дрожащие щупальца к прокушенному носу, который стремительно распухал, закрывая серое лицо.

— Ты проиграл, король баксов! — сказал Богдамир, напрягая мышцы тела так, что стальные защелки на кресле выгнулись и лопнули. — Ты проиграл и тебе уже не уйти от правосудия! — повторил он, срывая скотч с лица и поднимая с пола очки.

В это время послышался шум, и в дверной проем вкатился с лестницы огромный шелестящий клубок, внутри которого пищал Кеша. Вытолкнув Кешу в центр зала, клубок рассыпался миллионами порхающих бумажек.

— Все закончилось, — сказал Богдамир, торопливо запирая входную дверь на засов. — Злодей парализован. Скоро сюда придут медики и вынут из него разум людей, которых он убил. Все его тупые сородичи будут переловлены милицейскими роботами, поскольку он из жадности не позволил им обрести человеческий разум и хитрость.

— Братья!!! — захрипел монстр. — Спасите меня!!! Унесите меня отсюда!!!

Богдамир ловко поднял степлер и всадил в чудовище всю обойму, сотнями жестяных скоб пригвоздив его сквозь ковер к пластиковому паркету.

— Король умер, да здравствует король!!! — прохрипел Франклинштейн. — Брат! Нижний брат!!! Ты знаешь, что делать в случае моей гибели! Я оказался настолько хитер, что продумал заранее, как... — Рот чудовища открылся и больше не закрывался, его парализовало окончательно.

Первым опомнился Кеша и бросился в угол, где только что увидел метнувшуюся тень. Он ударил клювом, но промазал. Ударил снова — и снова промахнулся. Тень была холодная, и Богдамир не видел ее, но мог поклясться, что Кеша гоняется за большой и толстой стодолларовой бумажкой — она была меньше, чем монстр, но куда крупнее, чем остальные, и у нее тоже были щупальца.

Нижний брат запрыгнул на стол — Кеша за ним. Нижний брат запрыгнул на подоконник — Кеша за ним. Нижний брат кинулся на стекло оконной рамы — Кеша бросился за ним.

— Кеша, нет!!! — заорал Богдамир, но было поздно.

Изо всех своих сил Кеша клюнул врага — послышался звон стекла, и Нижний брат выпорхнул наружу. Следом за ним устремились летучие доллары.

— За ними!!! — скомандовал Богдамир, вмиг оказался у окна и сиганул вниз со второго этажа. — Они бегут к броневнику!!! Главное — не дать им уйти с Земли!!!

Они ветром пронеслись сквозь аллею и выбежали к стоянке. Поздно. Последний зеленый листок залетел в закрывающуюся дверь, и броневик поднялся в воздух.

— Врешь, не уйдешь!!! — закричал Богдамир, закатывая глаза и выставляя вперед тугие цилиндры лазерных пушек.

Лучи ударили в бронированную обшивку корабля, но тщетно — обшивка крейсера оказалась слишком крепка, и броневик удалялся слишком стремительно.

— В погоню!!! — заорал Богдамир и бросился к своему катеру.

Они взмыли в воздух, вышли из атмосферы и легли на курс. Впереди маячила удаляющаяся корма броневика. По нелепому стечению обстоятельств инкассаторские броневики оборудовали такими же скоростными двигателями, как и милицейские катера. Но Хома был очень опытным пилотом, его катер управлялся ручной автоматикой, а Богдамир лучше любой автоматики умел виртуозно переключать джюзы на высокие режимы в оптимальные моменты, добиваясь максимального прироста скорости.

— Вссем посстаем! — кричал тем временем Кеша в селектор.
— Бллокировать все выходы в подпространсство в районе Ззземли!

И это было очень своевременно — похоже, броневик, управляемый Нижним братом, действительно собирался нырнуть в подпространство. Издалека это выглядело так, будто он исчезал и через секунду появлялся снова в том же месте — подпространство не пускало его внутрь. Расстояние начало сокращаться. Но броневик не сдавался — не в силах выскочить в подпространство, он все повышал и повышал свою пространственную скорость.

— К сссветовой близитесь! — прошипел Кеша.

— Сам вижу! — зло отозвался Хома. — Что я могу сделать?!

— Уйдет! — шипел Кеша.

Богдамир тревожно косился на спидометр. Скорость все нарастала. Мимо промелькнуло Солнце и исчезло за кормой. Впереди простиралась космическая бездна. Броневик все удалялся и удалялся, а Хома жал на педали и все глядел на свой спидометр, раскаленная стрелка которого приближалась к горячей отметке 300 000.

— Стоп, — произнес он наконец, нажал на тормоз и с размаху упал всей грудью на приборную панель. — Дальше нам нельзя.

Кешу тоже бросило вперед, и он едва не выбил клювом лобовой иллюминатор.

Броневик удалялся. Вдруг он ослепительно вспыхнул и пропал.

— Ссгорел? — с надеждой спросил Кеша, потирая ушибленный клюв.

— Не думаю, — покачал головой Богдамир. — Просто перескочил световой барьер.

— И где он теперь? — удивился Кеша.

— Известно где, — вздохнул Богдамир. — В прошлом. Упадет куда-нибудь на сто лет назад, приземлится на тамошней Земле да рассыпется зелеными долларами по планете среди людей...

— А люди? — испуганно щелкнул клювом Кеша.

— Люди — существа жадные: найдут стодолларовую бумажку и в карман... А там — в обменник. Так и разойдутся по свету.

— И?!

— И ночью бумажка выпустит щупальца, распахнет рот, подкрадетсся к шее... А потом примет облик... — Богдамир озобоченно цыкнул зубом. — Впрочем, это не наше дело. Мы — стражи порядка на своем участке времени. А предки пусть сами разбираются. Мы свою работу выполнили, осталось только написать рапорт.

И они полетели домой на медленной, задумчивой скорости. Чтобы не скучать, Кеша нажал клавишу и включил последние известия.

Новости Минздрава. Район Сириуса закрыт на карантин. Службы космической безопасности заняты уничтожением продуктов и товаров, произведенных в области Сириуса — их владельцы получают компенсацию. Особую тревогу медиков и журналистов вызывает отсутствие больных космической чумкой — это означает, что больные могут скрываться. Начат масштабный поиск больных.

Робот, пострадавший при Лунном теракте, перевезен в следственный изолятор Плутона. Там он выдал координаты одиннадцати сообщников, не раз употреблявших вместе с ним оптоволокно, а также адрес торговой точки, распространявшей оптоволокно среди роботов, и имена трех торговцев: Кристер, Пакстер и Жабло. Следствие возбуждено. Как сообщил журналистам ведущий техник Станислав Руженко, в электронном подсознании робота найдено немало и других криминальных фактов.

Специалисты опровергли первоначальную версию о причинах пожара в здании Торгцентра на Венере. По мнению экспертов, причиной пожара стала термическая бомба. По горячим следам задержаны трое граждан Галактики — по свидетельствам очевидцев, именно они выбежали из здания за миг до пожара. Проверка личностей показала, что граждане Кристер, Пакстер и Жабло уже не раз привлекались к уголовной ответственности и сейчас находятся в розыске по подозрению в незаконной торговле оптоволоком.

— Сславно мы сегодня поработали! — шелкнул клювом Кеша.

— Ну, хватит! — оборвал Богдамир. — Что все о работе, да о работе? Рабочий день окончен, пора по домам. Меня жена заждалась. Давай-ка переключи на какую-нибудь музыку...

Кеша пожал тем местом, где у пингинов бывают плечи, и переключил на музыкальный подкаст.

Майк Задди приступил к записи своего «Солнечного альбома», пересадив свой разум внутрь плазменного протуберанца. Эта операция стоила ему четырех миллиардов кредитных единиц. Напомним, что его предыдущий «Дельфиний альбом» на сегодняшний день уже собрал двадцать пять миллиардов кредитных единиц. Предлагаем вашему вниманию семнадцатую композицию «Дельфиньего альбома». Она называется «Песнь о Буревестнике» и написана на стихи архаического поэта Горького. Слушайте внимательно, потому что с вашего счета уже снято восемнадцать кредиток...

Послышался плеск моря и заунывный шелест, а вскоре зазвучал и текст. Богдамир думал о жене и не замечал происходящего. А чем дальше звучала песня, тем в большее бешенство приходил Кеша. К середине он совершенно взбеленился, начал подпрыгивать на сиденье и шипеть:

— За глупого ответишь! За тело жирное ответишь!

Хома, очнувшись от размышлений, быстро оценил ситуацию и выключил песню на середине, хотя денег было жалко. Он попытался урезонить Кешу, но Кеша продолжал бесноваться.

— Я тебя, ссуку, так робко спрячу, что до весны не найдут тело ни в каких утесах!!! — шипел он.

— Ладно, ладно, — успокаивал друга Богдамир. — Займемся как-нибудь твоим Майком Задди, выясним, как он мучает своих роботов и все ли налоги платит.

— Ага... — хмуро прошипел Кеша. — Так его сразу и поймашшь!

— Повесткой вызовем, — пообещал Богдамир.

— Так он и явится!

— Ну... если он не явится по повестке, можно будет вызвать через космическую прокуратуру... Он, конечно, тоже не явится, и тогда попробуем оформить вызов через... — Богдамир покосился на Кешу и заметил, что тот его не слушает.

Повернувшись спиной, Кеша паялился в иллюминатор. За иллюминатором маячила большая авоська, в которой горел кусок плазмы. Если бы не глазки, кусок плазмы выглядел бы неживым. Вокруг авоськи с плазмой болталась толпа автоматических зондов-секьюрити. Сомнений не оставалось — это Майк Задди плескался в солнечных лучах, пересадив свой мозг внутрь протуберанца.

— Так-так... — оживился Кеша и предвкушающе зашелкал клювом. — Так-так-так!

— Может, завтра? — уныло спросил Богдамир. — Меня жена ждет...

— Уссспееешшь... — зловеще прошипел Кеша.

— Сегодня уже много поработали, — напомнил Богдамир. — Дай Бог каждому.

— Дай Бог кажждому! — угрожающе прошипел Кеша, отталкивая Богдамира с пульта управления и медленно притормаживая рядом с протуберанцем. — Дай Бог каждому!

КРИЗИС НОМЕР ДВА

Евгений ЛУКИН

В № 11 за прошлый год мы опубликовали острые (если не сказать — едкие) заметки Евгения Лукина «Вранье, ведущее к правде». В нынешней публикации, логически вытекающей из прошлой статьи, популярный фантаст пришел к еще более парадоксальным выводам. Так куда же на самом деле приводит «литературное вранье»?..

1.

*Впервые за сто лет и на глазах
моих
Меняется твоя таинственная
карта.*

Осип Мандельштам.

Пожаловался однажды преподаватель общественных наук:

— Спросишь об экономическом положении русского крестьянства накануне петровских реформ — отвечают: «Народу в те времена жилось плохо...». Ну допустим! А после реформ? «Тоже, — говорят, — плохо жилось...» Да ёлы-палы! Народу всегда жилось плохо! Ты мне про его экономическое положение расскажи...

Вот и с фантастикой та же история. Про какие годы ни спроси — вечно она в кризисе.

На самом деле за последнюю четверть века русская фантастика, если верить загибаемым пальцам, побывала в революционной ситуации (это когда авторы постарому не могут, а читатели — не хотят) от силы дважды.

О первом кризисе, совпавшем с развалом Советского Союза, я поминал не раз. Поэтому повторюсь вкратце: в ту интересную эпоху — крысу ей за пазуху! — жизнь пошла невероятнее любого бреда, в результате чего термин «фантастика» практически обесмыслился.

Согласитесь, что, когда утрачивается понятие реальности, говорить о фантастических допущениях несколько затруднительно. Не знаю, как у других литераторов, а у меня тогда состояние было близкое к панике: да можно ли вообще что-либо выдумать в этом мире? Кроме железяк, конечно...

Затем, как и следовало ожидать, российское бытие вписалось в новые берега, народ более или менее привык к иным условиям — и кризис разрешился. Итогом его явились массовый замор «твердой» НФ и буйный расцвет фэнтези с сопутствующими ей хоррором, альтернативкой и проч. Передел печатных площадей исказил до полной неузнаваемости «Карту

Страны Фантазии», нарисованную Георгием Иосифовичем Гуревичем еще в 1967 году и сохранявшую очертания вплоть до перестройки.

В данное время, как мне кажется, стремительно нарастает кризис номер два, так что «стране фантазии», видимо, грозит второй передел территории. А может, и не грозит — может, уже идет вовсю.

Существенное отличие нынешнего переломного момента от предыдущего заключается в том, что вызван он не кувырком окружающего бытия, как это было в прошлый раз, а кувырком общественного сознания.

Понятие реальности пусть в обвонленном виде, но вернулось к россиянам. Зато понятие реализма расширилось настолько, что фантастике опять стало не от чего отличаться (тут, пожалуй, необходима оговорка: знаю, с литературоведческой точки зрения реализм и фантастика суть категории разного уровня и, следовательно, впрямую не соотносятся, однако в данном случае меня больше интересует мнение подавляющего большинства, склонного противопоставлять эти два явления сплошь и рядом).

2.

С кого они портеты пишут?

Где разговоры эти слышат?

Михаил Лермонтов.

Сравните привычную унылую повседневность с той, что клоко-

чет в книгах и на экране, и осознайте наконец, до какой степени вы нетипичны. Вы не пытаетесь украсть ядерную боеголовку, в погоне за нарушителем правил дорожного движения не сноситесь пол-Майами, в вас никогда не всеялась душа недавно погибшего знакомого.

Впрочем, сказать по правде, в эпоху соцреализма дело обстояло не лучше. Сопоставляя себя с образцами современников, приходилось то и дело с горечью осознавать собственную ущербность.

«Однажды к командиру линкора постучался механик. Он рассказал о неполадках в механизмах. «Может, дадите совет, товарищ командир?» А командир почувствовал, что ничем не может помочь: он знал меньше механика.

«Имею ли я право командовать кораблем? — думал он. — Мне еще так много надо учиться!»

Короче, подал рапорт и ушел чуть ли не в подручные кочегара.

Ну куда же мне к черту до этих нравственных высот! Хотя сам-то я линкором никогда не командовал. Вдруг они все там такие!

Собственно, тот факт, что тронутый идеологией реализм даст в смысле невероятности событий сто очков вперед любой фантастике, в доказательствах не нуждается — аксиома.

Любопытно другое: нынешнее отношение искусства к презрен-

ной обыденности. Даже если какой-либо умник затеет подчеркнута бытовая сериал, можно поспорить, что после сто двадцать пятой серии он соберет свою команду и мрачно объявит: «Теряем зрителя...».

И в семейные разборки немедленно вклинится барабашка.

Посмотрите, что творится с уголовным романом. Уж на что я не любитель подобного чтива и то обратил внимание: произведения мастеров, досконально знающих преступный мир, решительно вытесняются с прилавков так называемым женским детективом, то есть книгами, авторы которых, если и видели представителей криминалитета, то лишь по телевизору.

Как тут не вспомнить героя Питера Устинова — начальника полиции, единственной услугой которого были фильмы про сыщиков. Они помогали ему отвлечься от осточертевшей службы.

А достоверность любовного романа! Прямо хоть лозунг вывешивай: «Каждой уборщице — по очарованному миллионеру!».

Нет, конечно, в заповедниках областных отделений СП встречаются еще кропотливые бытописатели, но, во-первых, публикуются они самое большее тысячным тиражом, а во-вторых, и с ними тоже в последнее время не все по-прежнему.

— Вот ты фантастику пишешь...

— роняет с неодобрением матерый прозаик-реалист. — А я вот, знаешь, тоже взял и написал... только не как ты, а всерьез. Почти публицистика получилась...

И вручает рассказик, содержание которого примерно таково: таксист везет даму, и та жалуется, что ей приснилась дата смерти — сегодняшнее число, естественно. Пока шофер пытается убедить пассажирку, что не стоит верить каждому сновидению, они прибывают по адресу. Женщина расплачивается и выходит — в аккурат под колеса самосвала.

Точка.

А! Нет! Еще дюжина знаков препинания, между которыми втиснулись и потусторонний мир, и Космический Разум, и карма, и чего только не втиснулось!

Автор, повторяю, исповедует «правду жизни» и клеймит любое от нее уклонение.

От использования откровенной чертовщины вроде бы удерживаются одни лишь создатели «социально направленных» произведений, да им оно и незачем: как уже было сказано, тронутый идеологией реализм в плане вранья даст сто очков вперед любой фантастике.

Что остается? А, ну да! То, что литературоведы именуют мистическим реализмом. «Кысь», к примеру...

Нет, ну это ж надо сколько развелось конкурентов!

3.

*И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.*

Иван Тургенев.

Из приведенных примеров обратите особое внимание на фигуру серьезного прозаика, без тени смущения вторгшегося на территорию фантастики и ухитрившегося при этом остаться воинствующим реалистом.

Вот он, тот самый кувырок мировоззрения, о котором я, собственно, и собираюсь вести речь. Вот она, та граница, что в недалеком будущем (впрочем, оно никогда умом не блистало) отделит фантастику от пресловутого мейнстрима. Полагаю, что вскоре отличать их будут вовсе не по качеству текста, а по отношению автора к изображаемому явлению. «Не как ты, а всерьез». В этом вся штука.

В беседе с перебежчиком-реалистом у меня, понятно, язык не повернулся сказать, что, признав Космический Разум «правдой жизни», а свое творение — публицистикой, он лишил его условности, став таким образом из потенциальной добычи критика потенциальной добычей психиатра.

Всякий переворот в умах непременно чреват прелюбопытнейшими парадоксами. Скажем, победа материализма в нашей стране (1917 г.), по остроумному замечанию современника, практически уничтожила все материальное: ни

харча, ни одежды — одни идеи. Или возьмем нынешних россиян: стоило даровать свободу совести, как совесть была повсеместно утрачена напрочь, о чем красноречиво свидетельствует хотя бы переосмысление глаголов «обуть», «кинуть» и «заказать».

Другой парадокс: чем яростнее поборник старой веры ратовал за нее в прошлом, тем более горячим сторонником нового учения он делается в будущем. Но поначалу обычно попытается обе истины совместить. Подчеркиваю: поначалу.

Что мы и видим в данном случае.

Да, реалист остался реалистом, ибо Космический Разум, равно как и потусторонний мир, с некоторых пор стали для него действительностью. Летающие тарелки, привидения, магия, взрывающиеся в печени больного черные дыры — все это, господа, было когда-то нашей нераздельной собственностью. И вот, здравствуйте вам, приходят, раскидывают пальцы веером и предлагают делиться!

Звери алчные, пиявицы ненасытные, что ж вы фантастам-то оставляете?

А действительно...

Согласно лаконичному вокабулярию Ожегова, слово «фантастика» (в собирательном и самом близком для нас смысле) означает «литературные произведения, описывающие вымышленные, сверхъестественные события».

Ну, «сверхъестественные» в следующем переиздании, скорее всего, выкинут из соображений политкорректности, ибо сверхъестественное теперь считается реально существующим. И что в остатке? «Вымышленные»? Однако позвольте! События, описанные в любом художественном произведении, не что иное, как вымысел.

Беда да и только!

Вспору предпочесть другое толкование того же С.И.Ожегова, снабженное, правда, пометкой разг.: «Что-н. невообразимое, невозможное». А может, оно даже и лучше, что разг. — все ближе к мнению народному.

В чем-то судьба фантастики напоминает мне судьбу интеллигенции: никто не может точно сказать, что это такое, однако ругают. Причем по нынешним временам ругани, имейте в виду, предвидится куда больше, нежели по предыдущим.

Сами подумайте: чем раздражала фантастика широкую публику в эпоху диалектического материализма? Всего-навсего непонятностью и отрывом от жизни.

А теперь?

А теперь дело куда серьезнее. Одним только своим названием фантастика утверждает, что такие достоверно существующие и всенародно любимые явления, как астрал, НЛО, ворожба, целительство, и проч. — выдумка чистой воды.

Да за это убить мало!

4.

*Единожды солгавши,
кто тебе поверит?*
Козьма Прутков.

Первыми, как всегда, сориентировались торгующие. Лет этак десять назад я был свидетелем следующей сцены: покупатель, уже взявший с лотка книгу Генри Лайона Олди, прочел аннотацию — и заколебался.

— Это не фантастика, — видя такое дело, быстро предупредил книгопродавец. — Это мистика.

— Но вот же написано...

— Да мало ли что там написано!

Лицо книголюбя прояснилось, глаза сделались понимающими-понимающими — и полез он, родимый, за кошелем. Вспомнил, не иначе, недавние времена, когда запретная мистика была вынуждена прикидываться вполне разрешенной НФ.

Впрочем, кто ею только тогда не прикидывался! От экстрасенсов до диссидентов.

Теперь же, обретя легальность, мистика стала куда более солидным брэндом. Прислушайтесь, с каким скромным достоинством роняет иной «бальзаколетний картавец»:

— Я — мистик...

И его можно понять. Не выдумку исповедует — истину.

Полагаю, фантастику (описание сверхъестественных событий понарошку) еще долго будут сме-

шивать с мистикой (то же самое, но всерьез), хотя рано или поздно размежевание должно произойти.

Куда быстрее, на мой взгляд, случится исход с родных равнин так называемой «сакральной фантастики». Кстати, на редкость бестактный термин. Если перевести это грандиозное словосочетание на исконный русский, получится «священный вымысел», что по нашим временам как-то, согласитесь, не совсем деликатно. Если священный, то какой же он вымысел, а если вымысел, то какой же он священный? Верующие таких шуток не одобряют...

Иное сакралище наше бесценное немедля возразит: «Как это не одобряют? Самый свежий пример: роман Сергея Чекмаева «Анафема». Вышел в фантастической серии «Звездный лабиринт», обложка — соответствующая, содержание — тоже. Тем не менее на недавно прошедшем конвенте «Басткон-2006» именно этому произведению была присуждена особая премия Союза православных граждан...».

Так-то оно так, но вчитайтесь в формулировку: «За истинно христианский реализм и формирование положительного образа сотрудников синодальных структур Русской православной церкви».

Понятен намек?

Если не понятен, поясним: не шалите, ребята. Православие —

это вам не эзотерика. Коль скоро речь идет о вере — то реализм и только реализм. Слово «фантастика» недопустимо в принципе, как оскорбляющее религиозное достоинство граждан.

Как там у Ожегова?

«Что-н. невозобразимое, невозможное (*разг.*)».

Ну вот тот-то же...

Между прочим, намек был устроителями конвента понят правильно. Когда дело дошло до присуждения за роман «Анафема» награды самого «Басткона», формулировка прямо-таки сияла безупречностью: «Премия «Бесобой» (за успехи в сфере мистической литературы)».

Конечно, любой переходный период путаницы не избежит. Так, маги и астрологи (кстати, извечные противники Христа) сейчас усиленно косят под православных, а на бейдже эльфийки значится: «Раба Божья Нонпарель» (имя точно не вспомню, но, честное слово, сам видел!). Опять же миссионерская деятельность требует определенного компромисса, что мы и видим в случае присуждения награды фантастике за реализм. Однако не век же мириться Русской православной церкви с тем, что произведения, «формирующие положительные образы сотрудников синодальных структур», выйдут в свет с брэндом, ставящим под сомнение достоверность этих образов!

5.

*Что день грядущий мне
готовит?*

Александр Пушкин.

Фантастика всегда была попыткой выйти за пределы реальности.

За это она любима, за это ненавидима.

Сейчас, как мы убедились, изрядная территория «страны фантазии» аннексирована действительностью (или тем, что принято ею нынче считать), в результате чего и подверглась нашествию столь нелюбимых туземцами реалистов и мейнстримщиков. На наших глазах происходит возникновение неких буферных державок, одни из которых, надо полагать, со временем вернутся в лоно фантастики, другие прильнут к сосцам так называемой серьезной литературы.

Не в пример широкой публике почитатели фэнтези и НФ в большинстве своем хорошо понимают условность искусства, что, на мой взгляд, говорит об удивительно высокой читательской культуре. Они (воспользуюсь примером одного преподавателя) никогда не кинутся, самозабвенно прорывая холст, спасать персонажей картины Айвазовского «Девятый вал», поскольку прекрасно сознают, что перед ними полотно, а не бушующее море. Даже если особо очарованные из них съедутся на роле-

вую игру, так ведь условность и в игре присутствует.

То ли дело мистики: для этих что на витрине — то и в магазине. Как говорится, в жизни всегда есть место полтергейсту. Критический рассудок отключен, рубильник — сломан.

Не зря же, ознакомившись с итогами опроса на сайте «Русская фантастика», Эдуард Геворкян не смог удержаться от восклицания: «А что, если фэндом остался единственным островком здравого мышления? Я не знаю, радоваться этому или ужасаться...».

Но с другой стороны, может ли быть иначе, если оккультисты, астрологи и ловцы снежных человек чуть ли не всей популяцией схлынули через борт? Остались преимущественно читатели.

Чем же все-таки разрешится данный кризис? Какие очертания примет «страна фантазия», ну, скажем, к 2013 году?

Точно предугадать не берусь, поскольку не в материале, однако мнится, что наша литературная автономия по старой доброй традиции и впредь будет кончатся примерно там, где кончается здравый смысл.

Но все это, учтите, при условии, что российская действительность в ближайшее время не совершит еще какого-нибудь кувырка — и хорошо если через голову.

Орсон Скотт КАРД

КАРТЫ В ЗЕРКАЛЕ

Москва — СПб.:
ЭКСМО —
Домино,
2005. — 912 с.
Пер. с англ.
(Серия «Шедевры
фантастики»)
10 000 экз.

Как правило, авторы англо-американской НФ одинаково профессионально работают и в крупной форме, и в малой — отличные романисты обычно оказываются столь же удачными рассказчиками. В свою очередь, и авторы малой формы, за редким случаем, вполне уверенно ощущают себя в пространстве романа (на память сразу приходят Ф.Браун, У.Тенн и Х.Эллисон).

Исключения в общем-то редки. К сожалению, к ним придется отнести и блистательного романиста О.С.Карда. В малой форме ему никак не удается проявить самую сильную сторону своего дарования — умение изобразить яркие, подвижные, психологически насыщенные характеры. Карду явно тесны границы рассказа. В том числе и для фантазии.

При чтении сборника то и дело посещает чувство, что все это уже где-то читал, причем не единожды. Даже в лучшем произведении коллекции, рассказе «Королевский обед», и то прослеживается постороннее влияние. Мрачная история об инопланетянах, захвативших земную колонию и пожирающих ее обитателей, вполне могла бы выйти из-под пера Эллисона; «Око за око» (описание судьбы очередного сообщества сверхлюдей) тематически и стилистически походит на тексты Хайнлайна; рассказ «Игры с ДНК: финал», повествующий об американских военных, продолжающих сражаться с давно несуществующим противником, сильно напоминает сатирические новеллы Шекли, а «Певчая Птица Микала» своим финалом откровенно апеллирует к «Искусникам с планеты Ксанаду» Старджона.

Вообще, рассказы Карда более всего подходят на конспекты будущих больших книг. Он мог бы сделать из них романы, и от этого сюжеты выиграли бы — вспомним хотя бы, насколько лучше стала «Игра Эндера», развернутая в роман. Это парадоксальный случай: обычно ничего хорошего не выходит из операции «был рассказ — стал роман». В случае с Кардом все с точностью до наоборот.

Глеб Елисеев

Майкл СТЭКПОЛ

**СЕКРЕТНАЯ
КАРТА**

*Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 508 с.
Пер. с англ.
И.Зароченцевой.
(Серия «Золотая
серия фэнтези»).*
3000 экз.

Майкл Стэкпол — сравнительно новое имя на небосклоне американской фантастики. Профессиональный историк, он избрал родом своей деятельности конструирование — сначала игровых, а затем и литературных фэнтезийных миров.

Карьера эта достаточно типична для современного автора англоязычной фэнтези. Можно спорить о том, насколько Стэкпол заслуживает места в «Золотой серии», но писатель он определенно заметный и уже вполне «оперившийся».

В Америке роман «Секретная карта» вышел в 2005 году, так что можно порадоваться оперативности наших издателей, начавших знакомить российских читателей действительно с новинками западной фэнтези.

Как и многие другие произведения бывших игровиков, «Секретная карта», очевидно, разрастется в многотомный сериал. Роман выполнен в классических традициях жанра, однако автор смело смешивает разные его потоки. Начинаясь как боевик (удачный коммерческий ход), текст постепенно трансформируется в сложный синтез приемов героической, эпической и династической фэнтези. Боевые эпизоды чередуются с масштабными картинами истории и географии вымышленного мира и со сложными хитросплетениями дворцовых интриг.

В рецензируемом романе проявилась одна из любопытных черточек фэнтезийной литературы последних лет. Стэкпол, выписывая фон, обращается не столько к западноевропейской кельтско-германской эпической традиции, сколько к образам дальневосточным. Тут, разумеется, и мастера единоборств, и наемные убийцы вроде ниндзя, и распавшаяся на княжества Империя... А континент, аналогичный в картине вторичного мира Америке, расположен не к западу, а к востоку от Старого Света нашей реальности. Кстати, единственный заметный и крайне неожиданный недостаток издания (или оригинала?) — отсутствие в книге «Секретная карта» собственно карты, обязательного атрибута фэнтезийных эпопей.

Сергей Алексеев

Всеволод
МАРТЫНЕНКО

СОБАЧИЙ
ГЛАЗ

СПб: Лениздат,
2006. — 512 с.
5050 экз.

Дебютная книга известного московского художника представляет собой сборник из трех повестей с едиными сквозными героями, действующими в рамках одного фэнтезийного мира.

Этот мир, выписанный с замечательной подробностью, живостью и затейливостью, далек от стандартного квазиевропейского (как вариант — квазидревнерусского) картона, который нынче не использует в качестве обоев для романного действия только ленивый. Сказать, что он представляет собой роскошный образец антуража для технофэнтези — значит ничего не сказать. Да, конечно, без заклятий какие-нибудь военно-строительные кадавры хорошего бронирования фактически бессильны привести свое техническое нутро в действие. Магия над техникой абсолютно преобладает. Но гораздо важнее другое: автор акцентирует внимание читателя на том, что главные законы этого мира лежат не в области составления заклинаний, а в информационном поле, и, следовательно, будут действовать где угодно — хоть там, хоть здесь...

Всеволод Мартыненко ненавязчиво разворачивает картину действия этих законов: во-первых, если хочешь что-то понять, научись «работать со стихиями»; во-вторых, подучи соционику — в книге, конечно, слова «соционика» нет, но она со всей очевидностью подразумевается. Это все равно что подставка под пивную кружку, которая и в Африке подставка под пивную кружку, как ее ни назови. Вообще, книгу можно читать как насыщенный приключениями учебник по дисциплине, изучающей проявления человеческих психотипов в общей схеме игры стихий.

Автор, по сути, предлагает довольно сложную гностическую систему, к которой привязано все в мироздании, даже помянутые в тексте боги. И, наверное, запланированные продолжения «Собачьего глаза» послужат развертыванию этой системы на полную катушку. А кто станет ее адептом, тот, по идее, получит мощный инструмент для познания и изменения мира.

Читателям остается решить, все ли в ней верно и стоит ли принимать эту веру...

Дмитрий Володихин

Владимир ИЛЬИН

ПРОФИЛАКТИКА

Москва: ЭКСМО,
2006. — 480 с.

(Серия
«Абсолютное
оружие»).
7000 экз.

Профилактика — грандиозная мистификация, инсценирующая техногенные и природные катастрофы. Организация эта объединила различные силовые структуры, а цель ее — сокрыть от населения всю правду о смерти (не стану раскрывать читателям этот действительно неожиданный ход).

Первая часть романа описывает злоключения рефлексизирующего интеллигента в странной Круговерти, заставляющей героя проживать каждый день в новом теле. Альмакор Ардалин поочередно оказывается то в роли мускулистого и незадачливого героя-любовника, то в теле летчика, спасающего жизни пассажиров, то в облике удачливого переводчика из министерства и прекрасного семьянина, то в личине наемного убийцы и т.д. Набор ситуаций вполне отражает коллективное бессознательное пресловутой социальной прослойки.

Растянутое на половину книги описание жизненных перипетий, тайных устремлений и страхов главного героя работает не столько на развитие сюжета, сколько на развертывание перед читателем возможных биографий Ардалина и создание эмоционального настроения для последующих событий. Однако то, что отлично срабатывает в произведениях короткой формы, мастером которой является В.Ильин, в романе приводит к некоторым провисаниям в сюжете. Затянувшаяся диспозиция вкупе с детальным описанием метаний и переживаний главного героя несколько затрудняет путь читателя ко второй, основной, части романа. Но я советовал бы читателям набраться терпения. Книга того стоит.

Вторая часть романа, посвященная собственно Профилактике, отличается от первой разительно. По мере смещения фокуса с Ардалина к иным персонажам, выписанным достаточно колоритно, начинает развиваться и собственно сюжет книги, обнажая основную интригу произведения, посвященного богоискательству в прямом смысле этого слова.

Можно только посетовать на коммерческий гнет, заставляющий известных и талантливых авторов разгонять объем в ущерб литературному качеству текста.

Сергей Шикарев

Пол МАКОУЛИ

**АНГЕЛ
ПАСКУАЛЕ.
СТРАСТИ
ПО ДА ВИНЧИ**

*СПб.: Азбука-классика,
2006. — 480 с.*

Пер. с англ.

Е. Королевой.

(Серия «Ultima»).

5000 экз.

Сразу оговоримся: несмотря на подзаголовок, с бестселлером Дэна Брауна этот роман никак не связан.

Роман стал заметной вехой в творчестве британского фантаста П.Макоули — одного из лучших представителей «твердой» НФ. Нашим читателям он хорошо знаком по трилогии о Слиянии.

В «Ангеле...» автор переносит действие во Флоренцию XVI столетия. Правда, в мире Паскуале эпоха Возрождения оказалась периодом не культурного, а технологического, индустриального расцвета.

Центр повествования связан с фигурой Великого Механика — Леонардо да Винчи. Его изобретения изменили не только облик Флоренции, но и геополитическую расстановку сил. Например, освоение Нового Света связано отнюдь не с Колумбом и Кортесом, а с именем Америго Веспуччи, заключившим договор с императором Монтесумой.

Действие книги разворачивается вокруг заговора, цель которого — похищение одного из последних изобретений Леонардо да Винчи. Роль следователя по особо важным делам досталась патриотично настроенному журналисту Никколо Макиавелли, его помощником выступает Паскуале — молодой ученик художника-изобретателя.

Продемонстрировав знание приемов и штампов НФ еще в «Слиянии», Макоули повторяет тот же трюк и с канонами детективного жанра — тут и загадочное убийство в запертой комнате, и перестрелка в духе крутого детектива 1950–х, и т.д. и т.п.

Отличительной чертой книги Макоули является высокая степень достоверности и реальности описываемых событий, а уровень фантастического, не считая исходных допущений, минимален. При этом сам автор старательно расшатывает рациональность сконструированного им мира богоборческими рассуждениями Макиавелли, привнесенной из Нового Света практикой духовного поиска, явственно стремясь разорвать границы альтернативной истории. Попытка засчитывается.

Сергей Шикарев

Далия
ТРУСКИНОВСКАЯ

**ШАЙТАН-
ЗВЕЗДА**

*Москва: Форум,
2006. — 702 с.
(Серия «Другая
сторона»).
4000 экз.*

Несколько лет назад по непонятным причинам была издана только первая часть романа. Теперь у читателей есть возможность познакомиться с книгой в полном объеме.

Тот, кто читал «Тысячу и одну ночь», с трепетным нетерпением перелистывая страницы в ожидании, куда нырнет заковыристый сюжет, на каком кривом джинне герой объедет каскад из непреодолимых препятствий, тот, кто с восторгом погружался в стихию восточного волшебства, после выхода «Шайтан-звезды» обретает возможность еще раз получить весь букет перечисленных удовольствий. Ведь это книга сказок и приключений, построенная на средневековом арабском антураже. И, может быть, самая сильная ее сторона — мастерская стилизация под Шахерезаду, несколько смазанная, правда, озорством в духе постмодерниста Барта. Трускиновская имеет вкус к историко-мистическому, историко-приключенческому роману. Она, как правило, с первых страниц погружает читателя в гущу иной культуры, а для того, чтобы «декорации» выглядели аутентично, перечитывает гору литературы вплоть до специальных монографий. Так и здесь — за внешней легкостью стиля видна серьезная работа с материалом.

Фантастический элемент в тексте далек как от магии традиционной фэнтези, так и от «лунного трактора» с прочими звездобластерами. Это в чистом виде сказочные чудеса: превращения, пророчества, фокусы колдунов. Литературная сказка, к сожалению, скудно представлена в современной литературе. Книга Трускиновской — редкий удачный опыт в этой области.

В то же время «Шайтан-звезда» по многим признакам может быть отнесена и к женскому роману. Глубинным мотивом книги является вечная мечта о счастливой любви, пусть даже это счастье придет после многочисленных трудностей и неприятностей. В финале одна из главных героинь открытым текстом проговаривает суть романа, и эти слова могут служить девизом книги: «Я — твоя, клянусь Аллахом, а ты — мой. Вот и все... И не надо ничего больше говорить...»

Дмитрий Володихин

Фабрис КОЛЕН

**ПО ВАШЕМУ
ЖЕЛАНИЮ**

*Москва: АСТ,
2005. — 379 с.*

Пер. с франц.

С. Буренина.

(Серия

«Век Дракона»).

3000 экз.

«Французская фэнтези» — словосочетание, само по себе кажущееся парадоксальным. Французы, как никто более, привязаны к традиции классической НФ. Конечно, во Франции жанр фэнтези сегодня весьма популярен, но представлен он в основном переводной продукцией. Назвать же с ходу заметного фэнтезийщика-француза вряд ли получится даже у специалиста по франкоязычной литературе. И тем не менее рецензируемая книга демонстрирует, что потомкам Жюль Верна вполне по силам завоевать фэнтезийный рынок. Однако роман Колена — не типичный представитель жанра. «По вашему желанию» — фэнтези юмористическая, пересмешническая.

Впрочем, пародийность, едкая издевка над соседями через Ла-Манш и их культурой у Колена не отличается особой оригинальностью, хотя ему не откажешь в литературном мастерстве. Колен, во-первых, едко высмеял приемы классической и городской фэнтези, а также и альтернативной истории англо-американского производства; во-вторых, разместил действие в викторианском Лондоне. Точнее, в асторинском Ньюдоне.

Все классические атрибуты жанра Коленом использованы по полной программе: есть в книге мрачноватый романтический город, населенный нереальными персонажами; есть могучая телом королева Астория, в которую по ходу действия вселяется сам дьявол; есть (куда же без тайных обществ!) Всеведущая Федерация Освобождения Возможностей Ирреальности, члены которой, именуя себя театраломанами, устраивают тайные мистерии и поклоняются Великому Кукловоду. С последним, изображенным проказником-мальчишкой под маской свиньи, автор кокетливо отождествляет самого себя.

Список аллюзий, намеков, цитат в романе весьма обширен. Но грешно требовать, чтобы читатель штудировал английскую литературу, а затем тщательно исследовал текст. Да это и не обязательно. Главное, что роман получился действительно смешным и захватывающим.

Сергей Алексеев

ПОХОЖЕ, НАЙДЕТСЯ ЗДЕСЬ ДЕСЯТЬ

Владимир МИХАЙЛОВ. «МОЖЕТ БЫТЬ, НАЙДЕТСЯ ТАМ ДЕСЯТЬ?» ЭКСМО. Серия «Абсолютное оружие»

Эта книга Владимира Дмитриевича Михайлова появилась ровно через тридцать лет (практически день в день) после выхода его романа «Сторож брату моему». Но в данном контексте нас привлекает не магия дат и даже не факт юбилея серии о капитане Ульдемире, в которую оба романа входят, соответственно, пятым и первым, а тот момент, что и «Сторож...», и «...Десять» близки друг другу не только по духу, но и по теме. Фактически, писатель оглядывается на последние годы развития нашей страны и делится с читателями неутешительными выводами.

Вообще творчество Владимира Михайлова неотделимо от истории нашей родины: сначала Советского Союза, затем России. Его первые романтические рассказы об освоении космоса вполне соответствовали царившей тогда атмосфере. Но со временем состояние легкой эйфории переродилось в болезненное пребывание в сюрреалистической действительности, полностью оторванной от той, в которой надлежит существовать. Впервые подобные ощущения — которые и привели к замыслу «Сторожа» — возникли в 1968 году, когда советские танки вошли в Прагу. Вторично — когда необходимые по своей

сути экономические реформы в России приняли абсурдный характер и породили серьезную социальную несправедливость. Через тридцать лет круг замкнулся «...Десятью».

В своих мини-мемуарах «Хожение сквозь эры», опубликованных в журнале «Если» (№ 7—8, 2000), Михайлов пишет о «Стороже...»: «Если общество велико и могуче, это еще не дает ему права навязывать свои понятия о жизни другому обществу, пусть даже не столь многочисленному и хуже вооруженному. Эта мысль наложилась на уже существующий замысел — написать о космическом экипаже,

составленном из представителей разных эпох». Экипаж этот (наши соотечественники: шестидесятник Ульдемир и живший лет за триста до него монах, летчик Люфттваффе, индеец доколумбовой Америки, спартанец, защищавший Фермопилы и даже прачеловек) лишь на первый взгляд кажется эклектичным. Писатель явственно дает понять сильному миру: если уж такие различные люди смогли ради достижения совместной цели найти общий язык, то вам, господа, сам Бог велел быть толерантнее и дальновиднее.

И вот здесь мы вплотную подходим к самому главному, что выделяет новый роман В. Михайлова в ряду современной фантастической прозы.

В «...Десяти» писатель дает четкий и непротиворечивый ответ на вопрос, который волнует лучшие умы человечества не одну тысячу лет: «В чем смысл жизни?» По Михайлову все Мироздание состоит из Холода и Тепла и «преобразование Тьмы и Холода в Свет и Тепло может происходить только одним способом: путем преобразования первого во второе при помощи человеческого духа. Для этого созданы все мы. И каждый мир, населенный такими, как мы, должен постоянно вырабатывать и посылать в Мироздание какое-то количество Тепла, тем самым уменьшая объем и массу Холода. Вот для чего существуем мы, вот в чем

смысл нашего бытия, всего в нем, начиная с воспроизводства людей... И только в результате такой нашей деятельности в конечном итоге исчезнет весь Холод, все Мироздание станет Теплом и Светом — и начнется новый этап Бытия, о котором мы не можем даже догадываться...»

Однако время от времени возникают миры, в которых честность, порядочность, доброта и сострадание забыты. Бал правят нажива, жадность и хитрость. Эти миры называются «мертвыми», потому что отдают Мирозданию все меньше и меньше Тепла. В момент, когда остается менее десяти индивидов, способных делать это, мир моментально оказывается во власти Холода, что означает гибель всего его населения, и не духовную, а самую что ни на есть физическую.

Тридцать лет назад «Сторожем брату моему» В. Михайлов отметил Каиновой печатью те непомерные имперские амбиции, которые владели руководителями СССР. Роман «Может быть, найдется там десять?» предостерегает от куда более серьезных последствий: *весь наш мир находится на пути к Содому. И если убийцу Авеля Бог «всего лишь» проклял и сделал изгоем, то город на берегу Мертвого моря погиб под дождем из серы и огня.*

Хотя, похоже, *здесь* найдется больше десяти праведников. Во всяком случае пока.

Андрей СИНИЦЫН

Вл. ГАКОВ

ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЧНОСТИ

Этот писатель прославился одной-единственной книгой, но зато какой! Она дала мощнейший толчок целому жанру литературы — притом, что с художественной точки зрения книга оказалась посредственной. Таким парадоксальным феноменом остался в литературе Олаф Стэплдон, 120-летие со дня рождения которого мы отмечаем в мае этого года.

С одной из самых знаменитых научно-фантастических книг XX века наш любитель фантастики смог познакомиться лишь несколько лет назад. И совсем немногие в курсе жизненных перипетий его автора — Олафа Стэплдона. А ведь его по праву считали и считают ведущим британским писателем-фантастом в интервале между двумя мировыми войнами. Слава Уэллса в то время была уже почти легендарной, а «молодежь» — Джон Уиндэм, Артур Кларк, Эрик Фрэнк Расселл — еще не успела выйти из того невинного возраста, когда фантастику в основном лишь самозабвенно читают.

«Он пришел в литературу, — пишет один из исследователей творчества Стэплдона, — следуя великой английской традиции прозаиков, от романтиков до викторианцев, от Блейка и других поэтов эпохи романтизма... до Уильяма Морриса, Джорджа Бернарда Шоу и Герберта Уэллса. Он не обладал харизмой этих авторов, но как бы то ни было он из их компании — вполне возможно, ее последний представитель».

Когда сталкиваешься с феноменом Стэплдона, не избежать чувства досады. К такому могучему воображению — да еще бы подбавляющий литературный дар! Увы, насколько поражает Стэплдон-мыслитель, в той же мере слаб Стэплдон-писатель.

Безусловно, он обладал многими качествами истинного пророка. Был предельно серьезен, до конца предан своей Идее, ощущал себя миссионером. Его теоретические построения отличались глубиной и размахом (причем говоря о последнем, трудно найти равных Стэплдону), а подвижническая деятельность — энергией и бескорыстием. Конечно, для специалистов-филологов проза Стэплдона «оставляет желать лучшего», а для профессиональных философов его философия чересчур «литературна». Что ж, история признания этого необычного мыслителя повторила судьбу многих таких же авторов, слишком оригинальных, с трудом поддающихся ранжиру.

В одном ему нельзя отказать. Никогда в истории литературы —

ни до, ни после Стэплдона — не появлялось ничего хотя бы отдаленно сравнимого с написанным им по масштабам. И когда такой строгий, а подчас беспощадный к продукции коллег критик, как Станислав Лем, посвящает разбору его творчества — единственному! — более ста страниц в своей двухтомной «Фантастике и футурологии», то движет польским писателем, понятное дело, не простой альтруизм.

* * *

Родился Олаф Стэплдон 10 мая 1886 года в ничем не примечательном городке Уолласи в графстве Чешир. Детские годы его, правда, прошли в местах куда более экзотичных — в далеком Порт-Саиде, буквально рядом с Суэцким каналом, где отец мальчика служил агентом в местной сухоходной компании. Но это лишь первые шесть лет. Вся оставшаяся жизнь после того, как в 1893 году семья вернулась на родину, поселившись в окрестностях Ливерпуля, протекала безвыездно в Англии — не считая эпизодических вояжей за Ла-Манш.

В 1909 году Стэплдон покидает Оксфорд с дипломом историка в кармане. Однако сначала ему приходится идти по стопам отца — год с небольшим работы в ливерпульской сухоходной фирме, потом назначение в знакомый Порт-Саид. Наконец, в 26-летнем возрасте он получает в Ливерпуле место преподавателя вечерних курсов английской литературы и истории

промышленности, организованных Ассоциацией рабочего образования при местном университете.

Когда началась первая мировая война, молодой лектор и поэт (пока ему удалось опубликовать только томик своих религиозных стихотворений) отказался служить в действующих войсках — по пацифистским соображениям. Однако он выполнил свой гражданский долг, работая шофером в квакерском походном госпитале, и даже был награжден французским Военным Крестом. А когда вернулся в Англию, то женился и поступил в аспирантуру *alma mater*.

Спустя пять лет Олаф Стэплдон — уже доктор философии. В последующие десятилетия выйдут в свет его трактаты — «Современная теория этики», «Пробуждающий мир», «Философия и существование», «Святые и революционеры», «Новая надежда для Британии»... В этих книгах оригинальный и смелый философ мостил дорожку будущему писателю-фантасту.

В нашей специальной литературе о Стэплдоне-ученом — буквально ни слова, если не считать нескольких строчек в «Философской энциклопедии», где речь идет о телеологии. Между тем его воззрения представляют несомненный интерес для всех, кто увлечен идеями Вернадского, Тейяра де Шардена и прочих космистов. Впрочем, с их сочинениями философ из Ливерпуля, судя по всему, не был знаком — до всего доходил сам...

Вселенная по Стэплдону — не просто хаотическое нагромождение материи во всех ее видах, но организация ее форм всепроникающим Духом. Его присутствие очевидно во всех явлениях природы, и цель (вот она, космическая телеология!) разумной стадии материи, человечества — познать этот Дух, насколько возможно. Во всяком случае — постоянно стремиться к гармонии с ним. Мироздание, как и разум, перманентно пребывает в эволюционном брожении; от человека же, от его все возрастающей мощи зависит, уничтожить ему себя или обогородить, «вписать» человечество, как главную тему, в единую величественную симфонию, разыгрываемую по партитуре вселенского Духа.

В те же предвоенные годы Стэплдон подхватил весьма распространенную тогда среди либеральной интеллигенции болезнь — социализм. Он много писал на соответствующие темы в газеты и журналы и активно участвовал в различных организациях левого толка. Хотя, как и другой активный английский социалист той поры — Артур Эрик Блэйр (более известный под своим литературным псевдонимом Джордж Оруэлл), к собственно британской Коммунистической партии до конца жизни относился скептически.

Однако, видимо, ни преподавательская и общественная деятельность, ни научные труды не давали необходимого простора для этой неумемной фантазии. И

тогда Стэплдон впервые пробует силы в научной фантастике.

Известно, что в юности он увлекался книгами Жюль Верна и Камиля Фламмарiona, Эдгара Райса Берроуза и соотечественников — Мэтью Шилия и Дэвида Линдсея. Поразительно, как он при этом умудрился прозевать уэллсовскую «Машину времени»! И понятия не имел — до 1936 года, по его собственному признанию — об американской журнальной science fiction. А ведь именно Герберт Уэллс оставался, по сути, его единственным учителем. «Как можно словами выразить благодарность воздуху, которым дышишь?» — писал начинающий автор мэтру в октябре 1931 года. Их отношения многие годы напоминали искреннюю дружбу-соперничество равных. Жена Стэплдона вспоминала, что Уэллс был прям и откровенен; отмечая, что в литературном отношении творчество ее мужа «примитивно, как железнодорожное расписание», Уэллс в то же время признавал, что «в соревновании воображения он бы поставил Стэплдону поминальную свечку».

Чему Уэллс действительно научил Стэплдона, так это взгляду на человеческую историю как на «гонку между образованием и катастрофой». А также идеям «мирового сообщества свободных». Подобные взгляды разделяли многие английские интеллектуалы, образовавшие в 1932 году «Федерацию прогрессивных обществ и индивидуумов», в программном

манифесте которой главу про образование написал не кто иной, как Олаф Стэплдон.

* * *

Но до этого благодарный ученик потряс учителя — не говоря уж о рядовых читателях — своим литературным дебютом. Произошло это в 1930 году, когда лондонское издательство Methuen выпустило книгу Стэплдона «Последние и первые люди. История близкого и отдаленного будущего».

Никакие жанровые определения тут не годятся: это не роман, не трактат, не эссе... но — Книга, в том сокровенном смысле, который вкладывали в это слово наши предки! Автор предлагал читателю историю ДВУХ МИЛЛИАРДОВ лет развития цивилизации! Адекватную оценку творению Стэплдона затруднялись дать даже такие строгие авторитеты, как Джон Бойнтон Пристли, у которого вырвалось только: «Шедевр!».

Влияние же этой книги на англоязычную НФ вообще трудно переоценить.

Артур Кларк вспоминал: «Я наткнулся на потрепанный томик в публичной библиотеке моего родного города Майнхэд вскоре после выхода книги в свет. О произведенном впечатлении лучше не говорить: все эти многомиллионнолетние хронологии, переключки великих, но обреченных цивилизаций!.. Хорошо помню себя, старательно переписывающего стэплдоновские «временные шкалы» — вплоть до последней,

на которой «Образование планет» и «Конец Человека» почти сливались с делением, обозначавшим «Сегодня»...

Что же это за шкалы?

Первая — хронология событий на 2000 лет вперед и назад от условной отметки «2000 г. от Р.Х.». Очевидно, начинается шкала от гипотетической даты рождения Христа, а завершается — после череды войн, социальной неразберихи и сменявших друг друга цивилизаций — неким «американизованным миром». Писано, заметьте, в 1930–м.

Вторая шкала — это умноженная на сто первая. От палеолитической культуры до заката Вторых Людей (кто они такие, станет ясно ниже). Третья, четвертая и пятая — это соответственное умножение масштаба: каждая новая шкала в сто раз протяженнее предыдущей. Уже четвертая временная «линейка» простирается от этапа формирования планеты до исчезновения Человека как биологического вида.

И обо всем этом Олаф Стэплдон умудрился рассказать в средних размерах томе. Три с лишним сотни страниц весьма «просторного» шрифта заполнены миллиардами лет!

Когда ведущий американский фантаст Роберт Хайнлайн начал в 1940–е годы разрабатывать собственную историю будущего, он, безусловно, отталкивался от Стэплдона. И другой известный автор Альфред Ван-Вогт приступил к циклу произведений о мути-

ровавшем человечестве под влиянием автора «Последних и первых людей». Вдобавок можно выписать длинный ряд также весьма достойных имен — Клиффорд Саймак, Кордвайнер Смит, Джеймс Блиш, Брайан Олдисс, Урсула Ле Гуин... Добавив к ним даже такого, казалось бы, далекого от англоязычной научно-фантастической традиции и во многом ей антагонистичного автора, как Станислав Лем.

Читать Стэплдона — все равно что взбираться на горную вершину. Но зато наверху пронзительная ясность, морозный, пьянящий «кислород» и долгожданный покой. А перспектива — дух захватывает!

«Общий план книги, — рассказывал автор в интервью, данном в 1937 году, — возник передо мной, как вспышка молнии, пока я наблюдал за тюленями, нежащимися на скалах острова Англис».

Волны перекатывались через почти неподвижные, иссиня-черные блестящие тела, капельки воды на них играли под солнцем, отчего вся картина жила и менялась на глазах. А Стэплдону пришел в голову неожиданный образ. Человечество на протяжении тысячелетий, омываемое волнами времени и изменений, но остающееся неизменным в главном. Мутации, войны и катастрофы, вынужденная смена ареалов существования, постоянно меняющиеся условия игры с Природой — а над всем этим неподверженный внешним перипетиям непоколебимый Дух, Разум.

Сам автор, впрочем, не настаивал, что будущая история человечества будет именно такой, как он изобразил в книге.

Несмотря на подробно вычерченную хронологию, научную убедительность и логику, это все-таки миф, философская схема, представление «космического этика» о том, каким мир должен быть. Неслучайно и то, что мы смотрим на происходящее глазами двух рассказчиков. Один называет себя в предисловии без затей — просто «Стэплдоном», другой же представит неким трансцендентным Последним Человеком, обозревающим из временной бездны отдаленные события прошлого. Настолько далекого, что мы вправе воспринимать их как легенду, как миф.

Но кто же они такие — эти Первые, Вторые... Последние Люди?

Первые, по Стэплдону, это мы. Недалеко ушедшие в своей эволюции от породивших нас обезьян, пребывающие в состоянии перманентной духовной спячки. Иногда отдельные особи открывают глаза, но большинство не способно осознать, что оно видит вокруг. А многие способные — так те пугаются внезапно открывшихся горизонтов.

История Первых простирается на будущее невообразимые столетия тысяч лет. Те же войны, конфликты, закат Европы, бурный технологический спурт Америки, установление Единого государства; затем столь же единой, всех удвоившей религии. Подобные идеи действительно носились в

воздухе в то время, когда читатели впервые знакомились с эпопеей Стэплдона. Но затем... Затем фантазм его буйного воображения забил с такой силой, что затопил, как островки в океане, все счастливые «футуристические» находки коллег по перу. Станислав Лем не без ревности обронил, что Олаф Стэплдон насочинял целый грандиозный каталог научно-фантастических тем и сюжетов, так что более ленивым авторам остается лишь заглядывать время от времени в эту уникальную библиотеку.

Закат Первых Людей наступил вместе с развалом последней технологической цивилизации — по прихоти авторской фантазии она находилась в Патагонии! Потом в течение нескольких тысячелетий шел подспудный процесс внутренней эволюции вида *Homo sapiens*, и со временем планету заселили новые «титаны», более приспособленные к изменившимся природным условиям (на планете началась активизация вулканической деятельности).

Вторые Люди более интересовались миром вокруг, нежели самими собой; лишенные основополагающего подсознательного страха Первых перед собственным физическим несовершенством (и вытекающим из этого комплексом власти), гиганты-альтруисты были ближе своих предшественников к реальной утопии.

Но они оказались слишком хороши, чтобы уцелеть. Их неминуемая гибель явилась в облике захватчиков-марсиан. Современный

читатель фантастики может не ухмыляться: шел 1931 год, и подобный сюжет еще не успел превратиться в расхожий штамп. Странные «электромагнитные существа» с красной планеты стали первым сигналом из далекого будущего земной цивилизации, когда разумной жизни, по Стэплдону-философу, будет тесно в каркасе материи! А вот Стэплдону-писателю нужна была трагедийная нота — жизнь может быть уничтожена другой жизнью, построенной на совершенно иных принципах.

Выведенные искусственно Третьи Люди были органичны Природе, управляли ею не с помощью костылей-технологий, а благодаря внутренним усовершенствованиям. Но будучи снова «полуживотными», не отделенными от природы культурой, они, в свою очередь, родили собственную противоположность. Четвертых — уже не людей, а кибернетических Великих Мыслителей, которые взбунтовались и уничтожили своих создателей. На смену им пришли Пятые Люди, чье физическое совершенство подчеркивалось совершенством духовным. За три тысячелетия своего существования они открыли науку наук — психофизику, иначе говоря, телепатию и прочие «сверхчувства», научились мысленно путешествовать в прошлое...

Ну а далее следует история Великого Исхода на Венеру после космического катаклизма, дальнейшая эволюция уже на Нептуне (дело в том, что Плутон был вы-

числен как раз в октябре 1930 года и пока оставался изящной гипотезой, не более) полностью трансцендентных существ, однако помнящих — как трогательно! — о нас, Первых. А что в финале?

Венец этой нескончаемой игры эволюции — Восемнадцатые Люди. И, вероятно, последние. Хотя их индивидуальная жизнь длится четверть миллиона лет, а физиология и психология обогатились настолько, что и полов-то теперь не пара, а девяносто шесть — завидовать, как выясняется, нечему. Межзвездные экспедиции с непровержимостью установили, что других разумных существ в обозримой Вселенной нет. Более того, сама она в скором времени претерпит очередной катаклизм, в результате которого прекратится какая бы то ни было жизнь вообще. Единственное, что остается далеким наследникам земного разума — рассеять по умирающей Вселенной семена бессмертного духа, оставив будущим поколениям весть о себе...

Такая вот Книга.

* * *

Автор этой космической феерии написал еще несколько НФ-книг. В своеобразном романе-продолжении «Последние люди в Лондоне» (1932) он попытался прокомментировать современность, глянув на нее глазами одного из персонажей предыдущей книги. А в грандиозной эпопее «Создатель звезд» (1937), словно не удовлетворившись своими временными шкалами, рассказал уже

историю самой Вселенной. И тем самым практически оставил современную ему научную фантастику без сюжетов и тем!

Несколько особняком стоят два романа — «Странный Джон» (1935), герой которого — мутант-сверхчеловек, строящий свою «персональную» утопию на тихоокеанском острове, и «Сириус» (1944) — последняя и самая «литературная» из всех книг Стэплдона, щемяще-грустный роман о псе, которого снабдили человеческим разумом.

Все эти годы Стэплдон не прекращал и своей кипучей общественной деятельности. Результаты ее, впрочем, оказывались противоречивыми — неслучайно перу Стэплдона принадлежит и автобиографический роман под характерным названием «Человек раздвоенный».

После окончания второй мировой войны он присутствовал на ежегодной встрече Британского межпланетного общества, куда был персонально приглашен Президентом этой организации — Артуром Кларком. И съездил в сентябре 1948 года во Вроцлав, где собирався Всемирный конгресс борцов за мир. А полгода спустя — в Нью-Йорк, на конференцию «Деятели науки и культуры — за мир во всем мире». Там же, в Нью-Йорке, Стэплдон в первый и единственный раз лично встречался с коллегами — американскими писателями-фантастами, среди которых его имя уже начало приобретать ореол легенды.

Под конец жизни он с головой погрузился в исследование мистического, или, как сейчас модно говорить, аномального. Смерть от сердечного приступа в сентябре 1950 года прервала работу над несколькими книгами сразу. Незаввершенные и загадочные «Четыре встречи» (воображаемые диалоги с Христианином, Ученым, Мистиком и Революционером) и «Открывавая взор» вышли уже посмертно.

Олаф Стэплдон открыл взор многим. На место Человека в мироздании, на его возможное будущее. Подобно другим мыслителям своего времени, он не мог оставаться беспечным, но даже трагическая тема финала его «Последних и первых людей» не вносит в наши сердца безысходной тоски.

Во-первых, бесконечно далеко все это — вселенские катаклизмы, отнесенные в такую временную бездну, поневоле настраивают на

философский лад. А кроме того... Когда слушаешь величавый трагический финал симфонии, слезы сопереживания — святые слезы искусства — подавляют слезы другие, вызванные страхом и отчаянием. А ведь последние страницы его романа полны музыки!

«Сам человек, в любой малой частичке своей — есть музыка, героическая тема, которая только подчеркивается грандиозным аккомпанементом из штормов и звезд. Человек в своем измерении вечно прекрасен в вечном ходе вещей. До чего же прекрасно быть человеком. Только осознание этого позволяет нам двигаться вперед с улыбкой в сердце, в мире с самими собой и с благодарностью нашему прошлому и нашей собственной дерзости. Ибо мы, по крайней мере, можем вслушиваться в эту прекрасную музыку, которая зовется человеком».

БИБЛИОГРАФИЯ ОЛАФА СТЭПЛДОНА

Научно-фантастические книги

1. «Последние и первые люди» (*Last and First Men*, 1930).
2. «Последние люди в Лондоне» (*Last Men in London*, 1932).
3. «Странный Джон» (*Odd John*, 1935).
4. «Создатель звезд» (*Star Maker*, 1937).
5. «Сириус» (*Sirius*, 1944).
6. Сб. «К концу времен. Лучшее Олафа Стэплдона» (*To the End of Time. The Best of Olaf Stapledon*, 1953). Под ред. Б.Дэвенпорта.
7. Сб. «Зов далекого будущего. Отдельные научно-фантастические рассказы и фантазии Олафа Стэплдона» (*Far Future Calling. Uncollected Science Fiction and Fantasies of Olaf Stapledon*, 1979). Под ред. С.Московица.
8. «Создатель туманностей» (*Nebula Maker*, 1976) — фрагменты.

ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ

В голосовании на приз читательских симпатий «Сигма-Ф» приняли участие 320 человек. Рассматривались, как обычно, только «бумажные» анкеты. Называем победителей.

Прежде чем познакомить вас с итогами голосования Большого жюри, предлагаем вспомнить недавний наш разговор с читателем Михаилом Хомяковым по поводу «вершин и холмов», состоявшийся в февральском «Фантариуме». Сейчас нельзя не подивиться прозорливости автора письма в редакцию, выбравшего в качестве аргумента три имени. И вновь посетовать на то, что в малой форме эти писатели выступают нечасто — правда, к счастью, почти всегда на страницах нашего журнала.

Дались им эти романы...

Кстати — о романах. При том, что число их в очередной раз/год увеличилось, конкуренция острее не стала. Реально претендовали на власть (над сердцами и умами, естественно) всего три кандидата: Сергей Лукьяненко («Черновик»), Александр Громов («Феодал») и «объединенный кандидат» — Андрей Валентинов, Марина и Сергей Дяченко, Генри Лайон Олди («Пентакль»). Но в тройке догоняющих обнаружилось два новых для жанра имени, что не может не радовать: это Иван Охлобыстин («XIV принцип») и Дмитрий Быков («Эвакуатор»). Компанию им составил «внежанровый» возмутитель спокойствия Виктор Пелевин («Шлем ужаса»). Остальные десять романов, выдвинутых на соискание премии, оказались далеко позади.

Победителем в номинации «Роман» стал «Феодал» **Александра Громова**.

В номинации «Повесть» конкуренция была существенно выше. И хотя не скроем, что «У Билли есть шуковина» Олега Дивова уже на начальном этапе завоевала прочные позиции, однако группа преследования оказалась плотной и настойчивой: «Полукровка» Сергея Синякина, «Ухо» Леонида Каганова, «Змееныш» Александра Громова, «Перекресток» Бориса Руденко, «Золотой миллиард» Геннадия Прашкевича. Всего же Большое жюри голосовало за 14 повестей.

Олег Дивов сумел удержать лидерство, и повесть «У Билли есть шуковина» принесла ему лавры победителя.

Самое суровое выяснение отношений произошло на поле рассказа. Собрав группу из 22 конкурентов, наблюдатели никак не могли определиться, чей голос убедительнее и громче. Только после месяца прослушивания Большое жюри начало склоняться в пользу Сергея Лукьяненко. Но и доводы оппонентов звучали весомо: Генри Лайона Олди («Восстань, Лазарь!»), Марии Галиной («Заплывающая за буйки»), Евгения Лукина («Серые береты»), Бориса Руденко («Лиман»), Леонида Кудрявцева («Третий вариант»).

В итоге самой убедительной была признана аргументация **Сергея Лукьяненко**, и его «Сердце снарка» заняло первое место в списке лучших рассказов года.

На этом призы «Сигма-Ф» заканчиваются. Но не стоит грустить — начинаются дипломы. Они у нас двух видов: дипломы «Сигма-Ф» и дипломы журнала «Если». Первые вручаются по итогам голосования в двух номинациях: за лучшее жанровое произведение зарубежного автора — но не автору или переводчику, а издательству, подготовившему книгу, а также за лучший фильм — фирме, обеспечившей прокатную судьбу этой картины в России. Дипломы «Если» вручаются авторам наиболее заметных, по мнению читателей, выступлений в трех основных разделах журнала: критики и библиографии, публицистики, кинокритики.

Как всегда, самым массовым оказался отклик на предложение проголосовать за произведение зарубежного автора. Члены Большого жюри назвали 32 работы — романы, повести и даже рассказы, — достойные звания «лучшие». Соревновались, в основном, три «структуры»: ЭКСМО, АСТ и «Если». Наибольший читательский интерес вызвали шесть фантастических произведений: «Илион» Дэна Симмонса, «Куки-монстр» Вернора Винджа, «Задверье» Нила Геймана, «Кости Земли» Майкла Суэнвика, «Гламур» Кристофера Приста, «Голос стали» Шона Макмаллена. Победителями из этой схватки вышли **Дэн Симмонс** и издательство **АСТ**, выпустившее его роман «Илион» в отличном переводе Юлии Моисеенко.

Что касается фантастических лент, то, по мнению наших читателей, в прошлом году заслуживали внимания лишь 12 фильмов. Четыре из них спорили за лидерство. Впрочем, спором это можно назвать достаточно условно, поскольку «**Звездные войны: Эпизод III. Месть ситхов**» из эпопеи Джорджа Лукаса сразу же ушла в отрыв и удерживала первое место до конца (кинопрокат в Рос-

сии осуществляла компания «**Гемини Фильм Интернациональ**»), так что схватка шла только за второе место — между «Автостопом по Галактике» Гарда Дженнинга, «Городом греха» Роберта Родригеса и «Хрониками Нарнии» Эндрю Адамсона. Любопытно, что «Гарри Поттер и Кубок Огня» Майка Ньюэлла оказался только шестым, пропустив вперед анимационный фильм «Передвижной замок Хоула» Хаяо Миядзаки.

Тут же вспомним о лучшем материале по проблемам кинофантастики, опубликованном в журнале в прошлом году. Читатели дружно проголосовали за статью **Марины и Сергея Дяченко** «Средиземье без границ», а в числе наиболее заметных назвали выступления Вероники Ремизовой «Оживляющий чудовищ», Бориса Долинго «Альтернативное настоящее», Дмитрия Караваева «От летающих кинжалов — к летающим тарелкам», Сергея Лукьяненко «Оживший картон», Дмитрия Байкалова «Стыковка».

В номинации «Критика и библиография» было потеснее. Здесь спорили две статьи Глеба Елисеева «Не надо грязи!» и «Генераторы иллюзий», «круглый стол», посвященный трэш-фантастике, полемика, вызванная репликой Андрея Щупова, работа Владислава Гончарова «Посмеемся? Если получится...», обзор Евгения Харитоновича «Девятое искусство», материалы Вл. Гакова в рубрике «Вехи». В итоге диплом получил **Глеб Елисеев** за статью «Генераторы иллюзий».

В жанре публицистики самыми заметными оказались три представителя «Четвертой волны»: Евгений Лукин («Вранье, ведущее к правде», «Затворите мне темницу»), Владимир Баканов («Мы совершенно незаметны»; как выяснилось, незаметны — это зря), Эдуард Геворкян («Альтернатива здравому смыслу»). Другие «волны» хотя и накатывали, но не столь эффектно: Мария Галина «Стрела и круг», Дмитрий Володихин, Аркадий Штыпель «Пророки и буревестники», отдельные материалы в рубрике «Экспертиза темы». Победителем стал **Евгений Лукин** с программной статьей «Вранье, ведущее к правде».

Не сомневайтесь: к моменту публикации результатов голосования все призы и дипломы будут переданы в надежные руки, то есть победителям. А мы благодарим членов Большого жюри за работу. Большое спасибо всем нашим читателям, кто нашел силы и время подвести итоги фантастического года. Все это для нас очень важно!

Редакция «Если»

С 16 по 19
марта

в подмосковном санатории «Клязьма» состоялся очередной «Роскон» — крупнейший отечественный фантастический конвент. В мероприятиях «Роскона» приняли участие более 600 писателей, журналистов, критиков, издателей, любителей фантастики из многих стран мира.

В этом году в рамках «Роскона» проходил Московский форум фантастики, организованный журналом «Если» при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ. В предыдущие годы Форум проводился журналом самостоятельно, в 2006–м два московских конвента решили объединить усилия.

Фестиваль буквально ошеломил участников количеством мероприятий — как рабочего, так и развлекательного плана. Горячие обсуждения на семинарах («Фантастика и прошлое», «Наука в современной фантастике», «Авторские права в интернете») сменялись лекциями известных писателей (А.Валентинов, Н.Басов, В.Михайлов, В.Головачёв) и практикумами для начинающих авторов. На конвенте нашлось место обширной кинопрограмме, включавшей демонстрацию фильмов молодых кинематографистов, семинару по аниме, премьерным показам фильмов «Азирис Нуна» и «Наркоза не будет». Состоялись концерты известных групп и исполнителей («Календарь», «Белая гвардия», «Побережье», Сергей Калугин, Олег Медведев и др.). Кроме проведенного впервые литературного конкурса «Грелка–Роскон», участники могли посостязаться на официальных турнирах по фэнтези–игре «Magic the Gathering» и спортивному преферансу. Традиционные мастер–классы для молодых авторов провели О.Дивов, А.Громов, Н.Перумов, С.Лукияненко, М. и С.Дяченко, А.Лазарчук.

В первый день конференции на торжественной церемонии вручались призы и дипломы «Сигма–Ф» (имена победителей названы в предыдущем материале номера — *прим. ред.*). После награждения состоялся фуршет для всех участников конвента.

Во второй день премию «Большой Роскон» за вклад в фантастику получил почетный гость конференции Владислав Петрович Крапивин. Приз «Алиса» за лучшую фантастику для детей и подростков достался Александру Етоеву за повесть «Уля Ляпина, супердевочка с нашего двора. Полосатая зебра в клеточку». Премия «Фантаст года» (самому тиражному автору) была присуждена Сергею Лукьяненко.

В заключительный день фестиваля вручались Мемориальная премия имени Кира Булычёва и основные призы «Роскона».

Мемориальная премия имени Кира Булычёва вручается за лучшее произведение предыдущего года, исходя из двух критериев — высокий литературный уровень и человечность. Премия организована в год смерти писателя (2003) журналом «Если», членом Творческого совета которого являлся Мастер. Итоги подводит профессиональное жюри, состоящее из ведущих писателей — членов Творческого совета «Если» (Владимир Михайлов, Борис Стругацкий, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко, Эдуард Геворкян, Марина и Сергей Дяченко, Александр Громов, Олег Дивов), жанровых критиков, выбранных по результатам опроса любителей фантастики, и двух представителей редакции — по жребию. Голосование проводится в два тура. В первом каждый из членов жюри предлагает не больше шести произведений, во второй тур попадают те из работ, которые набрали не менее трех голосов.

Лауреатом Мемориальной премии имени Кира Булычёва в этом году стал Олег Дивов за повесть «У Билли есть штуковина».

Основные призы «Роскона», вручаемые по итогам двухтурового голосования участников, распределились следующим образом. В номинации «Роман» «Золотой Роскон» получил А.Громов за роман «Феодал»; «Серебряный» — А.Валентинов, М. и С.Дяченко, Г.Л.Олди за роман в новеллах «Пентакль»; «Бронзовый» — В.Крапивин за роман «Прохождение Венеры по диску Солнца». В номинации «Повесть, рассказ» первый приз достался О.Дивову за повесть «У Билли есть штуковина»; второй — В.Крапивину за повесть «Синий треугольник»; третий — Л.Каганову за рассказ «День сверчка». В номинации «Критика, публицистика, фантастиковедение» первое место занял дуэт Г.Л.Олди (статья «Десять искушений юного публиканта»), второе — Д.Байкалов и А.Синицын (обзор «Путеводитель по конвентам для странствующих и путешествующих»); третье — О.Дивов (полемический материал «Открытым текстом»).

Новые похождения

зеленого огра Шрека получают название «Шрек Третий». В мультфильме компании DreamWorks Animation забавному гиганту и его друзьям предстоит разыскать пропавшего наследника трона.

Начаты съемки

фантастического боевика «Смерш XXI» по мотивам популярного романа Василия Головачёва «Смерш-2». Снимает фильм компания «Русь-холдинг», продюсирует Егор Михалков-Кончаловский, режиссером стал Константин Максимов. В фильме главный герой, капитан контрразведки, обладающий паранормальными способностями, получает задание внедриться в могущественную организацию «Стопкрим», вершащую самосуд над мафией и коррумпированными чиновниками. Премьера картины планируется на весну 2007 года.

Создана

Международная литературная премия имени В.П.Крапивина. На главный приз премии (100 тысяч рублей) могут претендовать литературные произведения любых форм для детей и юношества: роман, повесть, пьеса, книга рассказов или стихов. Выдвигать произведения на соискание могут писательские объединения, издательства, журналы, детские библиотеки. Подробности можно найти на официальном сайте В.П.Крапивина: http://www.rusf.ru/vk/awards_krapivin.htm.

Кинокомпания

Universal Pictures приобрела права на экранизацию романа Альфреда Бестера «Звезды — моя цель» (другое название «Тигр! Тигр!»). Историю последнего выжившего после аварии на космическом корабле продюсирует Лоренцо ди Бонавентура. Роман Бестера вышел в свет в 1955 году и считается классикой космической НФ.

Начал работу

www.bakanov.org — сайт Школы перевода Владимира Баканова, посвященный проблемам художественного перевода. На сайте присутствуют отрывки выполненных, но еще не опубликованных работ, статьи по практике и теории перевода, советы начинающим, конкурсы, форум. Сайт стремится стать местом встречи тех, кого интересуют искусство перевода и еще не вышедшие новинки зарубежной литературы, а также ставит своей целью по мере сил обучать начинающих переводчиков.

Режиссер

русского происхождения Вадим Перельман готовится к съемкам для компании 20th Century Fox фильма-экранизации известного фэнтези-романа американской писательницы Лоис Лоури «Даритель». Роман повествует о двенадцатилетнем мальчике, живущем в идиллическом будущем, где у всех людей стерта память об истории человечества.

In memoriam

Октавия Батлер, первая в истории фантастики чернокожая писательница, скончалась в своем доме в Сиэттле 25 февраля. Ей было 58 лет. Октавия Батлер — автор более 20 романов, среди которых «Хозяйка матрицы», «Мысль моей мысли», «Выживший», «Дикое семя», «Глиняный ковчег», «Род», трилогия «Ксеногенез», а также великолепных рассказов и повестей. Ее произведения неоднократно получали высшие литературные награды: рассказ «Звуки речи» завоевал «Хьюго» в 1984-м, повесть «Кроткое дитя» собрала все главные призы 1985-го — «Хьюго», «Небьюлу», «Локус», а роман «История талантов» получил «Небьюлу» в 1999 году.

27 марта на 85 году жизни в Кракове в клинике кардиохирургии Ягеллонского университета скончался Станислав Лем. Не стало одного из самых великих фантастов XX века, философа, публициста, футуролога, драматурга, литературоведа. С именем пана Станислава неразрывно связана целая эпоха в литературе Старого Света. Станислав Лем родился 12 сентября 1921 года во Львове. После войны, где он принимал участие в польском движении Сопротивления, окончил медицинский факультет того самого Ягеллонского университета, в клинике которого оборвется его жизнь. Работал врачом. Первые публикации состоялись в 1946 году. Успех, как в Польше, так и в СССР, пришел к писателю после выхода романов «Астронавты» (1951, рус. 1955) и «Магелланово облако» (1955, рус. 1958). Наиболее известными прозаическими произведениями Лема становятся романы «Возвращение со звезд», «Голос неба», «Непобедимый», многократно экранизированный «Солярис», «Футурологический конгресс», «Фиаско», «Дневник, найденный в ванне», а также циклы рассказов о пилоте Пирксе, Йоне Тихом и двух друзьях-роботах. Среди публицистического наследия фантаста — сборники рецензий на несуществующие книги, конструирование будущего в «Сумме технологии», скандальная литературоведческая монография «Фантастика и футурология» (за нее Лем был исключен из SFWA), сборники статей на всевозможные темы, связанные с наукой, фантастикой, будущим человечества. Книги Лема переводились почти на все языки мира, большинство из них считается классикой фантастики.

Агентство F-прессе

БЕЙКЕР Кейдж (BAKER, Kage)

Американская писательница и художница Кейдж Бейкер родилась в 1952 году в Голливуде. После окончания школы она занималась живописью (в частности, настенными росписями), работала в различных религиозных объединениях, в театре (писала пьесы, пробовала себя в режиссуре и театральном бизнесе), а с середины 1990-х годов начала писать научную фантастику и фэнтези.

Литературным дебютом К.Бейкер стал рассказ под любопытным названием «Факты, относящиеся к аресту д-ра Калугина» (1997). За последующие четыре года Бейкер опубликовала трилогию «Компания» — «В саду Идена» (1997), «Небесный койот» (1999) и «Мендоза в Голливуде» (2000), впоследствии разросшуюся до серии. Всего на счету писательницы десять романов и более двух десятков рассказов и повестей; некоторые номинировались на премии «Хьюго», «Небьюла» и премию журнала «Locus», а повесть «Королева Марса» получила Премию имени Теодора Старджона. Бейкер живет одна в сельском коттедже в Калифорнии, разводит цветы, читает, рисует и пишет — и, по ее словам, полностью счастлива.

КАГАНОВ Леонид Александрович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в «Если» № 3 за этот год)

Корр.: Читатели впервые встретились с вашим главным героем в рассказе «Хомка» — очень жестком, надо сказать, рассказе. А продолжена линия Хомы в пародийных произведениях. Это сознательный ход?

Леонид КАГАНОВ: Я люблю своих героев, мне нравится создавать цепочки судеб. Недостижимый идеал — всех героев рассказов-романов-повестей расчертить на большом листе стрелками, чтобы стало ясно, кто чей правнук, а кто с кем учился. Эту схему я держу в голове, в текстах ее предьявить сложно. Хотя три года назад вышел рассказ «Флэшмоб-террор», где следователь Ваня из далекого будущего показывает фамильные портреты. Они объединяют героев многих рассказов, среди них портрет отца — знаменитого полковника космофлота Хомы Руженко. Когда я писал «Хомку» — специально вставлял в текст приметы, потому что заранее знал, что он не погибнет, а станет знаменитым героем-десантником, спасителем Галактики. И круг замкнется. Возможно, когда-нибудь появятся серьезные рассказы, но пока майор Хома Богдамир выступает строго в жанре трэш, и это правильно.

«Так что рассказ о приключениях бравого сержанта запаса Ивана Перелетного я делал с огромным удовольствием. Закончив, подумал, что стоит расписать объем в пятнадцать раз — и получится книжка, каких у нас выходит немало. Но книжка вышла бы ужасная. А рассказ — хороший. Честное слово», — написал Сергей Лукьяненко в комментариях к своему рассказу «Кровавая оргия в марсианском аду», и я абсолютно уверен, что это тоже рассказ про майора Богдамира, у которого действительно много имен.

КЕССЕЛ Джон (KESSEL, John)

Американский ученый–литературовед и писатель–фантаст Джон Джозеф Винсент Кессел родился в Буффало в 1950 году. После окончания школы он поступил в Университет Рочестера и закончил его с дипломом физика. Но затем резко сменил интересы, поступил в Университет штата Канзас и на сей раз получил диплом филолога. Диссертацию начинающий ученый–филолог защитил по истории американской литературы.

Свой первый научно–фантастический рассказ «Серебряный человек» Кессел опубликовал в 1978 году и спустя короткое время выдвинулся в ряды ведущих «гуманитариев» в американской science fiction. С тех пор он выпустил почти полсотни рассказов: многие из них откровенно пародийны, и почти все отличает общегуманитарная эрудиция автора и тонкий (хотя порой и «черноватый») юмор. Его лучшие произведения короткой формы составили сборник «Чистый продукт» (1987). Один из рассказов — «Еще сиротка» (1982), средствами фантастики пересказывающий сюжет «Моби Дика» Мелвилла — принес автору премию «Небьюла». Другой рассказ, «Буффало» (1991), завоевал Премию имени Теодора Старджона, а «История для мужчин» (2002) — Премию имени Джеймса Типтри–младшего.

Первый роман «Берег свободы» (1985), как и ряд рассказов, Кессел написал в соавторстве с Джеймсом Патриком Келли, а лучшим романом писателя остается его первая сольная книга «Добрые вести из космоса» (1989), напоминающая прозу Филиппа Дика. Кроме этих романов он написал еще один — «Коррупция и доктор Найс» (1997), названный известным писателем Кимом Стэнли Робинсоном «самым лучших из написанных по сей день романов о путешествиях во времени». В настоящее время Джон Кессел преподает американскую литературу в Университете штата Северная Каролина в Рэли, где проживает вместе с женой и дочерью. Кессел руководит творческими курсами для начинающих писателей при университете и активно выступает в качестве литературного критика, постоянно публикуя статьи и рецензии в ведущих периодических изданиях — как научно–фантастических, так и принадлежащих к «основному потоку».

МЕЛКОУ Пол (MELKO, Paul)

Молодой американский автор Пол Мелкоу родился в 1976 году и закончил университет с дипломом специалиста по компьютерам. Его первый рассказ «Нефункциональный семейный кот» появился в 1996 году в полупрофессиональном журнале, а первой профессиональной публикацией стал рассказ «Горящий человек» (2002) в журнале «Realms of Fantasy». С тех пор Мелко, проживающий в Коламбусе (штат Огайо) и работающий программистом, опубликовал еще несколько рассказов в журналах и антологиях. Известность пришла к автору с появлением первого рассказа о клонах, и уже

второй — «Сильное звено» — номинировался на премию «Небьюла».

Мелкоу постоянно участвует в разнообразных объединениях и семинарах молодых писателей-фантастов и сам занят кипучей организаторской деятельностью в этом направлении.

ПАРДОМ Том (PURDOM, Tom)

Американский писатель Томас Эдуард Пардом родился в 1936 году. После окончания колледжа Лафайетт в Истоне (штат Пенсильвания) и службы в армии он сменил несколько профессий: служил агентом по бронированию авиабилетов, вел музыкальную колонку в различных газетах, писал научно-популярные статьи и книги, преподавал литературу (в том числе научную фантастику) в ряде университетов.

Первым научно-фантастическим произведением Пардома стал рассказ «Горевать из-за человека» (1957). На сегодняшний день на счету писателя 36 рассказов (два из которых номинировались на премию «Хьюго») и пять романов — «Желание звезд» (1964), «Три лорда Иметена» (1966), «Пятеро против Арлана» (1967), «Сокращение вооружений» (1971) и «Бароны поведения» (1972). В основном Том Пардом пишет приключенческую научную фантастику — увлекательную и хорошо «закрученную»; его герои, как правило, земные колонисты на далеких планетах. Несколько в стороне от других стоит роман «Бароны поведения», в котором действие происходит на Земле, где установлен тоталитарный строй, активно использующий для достижения лояльности населения технику политического и социального «промывания мозгов». Кроме того, Пардом составил антологию «Приключения открытий» (1969).

В 1970—1972 годах Пардом был вице-президентом Ассоциации американских писателей-фантастов. В настоящее время проживает в Филадельфии.

ХАУ Роберт Дж. (HOWE, Robert J.)

Американский писатель Роберт Хау родился в 1957 году в Нью-Йорке, работал в Службе береговой охраны США, моряком на грузовом судне, в охранным агентстве. Затем учился на курсах при колледже по специальностям «журналистика» и «история», после чего работал в нью-йоркских газетах и в периодических изданиях города Юджина (штат Орегон).

В 1985 году Хау участвовал в работе семинара молодых писателей-фантастов Clarion и шестью годами позже впервые опубликовался в профессиональном научно-фантастическом журнале — это был рассказ «Маленький американец». С тех пор он выпустил еще девять рассказов: действие большинства из них происходит в Нью-Йорке, где и живет автор.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 50 рублей за номер, включая стоимость почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство. Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

В ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

В ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.

ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

**Кирилла БЕНЕДИКТОВА «ЭЛЬ КОРАСОН»
Владимира МИХАЙЛОВА
«ПОВЕСТЬ О ЛАЗУРНОЙ ПРИНЦЕССЕ»**

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

**Сергея СИНЯКИНА, Вернора ВИНДЖА,
Майкла ДЖАСПЕРА, Карла ФРЕДЕРИКА**

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Сергея НЕКРАСОВА

КОММЕНТАРИИ

**Марины и Сергея ДЯЧЕНКО
к опросу читателей**

**ЖДИТЕ ИЮНСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»
И НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ПОДПИСКЕ**

**В мае заканчивается подписная кампания
на второе полугодие. Вы можете найти наш журнал
в двух каталогах: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».**

**Цена подписки на второе полугодие в обоих каталогах
одинакова — 318 рублей. Индекс — 73118.**

**Подписка на журнал проводится
во всех отделениях связи**

ISSN 1680-645X

06005

9 771680 645003 >